МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Г. Р. ДЕРЖАВИН

ЗАПИСКИ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ ПРОИСШЕСТВИЕВ И ПОДЛИННЫХ ДЕЛ, ЗАКЛЮЧАЮЩИЕ В СЕБЕ ЖИЗНЬ ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА

Г. Р. Державин

Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина

Москва
Берлин
2020

УДК 82.09(47)
ББК 83.3(2=411.2)5-8,2
Д36

Державин, Г. Р.

Д36 Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина / Г. Р. Державин. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 372 с.

ISBN 978-5-4499-1885-7

Историческая важность «Записок…», принадлежащих перу виднейшего представителя русского классицизма Гаврила Романовича Державина (1743–1816 гг.), не подлежитъ сомнению. В них отражен жизненный путь гениального поэта, чьим творчеством восхищался сам А.С. Пушкин. Общий тонъ и характеръ «Записок…» выражается в самом заглавии. Это, собственно, не записки, в смысле мемуаров, а «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». Большая их часть посвящена его государственной службе и сродни «сенатской мемории или деловому отчету». Дата окончания записей — 1812 год. Впервые были опубликованы в журнале «Русская беседа» в 1859 г.

УДК 82.09(47)
ББК 83.3(2=411.2)5-8,2

ISBN 978-5-4499-1885-7

Отделение I. С рождения его и воспитания по вступление в службу

Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член Верховного Совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани, от благородных родителей, в 1743 году, июля 3-го числа. Отец его служил в армии и, получив от конского удара чахотку, переведен в Оренбургские полки премьер-майором; потом отставлен в 1754 году полковником. Мать его была из рода Козловых. Отец его имел за собой, но разделу с пятерыми братьями, крестьян только 10 душ, а мать — 50. При всем сем недостатке были благонравные и добродетельные люди. Помянутый сын их был первым от их брака; в младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что, по тогдашнему в том краю непросвещению и обычаю народному, должно было его запекать в хлебе, дабы получил он сколько-нибудь живности. В том же году отец его по комиссии командирован был к следствию купцов Корякиных в город Яранск.

Примечания достойно, что когда в 44-м году явилась большая, весьма известная ученому свету комета, то при первом на нее воззрении младенец, указывая на нее перстом, первое слово выговорил: «Бог!» Родители с взаимной нежностью старались его воспитывать; однако же, когда в последующем году родился у него брат, то мать любила более меньшего, а отец старшего, который на четвертом году уже умел читать. За неимением в тогдашнее время в том краю учителей; научен от церковников, читать и писать. Мать, однако, имея более времени быть дома, когда отец отлучался по должностям своим на службу, старалась пристрастить к

чтению книг духовных, поощряя к тому награждением игрушек и конфеток. Старший был острее и расторопнее, а меньший глубокомысленнее и медлительнее. В младенческие годы прожили они под непрестанным присмотром родителей несколько в сказанном городе Яранске, потом в Ставрополе, что близ Волги, а наконец, в Оренбурге, где старший, при вступлении в отроческие лета, то есть по седьмому году, по тогдашним законам, явлен был на первый смотр губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву и отдан для научения немецкого языка, за неимением там других учителей, сосланному за какую-то вину в каторжную работу некоторому Иосифу Розе, у которого дети лучших благородных людей в Оренбурге, при должностях находящихся, мужского и женского пола учились. Сей наставник, кроме того, что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно; был сам невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей твержением наизусть вокабул и разговоров и списыванием оных, его, Розы, рукою прекрасно, однако, писанных. Чрез несколько лет, посредством такового учения, разумел уже здесь упомянутый питомец по-немецки читать, писать и говорить, и как имел чрезвычайную к наукам склонность, занимаясь между уроков денно и нощно рисованию, но как не имел не только учителей, но и хороших рисунков, то довольствовался изображением богатырей, каковые деревянной печати в Москве на Спасском мосту продаются, раскрашивая их чернилами, простой и жженой вохрою, так что все стены его комнаты были оными убиты и уклеены. В течение сего времени отец имел комиссии быть при межевании некоторых владельческих земель, то от геодезиста, при нем находящегося, сын получил охоту к инженерству. Наконец, когда отец его в 1754 году получил отставку,

для которой ездил в Москву, в бытность в оной государыни императрицы Елизаветы Петровны, то и сей любимый сын его был с ним с намерением, чтоб записать его в кадетский корпус или в артиллерию; но как для того надобно было ехать в Петербург, а дела отца его, которые он должен был кончить в Москве, паче же недостаток, что издержался деньгами, ехать ему в сию новую столицу не дозволили, то возвратился он в деревню с намерением в будущем году непременно записать сына в помянутые места. Хотя ему и вызывались некоторые особы в Москве принять его в гвардию, но он по недостатку своему на то не мог согласиться; однако же, по приезде в деревню в том же году в ноябре месяце скончался, и тем самым пресеклись желания отца и сына, чтоб быть последнему в таких командах, где бы чему-нибудь ему научиться можно было.

И таким образом, мать осталась с двумя сыновьями и с дочерью одного года в крайнем сиротстве и бедности; ибо по бытности в службе самомалейшие деревни, и те в разных губерниях по клочкам разбросанные, будучи неустроенными, никакого дохода не приносили, что даже 15 рублей долгу, после отца оставшегося, заплатить нечем было; притом соседи иные прикосновенные к ним земли отняли, а другие, построив мельницы, остальные луга потопили. Должно было с ними входить в тяжбу; но как не было у сирот ни достатку, ни защитника, то обыкновенно в приказах всегда сильная рука перемогала; а для того мать, чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по нескольку часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотел никто выслушать ее порядочно; но все с жестокосердием ее проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали, и как не могла нигде найти защиты, то и принуждена была лучшие

угодья отдать записью купцу Дрябову за 100 рублей в вечную кортому, на которых и построил он для суконной своей фабрики, в Казани находящейся, сукноваляльную мельницу, которая и теперь в деревне Комаровке существует и которую после, при межевании, старший сын, будучи уже один наследник, не хотя нарушить слова матери, за ним утвердил. Такое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот. При таковых, однако, напастях мать никогда не забывала о воспитании детей своих, но прилагала всевозможное попечение, какое только возможно было им доставить; а для того отдала их в на учение, за неимением лучших учителей арифметики и геометрии, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потом артиллерии штык-юнкеру Полетаеву; но как они и сами в сих науках были малосведущи, ибо как Роза немецкому языку учил без грамматики, так и они арифметике и геометрии без доказательств и правил, то и довольствовались в арифметике одними первыми пятью частями, а в геометрии черчением фигур, не имея понятия, что и для чего надлежит.

Когда же большому сыну настал 12-й год, то мать, дабы исполнить закон и явить герольдии в положенный срок детей своих, в 1757 году ездила в Москву, желая также, но явке в оной и по получении доказательств на дворянство, записать их в помянутые места, куда отец хотел; но как против всякого чаяния в герольдии не могла она объяснить хорошенько роду Державиных, по которым городам и в которых годах предки их служили, то и произошло затруднение; а для того, чтоб отвратить оное, должно было обратиться к некоему подполковнику Дятлову, живущему в Можайском уезде, происшедшему от сестры мужа ее, который, приехав в Москву, доказал истинное дворянское происхождение явленных

недорослей от рода Багримы-мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Темном, что явствует в Бархатной книге вообще с родами: Нарбековыми, Акинфиевыми, Кеглевыми и прочими; но как на таковое изыскание древности употреблено много времени, то зимней порой и не можно уже было доехать до Петербурга, а как летний путь по недостатку не был под силу, то и возвратились в Казань, с тем чтобы в будущем году совершить свое предположение.

Поелику же в 1758 году открылась в Казани гимназия, состоящая под главным ведомством Московского университета, то и отложена поездка, а записаны дети в сие училище, в котором преподавалось учение языкам: латинскому, французскому, немецкому, арифметике, геометрии, танцованию, музыке, рисованию и фехтованию, под дирекциею бывшего тогда асессором Михайла Ивановича Веревкина; однако же по недостатку хороших учителей, едва ли с лучшими правилами, как и прежде. Более ж всего старались, чтоб научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи; также представлять на театре бывшие тогда в славе Сумарокова трагедии, танцовать и фехтовать в торжественных собраниях по случаю экзаменов; что сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в обращении. Старший из Державиных оказал более способности к наукам, до воображения касающимся, а меньшой к математическим; однако же во всех классах старший своей расторопностью блистал поверхностью и брал пред меньшим преимущество, который казался туп и застенчив. Вследствие чего старший отличался в рисовании, а потому когда директор в 759 году сбирался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчет в успехах вверенного ему училища, то и приказал отличившимся ученикам начертить геометрию и скопировать карты Казанской губернии,

украсив оные разными фигурами и ландшафтами, дабы тем дать блеск своему старанию о научении вверенного ему благородного юношества. В числе сих отличных был и старший Державин. Когда же директор в 1760 году из Петербурга возвратился, то в вознаграждение учеников, трудившихся над геометрией, объявил каждого по желанию записанными в службу в полки лейб-гвардии солдатами, а Державина в инженерный корпус кондуктором, вследствие чего и надели все принадлежащие званию каждого мундиры. Почему Державин при бывших торжествах в гимназии и отправлял должность артиллериста, быв при артиллерии и при представлении фейерверков.

А когда нужно было по указу Сената в том же 1760 году снять с города Чебоксар план с различением домов, против повеления того правительства не по плану построенных, и отправлен для того сказанный директор Веревкин (ибо он в то же время был и член губернской канцелярии), то за неимением тогда в гимназии геодезии учителя, ибо бывший в той должности капитан Морозов умер, то и взял он старшего Державина вместо инженера с собою, подчиняя ему несколько из учеников для помощи. Поелику же они все, как выше сказано, учились геометрии без правил и доказательств, и притом никогда на практике не бывали, то, приехав в город, когда должно было снимать оный на план, и стали в пень, тем паче что с ними и астролябии не было. В таком затруднительном случае требовали наставления от главного командира; но как и он не весьма далек был в математических науках, то и дал наставление весьма странное, или паче весьма смешное, приказав сделать рамы шириной в восемь сажен (что была мера по сенатскому указу широты улицы), а длиной в шестнадцать и, оковав оные связями железными и цепями, носить множеством народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама, не проходя, задевала за какой-

либо дом, из коих некоторые были каменные, то записывать в журнал, который дом сколько не в меру построен против сенатского положения; а на воротах мелом надписывать: «Ломать». Сие, может быть, не непоискусству его, но из хитрости приказано было для того, чтоб народу и хозяевам более сделать тревоги; ибо когда с идущих мимо города по Волге судов сганиваемы были бурлаки для ношения помянутых рам, то суда остановлялись, а знатные граждане устрашены надписью, что их дома ломать будут, то и уважали более давшего таковое странное повеление. Следовательно, и искали чрез всякие средства у него милости граждане, чтоб не ломали их домов, а судовые хозяева, чтоб не воспрещали далее их плавания. Притом к сугубому жителей устрашению, а особливо богатого купечества, у которых внутри города построены были кожевенные заводы, вымыслил он, господин Веревкин, средство доказать им, что делают они не только нечистоту и зловоние в городе, но и вред здравию; то приказал он, при собрании чиновников воеводской канцелярии, магистрата и народа, вынуть у самых заводов несколько со дна реки грунту, который не что иное оказался, как кожевенные стружки, ольховая и дубовая кора, и положить оные в горшки, а воду налить в бутылки и то же самое сделать выше по реке, где никаких заводов не было, и тот вынутый дрязг запечатать печатями его, Веревкина, магистрата и воеводской канцелярии, написав на привязанных к ним ярлыках, где и при ком именно горшки наполнены и бутыли налиты. Сделав сие, приказал горшки и бутыли выставить в открытых местах на солнце, а как они простояли таким образом три дни в летние жаркие дни, то, при собрании тех же чиновников и народа, приказал распечатать. Натурально, что оказались в них черви и весьма скверный запах. По поводу чего и дал он воеводской канцелярии и магистрату предложение, чтоб действие заводов было до указа от Сената остановлено и кож бы на них ни под

каким образом не делали и в реке не полоскали. Вследствие чего и поставлены были при заводах крепкие караулы. Но как оттого хозяевам заводов произошел крайний убыток, что в чанах кожи гнили, мастера и работные люди получать должны были работные деньги понапрасну, то и старались хозяева производить свое изделье тайным образом, заставя угрозами или подкупом молчать караульщиков, в чем и трудности не было, ибо они были не военные люди, а их же сограждане, находившиеся при воеводской канцелярии и магистрате рассыльщиками. Поелику же со стороны г. Веревкина были приставлены тайные лазутчики, то в один день рано на заре и захвачено было великое множество кож, вывезенных из чанов для полоскания на реку. Тут воевода и бургомистр должны были прибегнуть к снисхождению г. асессора, которого как-то умилостивили, а тем и кончилась сначала толь страшная комиссия. Державину приказано было план города, нарочно огромной величины сделанный (который ни в какой обыкновенной комнате умещаться не мог, а черчен на подволоке одних купеческих палат), не докончив, свернув и уклав его под гнетом на телегу, отвезти в Казань, что им и исполнено.

В 1761 году получил г. Веревкин от главного куратора Ивана Ивановича Шувалова повеление, чтоб описать развалины древнего татарского, или Золотой Орды, города, называемого Болгары, лежащего между рек Камы и Волги, от последней в 5, а от первой в 50 или 60 верстах, и сыскать там каких только можно древностей, то есть монет, посуды и прочих вещей. Не имея способнейших к тому людей, выбрал он из учеников гимназии паки Державина и, присовокупя к нему несколько из его товарищей, отправился с ними в июне или июле месяце в путь. Пробыв там несколько дней, наскучил, оставил Державина и, подчинив ему прочих, приказал доставить к себе в Казань план с описанием города и будь что

найдется из древностей. Державин пробыл там до глубокой осени и что мог, не имея самонужнейших способов, исполнил. Описание, план и виды развалин некоторых строений, то есть ханского дворца, бани и каланчи, с подземельными ходами, укрепленной железными обручами по повелению Петра Великого, когда он шествовал в Персию, и списки с надписей гробниц, также монету медную и несколько серебряной и золотой, кольцы ушные и наручные, вырытые из земли дождем, урны глиняные или кувшины, вырытые из земли с углями, собрал и по возвращении в Казань отдал г. Веревкину. Он монеты и вещи принял, а описание, план, виды и надписи приказал переписать и перерисовать начисто и принесть к нему тогда, как он в начале наступавшего года по обыкновению будет собираться в Петербург для отдания отчетов главному куратору об успехах в науках в гимназии; но как в начале 1762 года получено горестное известие о кончине государыни императрицы Елисаветы Петровны, то он наскоро отправился в столицу, приказав Державину сделанное им доставить к нему после.

Скоро потом Державин получил из канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка паспорт 1760 года за подписанием лейб-гвардии майора князя Меншикова, в котором значилось, что он отпущен для окончания наук до 1762 года. А как сей срок прошел, ибо тогда был того года уже февраль месяц, то и должен он был немедленно отправиться к полку, тем паче что не имел уже никакой себе подпоры в Веревкине, на которого место в директоры Казанской гимназии прислан был некто профессор Савич.

Отделение II. Воинская Державина служба до открывшегося в Империи возмущения

В упомянутом 1762 году в марте месяце прибыл он в Петербург. Представил свой паспорт майору Текутьеву, бывшему тогда при полку дежурным. Сей чиновник был человек добрый, но великий крикун, строгий и взыскательный по службе. Он лишь взглянул на паспорт и увидел, что просрочен, захохотал и закричал: «О брат! Просрочил», — и приказал отвести вестовому на полковой двор. Привели в полковую канцелярию и сделали формальный допрос. Державин хотя был тогда не более как 18 лет, однако нашелся и отвечал, что он не знает, почему присвоил его к себе Преображенский полк; ибо никогда желания его не было служить, по недостатку его, в гвардии, а было объявлено от него желание, чрез господина Веревкина, вступить в Артиллерийский или Инженерный корпус, из которых о принятии в последний кондуктором и был от него, Веревкина, удостоверен, и носил инженерный мундир. По справке в канцелярии известно стало, что по списку с прочими, присланному при сообщении от Ивана Ивановича Шувалова, записан он в Преображенский полк за прилежность и способность к наукам и отпущен для окончания оных на два года. Но паспорт лежал в канцелярии до вступления на престол императора Петра Третьего, по повелению которого велено всем отпускным явиться к их полкам. И как посему он, Державин, в просрочке оказался невинным, то и приказано его принять в третью роту в рядовые, куда и причислен; и как не было у него во всем городе ни одного человека знакомых, то поставлен в казарму с даточными солдатами вместе с тремя женатыми и двумя холостыми, и приказано было флигельману учить ружейным приемам и фронтовой службе; и как он платил флигельману за ученье некоторую сумму денег, то

старанием его и собственной своей расторопностью и силой до того в экзерциции успел, что на случай требования пред императора изготовлен был с прочими напоказ; ибо сей государь великий был охотник до экзерциции и сам почасту роты осматривал, как и третью, в которой князь Трубецкой, фельдмаршал, генерал-прокурор и подполковник гвардии, числился капитаном.

В таком положении быв несколько времени, Державин вздумал, что у него есть вышеописанные болгарские бумаги, которые приказано было ему представить по команде; то он, отыскав г. Веревкина, принес к нему оные, а сей представил его и с ними к главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Сей, приняв его весьма благосклонно, отослал в Академию художеств к какому-то чиновнику оной, Евграфу Петровичу Чемезову, который, как известно всем, был первый того времени славнейший граверный в империи художник. Сие было в великий пост. Чемезов примял Державина весьма ласково, хвалил его рисунки, которые в самом деле были сущая дрянь; но может быть, для ободрения только молодого человека к искусствам были похваляемы, и приказал ему ходить к себе чаще, обещав ему чрез Ивана Ивановича найти средство и путь упражняться в науках. Но как были при Петре Третьем беспрестанно ротные и батальонные строи и никому никуда из роты отлучиться не позволяли, то и не имел времени Державин являться ни к Шувалову, ни к Чемезову; а покровителя, чтоб его кто у ротного командира выпрашивал, никого не имел. В рассуждении чего и должен был, хотя и не хотел, выкинуть из головы науки. Однако как сильную имел к ним склонность, то, не могши упражняться по тесноте комнаты ни в рисовании, ни в музыке, чтоб другим своим компаньонам не наскучить, по ночам, когда все улягутся, читал книги, какие где достать случалось, немецкие и русские, и марал стихи без всяких правил, которые никому

не показывал, что, однако, сколько ни скрывал, но не мог утаить от компаньонов, а паче от их жен; почему и начали они его просить о написании писем к их родственникам в деревни. Державин, писав просто на крестьянский вкус, чрезвычайно им тем угодил, и как имел притом небольшие деньги, получив от матери в подарок при отъезде своем сто рублей, то и ссужал при их нуждах по рублю и по два; а чрез то пришел во всей роте в такую любовь, что когда Петр Третий объявил гвардии поход в Данию, то и выбрали они его себе артельщиком, препоручив ему все свои артельные деньги и заказку нужных вещей и припасов для похода. Таким образом проводил он свою жизнь между грубых своих сотоварищей, ходя беспрестанно не только в строй для обучения экзерциции, по и во все случающиеся в роте работы, как-то: для чищения каналов, для привозки из магазина провианта, на вести к офицерам и на караулы в полковой двор и во дворцы. 9 мая стоял на карауле в погребах, в старом Зимнем дворце (что был деревянный, на Мойке, где ныне музыкальный клуб), и сменен для смотра роты императором, а скоро после того и всего полка на Царицыном лугу.

Около сего времени, то есть в июне или в начале июля месяца, увидев его в таком уничижительном состоянии, пастор Гельтергоф, который за какой-то неважный проступок при императрице Елизавете Петровне был сослан в Казань и находился в гимназии учителем, а тогда возвращен и императору был знаем; то он, сожалея о его, Державина, участи, что он находится без всякого призрения и обижен, что многие младшие его солдаты, по рекомендациям своих сродников и милостивцев, произведены в капралы, а он оставался всегда обойденным, несмотря на то, что его ум, хорошее поведение и расторопность все начальники одобряли, то он, Гельтергоф, и обещал его, Державина, выпросить чрез своих патронов у императора, как знающего немецкий язык в гол-

стинские офицеры, которых полки или батальоны квартировали в Оранбауме. Но, благодаря Провидение, сего Гельтергоф не успел сделать по наступившей скоро, то есть 28 июня, известной революции.

Накануне сего дня один пьяный из его сотоварищей солдат, вышел на галерею, зачал говорить, что когда выйдет полк в Ямскую (разумеется в вышесказанный поход в Данию), то мы спросим, зачем и куда нас ведут, оставя нашу матушку государыню, которой мы рады служить. Таковых речей, в пьянстве и сбивчиво выговоренных, Державин, не знав ни о каком заговоре, не мог выразуметь; тем паче что в то самое время бывшие у него деньжонки в подголовке, когда он был в строю, слугой солдата Лыкова, который к нему недавно в казарму поставлен был, украдены, то сей неприятный случай сделал его совсем невнимательным к вещам посторонним (солдаты всей роты, любя Державина, бросились по всем дорогам и скоро поймали вора, который на покупку кибитки и лошадей успел несколько истратить денег). Между тем в полночь разнесся слух, что гренадерской роты капитана Пассека арестовали и посадили на полковом дворе под караул; то и собралась было рота во всем вооружении сама собою, без всякого начальничья приказания на ротный плац; но, постояв несколько во фрунте, разошлась. А поутру, часу пополуночи в 8-м, увидели скачущего из конной гвардии рейтара, который кричал, чтоб шли к Матушке в Зимний каменный дворец, который тогда вновь был построен (в первый день Святой недели император в него переехал). Рота тотчас выбежала на плац.

В Измайловском полку был слышен барабанный бой, тревога, и в городе все суматошилось. Едва успели офицеры запыхаючись прибежать к роте, из которых, однако, были некоторые равнодушные, будто знали о причине тревоги. Однако все молчали; то рота вся, без всякого от них приказания,

с великим устремлением, заряжая ружья, помчалась к полковому двору. На дороге, в переулке, идущем близ полкового двора, встретился штабс-капитан Нилов, останавливал, но его не послушались и вошли на полковой двор. Тут нашли майора Текутьева, в великой задумчивости ходящего взад и вперед, не говорящего ни слова. Его спрашивали, куда прикажет идти, но он ничего не отвечал, и рота на несколько минут приостановилась. Но, усмотря, что по Литейной идущая гренадерская, невзирая на воспрещение майора Воейкова, который, будучи верхом и вынув шпагу, бранил и рубил гренадер по ружьям и по шапкам, вдруг рыкнув, бросилась на него с устремленными штыками, то и нашелся он принужденным скакать от них во всю мочь; а боясь, чтоб не захватили его на Семеновском мосту, повернул направо и въехал в Фонтанку по груди лошади. Тут гренадеры от него отстали. Таким образом, третья рота, как и прочие Преображенского полка, по другим мостам бежали одна за одной к Зимнему дворцу. Там нашли Семеновский и Измайловский уже пришедшими, которые окружили дворец, и выходы все заставили своими караулами. Преображенский полк, по подозрению ли, что его любил более других государь, часто обучал сам военной экзерциции, а особливо гренадерские роты, которых было две, жалуя их нередко по чарке вина, или по старшинству его учреждения, пред прочей гвардией, поставлен был внутри дворца. Все сие Державина, как молодого человека, весьма удивляло, и он потихоньку шел по следам полка, а пришел во дворец, сыскал свою роту и стал по ранжиру в назначенное ему место. Тут тотчас увидел митрополита Новгородского и первенствующего члена Святейшего Синода, с Святым крестом в руках, который он всякому рядовому подносил для целования, и сие была присяга в верности службы императрице, которая уже во дворец приехала, будучи препровождена Измайловским полком; ибо из Петергофа привезена в

оный была на одноколке графом Алексеем Григорьевичем Орловым, как опосле ему о том сказывали.

День был самый ясный, и, побыв в сем дворце часу до третьего или четвертого пополудни, приведены пред вышесказанный деревянный дворец и поставлены от моста вдоль по Мойке. В сие время приходили пред сей дворец многие и армейские полки, примыкали по приведении полковников к присяге по порядку к полкам гвардии, занимая места по улицам Морским и прочим, даже до Коломны. А простояв тут часу до восьмого, девятого или десятого, тронулись в поход обыкновенным церемониальным маршем, повзводно, при барабанном бое, по Петергофской дороге в Петергоф. Императрица сама предводительствовала в гвардейском Преображенском мундире на белом коне, держа в правой руке обнаженную шпагу. Княгиня Дашкова также была в гвардейском мундире. Таким образом, маршировали всю ночь. На некотором урочище, не доходя до Стрельной, в полночь имели отдых. Потом двинулись паки в поход. Поутру очень рано стали подходить к Петергофу, где чрез весь зверинец, по косогору, увидели по разным местам расставленные заряженные пушки с зажженными фитилями, которые, как сказывали после, прикрыты были некоторыми армейскими полками и голстинскими батальонами; но все отдались государыне в плен, не сделав нигде ни единого выстрела. В Петергофе расположены были полки по саду, даны быки и хлеб, где, сварив кашу, и обедали. После обеда часу в 5-м увидели большую четырехместную карету, запряженную больше нежели в шесть лошадей, с завешенными гардинами, у которой на запятках, на козлах и по подножкам были гренадеры же во всем вооружении; а за ними несколько конного конвоя, которые, как после всем известно стало, отвезли отрекшегося императора от правления в Ропшу, местечко, лежащее от Петербурга в 30 верстах, к Выборгской стороне. Часу пополудни в 7-м полки из Петергофа тронулись в

обратный путь в Петербург; шли всю ночь и часу пополуночи в 12-м прибыли благополучно вслед императрицы в Летний деревянный дворец, который был на самом том месте, где ныне Михайловский. Простояв тут часа с два, приведены в полк и распущены по квартирам.

День был самый красный, жаркий, то с непривычки молодой мушкетер еле жив дотащил ноги. Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки в неистовом восторге и радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вины и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь на другой день с пьянства Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без ведения командующих, приступил к Летнему дворцу; требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошел до них слух, что она увезена хитростями прусским королем, которого имя (по бывшей при императрице Елизавете с ним войне, несмотря на учиненный с ним Петром Третьим мир и что он ему был друг) всему российскому народу было ненавистно. Их уверяли дежурные придворные, Иван Иванович Шувалов и подполковник их граф Разумовский, также и господа Орловы, что государыня почивает и, слава Богу, в вожделенном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка. Поутру издан был манифест, в котором хотя, с одной стороны, похвалено было их усердие, но, с другой — напоминалась воинская дисциплина и чтоб не верили они рассеваемым злонамеренных людей мятежничьим слухам, которыми хотят возмутить их и общее спокойствие; в противном случае впредь за непослушание они

своим начальникам и всякую подобную дерзость наказаны будут по законам. За всем тем с того самого дня приумножены пикеты, которые в многом числе с заряженными пушками и с зажженными фитилями по всем мостам, площадям и перекресткам расставлены были. В таковом военном положении находился Петербург, а особливо вокруг дворца, в котором государыня пребывание свое имела, дней с восемь, то есть по самую кончину императора.

По водворении, таким образом совершенной тишины объявлен поход гвардии в Москву для коронации ее величества, и в августе месяце Державин по паспорту отпущен был с тем, чтоб явиться к полку в первых числах сентября, когда императрица к Москве приближаться будет. Снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь, потащился потихоньку.

В то время познакомился он или, лучше сказать, сдружился своего же полка из дворян с солдатом Петром Алексеевичем Шишкиным, который у него последние деньги заимообразно почти все перебрал (которые едва ли заплатил). Однако с остальными приехал в Москву и, будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном, с прусской претолстой косой, дугой выгнутой, и пуклями, как грибы, подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными, щеголял пред московскими жителями, которым такой необыкновенный или, лучше, странный наряд казался весьма чудесным, так что обращал на себя глаза глупых; но к прибытию императрицы построены старого покрою Преображенские мундиры. Подъезжая к Москве, в селе Петровском графа Разумовского государыня несколько дней отдыхала, где мушкетер Державин, в числе прочих солдат, наряженных на караул, стоял в саду на ночном пикете и познакомился с подпоручиком Протасовым, который после был ему приятелем и дядькою у великого князя Александра Павловича. Из села Петровского

(ибо тогда еще подъезжачего подмосковного Петровского дворца построено не было) ездила государыня несколько раз инкогнито в Кремль. Потом всенародно имела свой торжественный въезд, сквозь построенные парадом полки гвардейские и армейские, под пушечными с Кремля выстрелами и восклицаниями народа. 22-го числа сентября в Успенском соборе, по обрядам благочестивых предков своих, царей и императоров Российских, короновалась. Тогда отправлен был обыкновенный народный пир. Выставлены были на Ивановской Красной площади жареные с начинкою и с живностью быки и пущены из ренского вина фонтаны. Ввечеру город был иллюминован. Государыня тогда часто присутствовала в Сенате, который был помещен в Кремлевском дворце; проходя в оный, всегда жаловала чиновных к руке, которого счастья, будучи рядовым, и Державин иногда удостаивался, нимало не помышляя, что будет со временем ее статс-секретарь и сенатор. На зиму государыня изволила переехать в Головинский дворец, что был в Немецкой слободе. Тут однажды, стоя в будке позадь дворца в поле на часах ночью, в случившуюся жестокую стужу и метель, чуть было не замерз; но пришедшей сменой от того избавлен. На масленице той зимы был тот славный народный маскарад, в котором на устроенном подвижном театре, ездящем по всем улицам, представляемы были разные того времени страсти или осмеянные в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подьячие и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди — сочинение знаменитого по уму своему актера Федора Григорьевича Волкова и прочих забавных стихотворцев, как-то: гг. Сумарокова и Майкова.

Стоял он, Державин, тогда также сперва с даточными солдатами на квартире во флигеле в доме гг. Киселевых, который был, помнится, на Никитской или Тверской улице. Таковая неприятная жизнь ему наскучила, тем более что не мог он удовлетворить склонности своей к наукам; а как

слышно было тогда, что Иван Иванович Шувалов, бывший главный Московского университета и Казанской гимназии куратор, которому он известен был по поднесенным, как выше явствует, болгарским бумагам, то и решился идти к нему и просить, чтоб он его взял с собой в чужие края, дабы чему-нибудь там научиться. Вследствие чего, написав к нему письмо, действительно пошел и подал ему оное лично в прихожей комнате, где многие его бедные люди и челобитчики ожидали, когда он проходил их, дабы ехать во дворец. Он остановился, письмо прочел и сказал, чтоб он побывал к нему в другое время. Но как дошло сие до тетки его по матери двоюродной, Феклы Савишны Блудовой, жившей тогда в Москве в своем доме, бывшем на Арбатской улице, женщины но природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенном, считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобные бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника; то она ему, как племяннику своему, порученному от матери, и дала страшную нагонку, запрета накрепко ходить к Шувалову, под угрозою написать к матери, буде ее не послушает.

А как воспитан он был в страхе Божием и родительском, то и было сие для него жестоким поражением, и он уже более не являлся к своему покровителю; но отправлял, как выше явствует, наряду с прочими солдатами, все возложенные низкие должности, а между прочим разносил нередко по офицерам отданные в полк с вечера приказы. А как они стояли почти по всей Москве, с одного края на другом, то есть на Никитской, где рота стояла, на Тверской, на Арбате, на Пресне, на Ордынке за Москвой-рекой, то и должно было идти почти с полуночи, дабы поспеть раздать приказы каждому по рукам до обедни. И как в Москве по пустырям зимнею

порою во время больших вьюг бывают великие снежные наносы или сугробы, то в одну ночь, проходя на Пресню, потонул было в снегу, где напали собаки и едва не растерзали, от которых, вынув тесак, насилу оборонился. В одном из таковых путешествий случился примечательный и в нынешнем времени довольно смешной анекдот. Князь Козловский, живший тогда на Тверской улице, прапорщик третьей роты, известный того времени приятный стихотворец, у посещавшего его или нарочно приехавшего славного стихотворца Василья Ивановича Майкова читал сочиненную им какую-то трагедию, и как приходом вестового Державина чтение перервалось, который, отдав приказ, несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идет вон, сказал ему: «Поди, братец служилый, с Богом; что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь», — и он принужден был выйти.

Наступила весна и лето, и хотя многие, как выше явствует, младшие произведены были не только в капралы, но и в унтер-офицеры по протекциям, а Державин без протектора всегда оставался рядовым; но как стал приближаться день восшествия императрицы на престол, 1763 году июня 28-го дня, а в такие торжественные праздники обыкновенно производство по полку нижних чинов бывало, то решился он прибегнуть под покровительство майора своего, графа Алексея Григорьевича Орлова. Вследствие чего, сочинив к нему письмо с прописанием наук и службы своей, наименовав притом и обошедших его сверстников, пошел к нему и подал ему письмо, которое прочетши он сказал: «Хорошо, я рассмотрю». В самом деле и пожалован он в наступивший праздник в капралы.

Тогда отпросился в годовой отпуск к матери в Казань, дабы показаться ей в новом чине. На дороге случилось приключение, ничего, впрочем, не значащее, но, однако, могущее в крайнее ввергнуть его злополучие. Прекрасная, молодая

благородная девица, имевшая любовную связь с бывшим его гимназии директором господином Веревкиным, который тогда возвращен был паки на прежнее свое место, быв зачем-то в Москве, отправлялась в Казань, к своему семейству, сговорилась с ним и еще с одним гвардии же Преображенского полка капралом Аристовым вместе для компании ехать. В дороге, будучи непрестанно вместе и обходясь попросту, имел удачу живостью своей и разговорами ей понравиться так, что товарищ сколь ни завидовал и из ревности сколь ни делал на всяком шагу и во всяком удобном случае возможные препятствия, но не мог воспретить соединению их пламени. Натурально, в таковых случаях более оказывается в любовниках храбрости и рвения угодить своей любезной. В селе Бунькове, что на Клязьме, владении господина Всеволожского, перевозчики подали паром; извозчики взвезли повозки и выпрягли лошадей; но первые не захотели перевозить без ряды, а как они запросили неумеренную цену, которая почти и не под силу капральскому кошельку была, то и не хотел он им требуемого количества денег дать, а они разбежались и скрылись в кусты. Прошло добрых полчаса, и никто из перевозчиков не являлся. Натурально, красавице скучалось, она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимого предмета не тронут? Страстный капрал, обнажа тесак, бросился в кусты искать перевозчиков и, нашел их, то угрозами, то обещанием заплатить все, что они потребуют, вызвал их кое-как на паром. Но как пришли на оный, то и требовали наперед денег в превосходном числе, чем прежде просили. Тут молодой герой, будучи пылкого нрава, не вытерпел обману, вышел из себя и, схватя палку, ударил несколько раз кормщика. Он схватил свой багор и закричал прочим своим товарищам: «Робята, не выдавай!»; с словом с сим все перевозчики, сколько их ни было, кто с веслами, кто с шестами, напали на рыцарствующего капрала, который, как ни отмахивался тесаком, но принужден был, бросившись в повозку, схватить

свое заряженное ружье, приложился и хотел выстрелить; но к счастью, что ружье было новое, пред выездом из Москвы купленное и неодержанное, курок крепок, то и не мог скоро спуститься. Мужики, увидя его ярость и убоявшись смерти, вмиг разбежались. Тогда он, отвязав маленький при береге стоявший челнок, сел в него и переправился чрез Клязьму в помянутое село Буньково. Там, ходя но улице и по дворам, никого не находил; наконец вышел из приказной избы мужик довольно взрачный, осанистый, с большою бородою и, подпираясь посохом, с видом удивления, спросил: «Что ты, барин, так воюешь, разве к басурманам ты заехал? Чего тебе надобно?» Проезжий пересказал ему случившееся, жалуясь на притеснение перевозчиков. «Ну что же за беда? Разве не можно было другим манером сыскать на них управы? Стыдно-ста, молодой господин, озорничать, бегать с голым палашом по улице и пужать мир крещеный. Меня не испужаешь, велю схватить, да связать и отвезу в город, так и будешь утирать кулаком слезы, но не поворотишь. Барин наш нас не выдаст» (который был тогда обер-прокурором в Сенате и в случае при дворе). Таковым справедливым укором устыдил храбреца мужик. Это был бурмистр того селения. Насилу кое-как, будучи убежден, приказал перевозить за сходную цену все повозки.

Приехав в Казань, желал с красавицей своей чаще видеться, но, будучи небольшого чина и не богат, не мог иметь свободного хода к ней в покой; ибо она жила в одном доме с господином директором, с супругою его вместе. А притом, как должен был по приказанию матери ехать в Шацк, для вывода оттуда некоторого небольшого числа крестьян, доставшихся ей на седьмую часть после первого ее мужа, господина Горина, то сии кратковременные любовные шашни тем и кончились: ибо более никогда уже не видал сего своего предмета.

Приехав из Шацка в оренбургскую деревню, куда приехала и мать его, прожил с нею там оставшее летнее время; а в исходе сентября отправила она его в Оренбург, по некоторым случившимся деревенским делам. На дороге, не доезжая Сорочинской крепости верст за 30, случилось с ним приключение, которое едва не лишило его жизни. Спускаясь с небольшого пригорка, переломилась под коляскою передняя ось. В рассуждении обширного проезда степных мест берут дорожные всегда оси с собою запасные. Он приказал подделывать оную; надев патронташ и взяв ружье, пошел по речке, тут протекающей, смотреть дичины. Увидел пару уток; но они не допустили, перелетев по той же самой речке, сели в луке. Он пошел за ними и, перешел маленький кустарник, увидел вдруг стадо диких свиней или кабанов с молодыми поросятами. Боров матерый, черношерстый, усмотря его, тотчас от табуна отделился. Глаза его как горящие угли заблистали, щетина на гриве дыбом поднялась, и из пасти белая пена потекла струею. Охотник, приметя опасность, хотел перескакнуть на другую сторону речки, ибо она была самая крошечная; но не успел он к ней подойти, как увидел кабана, к себе бегущего, и в тот же миг почувствовал себя брошенным на несколько шагов; а вскоча в беспамятстве на ноги, усмотрел мелькнувшую кровь на пене во рту у зверя, выпалил из ружья, имеющегося у него в руках, со взведенным курком, на поясовом прикладе. Вепрь пал, стремившийся к нему в другой раз, и как был уже очень близко, то заряд, хотя из мелкой утиной дроби, но, угодя ему прямо в сердце, поверг его бездыханна на землю. Победитель хотел подойти к врагу своему и осмотреть его рану; тогда же сам, почувствовав слабость, упал и взглянул на левую ногу, увидел икру почти совсем от берца оторванную и кровь ручьем текущую. Не могши далее идти к своей коляске, остался на месте, пока казаки, называемые в том краю гулёбщиками, или охотники, ездящие по степям за кабанами, сайгами и прочими зверями,

на него наехали и, узнав от него приключение, нашли людей с коляской, которые, подделав ось, давно дожидались и не знали где найти.

Нельзя в сем случае не признать чудесного покровительства Божия. Первое в том, что свирепый зверь не пересек страшными своими клыками берца у ноги и жил сухих близ лодышки, а отделил только почти с самого подколена одну от кости икру или мягкое мясо. Второе, что ружье, чрез которое был переброшен, упершись дулом в землю, не сделалось неспособным к выстрелу, ибо ложе хотя от ствола отломилось, но удержался приклад с замком по самые замочные винты на казенном шурупе; с затравки порох не ссыпался и произвел свое надлежащее действие. Третье, что без всякого прицеленья заряд попал в сердце зверя, иначе бы легкою раною он мог более рассвирепеть и довершить пагубу. Четвертое, что он не растерзал живота, а поразил только ногу. Но как бы то ни было, благодарение Промыслу, спасся от смерти и хотя был в Оренбурге недель с шесть болен, но пособиями губернатора князя Путятина вылечился; однако рана совершенно не затворялась целый год.

По наступлении срока отправился в Петербург к полку. Таким же образом вел свою жизнь, как прежде, упражнялся тихонько от товарищей в чтениях книг и кропании стихов, стараясь научиться стихотворству из книги «О поэзии», сочиненной господином Третьяковским, и из прочих авторов, както: гг. Ломоносова и Сумарокова. Но более ему других нравился по легкости слога помянутый господин Козловский, из которого и научился цезуре или разделению александрийского ямбического стиха на две половины. В сие время написал стансы, или песенку похвальную «Наташе», одной прекрасной солдатской дочери, в соседстве в казармах жившей, и отважился показать служившему унтер-офицером Сергею Васильевичу Неклюдову, которого через то и брата его Петра Васильевича Неклюдова, бывшего бомбандирским

сержантом, приобрел приязнь, а прочих своих собратий похвалу. Тогда же шутошные, непристойные, сочиненные им стихи насчет одного капрала, которого жену любил полковой секретарь, бывший тогда в великой силе у подполковника графа Бутурлина, наделали ему хлопот и были причиной ненависти того секретаря, хотя он прежде его любил за нарисование весьма искусно пером печати с его гербом. Ибо один из офицеров, имея в кармане те стихи, подал их вместо приказа гренадерскому капитану поручику Афремову, а тот рассказал другим офицерам, то и вышел из того по всему полку смех; за что господин полковой секретарь молодого стихотворца гнал и вычеркивал всегда из ротного списка, поданного к производству в чины, а по сей причине и служил он в капралах четыре года, ведя вышеписанную скромную жизнь. Он стоял уже со своими братьями дворянами, упражняющимися в карточной игре и прочих шалостях, молодым людям свойственных; то и начал уже помалу в нравах своих развращаться.

В сем промежутке времени едва не случилась с ним внезапная страшная смерть. Ходил он по обыкновению в своем звании во все караулы, то в одном из оных в Зимнем каменном дворце, когда он еще внутри не весь был выстроен, и в той половине, где после был придворный театр, а ныне апартаменты вдовствующей императрицы Марии Федоровны, на верху в одном из самых вышних ярусов, были двои двери: одни в покой, в котором был пол, а другие в другой, в котором был пролом до самых нижних погребов, наполненных каменными обломками; и как по лености, не только офицеров, но и унтер-офицеров, приказано было ему ночью обойти все притоны дозором, то он пошел, взяв фонарщика, или солдата, который нес фонарь, казанского дворянина знакомого себе, по фамилии Потапов. Бегая по многим лестницам, не дожидаясь освещения проходов, пришел наконец к вышеписанному месту и хотел стремление свое продолжать далее, но

вдруг услышал голос Потапова, далеко на низу лестницы от него отставшего, который кричал: «Постойте, куды вы так бежите?» Он остановился и лишь только осветил фонарь, то и увидел себя на пороге или на краю самой той пропасти, о которой выше сказано. Один миг, и едва одни кости его остались бы на сем свете. Он перекрестился, воздал благодарение Богу за спасение жизни и пошел, куда было должно.

В сих годах, то есть в 1765 и в 1766 году, были два славные в Петербурге позорища, учрежденные императрицею, сколько для увеселения, столько и для славы народа. Первое — великолепный карусель, разделенный на четыре кадрили: на ассирийскую, турецкую, славянскую и римскую, где дамы на колесницах, а кавалеры на прекрасных конях, в блистательных уборах, показывали свое проворство метанием дротиков и стрельбою в цель из пистолетов. Подвигоположником был украшенный сединами фельдмаршал Миних, возвращенный тогда из ссылки. Другое — преузорочный под Красным Селом лагерь, в котором, как сказывали, около 50 тысяч конных и пеших собрано было войск для маневров пред государынею. Тогда в придворный театр впускаемы были без всякой платы одни классные обоего пола чины и гвардии унтерофицеры; а низкие люди имели свой народный театр на Комиссариатской площади, а потом из карусельского здания, на месте, где ныне большой театр, на котором играли всякие фарсы и переведенные из Мольера комедии.

В один из сих годов, но помнится, только что осенью, случилась поносная смертная казнь на Петербургской стороне известному Мировичу. Ему отрублена на эшафоте голова. Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, необыкший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились. В то время, не знаю по какой надобности, государыня путешествовала по остзейским горо-

дам в Лифляндии, как-то: в Ригу, в Ревель и в прочих. Зимою объявлен поход ее величества в Москву. Державин, по рекомендации вышепомянутого Петра Васильевича Неклюдова, который пожалован около того времени в полковые секретари, пожалован в фурьеры и командирован, под начальством подпоручика Алексея Ивановича Лутовинова, на ямскую подставу для надзирания исправности наряженных лошадей, изготовленных для шествия императрицы и всего ее двора. Сей Лутовинов и старший его брат капитан-поручик Петр Иванович, хотя были умные и весьма расторопные в своей должности люди, но старший весьма развращенных нравов, которому последуя и младший нередко упражнялся в зазорных поступках и в неблагопристойной жизни, то есть в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками в известном по распутству селе, что ныне город, Валдаях; ибо младшего брата станция была в Яжелобицах, а старшего в Зимогорье в соседстве с Валдаями. Там проводили иногда целые ночи в кабаке, никого, однако, посторонних, кроме девок, не впущая. При всем том, хотя целую зиму, с ноября по последние числа марта, в таком распутстве провели, однако Державина со всеми принуждениями довести до того не могли, чтоб он когда-либо напился пьяным; да и вовсе не только вина, но пива и меду не пил; в карты же, однако, помалу играть начал, не оставляя упражняться, если только время дозволяло, и в стихотворстве. Тут первые написал правильные ямбические экзаметры на проезд государыни чрез реку того селения Мохость, в которой иногда находят прекрасный жемчуг. По проезду всего двора проехал кабинет-министр Адам Васильевич Олсуфьев, велев, сняв станции, следовать всем гвардейским командам к их полкам в Москву. Ему были принесены жалобы, а особливо на старшего Лутовинова в разных бесчинствах, а особливо в неотдаче ямщикам прогонных денег, которые получаемы были из кабинета и от проезжающих. Они были промотаны;

но у меньшего Лутовинова, как возложено было получать и платить ямщикам те прогоны на унтер-офицера Державина, то он их, нимало не удерживая, всегда отдавал по рукам, кому следовало, и тем их сберег от постыдной растраты, а офицера своего от суда, которому старший браг подвергнут; разжалован был, наипаче за то, что когда спущены были со станциев команды, то поскакали опрометью в Москву, а особливо двое Лутовиновы. Приехав в село Подсолнечное, где стоял капитан Николай Алексеевич Булгаков, которого почитали не за весьма разумного человека, требовали от него, будучи в шумстве, наскоро лошадей, но как лошади были в разгоне, то они, ему не веря, приказали их сыскивать по дворам; а как и там оных не находили, то многие буяны из солдат, желая угодить командирам, перебили в избах окошки и разломали ворота, то и вышла от сего озорничества жалоба и шум. Булгаков вступился за свою команду. Он и Лутовиновы, наговоря друг другу обидных и бранных слов, называя Булгакова дураком, разгорячились или, лучше сказать, вышли хмельные из рассудка, закричали своим командам: «К ружью!» Булгаков также своей. У каждого было по 25 человек, которые построились во фрунт; им приказано было заряжать ружья; но Державин, бегая между ими, будто для исполнения офицерских приказаний, запрещал тихонько, чтоб они только вид показывали, а в самом деле ружей не заряжали; и как было тогда ночное время, то офицеры того не приметили, а между тем подоспели лошади и наехали другие команды, а именно из Крестец капитан Голохвастов, то и успокоилось сие вздорное междоусобие.

В сие время досталось Державину при производстве в полку чрез чин подпрапорщика в каптенармусы, а января первого числа 1767 года в сержанты, ибо, при покровительстве полкового секретаря Неклюдова, его уже не обходили. С открытием весны государыня на судах по Волге шествовала в Казань. На сем пути, в сообществе своих приближенных

господ, трудилась над переводом Мармонтелева «Велизария». Гвардия возвратилась в Петербург, а Державин на некоторое время отпросился для свидания с матерью и меньшим его братом, учившимся в гимназии при директорстве г. Капица, в Казань, где потом и в оренбургской деревне оставшую часть лета и осень в семействе своем прожил. Возвращаясь из отпуска, взял с собою и меньшего его брата из гимназии, которая была тогда под ведомством директора г. Капица.

Но, приехав в Москву и имев от матери поручение купить у господ Таптыковых на Вятке небольшую деревнишку душ 30, остановился, и как за чем-то совершение крепости остановилось, то отправил в Петербург меньшого брата, просил записать его в службу помянутого своего благодетеля, полкового секретаря Неклюдова, и себе на два месяца отсрочки, которую и получил, а брат записан в тот же Преображенский полк, но только по склонности его к математике в бомбардирскую роту. И как стоял он тогда у двоюродного своего брата господина Блудова, который и его двоюродный брат господин подпоручик Максимов, живши в одном ним доме, завели его сперва в маленькую, а потом и в большую карточную игру, так что он проиграл данные ему от матери на покупку деревни деньги. Тогда забыл о сроке, хотел проигранные деньги возвратить; но как не мог, то, заняв у него, Блудова, купил деревню на свое имя и ему оную, с присовокуплением материнского имения, хотя не имел на то и права, заложил. Попав в такую беду, ездил, так сказать, с отчаяния, день и ночь по трактирам искать игры. Спознакомился с игроками или лучше с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у них научился заговорам, как новичков заводить в игру, подборам карт, подделкам и всяким игрецким мошенничествам. Но благодарение Богу, что совесть или, лучше сказать, молитвы матери никогда его до того не допускали, чтоб предался он в наглое

воровство или в коварное предательство кого-либо из своих приятелей, как другие делывали. Но когда и случалось быть в сообществе с обманщиками и самому обыгрывать на хитрости, как и его подобным образом обыгрывали, но никогда таковой, да и никакой выигрыш не служил ему впрок; следственно, он и не мог сердечно прилепиться к игре, а играл по нужде. Когда же не имел денег, то никогда в долг не играл, не занимал оных и не старался каким-либо переворотом отыгрываться или обманами, лжами и пустыми о заплате уверениями доставать деньги; но всегда содержал слово свое свято, соблюдал при всяком случае верность, справедливость и приязнь. Если же и случалось, что не на что не только играть, но и жить, то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней. Так проводил он несчастливые дни. А как он уже в такой распутной жизни просрочил более полугода, то помянутый его благодетель Неклюдов (отправляя еще секретарскую должность, хотя был уже и капитаном поручиком), видя, что он за сроком столь долго проживает в Москве, и, слыша, что замотался, то, опасаясь, чтоб не погиб, ибо разжалован бы был по суду в армейские солдаты, сжалился над ним и без всякой его просьбы в ордере между прочими полковыми делами к капитану поручику московской команды Шишкову приписал, что когда сержант Державин явится, то причислить его к московской команде, который ордер (со сведения или без сведения об сей отсрочке, то неизвестно) майор Маслов подписал и был спасителем погибающего мотарыги. Он, став сим средством обеспеченным от несчастия, пробыл несколько еще месяцев в Москве, вел жизнь не лучше, как и прежде; а поелику жил он в помянутом доме Блудова с сказанным же его родственником Максимовым, то и случилось с ним несколько замечательных происшествий.

Первое. Хаживала к ним в дом в соседстве живущего приходского дьякона дочь, и в один вечер, когда она вышла из своего дома, отец или матерь, подозревая ее быть в гостях у соседей, упросили бутошников, чтоб ее подстерегли, когда от них выйдет. Люди их и Блудова увидели, что бутошники позаугольно кого-то дожидаются; спросили их; они отвечали грубо, то вышла брань, а потом драка; а как со двора сбежалось людей более, нежели подзорщиков было, то первые последних и поколотили. С досады за таковую неудачу и чтоб отмстить, залегли они в крапиве на ограде церковной, чрез которую должна была проходить несчастная грация. Ее подхватили, отец и мать мучили плетью и, по научению полицейских, велели ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючков, чтобы прицепиться. На другой день, когда он часу пополудни в первом ехал из Вотчинной коллегии, где был по своим делам, в карете четвернею, и лишь приблизился только к своим воротам, то вдруг ударили в трещотки, окружили карету бутошники, схватив лошадей под уздцы, и, не объявя ничего, повезли чрез всю Москву в полицию. Там посадили его с прочими арестантами под караул. В таком положении провел он сутки. На другой день поутру ввели в судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтоб он признался в зазорном с девкою обхождении и на ней женился; но как никаких доказательств, ни письменных, ни свидетельских, не могли представить на взводимое на него преступление, то, проволочив, однако, с неделю, должны были со стыдом выпустить, сообща, однако, за известие в полковую канцелярию, где таковому безумству и наглости алгвазилов дивились и смеялись. Вот каковы в то время были полиция и судьи!

Второе. Познакомился с ним в трактирах по игре некто, хотя по роду благородный, знатной фамилии, но по поступкам самый подлый человек, который содержался в юстиции за подделку векселей и закладных на весьма большую сумму

и подставление по себе в поручительство подложной матери, который имел за собою в замужестве прекрасную иностранку, которая торговала своими прелестями. В нее влюбился некто приезжий пензенский молодой дворянин, слабый по уму, но довольно достаточный по имуществу. Она, с ведома, как после открылось, мужа, с ним коротко обращалась и его без милости обирала, так что он заложил свое и материнское имение и лишился самых необходимо нужных ему вещей. А как сей дворянин был с Державиным хороший приятель, то и сжалился он на его несчастье. Вследствие чего, будучи в один день в компании с мужем, слегка дал ему почувствовать поведение жены. Муж старался прикрыть ее и оправдать себя своим неведением; и хотя тогда прекратил разговор шутками, но запечатлел на сердце своем на него злобу за такое чистосердечное остережение. Он, спустя некоторое время, позвал его в гости к себе на квартиру жены и под вечер намерен был поколотить, а может быть и убить; ибо, когда Державин вошел в покои, то увидел за ширмами двух сидящих незнакомых, а третьего лежащего на постели офицера, которого раз видел в трактире игравшего несчастно на бильярде; ибо его на поддельные шары обыгрывали, что он шуткой и заметил офицеру. Хозяин, приняв гостя сначала ласково, зачал его помалу в разговорах горячить противоречиями, потом привязываться к словам, напоминая прежде слышанные им, относя их к обиде его и жены; но как гость опровергал сильными возражениями свое невинное чистосердечие, то умышленник и начал кивать головой сидящим за ширмами и лежащему на постели, давая им знать, чтоб они начинали свое дело. Против всякого чаяния лежащий сказал: «Нет, брат, он прав, а ты виноват, и ежели кто из вас тронет его волосом, то я вступлюсь за него и переломаю вам руки и ноги»; ибо был он молодец, приземистый борец, всех проворнее и сильнее и имел подле себя арясину, то хозяин и все прочие соумышленники удивились и опешили. Это был господин

землемер, недавно приехавший из Саратова, поручик Петр Алексеевич Гасвицкой, который с того времени сделался Державину другом.

Третье. Помянутый сродственник господина Блудова Максимов, живший с ним в одном доме, имел в Москве великое знакомство, а особливо с сенатскими чиновниками; ибо имел по сему правительству дела. Он имел свои деревни в тогдашней Пензенской губернии, близь села Малыковки, что ныне город Вольск. К нему хаживал той волости экономический крестьянин Иван Серебряков, содержавшийся в Сыскном приказе по поводу подаванного им проекта императору Петру Третьему о населении выходящими из Польши раскольниками на местах пустопорожних, лежащих по реке Иргизу, впадающей в реку Волгу. Поелику же, он, Серебряков, и к нему приставленные начальники тот проект и сделанную по оному им от правительства доверенность употребили во зло, принимая всякого рода и господских людей вместо польских выходцев, давали им для поселения по Иргизу билеты; то и было о том следствие, а он до окончания оного и решительного о нем приговора содержался в том Приказе. Известно же было из манифеста о Турецкой войне, что запорожские казаки под предводительством атаманов их Железняка и Черняя разграбили Польскую Украину и разорили за Днепром турецкую слободу Балту, от чего война началась; то и велено было выступившим в поход войскам тех запорожцев переловить и послать в Сибирь, что и исполнил граф Петр Александрович Румянцов. По приводе в Москву некоторых из тех разбойников и главных их предводителей Железняка и Черняя, последний занемог или притворился больным, то до выздоровления и посажен в тот же Сыскной приказ, где содержался Серебряков; и как они сидели в одном покое, то между разговорами рассказал Черняй Серебрякову о награбленном с его артелью богатстве, а может быть и с прикрасою,

что ямы наполнены ими, покрытые землею, серебряной посудой и пушки жемчугом и червонцами.

У Серебрякова на сие сокровище разгорелись зубы. Сообщил он сие сведение вышесказанному Блудова родственнику, живущему в одном с Державиным доме, и прельстил его своими рассказами. Сей или оба они вознамерились воспользоваться сим богатством. Для чего Серебряков, выпрашиваясь из-под караула, нередко хаживал к нему, и Державин его у него несколько раз видал; но никак не участвовал в их умысле, тем паче что они, желая одни обогатиться, никогда и не приглашали его к тому. А как им нельзя было без сообщников сильнейших произвести в действие сего своего предприятия, то и пригласил сказанной родственник к сему промыслу довольно значущих чиновных людей из господ сенатских и прочих благородных людей своих приятелей, чрез коих бы высвободить Черняя и Серебрякова из тюрьмы. Они это сделали таким образом: составили подложный вексель на Черняя, по которому произвели взыскание, и как находился такой закон, по коему должно было из всех правительств по требованиям посылать в магистрат колодников для уплаты их долгов их заимодавцам, а из магистрата дозволялось отпускать их в баню, в церковь и к родственникам под присмотром — сего довольно крючкотворцам. Черняй отпущен в баню под надзиранием одного гарнизонного солдата; на Царициной площади отбит незнаемыми людьми; а Серебрякова выпросил под свое поручительство помянутый господина Блудова родственник. Сия побочная история введена здесь для того, что после откроется оной связь с комиссией, по возмущению Пугачева бывшей, в которой употреблен был Державин.

Наконец, кратко сказать, он, проживая в Москве со знакомыми такового разбора людьми, чрезвычайно наскучил или, лучше сказать, возгнушавшись сам собою, взял у приятеля матери своей 50 руб., который прошен был от нее ссудить в

крайней его нужде, бросился опрометью в сани и поскакал без оглядок в Петербург. Сие было в марте месяце 1770 года, когда уже началось открываться в Москве моровое поветрие. В Твери удержал было его некто из прежних его приятелей, человек распутной жизни, но кое-как от него отделался, издержав все свои денжонки. На дороге занял у едущего из Астрахани садового ученика с виноградными к двору лозами 50 руб. и те в новгородском трактире проиграл. Остался у него только рубль один крестовик, полученный им от матери, который он во все течение своей жизни сберег. Подъезжая к Петербургу в 1770 году, как уже тогда моровое поветрие распространялось, нашел на Ижоре или Тосне заставу карантинную, на которой должно было прожить две недели. Это показалось долго; да и жить за неимением денег было нечем, то старался упросить карантинного начальника о скорейшем пропуске, доказывая, что он человек небогатый, платья у него никакого нет, которое бы окуривать и проветривать должно было; но как был у него один сундук с бумагами, то и находили его препятствием; он, чтобы избавиться от оного, сжег при караульных со всем тем, что в нем ни было, и, преобратя бумаги в пепел, принес на жертву Плутону все, что во всю молодость свою чрез 20 почти лет намарал, как-то: переводы с немецкого языка и свои собственные сочинения в прозе и в стихах. Хороши ли они или дурны были, того теперь сказать не можно; но из близких его приятелей кто читал, а особливо «Христианина в уединении» Захария, весьма хвалили.

Приехав, как выше сказано, в Петербург с одним рублем, благословением матери, занял на прожиток 80 рублей у Григорья Никифоровича Киселева, давнишнего своего приятеля, казанского помещика, с которым учились вместе в гимназии, служили в полку и гуляли на подставах. Тут брата своего застал уже бомбардиром, или мушкетерским капралом, но больным в чахотке, что, быв на ученье, от усильного поворачивания пушки надорвался, вспотел и, пошел домой,

простудился, отчего пришла сперва лихорадка, от которой лечился известным славным шарлатаном Ерофеичем, вылечившим графа Алексея Григорьевича Орлова от весьма опасной болезни, от которого все лучшие доктора отказались. Выпив несколько приемов настоянного с какими-то кореньями питья, стал кашлять кровью и получил вышеобъявленную неизлечимую болезнь. Видя его весьма в короткое время иссохнувшим, отпросил в отпуск к матери в Казань, где он под ее призором, более 20 лет от рождения своего, кончил жизнь и погребен на Проломной улице, у церкви Вознесения Господня.

Оставшись после брата, на занятые у Киселева деньги выиграл сотни две рублей у помянутого выше господина Протасова, заплатил долг и пробавлялся кое-как, имея наиболее обхождение с ним, с Петром Васильевичем Неклюдовым и с капитаном Александром Васильевичем Толстым, у которого тогда и в 10-й роте находился. Сии трое честные и почтенные люди его крайне полюбили за некоторые его способности, что он изрядно рисовал или, лучше сказать, копировал пером с гравированных славнейших мастеров эстампов так искусно, что с печатными не можно было узнать рисованных им картин. Более же всего нравился он им за некоторое искусство в составлении всякого рода писем. Писанные им к императрице, для всякого рода людей притесненных, обиженных и бедных всегда имели желаемый успех и извлекали у нее щедроты. Случалось, обрабатывал он приказные и полковые дела, и доклады иногда к престолу, и любовные письма для Неклюдова, когда влюблен был в девицу Ивашеву, на которой после и женился, хотя отец сперва тому и противился.

В 1771 году переведен в 16-ю рогу, в которой отправлял фельдфебельскую должность в самой ее точности и исправности; так что, когда назначен был в том лете лагерь под Красным Кабачком, то капитан Василей Васильевич Корсаков, никогда не служивший в армии и нимало не сведущий

военных движений, возложил все свое упование на фельдфебеля, ибо и офицеры были столько же сведущи в том, как и он, или по крайней мере люди изнеженные или ленивые, что не хотели заниматься своею должностью: такова была тогда служба; но, как и он ничего не знал, и не знали, как в лагерь вступить, то и принужден был у солдат, недавно написанных в гвардию из армейских полков, учиться, а чтоб не стыдно было, то, вставая на заре, собирал роту и, расставя колья, назначал им лагерные улицы и входы и вводил в них повзводно или пошеренжно людей. А как лагерь благополучно отстояли, и на полковом смотре никакого беспорядку не случилось, то и более заслужил уважения от всех офицеров и унтер-офицеров, которые избрали его в хозяины и препоручили сложенную ими компаньонскую сумму. По выходе из лагеря, в сентябре, как надобно было к приближающемуся новому году аттестовать из унтер-офицеров в офицеры, что тогда происходило чрез собрание ротных командиров и прочих офицеров, то нельзя было не отдать справедливости по службе, по поведению и по честности фельдфебелю.

Однако же полковой адъютант Желтухин, имея меньшого брата сержантом, младшим Державина, за которым ему не могло достаться в офицеры, и желая как можно натянуть, придирался всячески к фельдфебелю и в один раз, что минуту после его приезду на полковой двор пришел за приказом, поставил его под ружье, желая тем представить его неисправным в должности и обнесть у майора Маслова, которого он был любимец и делал из него, что хотел, который уже был направлен, что Державина за бедностью в гвардии офицеры не производить, а выпустить в армейские офицеры. Однако же, как офицеры знали его способности, а особливо помянутые Неклюдов, Протасов и Толстой, которые были уже капитанами из лучших и майором уважаемы, наотрез в собрании сказали, что ежели Державин не аттестуется, то они никого других аттестовать не могут.

И так он в начале 1772 года, генваря 1-го дня, произведен гвардии прапорщиком в ту же 16-ю роту, в которой служил фельдфебелем. В самом деле, бедность его великим была препятствием носить звание гвардии офицера с пристойностью; особливо тогда более даже, нежели ныне, предпочитались блеск богатства и знатность, нежели скромные достоинства и ревность к службе. Но как бы то ни было, ссудою из полку сукна, позументу и прочих вещей на счет жалованья (ибо тогда из полковой экономической суммы всегда комиссаром запасалось оных довольное количество) обмундировался он; продав сержантский мундир, купил аглинские сапоги и, небольшую заняв сумму и ветхую каретишку в долг у господ Окуневых, исправился всем нужным. Жил он тогда в маленьких деревянных покойчиках на Литейной, в доме господина Удолова, хотя бедно, однако же порядочно, устраняясь от всякого развратного сообщества; ибо имел любовную связь с одной хороших нравов и благородного поведения дамой. Как был очень к ней привязан, а она не отпускала его от себя уклоняться в дурное знакомство, то и исправлял он помалу свое поведение; обращался между тем, где случай дозволял, с честными людьми и в игре, по необходимости для прожитку, но благопристойно. Из офицеров приязнь его тогда была наиболее с поручиком Алексеем Николаевичем Масловым, который также имел интригу с одною довольно чиновною дамою. Сей Маслов был человек довольно умный, честный и с нарочитыми в словесности, а особливо во французском языке, сведениями; но при всем том ветреный и мот, который ввел Державина в большие хлопоты, как о том ниже увидим.

В сем году около осени случилось замечательное происшествие. В один год, помнится, в июле месяце, отдан приказ, чтоб выводить роты на большое парадное место в три часа поутру. Прапорщик Державин приехал на ротный плац в назначенное время. К удивлению, не нашел там не только ка-

питана, но никого из офицеров, кроме рядовых и унтер-офицеров; фельдфебель отрепортовал ему, что все больны. Итак, когда пришла пора, он должен вести один людей на полковое парадное место. Там нашел майора Маслова, и прочие роты начали собираться. Когда построились, сказано было: «К ноге положи!» — и ученья никакого не было. Таким образом, прождали с 3 часов до 9-го часа в великом безмолвии, недоумевая, что бы это значило. Наконец, от стороны слобод, что на Песках, услышали звук цепей. Потом показались взводы солдат в синих мундирах. Это была сенатская рота. Приказано было полку сделать каре, в который, к ужасу всех, введен в изнуренном виде и бледный унтер-офицер Оловянишников и с ним 12 человек лучших гренадер. Прочтен указ императрицы и приговор преступников. Они умышляли на ее жизнь. Им учинена торговая казнь; одели в рогожное рубище и тут же, посажав в подвезенные кибитки, отвезли в ссылку в Сибирь. Жалко было и ужасно видеть терзание их катом, но ужаснее того мысль, как мог благородный человек навлечь на себя такое бедствие. Однако же таковых умышлений на императрицу было не одно сие (окромя возмущения злодея Пугачева, которое будет ниже несколько обстоятельнее описано, потому что в усмирении оного участвовал и Державин), и именно гласные, не говоря об не вышедших наружу: скоро по коронации в Москве Хрущевы и Жилинский; по возвращении в Петербург Озеровский и Жилинский; первые ошельмованы на эшафоте переломлением шпаг и разосланы на житье по их деревням, вторые — в каторжную работу в Сибирь, а пугачевский успокоен с большим кровопролитием в междоусобной брани.

Отделение III[1]. С помянутого возмущения по вступление Державина в статскую службу

Причины сего возмущения, крывшиеся в Яицсом, или нынешнем Уральском, городке, здесь не описываются, потому что известны они будут по историческим известиям. Начну тем, что во время брачного торжества великого князя Павла Петровича с великою княжною Натальею Алексеевною в 1773 году, в сентябре, стали разноситься по народу слухи о появившемся в Оренбургской губернии разбойнике, для поимки коего того краю посланы гарнизонные и прочие команды, а как несколько молва замолкла, то и думали, что неспокойство утушено. Но вдруг во дворце, на бале в Андреев день, то есть 30 ноября, государыня, подошед к генерал-аншефу Измайловского полку майору Александру Ильичу Бибикову (которому пред тем наскоро было велено отправиться в главную армию под начальство графа Петра Александровича Румянцева, с которым тогда был он не весьма в приязни), объявила о возмущении, приказав ему ехать для восстановления спокойствия в помянутой губернии. Бибиков был смел, остр и забавен, пропел ей русскую песню: «Наш сарафан везде пригожается». Это значило то, что он туда и сюда был беспрестанно, в важные дела употребляем, без отличных каких-либо выгод; а напротив того, от Румянцева и графа Чернышева, управляющего Военною коллегией, иногда был и притесняем. Вследствие чего на другой день были к нему наряжены в ассистенты, или помощники, многие гвардии офицеры по его выбору, ему знакомые, а именно: из Преображенского полку Кологривов, из Семеновского — Маврин и Горчаков, из Измайловского — Лунин и Собакин, и дан указ в Военную коллегию об отряде в его команду войск.

---

[1] В оригинале: «III отделение».

Державин узнал сие, и как имел всегда желание потреблен быть в войне или в каком-либо отличном поручении, даже повергался иногда в меланхолию, что не имел к тому средства и удобства, ибо во время посылки на флоте команд в Архипелаг не находился в Петербурге, а в армию ехать волонтером не имел достатку, ибо гвардию тогда обыкновенным порядком на войну, как прочие армейские полки, не употребляли, кроме вышеозначенной экспедиции на флоте; итак, вздумал открывшимся случаем воспользоваться. Вследствие чего хотя ему генерал Бибиков нимало не был знаком, но он решился ехать к нему и без рекомендации, слышав, что он человек разумный и могший скоро проникать людей. Приехав, открыл ему свое желание, сказав, что слышал по народному слуху о поездке его в какую-то секретную комиссию в Казань; а как он в сем городе родился и ту сторону довольно знает, то не может ли он быть с пользою в сем деле употребленным? Бибиков ответствовал, что он уже взял гвардии офицеров, ему людей известных, и для того сожалеет он, что не может исполнить его просьбы. Но как Державин остался у него еще на несколько времени и не поехал скоро, то, вступя с ним в разговор, был им доволен, однако же, никакого не сделал обещания. Простясь, с огорчением от него поехал; но в полковом приказе ввечеру с удовольствием увидел, что по высочайшему повелению велено ему явиться к генералу Бибикову. Он сие исполнил и получил приказание чрез три дни быть к отъезду готовым.

В сие время как он стоял в доме помянутой госпожи, его приятельницы, к которой почасту приезжали из деревни с Ладожского канала ее люди, по которому каналу расположен был на зимних квартирах Владимирский гренадерский полк, то один из ее людей, проезжая поутру чрез селение, называемое Кибол, ночевал на постоялом дворе и слышал, когда укладывались гренадеры на ямские подводы для походу

в Казань, что гренадеры ропщут, что вызвали их из армии для торжества при свадьбе великого князя Павла Петровича с великою княжною Натальею Алексеевною, как выше сказано бывшего в сентябре месяце, и не дали им при таком торжестве ниже по чарке вина, а заставили бить сваи на реке Неве, как строилась дворцовая набережная; то они от такой худой жизни и положат ружья пред тем царем, который, как слышно, появился в низовых краях, кто бы таков он ни был. Таковая болтовня низких людей хотя великого уважения не заслуживала, однако при обстоятельствах внутренней крамолы не должна была быть пропущена без замечания. Державин сие пересказал генералу Бибикову. Он сперва счел за вздор; но потом, одумавшись, велел к себе часу пополуночи во втором, когда все в городе угомонятся, представить человека, который слышал те разговоры. Сие исполнено. Он спрошен был: знает ли он имена тех гренадер, которые вышесказанные речи говорили; а как служитель отозвался, что он их не знает, а проездом слышал разговор, но в лицо узнать их может, то Бибиков и не знал, что делать; ибо уже полк с квартир выступил несколько дней; и как отправлен на почтовых, то и возвращать его было неудобно; а по незнанию имен заговорщиков одних их потребовать было неможно. В рассуждении чего был в недоумении; однако приказал Державину ввечеру к себе приезжать. По приезде сказал, что он с полковником того полку князем Одоевским говорил, но он уверял, что гренадеры с крайним усердием, как ему от ротных командиров донесено было, в поход выступили. Державин возразил: весьма бы было от стороны полковника и офицеров оплошно, ежели бы они, слыша намерение к измене, не взяли надлежащих мер и ему не донесли, разве и сами были умышленники, но этого предполагать неможно. Генерал замолчал; сказал, что хорошо — утро вечера мудренее. Опосле известно стало, что он тогда же писал секретно

по дороге к губернаторам новгородскому, тверскому, московскому, володимирскому и нижегородскому, чтоб они во время проходу полков в Казань мимо их губерний, а особливо гренадерского Владимирского, по дорожным кабакам приставили надежных людей, которые бы подслушивали, что служивые между собою говорят во время их попоек. Сие распоряжение имело свой успех; ибо по приезде в Казань получил он донесение от нижегородского губернатора Ступишина, что действительно между рядовыми солдатами существует заговор положить во время сражения пред бунтовщиками ружья; из которых главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны. Сие подало повод генералу взять предосторожность, о которой ниже увидим. Но возвратимся в Петербург.

Хотя Державин, весьма налегке, в нагольной овчинной шубе, купленной им за три рубля, отправился в Москву, но генерал Бибиков перегнал его: пробыв несколько дней в Москве, приехал в Казань декабря 25-е число, то есть в самый день Рождества Христова. Прочие офицеры, наперед уже приехавшие и открывшие по повелению генерала заседание Секретной комиссии, по случаю тогда праздника, как люди достаточные, имевшие знакомых множество, а иные и сродственников, занялись разными увеселениями; но Державин, пробыв с матерью уединенно в доме, старался от крестьян приезжих из деревнишек своих, которые лежали по тракту к Оренбургу, узнать о движениях неприятельских или о колебании народном; ибо известно было, что до приезда Бибикова многие дворяне и граждане разъехались было из города; нос прибытием его паки возвратились. Собрав таковые сколько можно пообстоятельнее известия, 28-е число на вечер приехал к генералу, когда у него никого не было. Он по обыкновению спрашивал о новостях. Сей пересказал ему слышанное, что верстах уже в 60 разъезжают толпы вооруженных татар и всякая злодейская сволочь, присовокупи, по

чистосердечию своему и пылкости своей, собственные рассуждения, что надобно делать какие-нибудь движения, ибо от бездействия город находится в унынии. Генерал с сердцем возразил: «Я знаю это, но что делать? Войски еще не пришли» (которые из Польши, из бывших против конфедератов и прочих отдаленных мест ожидаемы были). Державин смело повторил: как бы то ни было, есть ли войска или нет, но надобно действовать. Генерал, не говоря ни слова, схватя его за руку, повел в кабинет и там показал ему от симбирского воеводы репорт, что 25-го числа, то есть в Рождество Христово, толпа злодейская, под предводительством атамана Арапова, взошла в город Самару и тамошними священнослужителями и гражданами встречена со крестами, со звоном, с хлебом и солью. Державин то же говорил: надобно действовать. Генерал, задумавшись, ходил взад и вперед и потом, не говоря ни слова, отпустил его домой. Поутру рано слышит от полиции повестку, чтоб собирались в собор все граждане, и патом часу в 10-м позыв в большой соборный колокол. При великом стечении народа и всего знатнейшего общества читан был манифест, печатанный в московской типографии церковною печатью, в котором объявлялось о наименовавшемся императором Петром III Емельке Пугачеве и что генерал-аншефу Бибикову поручено истребление того бунта и потому все команды, для того отправленные, военные и гражданские, и Секретная комиссия, составленная из гвардии офицеров, отданы в полную власть его. По отслужении молебна об успехе оружия приглашены были в квартиру главнокомандующего преосвященный Вениамин и все благородное собрание. Тут Бибиков, подойдя к Державину, тихо сказал: «Вы отправляетесь в Самару, возьмите сейчас в канцелярии бумаги и ступайте». Выговоря сие, смотрел пристально в глаза, может быть, хотел проникнуть, таков ли он рьян на деле, как на словах. Державин, сие приметя, сообразился, что неужели он его посылает прямо в руки злодеям,

нашелся и отвечал: «Готов». Взял ту же минуту из канцелярии запечатанные пакеты, которые надписаны по секрету, и велено было их открыть по удалении от Казани 30 верст; простился с матерью и, не сказав, куда едет, поскакал.

Отъехав 30 верст, открыл конверты, нашел в них два ордера на имя его. Первый — повелевающий ему ехать в Симбирск и найти идущие из Польши около тех мест 22-ю и 24-ю легкие полевые команды; о марширующих из Белоруссии 23-й и 25-й, буде можно, разведать, где они и скоро ли будут, а равно и о генерал-майоре Мансурове; также и о из Сызрани командированных бахмутских гусарах — трехстах человеках, на которых и сделать примечания, надежны ли они, в каком находятся состоянии и исправности и каковых имеют офицеров. Возвратясь к нему, о всем том донесть. Сия посылка, как думать должно, произошла из вышесказанной осторожности, ибо до того времени посланные гарнизонные команды все почти клали пред злодеями оружие, что из обстоятельной истории о сем возмущении будет видно; а при том, что генерал хотел, может быть, испытать назойливого офицера. Второй ордер предписывал ему: когда город Самара посланными нашими командами занят, а злодеи выгнаны будут, то найти, кто из жителей первые были начальники и уговорители народа к выходу навстречу злодеям со крестами и со звоном и чрез кого отправлен благодарный молебен, и чтоб виновнейших в умышленном преступлении, заковав, отправить к нему; а которые от проста то учинили, тех расспросы представить к нему на рассмотрение, а иных для страха на площади наказать плетьми.

Проезжая по дороге, приметил в народе дух злоумышления, так что не хотели ему инде давать и лошадей, которых он, приставя иногда пистолет к горлу старосты, принужден был домогаться. Не доезжая до Симбирска верст пяти, приметил он поселян, с праздными повозками, по продаже их

продуктов, из города едущих; желал от них узнать, не находится ли там каких команд наших или неприятельских; ибо легко и последние с 25-го по 30-е число, по не весьма далекому расстоянию от Самары, занять сей город могли; то и приказывал бывшему с ним и стоявшему на запятках человеку Блудова одного из мужиков остановить; но как он был человек весьма вялый и непроворный (ибо его собственные люди, скачучи из Петербурга, отбили ноги и занемогли), то и не мог сей разгильдяй исполнить ему поведенного. Для того он, положа человека в повозку на место свое, сам стал на запятки и, притворясь дремлющим, схватил внезапно одного мужика, которому сделав расспросы, узнал, что в Симбирске есть военные люди, но того никак не мог добиться, наши или неприятельские, и, опасаясь, чтоб самому не въехать в руки последних, не знал, что делать; тем паче когда услышал, что войска не в обыкновенных солдатских мундирах, а в русском платье и собирали по городу шубы; но заключал только потому, что не злодеи, когда узнал, что у всех солдат ружья с штыками, каковых у сволочи быть не могло; то и решился ехать в город. Это было уже часу в 10-м ночи. Воевода объявил, что подполковник Гринев, с 22-й легкою полевою командою, часа с два выступил из города по самарской дороге, для соединения с майором Муфелем с 24-ю командою, который чаятельно близь или уже вступил в Самару. Соединясь с Гриневым, следовали к сему городу. Нашли уже оный Муфелем занятым. Он имел с толпою Арапова, по большей части, состоявшей из ставропольских калмыков и отставных солдат, сражение. У него убито ядром из поставленной на берегу пушки драгун только 3 человека; но он побил множество, взял 9 городских чугунных пушек, выгнал из Самары и прогнал в город Алексеевск, лежащий от Самары в 25 верстах, злодейскую толпу, которая была в нескольких тысячах.

Здесь влагается подлинный журнал с дополнением подробных примечаний на некоторые сокращенные обстоятельства.

Журнал, веденный во время пугачевского бунта

1773. *Декабрь.* По прибытии его высокопревосходительства покойного г-на генерал-аншефа Александр Ильича Бибикова в Казань декабря 25-го командирован был он, по занятии злодеями города Самары, того ж месяца 29-го дня в сей город. Посылка его в сию экспедицию следующего была содержания. Даны были ему два ордера; первый в той силе, чтоб, соединившись с командами господ подполковников Муфеля либо Гринева и по выгнании злодеев из сего города, исследовать тамошних жителей, для чего они бунтовщиков встретили со крестами и нет ли какой у них связи с злодеями и единомыслия? Второй ордер секретный, который повелевал, чтоб он узнал, каковы вышеупомянутые командиры, их офицеры и солдаты; ибо они ему, то есть Бибикову, до тех пор были неизвестны. А как еще из наших начальников никто бунтовщиков тогда не разбивал; того ради, как видится, и нужно было ему знать, может ли он до прибытия туда г-на генерал-майора Мансурова на них в занятии Самарской линии положиться? Г. Муфель пред приездом Державина освободил Самару; следовательно, действием своим уже и оказал себя, и ему, Державину, кроме что с почтением умолчать о нем, писать было нечего. Впрочем, донеся Бибикову от 30 декабря о соединении с Гриневым, от 5 января 1774 года донес, в каких обстоятельствах он, Державин, наехал Самару, то есть: о образе мыслей народа, совета, бургомистра, протопопа и первостатейных людей, о послании нарочных в приближившуюся толпу злодейскую, о поощрении к укреплению народного легкомыслия священными обрядами духовных, как-то: крестною и со звоном встречею без всякого принуждения; о служении благодарных за злодеев молебнов и о прочем; и также что хотя все тамо бывшие священники соблазнительным своим примером заслуживали тотчас быть отосланными в Секретную комиссию; но вдруг оторвать их всех от церквей почитал он в тогдашних обстоятельствах за дело весьма щекотливое; ибо злодеи, рассеивая в пользу свою всякие

ухищренные плевелы, могли бы, обратив сие, сказать, что чрез оное мы притесняем веру; почему и просил он генерала Бибикова, чтоб прислать сперва в Самару священников новых и занять церкви; а потом уже старых, куда надлежит, отослать. На сие получил он от 10-го того ж месяца апробацию и благодарность, как равно и за сие: чтоб увидеть в прямом деле г-на подполковника Гринева, его офицеров и команду, то при предпринимаемой экспедиции выгнать толпу злодейскую из крепости Алексеевской, донес он, что хочу быть на сражении сам; ибо казалось ему, что о чем должно доносить начальнику, то должно доносить верно; а потому и сказать ему о г-не Гриневе и его команде ничего обстоятельного было бы неможно, когда бы он от сражения себя уволил. Почему, оставя на несколько дней в Самаре допрашивать жителей, был он в действии; а по разбитии злодеев и выгнании из помянутой Алексеевской крепости репортовал, что по его рассуждению к чести сего офицера и его подкомандующих служить могло. Здесь должно приметить, что пригородок Алексеевский населен почти весь отставными гвардейскими солдатами, из которых некоторые были в Невском монастыре на погребении императора Петра III; то в страх другим их собратиям за их глупость, что они поверили ложной разгласке самозванца, на ограде церковной при собрании народа пересек плетьми, по словесному приказанию Бибикова, который после подтвержден ордером его от 10-го числа того ж месяца.

1774. *Месяц январь*. Из-под Алексеевской ходил он с ним же, господином Гриневым, под селение Красный Яр за калмыками (куды на дороге проезжая город Ставрополь попался в руки бунтующих калмыков, которые, въехав ночью в город, увезли с собою воеводу и всех начальников; продев им в ноздри кольца, в степи перекололи), где писано было от него к ним, калмыкам, увещательное письмо и по переводе на их язык к ним послано. Оное после представлено было им г. Бибикову, а от него ее величеству, за которое в собственноручном письме ее величества к генералу изъявлена была высочайшая апробация.

По возвращении из сего похода в Самару исследовал он тамошних жителей и в силу вышеупомянутого ордера самых винных послал в Секретную комиссию, а которые не столько виноваты были,

тех до резолюции оставил в сем городе. Дождавшися же прибытия его превосходительства г-на генерал-майора Мансурова, отправился он в Казань и учиненные им в Самаре допросы поднес его высокопревосходительству, за что и изъявлено было ему от него удовольствие.

Неприятную сию комиссию должен он был отправлять без всякого письмоводца и даже писца, сам наедине испытывая преступников и писав их показания, в которых они многие непристойные речи изрыгали в высочайшую власть, которых никому из посторонних поверить и оглашать было не должно. В сем месяце, в бытность его в Казани, при главнокомандующем, поручено было ему с репортов частных командиров и с донесений партикулярных людей собирать по алфавиту имена начальников злодейских с кратким объяснением произведения каждого злодейства, что который и где сделал; для того, чтобы после никто не мог ускользнуть от правосудия и дела каждого по алфавиту скорее б видеть было можно и кто кем разграблен или убит. При сем, тогда же поручено было ему написание журнала как входящим к г. Бибикову высочайшим повелениям, манифестам, от коллегии указам и от нижних мест репортам, известиям и объявлениям, так равно и исходящим от него приказаниям, распоряжениям и частным ордерам — словом, описание всей связи дел, начатых тогда к искоренению Пугачева и его скопищ. А равно возложено было на него и возбуждение дворянства и граждан к составлению воинских ополчений уланов, гусар, что было с успехом и исполнено. Журнала им было только сделано начало, а именно описаны только те известия, которые с начала бунта от разных мест присланы были к казанскому губернатору фон Бранту и к прочим бывшим до г. Бибикова командирам, так и то, как отправился он, г. Бибиков, из Петербурга, какие получил от императрицы повеления и что на дороге до приезду в Казань в декабре месяце он распоряжал.

Февраль. Первого числа сего месяца получен от ее величества генералом Бибиковым собственноручный рескрипт, в котором изъявлено было высочайшее благоволение за желание составить сказанное ополчение: именовала себя ее величество казанскою помещицею. Для ознаменования благодарности дворянства государыне за

высочайшую ее милость, что объявила себя их гражданкою, Державин написал речь, которая и читана была в дворянском собрании перед портретом ее величества предводителем дворянства Уковым, которая здесь в ремарке помещается, равно и по поводу оной присланная от ее величества похвальная грамота от 24 февраля казанскому дворянству, купечеству и другим состояниям, которую велено сохранять в архивах.

Март. В сем месяце бывший монастырский слуга, малыковский житель Иван Серебряков, о котором выше сказано, явясь по сказанному знакомству к Державину, привез на имя его высокопревосходительства доношение следующего содержания. Что 1772 года в декабре месяце экономический крестьянин Иван Фадеев, бывши на Иргизе в раскольнической Мечетной слободе для покупки рыбы, слышал в доме жителя той слободы Степана Косова от какого-то к нему, Косову, приезжего человека такие речи: «Яицкие-де казаки согласились идти в Турецкую с ним область, только де, не побив в Яике всех военных людей, не выдут». Посему, как пишет в доношении своем Серебряков, услыша он сие от Фадеева, будучи сам болен, призвал к себе надежного себе приятеля дворцового крестьянина Трофима Герасимова и просил его съездить в вышеупомянутую Мечетную слободу и у друзей его разведать, от кого такие пронеслися[2] речи? Почему Герасимов ездил и о том, стоявшем в квартире Косова, приезжем человеке расспрашивал. А по приязни ему той же слободы житель Семен Филипов сказал, что тот приезжий человек — вышедший из-за границы раскольник и называется Емельян Иванов сын Пугачев, который-де по позволению дворцового малыковского управителя Познякова глядит и осматривает здесь для селитьбы своей место; и также он, Филипов, подтвердил Герасимову вышеупомянутые дурные разглашения. Почему Герасимов счел за нужное того пришлеца сыскать; а как его уже в той Мечетной слободе не было, но по известиям поехал в село Малыковку на базар, то Герасимов, бросившись туда, нашел его квартиру у экономического крестьянина раскольника Максима Васильева и велел за ним присматривать, а сам о нем объявил бывшему о моровом поветрии смотрителю тоя же волости дворцовому

---

[2] Так и в оригинале.

крестьянину Ивану Вавилину сыну Расторгуеву, который с прописанием его же, Герасимова, репорта и представил при письменном доношении малыковским управительским делам, где и допрашиван; а по допросе отослан в Симбирск и оттуда в Казань.

Прописав все вышенисаное в доношении своем, Серебряков просил его высокопревосходительство и в другой раз позволить ему усердие стараться с Герасимовым о поимке того Пугачева, приводя в резон, что как-де ныне войски для истребления сего изверга пришли, то и должно надеяться, что толпа его будет разбита, почему он, злодей, и найдется необходимым искать своего убежища тайно, а сего-де ему лучше найти неможно, как на Иргизе или Узенях, у его друзей-раскольников. К произведению сего предприятия требовал Серебряков в собственное его расположение многих средств, а между прочим и вышеупомянутого офицера Максимова, который взял его из Сыскного приказа на свое поручительство яко знающего тот край и народа склонности.

Бибиков приказал его представить пред себя секретно, ночью, когда у него никого не было; и, выслушав его, Серебрякова, наедине в кабинете, сказал Державину: «Это птица залетная и говорит много дельного; но как ты его представил, то и должен с ним возиться, а Максимову его я не поверю». Вследствие чего и приказал с ним готовиться к отъезду в Саратов, а до возвращения его начало помянутого журнала и алфабета оставить в своей канцелярии, снабдив на другой день, то есть 6 марта, тайным наставлением в такой силе: чтоб он, прикрыв подобие правды под некоторыми другими видами, ехал в тот край, а в самом деле, яко в гнезде раскольничьей сволочи, Иргизе, Малыковке и Узенях, стерег бы Пугачева, ежели бы он по разбитии толпы своей захотел там укрыться; для того заметить его доброжелателей и быть могущее его пристанище; обещать известные и другие какие награждения за его поимку; скрытно приготовить к тому таковых людей, чтоб известностью всего дела не уничтожить; до наступления к поимке случаю, для нужных разведываний, посылать в толпу его подлазчиков; известия те доносить его высокопревосходительству и генералам князю Голицыну и Мансурову; о секретных делах писать цыфром, для чего ключ, данный тогда сим генералам, и ему, Державину, поверен (на дачу подлазчикам дано ему денег на первый случай не весьма великая

сумма, но писано к соседним губернаторам и воеводам, чтоб оказывать всякую ему помощь); для доверенности к себе людей, иметь ему с ними поступку скромную; наблюдать образ мыслей; проповедовать милосердие человеколюбивой императрицы, а паче тем, кто раскается; обличать в рассуждениях обманы Пугачева и его сообщников; наконец, для благопоспешности его поручены ему в команду вышепомянутые Серебряков и Герасимов яко люди не без проворства и знающие тамошние обстоятельства; но более все возлагалось на его ревность и рассуждение; поверенную ему сию комиссию содержать тайно. При сем наставлении поверены ему от г. Бибикова кредитивы к астраханскому губернатору Кречетникову, который пребывание свое тогда имел в Саратове; в Симбирскую провинциальную канцелярию и к малыковским дворцовым и экономическим делам, в которых давалось им всем знать, что он послан вследствие именного ее величества высочайшего повеления; а потому чтоб всякая ему, по требованию его, даваема была без отлагательства помощь.

10-го числа того ж месяца приехал он в село в Малыковку, что ныне город Вольск, где того же дня приискал старанием Серебрякова и Герасимова надежного, по их уверению, человека, дворцового крестьянина Василия Григорьева сына Дюпина для привозу с Иргизу старца раскольничьего Иева, на которого все они трое надежду полагали, что он и прежде на государеву службу вызывался сам и может исполнить возложенное на него дело. Почему тот старец к нему 12-го числа и привезен. Он, изведав из слов его способности, а паче положась на тех, которые его представляли, назначил идти с вышеписаным Дюпиным лазутчиками и велел исполнить следующее: разведать, в каком состоянии подлинно Яик (что ныне город Уральск), отдать от него коменданту письмо и от него обратно, ежели можно, доставить к нему; потом идти в толпу Пугачева под Оренбург и там разведать, сколько у него в толпе людей, артиллерии, пороху, снарядов и провианту и откуда он все сие получает? Ежели его разобьют, куда он намерен бежать? Какое у него согласие с башкирцами, киргизцами, калмыками и нет ли переписки с какими другими отечеству нашему неприятелями? Стараться разведать, ежели можно, всю его злодейскую диспозицию, и о том, что паче ко вреду нашему служить будет, давать знать

нашим командам. Не можно ли будет куда его заманить с малым числом людей, дав знать наперед нашим, дабы его живого схватить можно было? Ежели его живого достать неможно, то его убить; а между тем в главнейших его вперить несогласие, дабы тем можно было рассеять толпу его и вооружить друг на друга. Стараться изведать и дать знать, что, ежели убит будет, не будет ли у сволочи нового еще злодея, называемого царем? Один ли он называется сим именем, или многие принимают на себя сие название? Как его народ почитает, за действительного ли покойного государя, или знают, что он подлинно Пугачев, но только из грубой склонности к бунту и разбою не хотят от него отстать? Какая у него связь и распорядок? Какое действие производят ее величества манифесты и в толпу его достигшие наши победы? Он предполагал, что сей старец все сие тем паче надежнее исполнит, что Пугачев, во время бытия своего на Иргизе, был ему знаком; а что он верно положенное на него исполнит, то ручались за него Серебряков и Герасимов; а паче подтверждал то Дюнин, который сам с ним шел, оставляя у себя дом, жену и детей, будучи притом обнадежен, что ежели он на сей службе будет убит, то оставшие сыновья его не будут отдаваемы в рекруты. Но чтобы сокрыть прямое их пришествие на Яик (Урал), то научил их злодеям рассказывать, что якобы за то, что Пугачев в скитах у них бывал и им знаком, присланы скоро их будут поймать и казнить смертию; почему-де от такого страха они, оставя свои жилища, пришли сюда и желают у них служить. Но чтоб оные посланные, в случае их неверности, и в другом виде были полезны, то насказал он им, что приехал в Малыковку (Вольск) для встречи четырех полков гусар, едущих из Астрахани, для которых подрядил провиант, дав небольшие задатки. Сие разглашать велел с намерением, которого никому не открыл, чтоб, в случае предприятия злодейского, устремиться по Иргизу к Волге, где никаких войск не было, удержать впадение их во внутренность империи, как-то на Малыковку, Сызрань, Симбирск, Пензу и далее, и сделать тем диверсию или удержать их несколько ход до прибытия на Яик генерала Мансурова и прочих войск, — в чем истинная была цель его, Державина, которая ему и удалась, как то из последствия видно будет.

Таким образом, он сих лазутчиков на Яик отправил, дав им потребное число денег, и первым его репортом из Малыковки донес

г. Бибикову, как и о том, что велел он быть Серебрякову и Герасимову безотлучно на Иргизе, стараясь приобресть себе более друзей и примечать за теми, которые подозрительны; слышать и видеть все и на проездах от Яика к иргизским селениям учредить надежных за деньги присмотрщиков, дабы от злодеев не было подсыльных как для народного возмущения, так и для разведывания; а паче, как уже тогда ожидать должно было, что скоро достигнут верные войска до главного скопища злодейского, то по разбитии его, к содействию ему, Державину, порученного дела, не прибежит ли Пугачев крыться в запримеченных ими местах? В сем же репорте донес, что поехал он в Саратов для отдачи его, г. Бибикова к астраханскому губернатору вышеупомянутого письма о чинении ему помощи. На сей репорт получил от 21-го дня того же месяца из Кичуйского фельдшанца Бибикова ответ, в котором на первый случай за сделанные его распоряжения изъявлял он ему особливое удовольствие; и тут же уведомлял, что по репортам генерала князя Голицына надеется, что корпус под его предводительством к 25-му числу прибудет под Оренбург.

На репорт, что он был в Саратове и отдал губернатору его, г. Бибикова, повеление, что там нашел довольное число войск; что получил репорт с Иргиза от Серебрякова, якобы Пугачев, будучи на Яике, обнародовал свой манифест, призывавший киргизцев к себе в помощь, обещал за то яицкую степь до Волги; что от сего, а паче от пролития с Яику в провинции по Иргизу злодеев, астраханский губернатор, бывший тогда в Саратове, полагал себя иметь бессильным, требовал от г. Бибикова себе подкрепления, что приметил я некоторых подозрительных людей в Малыковке; что их оставляю до времени без тревоги, дабы не открыть себя; что образ мыслей народных был со стороны глупых колеблющий в пользу злодея; а кто поразумнее, тот казался преданным законной своей власти; что к лучшему его содействию осмеливался он спросить об успехах наших корпусов; что не приказано ли будет, в случае надобности, брать из Саратова имеющиеся при Конторе опекунства иностранных роты, которые были не в губернаторском ведомстве; что напоследок пребывание свое имеет он в колониях под разными видами, дабы, живши в одном месте, не подать толков, — на сие от 31-го дня получил он ордер весьма благоволительный.

Там известился он, что 22-го числа злодей генералом Голицыным под Татищевой разбит; что пробирался на Переволоцкую крепость. При сем приобщено было отверстое предложение в Опекунскую контору о даче по нуждам его команд, и приказывалось у них быть командиру; но чтоб он поступал по сообщениям его, Державина.

Апрель. На весть от лазутчиков с Иргиза, что есть с Яику подсыльные злодеи, шатающиеся на хуторах, которые от селений лежат не далее 60 верст, просил он губернатора астраханского 30 человек казаков; но он от 3-го числа в том ему отказал, описывая, что злодей разбит совершенно и что он послал поймать его к Яику казаков, для чего и дать ему таковых не может, указывая притом на Шевичевы ескадроны, которые имели ордер поспешать к главным корпусам. После чего требовал он от малыковских управителей чрез Серебрякова и Герасимова надежных людей. Дворцовый управитель Шишковский тотчас с своей стороны нарядил, а казначей Тишин прислал сообщение, что он в неведомую посылку людей без экономического правления не даст, тем паче что Серебряков требовался по прежним его делам в юстицию; у которого, яко у человека подозрительного, люди под присмотром быть не могут. Отказ его послан в оригинале к главнокомандующему. На сие от 9-го числа прислан ордер от имени г. Бибикова, подписанный генералом Ларионовым, с оговоркою, что сам его высокопревосходительство за болезнию подписать не мог. Тут же давалось знать, что Пугачев ушел в Башкирию к старшине Кинзею, который всячески намерен пробираться на Яик; то чтоб употребить сей случай в пользу.

В таком случае, ведая, что Пугачев хочет пробираться на Яик, где еще у него сообщников было довольно; для того чтоб сделать отвращение могущему его быть влиянию но Иргизу к Волге во внутренние провинции и прикрыть колонии, просил Державин Опекунскую контору о присылке к нему команды под видом авангарда идущих якобы войск от Астрахани, которых и поставить в крайней колонии Шафгаузене. Опосле видно будет, что сие было весьма полезно. Контора команду прислала, с начальником ее артиллерии капитаном Ельчиным, с двумя пушками; но казаков не прислала, отзываясь на отдачу всех у ней находящихся губернатору.

По неоднократной оного просьбе, чтоб приказал, как выше значит, посланным от него к Яику казакам присовокупиться к военной команде под команду Ельчина, для того, что им на Яик еще никак, за наполняющими его злодеями, вступить было неможно и что они, стоя на Иргизе праздно, делают страх могущим прийти к Яику злодейским подлазчикам, которые нужны и которых стерегут от него поставленные тайно, а когда будет надобно военное действие, то они вместе с военной командой от колоний на Иргиз подвинуться могут, — но в том от 17-го числа того же месяца отказано.

Посланный с Иргиза от Державина один из подзорщиков, а потом и представленные ему 19-го числа с Яика пойманные ушлецы возвестили ему, что хотя идет на выручку Яика генерал Мансуров, но, за разлитием сильных вод, скоро оного достичь не может. Для чего, послав их обстоятельные допросы к г. Бибикову (о смерти которого еще не знал), донес ему: по обстоятельствам известно, что злодей удалился в Башкирию, что ежели и возвратится к Иргизу, то не скоро; следовательно, нет нужды тайно его стеречь; для чего и взял он смелость сикурсировать помянутою Опекунскою командою в Яике коменданта Симонова с его командами, умирающего с голоду и не имеющего уже снарядов, чрез что ежели он не предварит генерала Мансурова и сделает тщетный марш, то из сего никакого зла не последует; что снабдил его из усердия провиантом вышеписаный поручик Максимов, а снарядами Опекунская контора; губернатор же отвечал, что на Яик идти не надо, в чем он и был справедлив, ибо еще тогда было не известно, что скоро придет г. Мансуров; а как от Иргиза разлития вод не было, то 21-го числа и выступила команда. На пути получил Державин письмо от генерала Мансурова с прежде упомянутым посыланным лазутчиком старцем Иевом от 17-го числа, в котором уведомлял, что он Яик освободил. По известию сему Державин марш свой к сему городу остановил. Иев его уверял, что он, быв злодеями подозреваем, сидел под стражею, а Дюпина, с письмом от него посланного, будто убили; но после носился слух, что сами они, пришед в канцелярию к жене Пугачева Устинье, объявили о своей посылке и письмо к Симонову открыли, что и нужно было, ибо сим удержано стремление злодеев от впадения вовнутрь империи, как ниже о том уви-

дим. — На репорт о марше к Яику и о посланных двух татарах в толпу злодея, которые и до днесь пропали без вести, получил он ордер от князя Щербатова от 2 мая. Сим уведомлялся, что Александр Ильич скончался, что он принял и воинскую команду, и Комиссию секретную в свое распоряжение; что, рассмотрев, производством его был доволен; и яицкое предприятие одобрил, рекомендовав примечать на пролезшую близь Ельшанки партию сволочи, повелевая, что ежели появится в степях между Волги и Яика, то чтоб открытым образом он, Державин, делал над нею поиск, не опасаясь, что Пугачев придет тайно укрываться на Иргизе; уведомляя, что он окружен деташаментами на Взяно-Петровских[3] заводах, откуда без поражения выйти не может и путь к Иргизу ему везде прегражден.

Май. Между тем как Державин вопрошал генерала Мансурова, не надобен ли изготовленный для Яика провиант и снаряды и нет ли нужды быть Опекунской команде на Иргизе (ибо тогда тайными присмотрщиками, как генерал Щербатов предписывал, как выше явствует, стеречь Пугачева уже было не для чего), приведен был к нему выбежавший из степи яицкой известный по делам Тайной канцелярии под именем Мамаева злодей. По притворству руки его в коротком расспросе показался он подозрителен; для чего, не откроет ли чего важнейшего, расспрашивай подробнее; и тогда насказал он множество ужасных обстоятельств, по которым, чтоб не упустить минуты опасного времени, предпринято было с естафетом прямо донести в Петербург; но как после многими разноречиями открылся и в том неосновательным, что, наконец, и правда была, то, чтоб не сделать пустой тревоги, в Петербург уведомление отменено, а отослал его Державин князю Щербатову, по принятии им начальства и над Секретною комиссией; донося, что чистосердечия его открыть не мог, ибо сперва ни о каких почти особенных злодействах не говорил, потом стал объявлять наиужаснейшие, а наконец, стал казаться сумасбродным, без всяких пристрастных расспросов.

Тогда же просился Державин о увольнении себя с его поста, для того что по удалении в Башкирию Пугачева по вверенной ему

[3] Так в оригинале. Следует читать: Авзяно-Петровских.

комиссии он ничем действовать не мог. Касательно Мамаева уведомлен от 10-го числа, что сей злодей отдан в Секретную комиссию; а об увольнении его, Державина, ее величество указать соизволила не переменять диспозиции покойного Бибикова и для того, чтоб Державин на посте своем был безотлучным; ибо усматривался тут быть нужным, а именно рекомендовалось ему от Малыковки по Иргизу Опекунскою командою учредить посты, усиля их частью марширующими тогда мимо Денисовского полку казаками. В сем же месяце, а именно от 2-го числа, получил Державин из Оренбурга от князя Голицына ордер с приложением злодейского доклада к Самозванцу от яицкого старшины Толкачова, коим просил он, чтоб дозволено ему было для склонения иргизских жителей и прочих за Волгой лежащих провинций и для собрания провианта, идти с ополчением в ту сторону. Вследствие чего генерал Голицын приказывал ему, Державину, брать оттого предосторожность, которая, как выше видно, предварительно, уже до пришествия в Яик генерала Мансурова, была принята; ибо от стоящих при Шафгаузене Опекунских команд, с апреля еще месяца, простерся слух, что около колоний есть войска.

Сего же месяца, в первых числах, от генерала Мансурова получил Державин на вопрос его ответ, что Опекунская команда на Иргизе не надобна, но провиант и снаряды доставить высланному для того нарочно из Яика до иргизских мостов офицеру, что чрез капитана Ельчина исполнено.

Между тем, как с форпостов, так и от генерала Мансурова извещалось, что ставропольские калмыки, скитаясь по степям, прорывались чрез Самарскую линию, желая проехать в Башкирию; но, будучи там разбиты, большею частью обратились к Иргизу, за которыми хотя командирован подполковник Муфель, однако приказывалось и Державину воспрепятствовать их предприятию; а паче, чтоб закрыть колонии. Но, как выше видно, что Опекунская команда была на Иргизе, то и была к тому готова. Капитан Ельчин хотя и имел вместо конницы (то есть донских денисовских казаков, за переправою из-за Волги не поспевших) собранных Державиным малыковских крестьян, но как при первом разе к битве были они не привыкши, да и капитан Ельчин не столь храбро поступал как должно, что не в номерную даль расстрелял попусту два комплекта

зарядов и требовал оных присылки, то поражения их и покорения к законной власти сделать не мог; но довольствовался только отпужанием их от Иргиза. Когда ж Муфель подоспел, то Ельчину сообщено Державиным, чтобы подвинуться к Волге и застановить колонии. Тогда же получил он ордер, чтоб денисовских казаков наипоспешно командировать к Оренбургу; а от 27-го числа от генерала князя Щербатова за военные распоряжения благодарность, и что калмыцкий бунтовщик Дербетев деташаментом от Муфеля истреблен, и что за продолжающимся в Башкирии бунтом взято из Яика некоторое число войск; а наместо их приказано подвинуться на Иргиз с 300 малороссийскими козаками майору Черносвитову, и велено ему в нуждах исполнять сообщения Державина. Сего же месяца, от 21-го числа, получен ордер от г. казанского губернатора фон Бранта, в коем уведомлялся Державин, что Секретная Казанская комиссия и спокойствие его губернии вверено его попечению, и хотя должен он, Державин, по смерти генерала Бибикова, о всем доносить генералу Щербатову, однако чтоб не преминул он его и оренбургского губернатора, по доверенности ему и Оренбургской комиссии, о всем репортовать. Посему и не знал Державин, у кого он состоит в совершенном подначальстве, а для того и предпринял исполнять всякое предписание, лишь бы на пользу было службы.

Июнь. В сем месяце дано ему знать от генерала Мансурова, что с малороссийскими козаками майор Черносвитов откомандирован в Оренбург. На репорт его, что как сторона Иргиза была тогда спокойна, а о Пугачеве и слуху не было, то ни военного по разным ордерам, ни по тайному его наставлению ему дела нет, получил он от 12-го числа сего месяца от генерала Щербатова предписание, в котором возвещалось ему, что усилившийся было Пугачев генералом Декалонгом 21-го дня мая под крепостью, а на другой день подполковником Михельсоном совершенно разбит, ушедши только с восемью человеками в Исецкую провинцию, или в Башкирию, пропал без вести. Для того повелевалось, по тайным паки учреждениям, взять наблюдение, в чаянии, что он придет один укрываться на Иргизе или Узенях. Здесь должно напомянуть, что Опекунская команда, по совершенному в той стране спокойствию, возвращена в Саратов.

Сего месяца получен Державиным указ из Казанской секретной комиссии, в котором вопрошался он, почему и на каком основании

имеет у себя малыковского экономического крестьянина Ивана Серебрякова, содержавшегося в Сыскном приказе и взятого на поруки поручиком Максимовым, до которого вследствие именного указа имеет Юстиц-коллегия дело и уже многократно из Симбирской канцелярии его к себе требовала? Из сего заключил Державин, что Секретная комиссия никакого о его посылке сведения не имела; ибо главным основанием оной был сей Серебряков, потому что он, знав прилепление иргизских раскольников к Пугачеву, мыслил, что ему по разбитии его на первый случай броситься некуды, как в кутуки и ухожи, на сей реке и Узенях имеющиеся, к друзьям его; в рассуждении чего подал доношение покойному Бибикову, прося, чтоб он употребил его туда для надзирания; почему он под руководством Державина с товарищем его Трофимом Герасимовым и послан, и находились оба главными лазутчиками. Сии все обстоятельства донесены были Казанской Секретной комиссии. Но по обнаружению опосле всех обстоятельств, здесь чистосердечно сказать должно, что когда Серебрякову и Максимову не удалось вышеозначенных в польской Украине награбленных кладов отыскать, ибо все те области, как военный театр против турков, заняты были войсками, и неможно им было без подозрения на себя, шатаясь в степях, искать кладов, то они предводителя их Черняя отпустили или куда девали неизвестно, сами удалились на свои жилища; но как возмущение Пугачева открылось и не знали еще заподлинно, кто он таков, то и думали, что был то Черняй, содержавшийся в Сыскном приказе разбойник, ушедший из-под караула; с Черняем тогда пропал и Серебряков, взятый на поручительство Максимовым, то и стали их сыскивать обоих, а они, чтоб укрыться от беды, а может быть, и сделать выслугу поимкою в самом деле бунтовщика и тем загладить свое преступление, кинулись по московскому знакомству к Державину, а сей, как выше явствует, представил Серебрякова к Бибикову, который и определен в лазутчики с Трофимом Герасимовым под надзиранием Державина.

В оном же месяце, от 28-го числа, уведомлен Державин был от генерала Мансурова с Яика, что он имеет сведение о нападении киргиз-кайсаков на иргизские селения, то чтоб он имел осторожность; однако б не производил народного волнования, ибо чаял он, что сие неосновательно. В сем месяце явился к нему малыковский дворцовый крестьянин Василий Иванов сын Попов, который объ-

явил якобы злодея Пугачева письмо, во время бытия его в Симбирске писанное на Иргиз к раскольничьему старцу Филарету, и донес также, что будто слышал он между разговорами саратовских покровских малороссиян, что они имеют умысл, собравшись на Узенях, проехать к Пугачеву в Башкирию. Письмо с обстоятельным Попова расспросом тотчас отослано к князю Щербатову для препровождения его куда следует — в Секретные комиссии; а о доносимом малороссиян умысле за отбытностью из Саратова астраханского губернатора писано к старшему начальнику в сем городе бригадиру Лодыженскому, чтоб приказано было за ними примечать, для чего и Попов туда для показания тех, от кого он умысел слышал, послан.

С Иргиза в то же время репертовано Державину было, что несколько малороссиян, подшатнувшись к селениям, жаловались на ограбление их калмыками и спрашивали, далеко ли располагаются наши команды? Сие призналось и генералом Мансуровым за ложную от них выдумку, чтоб чрез то разведать, где можно им будет ускользнуть между наших войск; ибо уже калмыки давно были из сих мест совсем истреблены.

Июль. Ордерами как от казанского губернатора, так и от князя Щербатова уведомлен был Державин, что злодей, овладев пригородном Осою, набрал суда и стремится Камою вниз, желая, якобы по известиям, пробраться к Иргизу, для чего и предписывалось взять предосторожность, учредя как на сухом пути имеющимися на Иргизе 200 донскими казаками заставу, так и приготовить, сколько можно, вооруженных судов для воспрепятствования стремления его по Волге. Суда были приготовлены, и для вооружения их взяты у малыковских обывателей несколько фальконетов; к содействию же их требовал от Опекунской конторы ее артиллерийских рот; но в том отказано, потому что сама Контора имела в них нужду, по некоторым беспокойным мыслям колонистов. Сие конторское уведомление послано подлинником к генералу князю Щербатову, и донесено притом, что водяного ополчения не будет, потому что за случившимся 13-го числа пожаром вся Малыковка и изготовленные суда и снасти сгорели, и что по доносу Попова о малороссиянах как еще никакого сведения из Саратова нет, то и почитает оный едва ли основательным; но чтоб удостовериться в том заподлинно, поехал он сам в сей город.

По прибытии нашел, что бригадир Лодыженский дело сие поручил правящему воеводскую и комендантскую должность полковнику Бошняку; а он, нарядив ведения своего саратовских казаков, дал в команду тому доносчику Попову, которые и зачали грабить домы малороссиян; между тем, забрав их всех, посадили в одно место, которые в одно слово и заперлись, что они ничего и ни про какой умысл с Поповым не говаривали; и что он наклепал на них то напрасно. По сей причине Попов, по недоказательству его своего доноса, а паче по обличению его с казаками грабежа малороссиян, отослан сам под стражу в воеводскую канцелярию. В сие время, то есть 16-го числа июля, получил Державин из Сызранской канцелярии известие, что Казань, но приближении злодейских полчищ, выжжена; о сем донес он тотчас чрез нарочного в Яик генералу Мансурову и получил ответ, что ежели в краю Саратова будет настоять опасность, то он не умедля прибудет сам с своим деташаментом. Того ж 16-го числа вышеписаное о Казани известие объявил Державин саратовским начальникам бригадиру Лодыженскому и полковнику Бошняку. Почему они 21-го числа в Опекунской конторе, сделав собрание, пригласили к тому и Державина. Тут сделано было определение, чтоб для безопасности казенного, церковного и частного имущества, женского пола и людей невоенных сделать укрепление около провиантского опекунского магазина, в котором сложено было 25 000 кулей ржаной муки, яко в месте по имуществу казенного интереса и по местоположению важном и оставить в нем небольшой гарнизон под начальством коменданта Бошняка с 14 чугунными пушками и мортирою. Прочим же войскам, то есть двум артиллерийским ротам с Саратова и донским казакам с четырьмя медными полевыми единорогами под предводительством артиллерийского майора Семяжи, идти навстречу злодею, ежели он наклонится к стороне Саратова; ибо тогда уже получено было известие, что он переплыл у Кокшайска Волгу и находился близ Курмыша. Сие определение Державин при репорте своем отослал к князю Щербатову, донося притом, что являющиеся между начальниками разных команд разногласия требуют одного командира. На что в ответ того же месяца и получил от него

ордер, в котором сказано было, что будет над Саратовым главный командир — генерал Мансуров.

Но в то же время дошло повеление от генерала майора Потемкина, в котором возвещалось, что он по высочайшему именному ее императорского величества указу определен непосредственным начальником Оренбургской и Казанской Секретных комиссий, и чтоб Державин о вверенном ему поручении, на каком оно основании производилось, и что он по оному произвел, репортовал его наискорее. Чтоб исполнить оное как можно скорее, поехал он из Саратова обратно в Малыковку, ибо письменные его дела оставались тогда в сем селе, также чтоб и приготовить к пришествию злодея крестьян вооруженных, ибо ему желалось когда будет злодей иметь дело с саратовскими войсками, то б теми крестьянами при верных его лазутчиках, заставя проезды, схватить его; потому что ухищрение его или, лучше сказать, трусость по многим разбитиям известны уже были, что во время сражения всегда он удалялся, и когда усматривал толпы его опрокинутыми, то с малым числом своих приближенных предавался в бегство то в ту, то в другую сторону и, остановись где-либо в отдаленных местах, набирал или накоплял новые толпы бессмысленной сволочи. В сей проезд в Малыковку Державин получил от генерала Потемкина вторичный ордер, которым уведомлялся он, что производство его комиссии получил от генерала князя Щербатова и, разбирав оное, нашел связь в делах; чем быв доволен, изъявил ему свое удовольствие и предписал, что как время настало настоящему его подвигу, то б он не жалел ни труда, ни денег, если обстоятельство потребует оных, и что он на него, Державина, полагает всю надежду. Сие самое побудило его горячее вмешаться после в саратовские обстоятельства. В то же самое время дошел к нему и князя Щербатова ордер, в котором извещался он, Державин, что дела его комиссии отдал сей князь генералу Потемкину и его самого в совершенную его команду, изъявляя ему благодарность за все время пребывания под его начальством.

В течение же сего времени, как выше значит, пришедшие двести человек с Иргиза донских казаков, долженствующие расположиться по ордеру генерала Щербатова в Сызрани, пришли, и как предписано

было ему, по обстоятельствам, близ Малыковки к Волге ими распоряжать; то, понеже не известно еще было, на Сызрань ли, Малыковку или Саратов устремится злодей со своими полчищами, то, чтоб от Сызрани до Саратова иметь в примечании все расстояние, и велел он ста человекам около Сызрани, а ста около Малыковки делать их разъезды. Таким образом, как все исправил, что потребно было в Малыковке, отправился он паки в Саратов, дабы согласно и с его стороны чем можно содействовать определению начальников сего города; ибо и он по желанию их подписался под оным.

Август. Прибыв в оный город, не нашел он никакой готовности ни в рассуждении ретрашамента, ни в рассуждении войск, коими положено было встретить, чем далее, тем лучше, злодея, вступившего, по известиям от 1-го числа месяца, уже в город Пензу. Вследствие чего неоднократно саратовскому коменданту Бошняку словесно и письменно напоминал, чтоб исполнено было общее определение, которому он разными своими каверзами препятствовал; но как, невзирая ни на что, успехов не предвиделось, то обо всех расстроенных обстоятельствах, происходивших в Саратове, не уреживая, репортовал он начальника своего генерала Потемкина; от него получал предписания, которые как одобривали его саратовским начальникам представления, так и повелевалось высочайшим именем ее величества коменданту объявить, что он по всей строгости законов судим будет, ежели не исполнит благоучрежденного приготовления, на которое в общем определении он согласился и подписал оное. По многим, однако, прошедшим дням ничего не было предпринято, и наконец, по сильном убеждении бригадира Лодыженского и прочих, решился он на пожарище города Саратова (ибо и он недавно выгорел), хотя на месте к обороне неудобном, которым командовали горы, сделать укрепление. Сие было сево дни, а завтра, взяв другие мысли, объявил, что для очистки места, или эспланады, никак некоторых начавшихся после пожару новых строений ломать и приготовленных бревен отобрать не позволит, следовательно, и укрепление делать не будет; ибо-де жители ропщут. Дабы основательно узнать, был ли таковой ропот от граждан, вошел Державин в магистрат, собрал присутствующих и велел записать в журнале, что ежели кто покажет недоброжелательство к исполнению общественного спасительного приговора в толь кри-

тических обстоятельствах, тот признан будет за подозрительного человека и, скованный, отошлется в Секретную комиссию. Граждане посему тотчас собрались, оказали ревностное желание к работам и действительно день один делали около провиантских магазейнов ретрашамент. Однако на другой день комендант по упорству своему, призвав полицеймейстера, приказал объявить жителям, что они на работу не наряжаются; а ежели кто хочет по собственной своей воле, тот может работать. Легкомысленный народ рад был такой поблажке, а из сего произошла и у благоразумнейших колебленность мыслей, дурные разгласки, и работа вовсе остановилась. Зачинщики и буяны из подлой черни, оказавшие дух возмущения, поименно требовались Державиным от воеводской канцелярии по силе секретного его наставления; однако они не были к нему присланы.

Получая ж известия час от часу хуже и что уже злодей около Петровского, а не видя никакого приготовления в Саратове к низложению их и опасаясь, чтоб имевшимися в сем городе пушками и порохом они не усилились и чтоб взволновавшийся там народ сколько можно укротить, а паче чтоб открыть силы злодейские, предлагал он послать отряд. Но как предводительствовать оным никто от начальников не выбирался и не вызывалося никого к тому своею охотою, то и принял он на себя совершить сие предприятие. На сие согласились; вследствие чего и взял он наскоро из Опекунской конторы под командою есаула Фомина сто человек донских казаков, дабы предупредить на Петровск злодейское нападение. С вечера послал наперед команду, приказав по станциям приготовить лошадей под присмотром на каждой одного казака; ночью написал о всем в подробности генералу Потемкину репорт и поутру рано поехал, взяв с собою по охоте подполковника польской службы Федора Гогеля, жившего в колониях с братом его Григорием Гогелем, который был после в Опекунском совете в Москве начальником. Тут привиделось ему на басню похожее видение, которого он тогда никому не объявлял, дабы не привесть более в робость. А именно: когда он разговаривал, стоя среди покоя в квартире своей, с помянутым бригадиром Лодыженским, с секретарем Петром Ивановичем Новосильцевым, который после был сенатор, и с названым его братом Николаем Яковлевичем Свербеевым,

то, взглянув нечаянно в боковое маленькое крестьянское окно, увидел из него выставившуюся голову остова скелета белую, подобно как бы из тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами. Сие он, хотя в мыслях своих принял за худое предвещание; но, однако же, в предпринятый свой путь без всякого отлагательства поехал. Не доезжая до Петровска верст пять, принудил едущего навстречу крестьянина угрозою пистолетом открыть верное известие, что Пугачев вступил уже в город; в рассуждении чего и посылал он едущего в ординарцах казака, чтоб он возвратил команду, находящуюся в некотором расстоянии впереди. Гогель отсоветовал послать казака, а поехал сам. Державин же с письменным уведомлением отправил между тем лазутчика к графу Меллину, идущему с его отрядом вслед за толпою; но только лишь успел отправить лазутчика, увидел скачущего во всю мочь Гогеля и за ним есаула Фомина, которые кричали, что казаки изменили и предались Пугачеву, покушались их поймать и с ним отвесть в толпу злодейскую; но Фомин, проникнув их умысл, остерег Гогеля, и по быстроте их лошадей к Державину ускакали. Пугачев сам с некоторыми его доброконными вслед за ними скакал; но порознь к ним, имеющим в руках пистолеты, приблизиться не осмеливались. Итак, их и Державина злодею поймать не удалось, хотя он чрез несколько верст был у них в виду. И как наступила ночь и они на станции переменили лошадей, то и отретировались благополучно.

В Саратове по-прежнему не только не нашли никакой готовности, но ниже около оного обыкновенных пикетов. Донеся о всем случившемся начальникам сего города, предлагал Державин последние свои мысли, чтоб, в рассуждении всеобщего в городе страха и беспорядка, сделать хотя из самых помянутых мучных кулей защиту, то есть на первый случай хотя грудной оплот, под обороною пушек и в нем, ежели не пойдет Семанж на неприятеля наступательно, отсидеться до прибытия деташаментов Муфеля и графа Меллина; но, однако, и сего не сделано. Хотя Державин еще дни за три до сего имел, по жалобе коменданта, от губернатора астраханского предписание, что есть ли он воинскую какую команду у себя имеет, но не оставался бы при защите Саратова, а ехал бы на Иргиз, яко в место, которое, по рассуждению его, было единственный его пост; однако, нося имя офицера, Державин за неприличное почел

от опасностей отдаляться и для того, как выше объяснено, ездил в Петровск, имел наблюдение относительно приближения злодея и обстоятельств города, дабы доносить о всем Потемкину и тотчас главнокомандующему по силе инструкции. Вследствие чего при самом наступлении злодея на сей город, быв без всякой для него помощи, выпросил в команду себе одну, находящуюся без капитана, роту; но как до пришествия неприятеля часов за 15 получил письменное от главного своего лазутчика Герасимова уведомление, что собранные по поведению его малыковские крестьяне, находившиеся уже в 20 верстах от города, прослышав, что донские казаки под Петровском предались злодеям, то, получив развратные мысли, не хотели без личного его присутствия идти, то и требовали, что, ежели он жив, приехал бы к ним сам и провел их к Саратову. Объявив сие лазутчиково уведомление бригадиру, сказал, что он едет за показанною нуждою из Саратова. Но как по нагорной стороне проехать уже, за взбунтовавшимися жительствами, было опасно, то и взял он путь луговою стороною. Будучи же задержан за недачею подвод в слободе малороссийской ночь целую и за написанием репорта генералу Потемкину о своем выезде из Саратова, не успел присоединиться к тем собранным крестьянам; получил известие, что злодей к городу пришел, и они уже от оного отрезаны, а наконец, когда чрез несколько часов получил известие, что 6-го числа Саратов взят, то и принужден был распустить крестьян, опасаясь, чтоб они не присоединились к злодею. Исполнив сие, пробыл после взятия Саратовского не в дальном от оного расстоянии в колониях еще почти два дни, дабы, посылая колонистов, осведомиться точно о поворотах злодея, на Яик ли он пойдет или вниз по Волге? 8-го числа около полудни получил известие, что один злодейский полковник с своею толпою переправился чрез Волгу на луговые колонии, набрал в Екатеринштате колонистов, публиковал соблазнительное объявление о вольности, о награждении колонистов и отрядил для поисков Державина нарочных из тех самых, которые от него для разведывания за деньги были посланы. За Державина обещано было 10000 рублей. Главным между сими разбойниками был его гусар из польских конфедератов, в Казани нанятый, который под Петровском в кибитке его с ружьями и пистолетами был захвачен, и он-то самый договорился за означенную

сумму его привесть Пугачеву. Наконец, не получая ни от кого от лазутчиков никакого сведения, не знал, куды ехать, послал егеря капитана Вильгельма, комиссара колонии Шафгаузена, у которого стоял, и сей, прискакав, сказал, что его, Державина, ищут и партия злодеев в пяти уже верстах, остановясь в ближайшей колонии, завтракает. По сему-то уже известию, что злодеи приближаются и что защититься было некем, ретировался он один скакать на той самой лошади, на которой егерь прискакал, до ближайшего города Сызраня, лежащего в расстоянии 90 верст, куды, сколько известно ему было, шел с деташаментом своим генерал Мансуров и где на дороге по Иргизу поставлен был от него из крестьян караул в 200 человек. Переменяя лошадь, приметил он в тех караульных дух буйства, оттого, как опосле известно учинилось, что они уже знали о завладении злодеями Саратова, то их и хотели, схватя, увезти в скопище разбойников; но Державин всегда оборачивался к ним лицом, имея на пистолете руку, заткнутом за патронташем, и когда его стали они перевозить чрез Волгу, то он, прислонясь к боргу, не оборачивался к ним задом и не спускал с них глаз, а как всякой из них жалел своего лба, то он и спасся, скочив проворно «с»[4] парому, коль скоро к берегу приткнулись, ушел в селение князя Голицына. В сем месте отправил он человека госпожи Кариной прозванием Былинкина, человека весьма смелого и проворного, в толпу Пугачева, который брался его убить; но как он, преследуем от Михельсона, далеко находился, то и не мог он попасть в его полчище, а освободил только от его сообщников четырех человек дворян, к смерти ими приготовленных.

В сем же месяце, когда приближился бунтовщик к Саратову, послан был от Державина часто упоминаемый Серебряков к генералу Мансурову с прошением о скорейшем его поспешении на помощь сему городу; но на дороге на иргизской степи неизвестными людьми и с сыном его убит; а тем самым и прекратились все требования у Юстиц-конторы по вышеописанному в Москве его с Черняем уходу; что не только поручику Максимову, но и многим господам сенатским и прочим наделало бы много хлопот.

---

[4] В оригинале: «к».

По прибытии 10-го числа в Сызрань донес Державин генералу Мансурову о всем происходившем в Саратове и куда злодей приял свой путь; но он, имея у себя весьма слабой деташамент, состоящий наиболее из ненадежных яицких казаков, восприявших паки верноподданническую службу, был не решителен идти быстрее к Саратову, а, несколько медля, дожидался свидания с генералом князем Голицыным в назначенном месте, а именно в селе Колодне, где для подробнейшего объяснения Державин остался при Голицыне, который склонял свой марш к Пензе; а Мансуров пошел налево по берегу реки Волги.

Между тем как Державин, находясь при князе, дожидался на репорт свой от начальника Секретной комиссии генерала Потемкина предписания, куда ему следовать, дошли известия, что киргиз-кайсаки опустошают селения иргизские, и паче иностранные колонии, и как деташамент сего генерала был и сам по себе невелик и раскомандирован на успокоение Симбирской и Пензенской провинции, то в таких смутных обстоятельствах и нечем было помочь Иргизу и колониям. Державин между тем, доколе получил от Потемкина распоряжение о своем поручении, вызвался крестьянами прогнать киргиз-кайсаков, лишь бы малое дано ему было военными людьми подкрепление. Голицын сие предложение[5] охотно принял, отрядил 25 человек вышеупомянутых отставных бахмутских гусар и одну полковую пушку. Едва Державин отошел с сим отрядом верст 40, то получил от Голицына с нарочным унтер-офицером ордер, повелевающий идти обратно. Причиною тому было то, что тот унтер-офицер, быв захвачен толпою и убежав из нее, объявил Голицыну, что она находится не далее как верстах в 50 и состоит из 4 000 человек под предводительством некоего разбойника Воронова, называющегося пугачевским генералом; то князь и убоялся, чтоб Державин с толь малою командою не был жертвою сего злодея. Но он, расспрося основательно того унтер-офицера, узнал, что то мятежническое скопище поспешает в соединение с Пугачевым, бегущим от Михельсона к Царицыну; следовательно, беспрестанно удаляется от Голицына и не посмеет на него возвратиться; а потому, наклонясь влево к Сызрани, и нет опасности пройти на Сосновку

[5] В оригинале: предположение.

и Малыковку к Иргизу и колониям. Вследствие чего, изъявя в рапорте князю свое мнение, решился продолжать свой путь, на котором, по повелению сего начальника, в том селении, где схватили курьера нашего и отвезли злодеям, старосту, давшего на то приказание, для устрашения народа, повесил и еще другого, причинившего в Сосновке возмущение. Но, не доезжая еще до той Сосновки, на ночлеге в одном жительстве произошла тревога, некоторым образом пустая, но могла быть и небезважною, ежели бы не было сделано заблаговременно распоряжения. Когда пришел он в то селение, то учредил при въездах из крестьян караул, каждый под начальством гусара, пушку, заряженную картечью, поставил в удобном месте под защитою 6 человек спешившихся с заряженными карабинами гусар; прочим при оседланных конях велел ложиться спать, а сам лег подле пушки. В полночь услышал с одного притона скачущего крестьянина, кричащего: «Злодеи! Злодеи!» Все пришли в крайнюю робость и смятение. Державин велел конным гусарам сесть на коней, пешим приготовиться, сам же взял фитиль, стал у пушки, дожидаясь нападения; но после известно стало, что обыкновенные разбойники, разграбя одного управителя графа Чернышева, хотели в том селении пристать; но когда их на форпосте окликали, то они, не отвечав, побежали в лес, из коего вышли, а часовой, их испугавшись, поскакал в селение и встревожил оное.

Сентябрь. Приехав в Малыковку, нашел оную в крайнем беспокойстве по причине в ней причиненных злодеями бедствий. Когда он, будучи в Шафгаузене, получил от егеря известие, что по завладении Саратова отряжена толпа его сыскивать и уже приближались, то он послал повеление в Малыковку к бывшему там экономическому казначею Тишину, дворцовому управителю Шишковскому и к унтер-офицеру саратовских артиллерийских рот с 20 фузелерами, бывшими у него на карауле, чтоб они, поелику уже Саратов злодеями занят и могут они свободно напасть и на Малыковку, то чтоб помянутые чиновники и унтер-офицер старались спасти дворцовую экономическую казну и его секретные бумаги, удалясь на какой-либо на Волге близь находящийся островок, окопались и сидели там; а в случае нападения оборонялись бы до прихода наших войск. Они точно то исполнили, взяв с собою жен и именитых надежных поселян; детей же своих малолетних эконо-

мическая казначейша Тишина, опасаясь, что они будут в сокрытии на острове плакать и злодей услышит, нарядя в крестьянские замаранные рубашонки, оставила с их кормилицами и нянькою у надежных крестьян. На другой день рано, приехав из разбойников двое, объявили, что они из армии Батюшки; народ вмиг сбежался, принял их с радостью, и они так напились, что легли близь кружала врастяжку. Обыватели поставили вкруг их караул, и ночь прошла в глубокой тишине и спокойствии. Г-жа Тишина скучилась по детях и по великому в селе безмолвию подумала, что в оном из неприятеля никого нет; уговорила мужа на утренней заре съездить и посмотреть детей. Сели в лодку, заклались травою и с помощью двух гребцов и кормщика благополучно приплыли к берегу. Тут кормщик, изменя, сказал о них злодеям, едва с похмелья проснувшимся. Они тотчас схватили мужа и жену; мучили, неистово наругавшись над нею, допросились о детях, которых едва сыскали и принесли, то, схватя за ноги, размозжили об угол головы младенцев; а казначея и казначейшу, раздев, повесили на мачтах и потом, расстреляв, уехали. А как после того никаких скопищ злодейских в Малыковку не приезжало, то унтер-офицер с солдатами из засады выехали, казну и письменные дела уложили в свои места. Но как слышно стало, что Державин от Голицына идет с командою, то обыватели, чувствуя свою вину, что двум пьяным бездельникам учинили предательство, схватили тех варваров, которые погубили с семейством Тишина, посадили под караул. Державин немедля учинил им допросы и нашел, что 4 человека главные были из изменников, из коих один укрылся; то остальных, по данной ему от генералитетов власти, определил на смерть; и чтоб больше устрашить колеблющуюся чернь и привесть в повиновение, приказал на другой день в назначенном часу всем обывателям, мужскому и женскому полу, выходить на лежащую близь самого села Соколину гору; священнослужителям от всех церквей, которых было семь, облачаться в ризы; на злодеев, приговоренных к смерти, надеть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелеров 20 человек при унтер-офицере поставил задом к крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарам приказал с обнаженными саблями разъезжать около селения и не пускать никого из оного с приказанием, кто будет бежать, тех не щадя рубить. Учредя таким образом,

повел с зажженными свечами и с колокольным звоном чрез все село преступников на место казни. Сие так сбежавшийся народ всего села и из окружных деревень устрашило, что хотя было их несколько тысяч, но такая была тишина, что несмел никто рта разинуть. Сим воспользуясь, сказанных главнейших злодеев, прочтя приговор, приказал повесить и 200 человек, бывших на иргизском карауле, которые его хотели, поймав, отвести к Пугачеву, пересечь плетьми. Сие все совершили, и самую должность палачей не иные кто, как те же самые поселяне, которые были обвиняемы в измене. Державин же только расхаживал между ними и причитывал, чтоб они впредь верны были государыне, которой присягали. Народ весь, ставши на колени, кричал: «Виноваты и рады служить верою и правдою!»[6]

Тогда же приказано было до 1000 человек конных вооруженных набрать ратников и 100 телег с провиантом. В одни сутки все то исполнено; 700 исправных конников явилось перед ним с сказанным обозом из ста телег.

С сим отрядом по известиям, что киргиз-кайсаки в разных местах чинят нападение на колонии и разоряют их до основания, так что не успеешь обратиться в одну сторону, уже слышишь совершающееся бедствие в другой, 1-го числа сего месяца, переправясь чрез Волгу, учинил он распоряжение: 1)Отобрав 200 человек, разделил их на 4 форпоста, поставил на 100 верстах, от Шафгаузена до Екатериненштата, по 50 человек на каждом, подчинил комиссарам колоний, с таковым приказанием, чтоб они в каждой колонии, собрав колонистов, могущих каким ни есть оружием обороняться, учредили напереди их на пригорках маяки с караульными посменно день и ночь, человека по три, и коль скоро где завидятся на степи киргизцы, то чтобы к тому маяку, который зажжен, сбирались с той и другой стороны по 50 человек помянутых вооруженных крестьян и колонистов, сколько где собрано будет; а как таковым распоряжением могло составляться на каждом форпосте до 200 человек вооруженных людей, то и учинились колонии на луговой стороне Волги защищены безопасным кордоном. 2) Поелику от Волги к Яику, куды ему в погонь за киргизцами следовать надлежало, лежит

---

[6] В оригинале: «Ради служить».

степь ровная с небольшими в иных только местах наволоками или пригорками, то от нечаянного нападения не привыкшие к строю крестьяне чтоб не пришли в замешательство и робость, то из ста телег с провиантом построил он вагенбург, в средину коего поставил 100 человек с долгими пиками, а 400 остальных, разделя на два эскадрона и разочтя на плутонги, из гусар назначил между ними офицеров и унтер-офицеров; поставил на флигелях в передней шеренге пушку под прикрытием 20 фузелер, составил свою армию и пошел прямо чрез степь к Узеням, по сакме, или дороге, пробитой прошедшими с пленом киргизцами. Маршируя в таком порядке всем вагенбургом и имея по флигелям конницу около недели, усмотрели передовые, или фланкёры, в долине, на вершинах малой реки Керамана, ополченную неприятеля великую толпу, которая с пленными людьми и с великим множеством у колонистов и иргизских поселян отогнанным скотом казалась страшною громадою; но коль скоро с наволока показались передние шеренги, красные мундиры, и с боков, во фланг сей толпы, стала заезжать конная рать под предводительством гусар, то варвары дрогнули и, ударясь в бегство во все стороны, оставили плен. Переколото, однако, на месте их 50, взято в плен шесть человек, в том числе два молодых султана, или султанских детей; колонистов отбито обоего пола 800, прочих русских поселян с 700, всего около 1500, да скота несколько тысяч. Разбойников толпа была немалая, по уверению пленных около 2000 человек. За сей подвиг получил Державин от князя Голицына, его в сию экспедицию отрядить согласившегося, благодарный ордер следующего содержания...

По учинении сего не мог он глубже в степь простираться за остальными пленниками, которых увели киргизцы до 200 человек, потому что те, которые отбиты, были так изнурены и измучены, что его слишком обременяли; а паче что как их должно было всех кормить, то и запас сильно истощился, а потому, довольствуясь сим успехом, пошел на ближайшую колонию, Тоикошуравиль называемую, где и отдал весь плен с имуществом и со скотом комиссару польской службы подполковнику Григорию Гогелю; а Опекунской конторе дал знать о дальнейшем об оном попечении и получил от нее в принятии пленных и скота квитанцию.

После сего с некоторою частью вооруженных крестьян, которых у него в сем походе и всего было 500, учинил прикрытия в нужных местах колониям, и восстановя в них прежний порядок, хотел было еще идти для поисков хищнических киргизских партий и отнять у них оставшихся еще несколько колонистов, которых они, в первых набегах схватя, увели в свои кочевья; но, будучи как ордером генерала князя Голицына, так и чрез яицкого старшину майора Бородина, трубчевским комендантом уведомлен, что Пугачев, по разбитии его под Черным Яром Михельсоном, бросился на луговую сторону Волги и пробирается на Узень, коего он с своею командою послан преследовать; для того когда Державин не имел еще известия, что князь с своим деташаментом пришел на Иргиз, то, чтоб занять сей проход, учредив, как выше сказано, в пристойных местах, по колониям посты, отправился на реку оную; а там и нашел сего генерала. Поелику же наступило самое то время, что ему, Державину, надлежало исправлять порученную ему г. Бибиковым комиссию; потому, что Пугачев находился бессильным и в самых тех областях, которые наблюдению Державина вверены, то и не нашел он другого средства, как, выбрав понадежнее из бывших с ним вооруженных малыковских крестьян сто человек, взяв у них жен и детей для верности в залог, обещав награждение и дав самым делом каждому по пяти рублей, послал под тем видом, что якобы ездят они за киргизцами, а в самом деле, есть ли можно будет, присоединясь к злодейской скитающейся толпе, поймать Самозванца. Сие его предприятие опробовал и князь Голицын. Крестьяне наряжены; но дабы придать более отряду важности и вперенным в мысли их ужасом отвратить от малейшего покушения к измене, приказал он собраться им в полночь в лесу, на назначенном месте, где, поставя в их круг священника с Евангелием на налое, привел к присяге и повесил из тех убийц казначея Тишина, которые укрылись было от казни, над прочими совершенной в Малыковке; дал наставление, чтоб они живого или мертвого привезли к нему Пугачева, за что они все единогласно взялись и в том присягали. По окончании сего обряда они тотчас отправились в степь под начальством одного выбранного из них же старшины. Между тем князь с своим деташаментом пошел от Иргиза ближе к Яицкой крепости, а Державин с остальными крестьянами на сей реке остался.

Несколько дней спустя возвратился отряд его и привез с собою заводского служителя Мельникова, бывшего в толпе злодейской полковником, находившегося при Пугачеве. Сей в допросе показал, что убежал от него, когда его сообщник Творогов и прочие на ночлеге при реке Узенях схватили и увезли в Яицкий город к находящемуся там в Секретной комиссии гвардии офицеру Маврину; что посланные крестьяне днем только одним не успели к тому ночлегу, так что разведенный на нем огонь еще совсем не погас и несколько головней курилось. Державин в тот же час отправил его под крепким караулом к Голицыну, яко близь его находящемуся военному генералу, и донес также о поимке самозванца в Казань генералу Потемкину; сам же на несколько дней остался на месте, пока не получил от разных от него разосланных лазутчиков подтвердительные о том же известия. Князь Голицын, расспрося присланного от Державина бродягу Мельникова, послал тогда же с сим радостным известием о поимке самозванца подполковника Пушкина в Пензу к находившемуся там, принявшему тогда полную команду над всеми войсками, посланными на истребление бунта, к генералу аншефу графу Петру Ивановичу Панину. Сей Пушкин, по повелению князя, просил Державина сказать ему чистосердечно, не дал ли он о сей поимке злодея известия ему, главнокомандующему, прежде его или кому другому из генералов. Державин сказал, что он репортовал только тем, кого должно по команде; а именно: по воинской его — Голицына, а по секретной — генерала Потемкина, предоставив к главному начальству дать сведение им самим; чем и был он доволен, полагая, что посланный к Потемкину курьер в Казань, сделав крюк несколько сот верст направо, не мог достигнуть прежде в Петербург, чем прямою дорогою чрез Пензу от графа Панина; но как Державин, послав своего курьера в Казань чрез Сызрань, написал в его подорожной для ободрения селений, пребывавших от возмущения в ужасе, по дороге лежащих, то сызранский воевода, увидя толь благоприятное известие, уведомил о том графа Петра Ивановича, и как сие уведомление дошло до графа прежде привезенного подполковником Пушкиным, то и встала на Державина буря.

Таковое спутанное обстоятельство раздражало чрезмерно честолюбивого военачальника. Граф Панин подумал, что в угождение

Потемкину, которому сродственник был князь Потемкин, тогдашний любимец императрицы, с умыслу умедлил донесение и тем главное начальство его презрено, и доставлена честь первого известия о поимке злодея им, Потемкиным, а не ему, как по порядку службы следовало. Хотя посланный из Казани от генерала Потемкина курьером майор Бушуев приехал в Петербург после отправленного от Панина из Пензы князя Лобанова-Ростовского, но доколе сего впоследствии не объяснялось, то граф Панин пребывал в чрезвычайном на Державина бешенстве и в пылу своего гнева, придравшись к беспорядкам саратовским, почитая виновником оных Державина, требовал от него от 27 сентября ответа чрез генерала Мансурова, каким образом не случился он быть при нападении на Саратов, как на посте его, где с командою пребывание его требовалось? Когда, за сколько времени от того нападения и куды отлучался? Хотя вместо наград за ревностную службу таковое повеление было крайне обидно; но отвечать было на оное нетрудно, потому что у него, Державина, не было никаких военных людей под командою и отлучился он из Саратова пред нападением злодеев не по собственному своему желанию и не по трусости, но по обстоятельствам вышеописанным и не туда, куда прочие военные начальники, Бошняк и прочие, по способности плыли вниз Волгою рекою в Царицын на судах, убежали под защиту того города коменданта Цвиленева; но в мятущиеся внутренние селения, дабы распустить собранных там им крестьян, могущих усилить толпы злодейские и оборонить, если можно будет, колонии, что им, как выше видно, удачно и исполнено. А как таковой репорт, или ответ, от 5-го числа октября 1774 года посланный по пылкому свойству Державина, был довольно смел и неуступчив, так что он надеялся на правоту свою, требовал суда, то и получил от него, графа Панина, от 12-го числа того же месяца престранный весьма велеречивый ордер, которым он хотя показывал свое неудовольствие и насмехался, что не им, Державиным, Пугачев пойман; однако наконец заключил тонна сими словами: «Впрочем, будьте уверены, что все сие из меня извлекло усердие к людям, имеющим природные дарования, какими вас Творец вселенной наградил, по истинному желанию обращать их в прямую пользу служения владеющей нашей великой Государыни и отечеству и по той искренности, с которою я пребыть же-

лаю, как и теперь с почтением есмь вашего благородия верный слуга граф Петр Панин». Сей ордер, частью грозный и частью снисходительный, внушил желание молодому чувствительному к чести офицеру ехать к графу самому и, лично с ним объяснившись, рассеять и малейшее в нем невыгодное о себе заключение; а как он имел уже повеление от непосредственного своего по Секретной комиссии начальника генерала Потемкина ехать к нему в Казань, то и употребил сей случай к исполнению своего намерения, хотя мог и миновать Симбирск, в котором тогда граф Панин находился.

Подъезжая к сему городу рано поутру, при выезде из подгородных слобод, встретил сего пышного генерала, с великим поездом едущего на охоту. Поелику ж он по осеннему холодному времени сверх мундира был в простом тулупе, то и не хотел в сем беспорядке ему показаться; уклонился с дороги и, по миновании свиты, приехал в Симбирск. Там нашел князя Голицына, который чрезвычайно удивился, увидя, что маленький офицер приехал сам собою, так сказать, на вольную страсть, к раздраженному, гордому и полномочному начальнику. «Как, — спросил он,— вы здесь, зачем?» Державин отвечал, что едет в Казань по предписанию Потемкина, но рассудил главнокомандующему засвидетельствовать свое почтение. «Да знаете ли вы, — возразил князь, — что он, недели с две, публично за столом, более не говорит ничего, как дожидается от государыни повеления повесить вас вместе с Пугачевым?» Державин отвечал: ежели он виноват, то от гнева царского нигде уйти неможно. «Хорошо, — сказал князь,— но я, вас любя, не советую к нему являться, а поезжайте в Казань к Потемкину и ищите его покровительства». — «Нет, я хочу видеть графа», — ответствовал Державин. В продолжение таковых и прочих разговоров наступил вечер, и скоро сказали, что граф с охоты приехал. Пошли в главную квартиру. Державин, вошедши в комнату, подошел к графу и объявил, кто он таков и что, проезжая мимо по предписанию генерала Потемкина, заехал к его сиятельству засвидетельствовать его почтение. Граф, ничего другого не говоря, спросил гордо: «Видел ли он Пугачева?» Державин с почтением: «Видел на коне под Петровским». Граф, отворотясь к Михельсону: «Прикажи привесть Емельку». Чрез несколько минут представлен Самозванец, в тяжких

оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе. Лишь пришел, то и стал пред графом на колени. Лицом он был кругловат, волосы и борода окомелком, черные, склоченные; росту среднего, глаза большие, черные на соловом лазуре, как на бельмах. От роду 35 или 40 лет. Граф спросил:

«Здоров ли, Емелька?» — «Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство». — «Надейся на милосердие Государыни», — и с сим словом приказал его отвести обратно туда, где содержался. Сие было сделано для того, сколько по обстоятельствам догадаться можно было, что граф весьма превозносился тем, что Самозванец у него в руках, и, велев его представить, хотел как бы тем укорить Державина, что он со всеми своими усилиями и ревностью не поймал сего злодея. Но как бы то ни было, тотчас после сей сцены граф и все за ним пошли ужинать. Державин рассудил, что он гвардии офицер и имел счастье бывать за столом с императрицею, то без особого приглашения с прочими штаб- и обер-офицерами осмелился сесть. В начале почти ужина граф, окинув взором сидящих, увидел и Державина, нахмурился и, заморгав по привычке своей глазами, вышел из стола, сказав, что он позабыл было отправить курьера к государыне. На другой день до рассвету Державин, пришел в квартиру главнокомандующего, просил камердинера доложить о приходе своем его сиятельству, сказав, что он имеет нужду. Ответствовано, чтоб подождал. Наконец, по прошествии нескольких часов, около обеден, граф вышел из кабинета в приемную галерею, где уже было несколько штаб- и обер-офицеров; и он был в сероватом атласном широком шлафроке, французском большом колпаке, перевязанном розовыми лентами. Прошед несколько раз вдоль галереи, не говоря ни с кем ни слова, не удостоил и взгляда дожидающегося его гвардии офицера. Сей, когда полководец проходил мимо, подошедши к нему с почтением, взял его за руку и, останова, сказал: «Я имел несчастие получить вашего сиятельства неудовольственный ордер; беру смелость объясниться». Таковая смелая поступь графа удивила. Он остановился и велел идти за собою. Проходя чрез несколько комнат в кабинет и вошедши в оный, гневно делал ему выговор, и между прочим, что он в Саратове с комендантом Бошняком, пред нашествием на сей город злодеев, обходился неуважительно и даже в один раз выгнал

его от себя, сказав, чтоб он, во исполнение общественного и собственного его приговора, не препятствовал делать гражданам предположенного укрепления и шел бы туда, где ему долг и честь быть повелевают. Офицер, выслушав с подобострастием окрик генерала, сказал, что «это все правда, ваше сиятельство, я виноват пылким моим характером, но не ревностною службою. Кто бы стал вас обвинять, что вы, быв в отставке на покое и из особливой любви к отечеству и приверженности к высочайшей службе всемилостивейшей государыни, приняли на себя в толь опасное время предводить войсками против злейших врагов и не щадя своей жизни. Так и я, когда все погибало, забыв себя, внушал в коменданта и во всех долг присяги к обороне города». Сие или сему подобное когда с чувствительностью выговорено было, то у сего надменного и вместе великодушного генерала вдруг покатились ручьем из глаз слезы. Он сказал: «Садись, мой друг, я твой покровитель». С словом сим вошед, камердинер доложил, что генералы пришли и желают его видеть. Тотчас отворились двери. Вошли князь Голицын, Огарев, Чорба, Михельсон и прочие, из коих первый как принимал участие в Державине, то при самом входе и бросил на него глаза, желая знать, что с ним произошло. Сей веселым видом ответствовал, что гроза прошла безвредно. Разговор начался об охоте; граф хвалился, что была успешна. Державин, дабы удостоверить слышателей о своей невинности и о благоприятном к нему расположении начальника, несмотря на произнесенные им недавно на него при многолюдстве грозы, вступя в разговор об охоте, сказал с усмешкою графу, что он смеет успех оный приписать себе. «Как?» — с любопытством спросил граф. «По русской пословице, ваше сиятельство, — ответствовал поручик,— какова встреча, такова и охота. Я при самом выезде из города вас встретил и сердцем пожелал вам удачливой охоты». Граф, засмеявшись, поблагодарил и, когда оделся, по выходе из кабинета, пригласил к обеду. За столом показал ему место против себя, говорил почти с ним одним, рассказывая, каким образом московское дворянство в собрании своем для принятия мер к защите от мятежников сей столицы, когда назначался в предводители войск граф Петр Борисович Шереметев, то мало или почти никого не вооружили людей своих по примеру казанского дворянства; а когда его, графа, наименовали в вожди, почти ничего

не жалели. Словом, Державин приметил сильное любочестие и непомерное тщеславие сего, впрочем, честного и любезного начальника; но сею слабостью его, как будет ниже видно, не умел или не хотел воспользоваться. По окончании обеда граф пошел отдыхать. В шесть часов после полудни, как бывало обыкновенно при дворце Екатерины, генералитет и штаб-офицеры к нему собрались. Граф опять вступил в пространный разговор с Державиным и занимал его оным более получаса, рассказывая про Прусскую семилетнюю войну, в которую он служил еще полковником, и, наконец, про Турецкую и более всего о взятии Бендер под его предводительством в 1770 году, чем он весьма превозносился, твердя непрестанно, что молодым людям весьма во всех делах нужна практика, как и вышеупомянутый его ордер от 12 октября сим выражением был наполнен. Потом сел за карточный стол с Голицыным, Михельсоном и еще с кем-то, составя вист, игру, тогда бывшую уже в моде. Тут Державин сделал великую глупость. Ему не рассудилось, в угодность главнокомандующего, стоя попусту зевать, для чего, подошедши к нему, сказал, что он едет в Казань к генералу Потемкину, то не угодно ли будет чего приказать. Сие так тронуло графа, что виден был гнев на лице его, и он, отворотясь, холодно сказал: «Нет». Но есть ли б несколько при квартире его был и поласкал его самолюбие, как прочие, то бы, судя по снисходительному его с ним обращению, уважительным разговорам, мог надеяться всего от него доброго; но незнание света сделало ему сего сильного человека из покровителя страшным врагом, что впоследствии усмотрится.

Приехав в Казань, нашел также и генерала Потемкина себе неблагоприятным за то, для чего он на вышеписаные вопросы отвечал репортом графу и заезжал к нему представляться в Симбирск: судя, что Державин у него был в непосредственной команде, то и должен был чрез него послать ему и Голицыну репорты и сам собою лично им не представляться. Державину сего в голову не приходило, и доднесь он не понимает, справедливо ли сие обвинение; но как бы то ни было, генерал Потемкин очень сухо с ним обошелся и не принял на счет свой тех пятисот рублей, которые даны были малыковским крестьянам, посыланным на Узени за Пугачевым, привезшим первую ведомость о его поимке. Державин сказал, что для него все равно, он или князь Голицын примет на счет экстраорди-

нарных своих сумм сии деньги, и в то же время показал ему сего князя ордер, велевшего из дворцовых малыковских доходов за счет его экстраординарной суммы употребить те 500 рублей. Сей ордер выпросил Державин у князя Голицына не по какой надобности, ибо он по открытому отношению с прописом именного указа покойным генералом Бибиковым ко всем управителям, воеводам и губернаторам мог брать везде деньги, сколько бы ему ни понадобилось; но единственно из хитрой осторожности, для того что, ежели бы помянутые малыковские крестьяне 500 человек не с тем намерением к Пугачеву присоединились, чтоб находящегося его в бессилии с малым числом его сообщников на Узенях поймать, но в самом бы деле изменили и умножили собою толпу его, то чтобы ему не быть в ответе как за издержание, так и за произведение в действо сей стратижемы. Но как генерал князь Голицын об оной знал и позволил взять деньги, то и упала бы неудача в несчастном случае более на генерала, нежели на офицера. Таким образом, хотя вывернулся Державин из сей прицепки с честью, но случившееся небольшое любовное соперничество, в котором, казалось, одною прекрасною дамою офицер предпочитаем был генералу, то и умножилась между ними остуда, для чего и командирован был первый последним паки на Иргиз, якобы для сыску в тамошних скитах помянутого раскольничьего старца Филарета, который, по показанию некоторых сообщников Пугачева, благословил якобы его на принятие имени императорского. А как сие было уже в ноябре, то сбирающийся офицер в новую комиссию, ездя в суетах по городу, по неосторожности простудился и получил сильную горячку, от которой едва не умер.

В продолжение оной генерал Потемкин отозван в Москву для доследования в Тайной канцелярии привезенных туда злодеев, и имел он неприятность, что не предполагая какой-либо злобы, а более от неискусства в производстве сего рода дел или из неосторожности оклеветанный им императрице митрополит Вениамин оправдался, который уже был у него яко изобличенный свидетелями изменник, что будто во время нападения злодейского на Казань присылал к нему, то есть Пугачеву, с келейником своим на умилостивление или для спасения жизни своей подарки; содержан под

крепким караулом, к которому приказано было никого не пускать и ни с кем не переписываться. Но сей хитрый пастырь умел отправить чрез отверстие нужного места тайным образом приверженного к себе служителя с письмом в Петербург, и по оному сей первосвященник явился невинным, так что за его претерпение напасти сей императрица благоволила наградить его бриллиантовым крестом на клобуке, и он торжественно, при собрании множества народа, имел удовольствие в соборной церкви слышать всемилостивейший рескрипт государыни, объявляющий его невинность, и служить благодарственный за здравие ее величества молебен.

Но при всей невзгоде генерала Потемкина Державин, по выздоровлении своем, не отпущен был им в Москву, как прочие его сотоварищи гвардии офицеры, бывшие в Секретной комиссии; но велено ему было, как выше сказано, для поиска Филарета ехать в Саратов и в прочие близь Иргиза лежащие области. Таким образом, он пробыл всю весну и небольшую часть лета 1775 года в колониях праздно, потому что для поиска Филарета отправлены были уже гласно от графа Панина военные команды, и, следовательно, тайный его поиск в той стране едва ли был и нужен. В июне получил он от того генерала Потемкина, яко начальника Секретной комиссии, ордер, повелевающий ему явиться к полку, который находился, как и весь двор, давно уже в Москве. Но прежде прибытия государыни в сию столицу совершена была уже публичная казнь Самозванцу с некоторыми его главными сообщниками, Перфильевым и прочими. Державин должен был приехать в Москву непременно к торжеству Турецкого мира. Итак, не медля более на своем пепелище, ибо дом его в Казани и деревни были до основания разорены, простясь с престарелою и сокрушенною печальми матерью, которая при нападении на сей город, яко жертва уже на смерть приготовленная, претерпела мучительный плен, пустился в свой путь, получа несколько денег за проданный из оренбургской деревни малыковским крестьянам хлеб. Проезжая мимо Свияжска, воевода оного города, Афанасий Иванович Чириков, показал ему от бывшего в Сенате герольдмейстером князя Михаила Михайловича Щербатова письмо, в котором он к нему пишет: «Когда будет про-

езжать мимо вас некто гвардии офицер Державин, находящийся теперь в вашем краю, то скажите ему от меня, чтоб увиделся со мною в доме моем, когда приедет в Москву». Таковое чудное приглашение удивило. Неможно было из него ничего основательного заключить, ибо князь Щербатов совсем Державину знаком не был и никакой с ним связи и переписки не имел. Что бы ни было, он решился с ним видеться.

Но по приезде в Москву нашел полковые обстоятельства для себя, сколько новые, столько же, и неприятные, ибо прежние начальники все переменились: командовали полком князь Потемкин и майор Толстой, которые не были знакомы. И первый из них, может, по холодным отзывам генерала Потемкина, а второй по наветам любимца его офицера Цурикова, который прежде еще командировки Державина в сию экспедицию был с ним в ссоре, то и принят он майором был без всякого внимания, и велено его было числить при полку просто как бы явившегося из отпуска или из какой незначащей посылки. Сие крайне раздражило служившего с ревностью в опасных подвигах молодого офицера и заслуживавшего от многих генералов и от самого Потемкина в многих ордерах и письмах чрезвычайную похвалу, так что многие из них обещались его представить прямо к Высочайшему престолу; но как пришло к исполнению обещаний, то и спрятались они с своими протекциями, или не хотели, или не могли ничего в пользу его сделать, в том числе и князь Голицын. Напротив того, на другой день был наряжен во дворец на караул. И как в небытность его, командою любимца императрицы графа, что после был князем, Григория Александровича Потемкина, строевой порядок в полку переменился, то он, ничего не зная о том, и сделал ошибку, а именно: как должно было по новому введению командовать взводу просто: «Вправо заходи», он по-прежнему сказал: «Левый стой, правый заходи»; то и встала беда, которая тем более сочтена непростительною, что рота, наряженная на караул, была на щегольство князем Потемкиным по его вкусу в новый мундир одета и пред фельдмаршалом графом Румянцевым-Задунайским, приехавшим тогда в Москву для торжества мира, смотревшим из дворцовых окон, должна была заходить повзводно. За сию невинную ошибку, когда

выступил полк в лагерь на Ходынку, безочередно проступившийся офицер наряжен на палочной караул. Сие наипаче поразило честолюбивую его душу, когда представлял он себе, что давно ли вверено ему было толь важное поручение, в котором мог он двигать чрез свои сообщения корпусами генералов, брать деньги в городах, сколько хотел, посылать лазутчиков, казнить смертью, воспрепятствовал злодеям пробраться по Иргизу во внутренние, не огражденные никем провинции и защитил, так сказать, своим одним лицом от расхищения киргизцами все иностранные колонии, на луговой стороне Волги лежащие; чем совокупно спас паки и империю, и славу государыни императрицы, которая, выписав их из чужих земель, приняла под свое покровительство и обещала устроить их блаженство прочнее, нежели в их отечестве. Но за все сие вместо награды получил уничижение пред своими собратиями гвардии офицерами, которые награждены были деревнями, а он не только оставлен без всякого уважения, но, как негодяй, наряжен был на палочной караул.

Таковыми чувствами возмятенный, вспомнил он о письме князя Щербатова, показанном ему Чириковым в Свияжске; полетел к нему узнать причину его непонятного приглашения. Приехав, сказал; кто таков и что он ожидает его сиятельства приказания. Князь сказал, что ничего не имеет и не может ему приказать; но только, получив от государыни его реляции для сохранения в архиве с прочими происшествиями прошедшего века, желал его лично узнать; дополня, что он ему сделает честь своим знакомством, предлагая к услугам несколько покоев в его доме и что ему только нужно. «Но при всем том, — продолжал князь, — вы несчастливы. Граф Петр Иванович Панин — страшный ваш гонитель. При мне у императрицы за столом описывал он вас весьма черными красками, называл вас дерзким, коварным и тому подобное». Как гром поразило сие Державина. Он сказал князю: «Когда ваше сиятельство столько ко мне милостивы, что откровенно наименовали мне моего недоброхота, толь сильного человека, то покажите мне способы оправдать меня против оного в мыслях моей всемилостивейшей государыни». — «Нет, сударь, я не в силах подать вам какой-либо помощи; граф Панин ныне при дворе в великой силе, и я ему про-

тивуборствовать никак не могу». — «Что ж мне делать?» — спросил огорченный. — «Что вам угодно. Я только ваш искренний доброжелатель».

С сим они расстались. Приехав на квартиру и размысля неприязнь к себе сильных людей и не имея ни единой подпоры, пролил горькие слезы и не знал, что делать. А паче по тесным своим домашним обстоятельствам, что не только не имел чем жить, но при пожаловании его в офицеры, когда хороший его приятель поручик Алексей Николаевич Маслов одолжил его некоторыми нужными вещами, и он, по дружеской своей с ним связи, обязан был по возможности своей ему служить, то он уговорил его поручиться за него в Дворянском банке в нарочито знатной сумме, уверив верною в срок заплатою, а как по существующим тогдашним законам можно было знаменитым людям ручаться за кого-либо и без залогов недвижимого имения, ибо материнское достаточное имение заложено было беззаконно в Коммерческий банк отцом его полковником Николаем Ивановичем Масловым, то в Дворянский банк его не принимали. Державин, поехав для усмирения бунта, в продолжение с лишком двух лет не видав Маслова, думал, что он, заплатя свой долг, освободил его из подпоручительства; но тут, к умножению его горести, узнал, что приятель его, поручик Маслов, так замотался, что не только не платил процентов в банк за занятую сумму, но, быв отставленным подполковником, в уклонение от платежа других долгов, бежал в Сибирь и проживал в безвестии, так что, не будучи сыскан, обратил банковое взыскание на поручителя по себе, Державина. И как у него собственного имения, кроме самомалейшего, не было, а которое и было, то без раздела с матерью закладывать было его неможно, то и обвинен он был в подложном ручательстве, а между тем для сохранения казенного интереса велено было, какое где только нашлось, взять и материнское имение в присмотр правительством. Словом, кроме сокрушения сердечного, которое он причинил сим поступком матери, со всех сторон разверста была пред ним бездна погибели.

Но при всем том он не потерял духа, а, возвергнув печаль свою на Бога, решился действовать отважнее. Вследствие чего просил майора Толстова представить его подполковнику своему, тогдашнему графу,

что был после князем, Григорию Александровичу Потемкину; но как он от сего отговорился, то и написал он от 11 июля к подполковнику письмо такого содержания, что во весь продолжающийся мятеж был он в опасных подвигах, не имея у себя помощников, что воспретил злодеям пробраться во внутренние провинции, что спас колонии от киргиз-кайсаков, что остался один не награжденным против своих сверстников, несравненно менее его трудившихся, и тому подобное, и для того просил, ежели он в чем виновен, то не терпеть его в службе с собой в одном полку, а ежели он служил как должно ревностному офицеру, то не оставить его без награждения, тем более что он лишился в сем мятеже и собственности своей в Казанской и Оренбургской губерниях. Письмо сие взяв с собою, поехал он на Черную Грязь, или в подмосковную деревню князя Кантемира, которую недавно государыня купила и изволила там жить в маленьком домике, не более как из 6 комнат состоящем, в коем помещался и Потемкин. По обыкновению при дверях сего вельможи нашел он камер-лакея стоящего, который воспрещал вход в уборную, где ему волосы чесали. Камер-лакей не хотел пустить, но он смело вошел, сказав: «Где офицер идет к своему подполковнику, там он препятствовать не может». Сказав свое имя и где был в откомандировке, подал письмо. Князь, прочетши, сказал, что доложит государыне. Чрез несколько дней когда он у себя его между прочими увидел, то сказал, что ее величеству докладывал и всемилостивейшая государыня приказала его наградить, что и последует августа 6-го, то есть в день Преображения Господня, когда изволит в столице удостоить обеденным столом штаб- и обер-офицеров полку Преображенского. Наконец пришел день Преображения; угащиваны столом на Черной Грязи, а не в Москве, и награждения никакого не вышло. Чрез несколько дней еще попытался напомянуть любимцу; но он, уже от него с негодованием отскочив, ушел к императрице. А между тем в течение сего время просил он князя Голицына, чтоб заплатили ему из провиантских сумм по счету деньги за продовольствие войск провиантом и фуражом, следовавших зимой к осажденному Оренбургу, которые под предводительством подполковника Мильховича в числе 40000 подвод, везших провиант, фураж и прочие припасы, жили у него в

оренбургской деревне, яко в съезжем месте, недели с две, съели весь хлеб, молоченый и немолоченый, солому и сено, скот и птиц и даже обожгли дворы и разорили крестьян до основания, побрав у них одежду и все имущество. Следовало заплатить ему. Надлежало б по крайней мере тысяч до 25; но он с великим трудом исходатайствовал у того князя квитанцию только на 7000, и то из особливого к нему благорасположения сего военачальника. А как получено тогда из Петербурга от приятеля известие, что по поручительству в Дворянском банке за Маслова, когда имение сего нашлось заложенным отцом его в Коммерческом банке, определяется описать в казну все, где найдется, имение его, Державина, и самого его требовать лично к ответу; то, оставя все искание наград, отпросился в отпуск и поскакал в исходе сентября в Петербург, дабы банковых судей, которых Маслов, занимая деньги, умел задобрить и сделать к себе снисходительными, упросить быть и к нему, Державину, нестрогими, помедля вышесказанным определением, дабы он имел время где-либо просить о свободе из несправедливого залога отца жены его, Маслова, имения и об отдаче оного за сына под залог Дворянского банка, чрез что бы ему от поручительства избавиться.

Приехав в Петербург, от 5-го числа письменно еще напомнил князю Потемкину о исходатайствовании ему обещанной за службу награды; но как на то и другое потребно было время и сильное покровительство, дабы утруждать государыню императрицу, то, до прибытия двора из Москвы, нечего было другого делать, как просьбами судей удерживать в недействии банковое дело. Надобно было между тем по приличию гвардии офицеру снабдить себя всем нужным, как-то: бельем, платьем, экипажем и прочим, то и нашелся в необходимости издерживать те 7 тысяч рублей, которые по квитанции князя Голицына из провиантской канцелярии получил. Тем паче на сие решился, что далеко бы недостало сей суммы на уплату долга Маслова и что льстился надеждою о свободе его собственного имения. В получении оных денег помог ему Александр Васильевич Храповицкий, бывший тогда еще секретарем при генерале прокуроре князе Вяземском. От покупки сказанных вещей и заплаты от собственного в банке долгу более 2000 осталось из 7 тысяч только 50 рублей. Куцы их потянуть? Решился поискать счастья

в игре, которою в то время славился лейб-гвардии Семеновского полку капитан Никифор Михайлович Жедринской. Поехал к нему, и так случилось, что в первый вечер выиграл у него на те остальные 50 руб. до 8000, потом еще более у графа Матвея Федоровича Апраксина и у прочих в короткое время до 40000 рублей. Сие было в октябре 1775 года. Но такое счастие продолжалось не более как месяц, а именно до возвращения только двора из Москвы; когда же приехал и можно бы было выиграть несравненно превосходные суммы, тогда фортуна переменилась.

В 1776 году скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, Державин в Невском монастыре был при погребении тела ее на карауле, будучи уже поручиком с 1774-го июня 28-го дня. Имел несчастие первую обиду снести (а впоследствии и многие) от графа Завадовского, который тогда еще был не более как полковником, но статс-секретарем и любимцем императрицы, при случае том, когда хотел Державин подать чрез него прошение государыне о упомянутом масловском банковом деле, чтоб освободить имение Алексея Маслова, по коему он, Державин, был поручителем, из несправедливого залога отца его; то господин Завадовский не только не вошел в существо просьбы, не помог ему; но при самой подаче письма, наговорив множество грубостей, выслал его от себя. Что сему причиною было, неизвестно; кажется, не что другое, как неожиданное и непомерное возвышение его фортуны. А как около сего же времени, то есть в половине 1776 года, случилось, что князь Потемкин, бывший любимец, впал при дворе в немилость и должен был проживать несколько месяцев в Новгороде, отчего фаворит его, майор Федор Матвеевич Толстой, быв в крайнем огорчении, спесь свою умерил, то Державин, при случае наряда роты по обыкновению в Петергоф для караула к Петрову дню, выпросился у него в сию командировку; ибо считалась оная за милость. При батальоне гвардии, наряженном для сего караула, был командирован Измайловского полку майор Федор Яковлевич Олсуфьев, самый человек добрый и честный, любил, сколько и где возможно, оказывать благотворение. Державин, потеряв всю надежду на Потемкина, выпросил у сего Олсуфьева дозволение по-

дать к императрице прошение о своей награде. Он ему позволил. Письмо было слово от слова следующего содержания:

«Всемилостивейшая Государыня! Ежели и самая жертва жизни не что иное есть, как только долг Государю и отечеству, то никогда и не помышлял я, чтоб малейшие мои труды, в прошедшее мятежное беспокойство, заслуживали какое-либо себе уважение. Но когда, Всемилостивейшая Государыня, великой прозорливости Вашего Императорского Величества праведно показалось воззреть на трудившихся в то же время, и по особливой матерней щедроте получили товарищи мои, бывшие со мною в одной комиссии Лунин, Маврин, Собакин и Горчаков, по желанию, награждения, остался я один ненагражденным. Чувствуя всю тягость несчастия быть лишенным милости славящейся Государыни щедротами в свете и сравнив себя, может быть по легкомыслию, с ними, нахожу, что я странствовал год целый в гнезде бунтовщиков, был в опасностях, проезжал средь их, имея в прикрытие свое одну свою голову, не так как они — города и войска, во все сие время не имел у себя ниже в письме помощника, а исполнял то же, что они; сверх того, когда еще войска не пошли и к Оренбургу, я был от покойного генерала Бибикова послан с секретными наставлениями о наблюдении за самыми войсками, идущими для очищения Самарской линии; был в сражениях и, возвратяся, заслужил похвалу. Потом, находясь при нем с месяц, имел важную поверенность сочинять журнал всем к нему присланным повелениям, репортам и от него данным диспозициям. А когда войска пошли к Оренбургу, то я же опять должен был, запечатав начатой мною журнал, ехать в новую посылку на реку Иргиз. Там будучи, сделал чрез посланных от меня лазутчиков злодеям диверсию пробраться от Уральского городка по Иргизу на заволжские провинции, где в защиту их никаких войск не было. Свидетельствую сие злодейским письмом, присланным ко мне уже после, в осторожность, от генерала князя Голицына. После того воспрепятствовал вытребованными командами бежавшим от Самарской линии ставропольским калмыкам разорять иргизские селения и скрыться за пределы государства, что свидетельствую ордерами генерала князя Щербатова. Напоследок удержать от несогласия начальников погибающий Саратов, сколько

моего усердия показал, то самое событие оправдало, когда по упадку духа и по разврату робких сердец не следовали первым зрелым положениям, которые я предлагал и подтвердил, и что при сем несчастном случае, не выступая из своей должности, не брал на себя ничего лишнего, на то имея одобрение генералов Потемкина, князя Щербатова и Голицына; и что я не должен причитаться от падения Саратова к тем рассеянным, которые, оставя посты свои, довольными войсками подкрепленные, явились в Царицыне; но и в самых крутизнах несчастия, подвергаясь явным опасностям, был почти два раза в руках Пугачева; для точного известия о его оборотах пробыл несколько дней еще в тех местах, где самое жесточайшее зло существовало, и донеся о всем, о чем только нужно было, близь находящимся генералам, напоследок во время всеместного злоключения, когда по нагорной стороне Волги жительства бунтовали, а по луговой рассыпавшиеся киргиз-кайсаки расхищали иностранные колонии и был Саратов вторично в опасности, то я, собрав крестьян, вооружил их и оградил те колонии кордоном, а остальными моими людьми преследовав хищников кайсаков, в степи разбил, побил, несколько взял живых и избавил из их плена одних колонистов около 1000 человек, чему имею свидетельство благодарный ордер князя Голицына. В самой же поимке Самозванца, ежели я не имел чрез посланных моих людей счастья, то и никто не может тем похвалиться; но первое известие, что он пойман, я первый всюду дал знать, за что многие получили чины. Имев кредитивы от покойного генерала Бибикова, не употребил их во зло и не более издержал денег в продолжение всей моей комиссии 600 рублей; доставил нужных людей Секретной комиссии, и уповаю, во всей тамошней области никаких не сыщется на меня жалоб. Между тем во все то время, отдавая спасенные мною имения их владельцам, както: немалое количество казенных, дворцовых и экономических денег и скота, принадлежащего колониям, на что имею квитанции, лишился я всего собственного моего имущества в Оренбургском уезде и в Казани, даже мать моя претерпела злодейский плен. Попросить же щедрот Вашего Императорского Величества, чтоб взять из учрежденных в губерниях банков денег, не мог, ибо имение мое заложено в С. -Петербургском банке.

Все сии происшествия сравнив с деяниями товарищей моих, вижу, Всемилостивейшая Государыня, что я несчастлив. Прошлого года в Москве принимал я смелость просить его светлость князя Григория Александровича Потемкина, яко главного моего начальника, заступить меня ходатайством своим пред Вашим Императорским Величеством и получил отзыв, что Вы, Всемилостивейшая Государыня, не оставите воззреть на мое посильное усердие, изъявить Монаршее благоволение, наградить меня, почему и приказал мне его светлость ожидать оного. Теперь наступил тому другой год; надежда моя исчезла, и я забыт. Представляется мне, что не нахожусь ли за что под гневом человеколюбивой и справедливой монархини. Мысль сия меня умерщвляет, Государыня! Ежели я преступник, да не попустит вины моей или заслуги более долготерпение Твое без воздаяния».

Письмо сие подано в июле месяце в Петергофе в присутствии там императрицы ее статс-секретарю и полковнику, что был после графом и князем, Александру Андреевичу Безбородке, с приложением всех документов, на которые в нем была ссылка. По возвращении двора в Петербург господин Безбородко объявил просителю, что воспоследовало на оное ее величества благоволение и сказал бы он, какого награждения желает. Сей отвечал, что не может назначить и определять меры щедрот всемилостивейшей государыни; но когда удостоена ее благоволения его служба, то после того уже ничего не желает и будет всем доволен, что ни будет ему пожаловано; ибо по жребию, чрез игру вышесказанной фортуны, не имел уже он такой нужды, как прежде, заплатя долг в банк за Маслова до 20000 рублей и исправясь с избытком не только всем нужным, но и вещами, прихоти его удовлетворяющими, так что между своими собратиями и одет лучше других был, и жизнь вел приятную, не уступая самым богачам. В сие время коротко спознакомился с Алексеем Петровичем Мельгуновым, Степаном Васильевичем Перфильевым, с князем Александром Ивановичем Мещерским, с Сергеем Васильевичем Беклемишевым и прочими довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную. Сие продолжалось до ноября месяца того 1776 года, а как возвратился

тогда из Новагорода посредством письма своего к императрице, поданного князем Вяземским, князь Потемкин, то в один день, в декабре уже месяце, когда наряжен был он, Державин, во дворец на караул и с ротою стоял во фронте по Миллионной улице, то чрез ординарца позван был к князю. Допущен будучи в кабинет, нашел его сидящего в креслах и кусающего по привычке ногти. Коль скоро его князь увидел, то по некотором молчании спросил, чего вы хотите. Державин, не могши скоро догадаться, доложил, что он не понимает, о чем его светлость спрашивает. «Государыня приказала спросить, — сказал он, — чего вы по прошению вашему за службу свою желаете?» — «Я уже имел счастье чрез господина Безбородку отозваться, что я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоугодною Ее Величеству показалась». — «Вы должны непременно сказать», — возразил вельможа. — «Когда так, — с глубоким благоговением отозвался проситель, — за производство дел по Секретной комиссии желаю быть награжденным деревнями равно с сверстниками моими, гвардии офицерами; а за спасение колоний по собственному моему подвигу, как за военное действие, чином полковника». — «Хорошо, — князь отозвался, — вы получите». С сим словом лишь только вышел из дверей, встретил его неблагоприятельствующий майор Толстой и с удивлением спросил: «Что вы здесь делаете?» — «Был позван князем объявить мое желание по повелению Государыни»,— и, словом, пересказал ему все без утайки. Он, выслушав, тотчас пошел к князю. Вышедши чрез четверть часа от него, сказал: «Вдруг быть полковником всем покажется иного; подождите до нового года; вам по старшинству достанется в капитаны поручики, тогда и можете уже быть выпущены полковником». Нечего было другого делать, как ждать. Вот наступил и новый 1777 год, и конфирмован поднесенный от полку доклад, в котором пожалован я в бомбардирские поручики, что то же, как и капитан-поручик; потом и генварь прошел, а об обещанной награде и слуху не было. Принужден был еще толкаться у князя в передней. Наконец в феврале, проходя толпу просителей в его приемной зале, едучи прогуливаться и увидев Державина, сказал правителю его канцелярии, бывшему тогда подполковнику Ковалинскому сквозь зубов: «Напиши о нем докладную записку». Кова-

линский, не знав содержания дела, не знал, что писать, просил самого просителя, чтоб он написал. Сей изготовил по самой справедливости, ознаменовал притом желание произвесть полковником в армию. Чрез несколько дней увидясь, сказал, что князь не опробовал его записки потому только, что «майор Толстой внушил ему, что вы в военную службу не способны, то и велел заготовить записку другую, о выпуске вас в статскую службу». Державин представлял ему, что он за военные подвиги представляется к награждению и не хочет быть статским чиновником, просил еще доложить князю и объяснить желание его в военную службу; но как некому было подкрепить сего его искания, ибо никого не имел себе близких к сему полномочному военному начальнику приятелей, то князь и по второму докладу, как Ковалинский сказывал, на выпуск его в армию не согласился. А для того и принужден он был, хотя с огорчением, вступить на совсем для него новое поприще.

Отделение IV. С окончания военной, прехождение статской службы, в средних чинах, по отставку

15-го числа сего февраля даны Правительствующему Сенату два указа, из коих одним пожалован он в коллежские советники и велено дать ему место по его способности, другим пожаловано ему 300 душ в белорусской губернии, на которые приказано заготовить грамоту и поднести к высочайшему подписанию. Очутясь в статской службе, должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить место в оной. Скоро чрез семейство господ Окуневых, из коих старший брат тогда выдал дочь свою за князя Урусова, двоюродного брата генерал-прокурорши княгини Елены Никитишны Вяземской, спознакомился с домом сего сильного вельможи, могущего раздавать статские места, будучи позван к нему на свадебный бал. С сих пор часто у него бывал и проводя с ним дни, забывал время в карточной, тогда бывшей в моде, игре в вист, хотя никогда в ней ни счастливо, ни несчастно играть не умел, но платил всегда проигранные деньги исправно и с веселым духом; потому наиболее, что князь вел игру с малочиновными и небогатыми людьми весьма умеренную. Таковым поступком, всегда благородным и смелым, понравился ему, приобрел его благоволение; при всем том с февраля по август не мог быть никуды помещенным. А как очистилось тогда Сената в первом департаменте экзекуторское место, которое пред тем занимал отец новобрачной, господин Окунев, получа выгоднейшее с чином статского советника, при строении церкви Невского монастыря, Державин, приехав в один день поутру рано на дачу генерал-прокурора, лежащую на взморье близ Екатерингофа, нашел его чешущим волосы и бедную старуху, стоящую у дверей. Подшедши, просил его о помещении на

порозжую ваканцию. Он, не отвечав ни слова, приказал ему принять от той престарелой женщины бумагу, ею держимую, и, прометши про себя, сказать ему ее содержание. Он прочел, пересказал, и князь, взяв у него, ее собственным обозрением поверил, положил пред себя на столик и, на него взглянув, сказал: «Вы получите желаемое вами место», и тот же день, поехав в Сенат, дал о том предложение. Должность ее, по отступлении от инструкции Петра Великого, хотя была тогда уже не весьма важная, однако довольно видная. Отправляя ее, скоро приобрел он знакомство всех господ сенаторов и значущих людей в сем карьере, а особливо бывая всякой день в доме генерала прокурора. Княгиня собственною своею персоною была благосклонна, и мысли ее были выдать за него в замужество сестру свою двоюродную княжну Катерину Сергеевну Урусову, славную стихотворицу того времени, так что об этом ему некоторые ближние к ней люди и говорили; но он, имея прежние связи, отшутился от сего предложения, сказав, что она пишет стихи, да и я мараю, то мы все забудем, что и щей сварить некому будет. Словом, он был некоторого рода любимцем сего весьма уважаемого дома. С князем по вечерам для забавы иногда играл в карты; а иногда читал ему книги, большею частию романы, за которыми нередко и чтец и слушатель дремали. Для княгини писал стихи похвальные в честь ее супруга, хотя насчет ее страсти и привязанности к нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать друг другу свободу.

В сем году, около масленицы, случилось с ним несколько сначала забавное приключение, но после важное, которое переменило его жизнь. Меньший из братьев Окуневых поссорился, быв на конском бегу, с вышеупомянутым Александром Васильевичем Храповицким, бывшим тогда при генерале прокуроре сенатским обер-прокурором в великой силе. Они ударили друг друга хлыстиками и, наговорив

множество грубых слов, решились ссору свою удовлетворить поединком. Окунев, прискакав к Державину, просил его быть с его стороны секундантом, говоря, что от Храповицкого будет служивший тогда в Сенате секретарем, что ныне директор Дворянского банка, действительный статский советник Александр Семенович Хвостов. Что делать? С одной стороны, короткая приязнь препятствовала от сего посредничества отказаться, с другой — соперничество против любимца главного своего начальника, к которому едва только стал входить в милость, ввергало его в сильное недоумение. Дал слово Окуневу с тем, что ежели обер-прокурор первого департамента, Резанов, у которого он в непосредственной состоял команде, который тоже был любимец генерала-прокурора и сей, как Державин, по некоторым связям в короткой приязни, не попротивуречит сему посредничеству; а ежели сей того не одобрит, то он уговорит друга, своего вышеупомянутого Гасницкого, который был тогда уже майором.

С таковым предприятием поехал он тотчас к господину Резанову, его не нашел дома: сказали, что он обедает у господина Тредияковского, бывшего тогда старшего члена герольдии, который по сей части был весьма значущий человек. Хотя сей жил на Васильевском острову, но он и туда поехал. Уже был вечер. При самом входе в покой встречается с ним бывшая кормилица великого князя Павла Петровича, который был после императором, г-жа Бастидонова с дочерью своею девицею лет 17-ти, поразительной для него красоты, а как он ее видел в первой раз в доме господина Козодавлева, служившего тогда во втором Сената департаменте екзекутором же, смотревшего с ним вместе на Литейной шествие духовной процессии в Невской монастырь, бываемой ежегодно августа 30-го дня в день Александра Невского: тогда она уже ему понравилась, но только примечал некоторую бледность в лице, а потом в другой раз в театре неожиданно она его

изумила; то тут в третий раз, когда она остановилась в передней с матерью, ожидая, когда подадут карету, не вытерпел уже он и сказал разговаривавшему с ним Резанову о том, за чем приехал, что он на сей девушке, когда она пойдет за него, женится. Сей засмеялся, сочтя таковую скорую решительность за шутку.

Разговор кончился; матерь с дочерью уехали, но последняя осталась неизгладимою в сердце. Хотя дуэль, по несысканию Гасвицкого, остался на его ответе. Должно было выехать в Екатерингоф на другой день в назначенном часу. Когда шли в лес с секундантами соперники, то последние, не будучи отважными забияками, скоро примирены были первыми без кровопролития; и когда враги между собою целовались, то Хвостов сказал, что должно было хотя немножко поцарапаться, дабы не было стыдно. Державин отвечал, что никакого в том стыда, когда без бою помирились. Хвостов спорил, и слово за слово дошло было у посредников до драки: обнажили шпаги и стали в позитуру, будучи по пояс в снегу; но тут приехал опрометью вышедший только из бани, разгневший, как пламенный, Гасвицкой с разного рода орудиями: с палашами, саблями, тесаками и проч. бросившись между рыцарей, отважно пресек битву, едва ли быть могущую тоже смертоносною. Тут зашли в трактир, выпили по чашке чаю, а охотники пуншу, кончили страшную войну с обоюдным триумфом. И как среди бурного сего происшествия не вышла красавица из памяти у Державина, то, поехав с Гасвицким домой, открылся ему дорогою о любви своей и просил его быть между собою уже и победительницею его посредником; то есть на другой день в объявленной при дворе маскераде, закрывшись масками, вместе с ним поискать девицу, которая ему нравится, и беспристрастными дружескими глазами ее посмотреть. Так и сделали. Любовник тотчас увидел и с восторгом громко воскликнул: «Вот она!»; так, что мать и дочь на

них пристально посмотрели. Во весь маскерад, следуя по пятам за ними, примечали поведение особливо молодой красавицы и с кем она и как обращается. Увидели знакомство степенное и поступь девушки во всяком случае скромною и благородною, так что при малейшем пристальном на нее незнакомом взгляде лице ее покрывалось милою, розовою стыдливостью. Вздохи уже из груди вырывались у влюбившегося экзекутора; а его товарищ, человек простой, впрочем умный и прямодушный, их одобрил. За чем дело стало? Державин уже имел некоторое состояние, как-то: государынею пожалованные 300 душ; и дело о беззаконном залоге Масловым-отцом сыновнего имения, по поручителей просьбе и старанию в Сенате, а паче по покровительству генерал-прокурора, решено таким образом, что выкуплено из казны от коммерческого залога: велено в удовлетворение истцов продать с публичного торга, по которому и досталось покупкою Державину, а он скупил претензии протчих, и замена свою, внес все обязательства вместо наличных денег, и сына Маслова деревни в Рязанской губернии в Михайловском уезде, село Никольское с деревнею, из коих выключа отцу на 7-ю часть, остальных получил 300 душ. И как составилось за ним с материнскими и отцовскими и на его имя в Москве купленными около 1000 душ, то и взял он намерение порядочным жить домом, а потому и решился твердо в мыслях своих жениться. Вследствие чего и рассказал, будто шуткою, своим приятелям, что он влюблен, называя избранную им невесту ее именем. В первый день после маскерада, то есть в понедельник на первой неделе великого поста, обедая у генерал-прокурора, зашла речь за столом о волокитствах, бываемых во время карнавала, а особливо в маскерадах; Александр Семенович Хвостов вынес на него прошедшего дня шашни. Князь спросил, правда ли то, что про него говорят. Он сказал:

«Правда». — «Кто такая красавица, которая столь скоропостижно пленила?» Он назвал фамилию.

Петр Иванович Кирилов, действительный статский советник, правящий тогда Ассигнационным банком, обедав вместе, слышал сей шутливый разговор, и когда встали из-за стола, то отведши на сторону любовника: «Слушай, братец, нехорошо шутить на счет честного семейства. Сей дом мне коротко знаком; покойный отец девушки, о коей речь идет, мне был друг, он был любимый камердинер императора Петра III, и она воспитывалась вместе с великим князем Павлом Петровичем, которого и называется молочною сестрою, да и мать ее тоже мне приятельница; то шутить при мне на счет сей девицы я тебе не позволю». — «Да я не шучу, — ответствовал Державин, — я поистине смертельно влюблен». — «Когда так, — сказал Кирилов, — что ты хочешь делать?»— «Искать знакомства и свататься». — «Я тебе могу сим служить». А потому и положили на другой же день ввечеру, будто ненарочно, заехать в дом Бастидоновой, что и исполнено. Кирилов, приехав, рекомендовал приятеля, сказав, что, проезжая мимо, захотелось ему напиться чаю; то он и упросил, показывая на приехавшего войти к ним с собою. По обыкновенных учтивостях сели и, дожидаясь чаю, вступили в общий, общежитейский разговор, в который иногда, с великою скромностию, вмешивалась и красавица, вязав чулок. Любовник жадными очами пожирал все приятности, его обворожившие, и осматривал комнату, прибор, одежду и весь быт хозяев. Между тем как девка, встретившая их в сенях с сальною свечою в медном подсвечнике, с босыми ногами, тут уже подносила им чай, делал примечания свои на образ мыслей матери и дочери, на опрятство и чистоту в платье, особливо последней, и заключил, что, хотя они люди простые и небогатые, но честные и благочестивые и хороших нравов и поведения; а притом дочь не без ума и не без ловкости,

приятная в обращении, а потому она и не по одному прелестному виду, но и по здравому рассуждению ему понравилась, а более еще тем, что сидела за работою и не была ни минуты праздною, как другие ее сестры непрестанно говорят и хохочут, кого-либо пересуживают, желая показать остроту свою и уменье жить в большом свете. Словом, он думал, что ежели на ней женится, то будет счастливым. Посидев таким образом часа два, поехали домой, прося позволения и впредь к ним быть въезжу новому знакомому. Дорогою спросил Кирилов Державина о расположении его сердца. Он подтвердил страсть свою и просил убедительно сделать настоятельное предложение матери и дочери. Он на другой же день то исполнил. Мать с первого раза не могла решиться, а просила несколько дней сроку, по обыкновению расспросить о женихе у своих приятелей. Экзекутор второго департамента Сената, Иван Васильевич Яворской был также короткий приятель дому Бастидоновых. Жених, увидясь с ним в сем правительстве, просил и его подкрепить свое предложение, от которого и получил обещание; а между тем как мать расспрашивала, Яворский сбирался со своей стороны ехать к матери и дочери, дабы уговорить их на согласие. Жених, проезжая мимо их дому, увидел под окошком сидящую невесту и, имея позволение навещать их, решился заехать. Вошедши в комнату, нашел ее одну, хотел узнать собственно ее мысли в рассуждении его, почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери. А для того, подошедши, поцеловал по обыкновению руку и сел подле нее. Потом, не упуская времени, спросил, известна ли она чрез Кирилова о искании его? Матушка ей сказывала, она отвечала. «Что она думает?» — «От нее зависит». — «Но ежели от вас, могу ли я надеяться?»— «Вы мне не противны», — сказала красавица вполголоса, закрасневшись. Тогда жених, бросясь на колена, целовал ее руку. Между тем Яворский

входит в двери, удивляется и говорит: «Ба, ба! И без меня дело обошлось! Где матушка?» — «Она,— отвечала невеста,— поехала разведать о Гавриле Романовиче».— «О чем разведывать, я его знаю, да и вы, как вижу, решились в его пользу, то, кажется, дело и сделано». Приехала мать, и сделали помолвку, но на сговор настоящий еще она не осмелилась решиться без соизволения его высочества наследника великого князя, которого почитала дочери отцом и своим сыном. Чрез несколько дней дала знать, что государь великий князь жениха велел к себе представить. Ласково наедине принял в кабинете мать и зятя, обещав хорошее приданое, как скоро в силах будет. Скоро, по прошествии великого поста, то есть 18 апреля 1778 года, совершен брак.

Того же года в августе выпросился в отпуск на 4 месяца, дабы показать новобрачную матери своей, жившей тогда в Казани. Там будучи, по уважению знакомства своего в Сенате, кончил миролюбиво сорокалетнюю фамильную тяжбу матери своей с соседственным помещиком Андреем Яковлевичем Чемодуровым, от которого возвратил на-сильно отнятые отцом его несколько семейств с их детьми, уступя многочисленный денежный иск; заложив, приобрел себе 80 крестьян, а на другой год доставил ему свойственник его, бывший в Екатеринославле губернатором Иван Максимович Синельников, на Днепре землю 6 тысяч десятин с населенными на ней запорожцами 130 душ; ибо тогда по данной власти государынею князю Потемкину, а от него губернаторам раздавать крымские и днепровские новоприобретенные земли из населения их безденежно; с которыми при наступившей тогда скоро новой ревизии и очутилось за ним в течении двух годов около 1200 душ; но более уже в продолжение всей службы при занимаемых местах и многих способах не прибавлялось.

По возвращении из отпуска, вступил он в прежнюю свою экзекуторскую должность и был в оной по декабрь 1780 года. В течение сих годов случились два замечательные происшествия.

I) В 1779 году перестроен был под смотрением его Сенат, а особливо зала общего собрания, украшенная червленным бархатным занавесом с золотыми фрижетами и кистями и лепными барельефами, которых описание находится в VIII части его сочинений (но больший барельеф, бывший на камине, представляющий эпоху учреждения губерний, в царствование Павла Первого неизвестно для чего бывшим тогда генерал-прокурором князем Куракиным изломан) и какие нашел барельефы.

Между прочими фигурами была изображена скульптором Рашеттом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов, присутствующих за столом; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев обнаженную Истину, сказал экзекутору: «Вели ее, брат, несколько прикрыть». И подлинно с тех почти пор стали более прикрывать правду в правительстве, потому что князь Потемкин, будучи человек сильный и властительный, не весьма любил повиноваться законам, а делал все по своему самонравию. Нашел чрез бывшего прежде купца, потом любимца его Фалеева «способ» согласить князя Вяземского на свою сторону чрез отданные ему на Днепре в бывшей Запорожской Сече знатные земли с населенными запорожцами более 2000 душ, которые проданы князем еврею Штиглицу, несмотря на законы, что жидам деревни покупать запрещено.

II) В 1780 году, будучи в Петербурге, австрийский император Иосиф под чужим именем посещал Сенат и, вступя в залу общего общения, расспрося о производимых в ней государственных делах, сказал сопровождавшему его экзекутору:

«Подлинно в пространной толь империи может совет сей служить великим пособием императрице».

В исходе того 1780 года учреждена Экспедиция о государственных доходах, под ведомством того генерал-прокурора, яко государственного казначея. Она разделилась на 4 части: на 1) приходную, на 2) расходную, на 3) счетную и 4) недоимочную; в каждой было по три советника и по одному председателю. Во вторую из экзекуторов, тем же коллежским советником переведен и Державин. Председательствующий был действительный статский «советник» из обер-секретарей Сената г. Еремеев, человек уже престарелый. Советниками: г. Саблуков, отставной бригадир из гвардии (что ныне действительный тайный советник) и коллежский советник Николай Иванович Бутурлин; а как первый по старости лет своих, по незнанию административной или управительной части или лучше по робости своего характера, что с самых юных лет был все в звании канцелярского служителя, а другой по дворской службе, что был камер-пажем, а потом в гвардии, а третий — то есть Бутурлин, как был вовсе не способен к делам и человек, любящий праздную жизнь, игрок и гуляка, но приняли в Экспедицию, потому что Ивану Перфильевичу Елагину зять, то и полагали всю обязанность сей экспедиции на Державина, хоть так же как и они мало сведущего гражданские дела, а особливо часть казенного управления. Но как он был предприимчив, смел и расторопен и в Экспедиции уже поручил ему генерал-прокурор следствие над сенатскими секретарями, что они ленились ходить на дежурство свое и медлили производством дел по их частям, то и почитался уже некоторым образом дельцом, более своих товарищей.

Вследствие чего, когда нужно было написать должность Экспедиции о государственных доходах, то князь, рассуждая о том, обращал свои взоры на господ Васильева и Храповицкого, кои после были: первый сам государственным казначеем,

а второй — статс-секретарем и, наконец, сенатором; но они, может быть, чтоб привести в замешательство нового дельца или по какой другой причине, указав на него, отозвались от сего труда, сказав, что они и без того обременены делами, а он свободнее их и написать может. Хотя сие князю было неприятно, ибо он не надеялся, чтоб несведущий законов мог написать правила казенного управления, требующие великого предусмотрения, осторожности и точности, но, однако, приказал. Что делать? Должно исполнить волю начальника; а как не хотел пред ними уклоняться и испрашивать у них мыслей и наставления; то собрав все указы, на коих основаны были Камер, и Ревизион-коллегии, статс-конторы и самые вновь учрежденные Экспедиции, приступил к работе, а чтоб не разбивали его плана и мыслей, заперся и не велел себя сказывать никому дома. Поелику ему была дика и непонятна почти материя, то марал, переменял и, наконец, чрез две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помощи, представил начальнику; а сей, собрав все Экспедиции, велел пред ним прочесть, но как никто не говорил ни хорошего, ни худого, то князь, желая слышать справедливое суждение, морщился, сердился, привязывался, и, наконец, принялся поправлять сам единственно вступление или изложение причин названного им начертания должности Экспедиции о государственных доходах, полагая, что без оного никаким образом не можно будет управлять казною государственною, давая разуметь, что наказ или полную инструкцию сама императрица издать изволит. Товарищи думали, что без них не обойдется, что не удостоится конфирмации сие начертание и что их будут переделать оное упрашивать; однако, к великому их удивлению, чрез графа Безбородку получил князь высочайшую конфирмацию, что по оному велено было поступать. Хотя должно было по листам скрепить и справить или констрасигнировать сию книгу Держа-

вину, яко писавшему оную, но присвоил сию честь Храповицкий, в каком виде должна она и поныне существовать в Экспедиции о государственных доходах и есть оной правилом, ибо не слышно, чтоб дана ей была какая новая инструкция. Хотя множество было труда при рассмотрении ведомости, при посылке примечаниев на оные и разсигнации сумм, при предложении князя в казенные палаты, так что собраны были со всей империи вице-губернаторы для науки казенного управления и поверки окладных доходов; однако 1781 год прошел благополучно, кроме что живучи на даче князя Вяземского, называемой Мурзинке, вместе с господином Васильевым, Державин наверху, а последний нанизу, в один день согласились с ним и прочие его родственники на Неве купаться, то, хотев князя Урусова поучить плавать, утонул было, ибо сей, испугавшись, схватив его поперек за руки, стащил его в глубину, так что был уже на дне; но, не потеряв духа, толкнул ногой в землю и, выплыв, вытащил князя.

1782 года 28 числа июня, то есть в день восшествия императрицы на престол, получил Державин чрез 6 лет чин статского советника. Как надобно было по месячным ведомостям поверить высылку прошлого года сумм определенным местам, то есть в комиссариат, провиантскую, адмиралтейству и прочим (получали они те суммы из казенных палат, откуда были им назначены, без сношения с которыми не можно было знать о исправности казенного управления всей империи); но как на сие требовалось великого труда, а г. Бутурлин был ленив, гуляка и мало знал дела, то он и спорил, что сего не надобно, хотя доходили слухи, что казенные палаты вместо отсылки денег в повеленные места, раздавая их в проценты, пользовались ими и заставляли их терпеть нужду или, когда они изворачивались, заимствуя из других сумм, то запутывались в делах своих и расчетах — то Державин и настоял, чтоб не запускать месячных ведомостей, а сноситься с теми местами, как

наискорее, тем лучше. Но Бутурлин не хотел, говоря, что при годовых только отчетах такая поверка нужна. Положили, чтоб их спор решил князь; а как докладной день для Экспедиции о государственных доходах была назначена у него середа, то и отложил ехать к нему на дачу в Александровское до сего дня; но Бутурлин забежал к нему прежде и, пересказав спор их по-своему, оклеветал чем-то своего противоборца; а как он приехал в назначенный день и стал подносить к подписанию бумаги, то князь и зачал к оным придираться, несмотря на то, что они были уже обработаны или, лучше сказать, списки с тех циркулярных предложений о помещении на порожние места пенсионеров, которых большая часть уже в казенные палаты была разослана; то Державин и стал тем оправдываться. Бутурлин, тут же стоя, начал потакать начальнику и подъяривать его на товарища, хотя сам ничего не писал и не умел писать; то Державин, вознегодовав на такую подлость, сунул в сердцах Бутурлину в руки бумаги, сказав: «Пишите же вы сами, коли умеете лучше»,— отошел в сторону. Сие начальник принял своей особе за неуважение. На другой день присылает к Державину г. Васильева, который именем князя говорит, что он приказан ему подать об отставке прошение и что он им не доволен и служить с ним не может. Сей отвечал, что он исполнит его приказание. Сие было в августе 1783 года, в субботу. Князь обыкновенно ездил с докладами к императрице в Царское Село по воскресеньям и возвращался (разумеется, когда он жил на даче в помянутом Александровске) по понедельникам ввечеру. Державин дожидался его на Мурзинке у Васильева; то коль скоро он приехал и сел в кресла, окруженный его семейством и многими его прихлебателями, впадший в неудовольствие советник вошел и с благородною твердостью духа сказал: «Ваше Сиятельство чрез г. Васильева изволили мне приказать подать челобитную в отставку; вот она, а что изъявили свое не-

удовольствие на мою службу, то как вы сами недавно одобрили меня пред Ее Величеством и исходатайствовали мне чин статского советника за мои труды и способности, то предоставляю вам в нынешней обиде моей дать отчет Тому, пред Кем открыты будут некогда совести наши».

Сказав сие, не дождавшись ответа, вышел вон. Глубокая тишина сделалась в комнате между множества людей. Княгиня зачала первая говорить: «Он прав перед тобою, князь», пересказав ему дошедший до нее спор, бывший в Экспедиции с Бутурлиным, которого он до того времени не знал. Державин между тем шел с двора перед окошками дома, то князь, увидя его, сказал: «Конечно, он пеш!» — и приказал подать ему скорее чью-нибудь карету. Но сей поблагодари не принял оную, пошел на Мурзинку, лежащую от Александровского в двух верстах, где его дожидалась жена; а как Васильев, будучи у князя, тогда же прислал человека с тем, чтоб они его дождались и не ездили в город, а потому и остались они до 12-го часа ночи, обыкновенного, когда всякий день приятели, родня или, лучше «сказать», ласкатели сего вельможи, от него разъезжались. Васильев приехав, рассказал все вышеописанное, примолвя, что князь раскаивается в своем против него несправедливом поступке и желает, чтоб он у него остался по-прежнему; но только с тем, чтоб он, Державин, сделал на другой день вид, якобы у него хочет просить прощения в своей горячности, и позвал бы его при случившихся посетителях в кабинет, будто для объяснения, дабы скрыть от публики, что был начальник виноват, а не подчиненный в сей истории. Обиженный, подумав и вспомня пословицу, чтоб с сильным не бороться, а с богатым не тягаться, согласился исполнить волю пославшего г. Васильева. Дорогою, ехав с женою в карете, раздумался, что ему предложит еще кончить распрю с Бутурлиным, полагая, что он, будучи человек благородный, вызовет его на дуэль за презрительный с ним поступок при отдаче ему с грубостию бумаг; спросил

ее, как она о том думает, отказаться ли какою-нибудь пристойною уловкою и тем навлечь на себя некоторые от прощалыг насмешки, что храбр на пере, а трус на шпаге? Она, задумавшись несколько, пролила ручьями слезы и сказала: «Дерись; а ежели он тебя убьет, то я ему знаю как отомщу». На другой день, поехав в Александровское и приноровив так после обеда, что много еще было у генерала прокурора гостей, подошед к нему, просил, чтоб он позволил с ним ему в кабинете объясниться. Он, улыбнувшись, сказал: «Пожалуй, мой друг, изволь». В кабинете поговорив совсем о другом, ничего не значущем, вышли подобру и поздорову, как будто ничего между ними не было, и паки благосклонное обхождение начальника с подчиненным возобновилось; но недолго продолжалось.

Приближалось время, что надобно было на наступивший год делать разсигнацию суммам и посылать по губерниям расписание, что откуда и куда высылалось денег в течение оного. Это был октябрь месяц. Заступивший в прошедшем году место управляющего по кончине Еремеева действительный статский советник князь Сергей Иванович Вяземский, ближний свойственник генералу прокурору, хотя по слабости своей ничего не мог делать и не делал, но тут объявил приказание, чтоб нового расписания и табели для поднесения императрице не сочинять, а довольствоваться тем и другою прошлого года. «Как это можно? — возразил Державин, — когда едва окончена тогда новая ревизия, когда на душу[7] …оброку с казенных крестьян и несколько копеек на владельческие!» — «Нет, ничего, — говорил председательствующий, — генерал-прокурор так приказал». — «Мудрено это приказание, — возражал советник, — я не верю, ибо не вижу тому причины». — «Ведомостей нет, из чего сочинять новую табель», — продолжал родственник вельможи. «Не-

[7] В оригинале здесь пропущена сумма оброка с казенных крестьян.

правда, ведомости есть», — и стоял в том твердо Державин. «Нет, да и, кроме того, князь так велел». — «Извольте, но запишите в журнал начальничье приказание, чтоб после нам не ответствовать, когда не будут готовы расписание и табель», — сказал Державин, и тем спор кончился. Поехав же домой, размышлял он: как нет ведомостей? Как вновь прибавившийся доход от новой ревизии и от новых налогов скрыть и как обнесть пред императрицею вице-губернаторов и всех начальников губерний, что будто они не исполняли своей обязанности, и какая лжи такой и обмана государыни причина? Не мог того проникнуть, а для того и решился на всякой случай изготовить примерное извлечение по губерниям доходов; по одной из месячных, по другой из третных ведомостей, по третье из окладных книг или годовых отчетов или ревизских сказок, словом из сведений, откуда какие вступили; ибо расписание и табель всегда делать, как выше сказано, примерные, то и не было нужды в строгой точности. Вследствие чего и забрал без дальней огласки у столоначальников те бумаги, какие у кого нашлись, сказался больным и составил по всему государству недели в две правила, объясняющие источники дохода.

Надобно знать, что около сего времени, то есть в 1782 и 1783 годах, не был уже к нему так благорасположен генерал-прокурор, как прежде; сколько по причине вышеписанной истории, а наиболее по огласившейся уже тогда его оде Фелице, которую двор отличным образом принял и о коей, а равно и о прочих его стихотворениях пространные примечания могут выйти в свет в свое время. В один день, когда автор обедал у сего своего начальника, принесен ему почтальоном бумажный свиток с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину». Он удивился и, распечатав, нашел в нем золотую прекрасную, осыпанную бриллиантами, табакерку и в ней 500 червонных. Не мог и не должен он был принять ее тайно, не объявив начальнику, чтоб не подать

подозрения во взятках, а для того подошел к нему, показал. Он, взглянув сперва гневно, проворчал: «Что за подарки от киргизцев?»; потом, усмотрев модную французскую работу, с язвительною усмешкою сказал: «Хорошо, братец, вижу и поздравляю»; но с того времени закралась в его сердце ненависть и злоба, так что равнодушно с новопрославившимся стихотворцем говорить не мог, привязывался во всяком случае к нему, не только насмехался, но и почти ругал, проповедуя, что стихотворцы не способны ни к какому делу. Все сие снесено было с терпением, сколько можно, близ двух годов. Итак, когда в один докладной день в присутствии всех членов Экспедиции представил он те правила, сказав сердитому на него вельможе: «Вы изволили приказать записать в журнале, что нового расписания и табели не сочинять, а поднести старые. Сие исполнено. Но думая, чтоб за то не подвергнуться гневу Монаршему, не только нам, но и Вашему Сиятельству я осмелился сочинить правила, из коих изволите увидеть, что можно показать и новое состояние государственной казны».

С сим словом, вместо благодарности за предостережение и труды воспылала никем не ожидаемая страшная буря. «Вот, — вскрикнул он, — новый государственный казначей, вот умник. Извольте же, сударь, отвечать, когда не будет доставать суммы против табели на новые расходы по указам императрицы!». С чувствительным огорчением, так что пролились из глаз слезы, приняв сей выговор, советник сказал: «Много мне делать изволите чести, Ваше Сиятельство, почитая меня быть достойным государственным казначеем; но ежели вы изволите сумневаться в сих правилах, то когда не столь важные дела приказано рассматривать в общем собрании всех Экспедиций, не угодно ли приказать, оные рассмотрев, подать вам репорт. Ежели я написал бред, тогда меня уже и обвиняйте». — «Хорошо, — сказал раздраженный вельможа предстоящим чиновникам, — рассмотрите и по-

дайте мне репорт», — уверен будучи, что найдут они какую-нибудь нелепицу. Тотчас сделали собрание, наистрожайше рассматривали, и сколь ни покушались опровергнуть сведения, из коих заимствовано количество сумм, но единогласно наконец все 20 человек управляющих и советников подали репорт, что новую табель составить и поднесть ее величеству можно, по которой нашлось более против прошлого году доходов 8000000. Нельзя изобразить, какая фурия представилась на лице начальника, как он прочел сей акт; но, не сказав ни слова, отвел на сторону сперва помянутого родственника своего князя Вяземского и пошептал ему что-то на ухо, а потом и Васильева, который также ему был свойственник, будучи женат на сестре двоюродной княгини его супруги.

Державин, увидев худую награду за его труды, решился оставить службу. Вследствие чего тот же час, вышедши в экспедиционную комнату, где случился служивший тогда там же советником князь Куракин, что при императоре Павле, был генерал-прокурором, сказал ему, что он более служить с ними не намерен, и потому, сев за стол, тут же написал к князю письмо, просясь у него, для поправления расстроенного хозяйства своего «в отпуск» на два года, а ежели сего сделать не можно, то и совсем в отставку. Письмо сие отдав для поднесения князю секретарю, ушел домой. Оказавшись больным, не выходил из комнаты, и чрез несколько дней явился к нему господин Васильев, который зачал заговаривать опять о примирении, но не так уже чистосердечно и дружески, как прежде, а некоторым образом изъявляя неудовольствие и как бы уграживая, сказав, между прочим, что письмо его лежит пред князем на столе и что он не хочет по нем докладывать государыне, а велел формальную подать просьбу чрез герольдию в Сенат. Это означало не милость — или как история сия разнеслась по городу и дошла до сведения императрицы со всеми подробностями чрез графа Безбородку

или Воронцова, которые были тогда противной ему партии, то и боялся он докладывать сам. Державин предчувствовал, что нельзя ему ужиться, где не любят правды; не согласился на примирение и чтоб еще остаться, думая, что рано или поздно опять выйдет история, когда надобно будет обманывать императрицу; ибо он тогда узнал, что для того Вяземский не хотел открыть точного доходу, чтобы держать себя более во уважении, когда при нужде в деньгах он отзовется по табели неимением оных, но после будто особым своим изобретением и радением найдет оные кое-как и удовлетворит требование двора. Так же как власть генерал-прокурора несколько уменьшилась учреждением о управлении губерний, что наместник или генерал-губернатор могли входить прямо иногда с докладами своими к престолу и поступали иногда против его желания, то внушением о недоставлении ведомостей из губерний чрез подлинную табель от Экспедиции и мог он как бы стороною представить недание или вовсе нерадение должности начальников губернии, и что он один только печется и несет труды за всех; а потому они и не нужны столько, как он один; следовательно, и служба его более. Вот хитрость, из коей произошла неблагоприятность начальника на ревностного и справедливого исполнителя должности его; а для того он и сказал наотрез г. Васильеву, что он у его сиятельства под начальством служить не может, исполнит его повеление и подаст просьбу об отставке в герольдию, что немедленно и учинил. Сенат, согласно законам, поднес доклад императрице, в коем присудил по выслуге его в чине статского советника года наградить его чином действительного статского советника. А как императрица знала его сколько по сочинениям, столько и по ревностной службе его в минувшем мятеже и в Экспедиции, что он обнаружил прямо государственный доход, то высочайше и конфирмуя доклад Сената 15 февраля 1784 года, отозвалась по выслуша-

нии оного Безбородке: «Скажите ему, что я его имею на замечании. Пусть теперь отдохнет; а как надобно будет, то я его позову».

Отправив весь свой домашний быт зимним путем до Твери, а оттуда на судах по Волге в Казань к матери, прожил он в Петербурге еще несколько, искав занять валовую сумму до 18 тысяч руб. на расплату мелочных долгов, кои его обременяли и без удовлетворения которых не мог он выехать из столицы. В течение февраля и марта вздумал он съездить в белорусские деревни, дабы, не видав их никогда, осмотреть, сделать как бы распоряжения или, прямо сказать, как они были оброчные, хозяйства никакого в них не было, то, уединясь от городского рассеяния, докончить в них в уединении начатую им еще в 1780 году в бытность в дворце у всенощной, в день светлого воскресенья оду «Бог». А потому согласив жену несколько с ним расстаться, отправился в путь. Но, доехав до Нарвы, приметя, что дорога начала портиться и что в деревне в крестьянских избах неловко будет ему заняться сочинением, то, оставя повозку и с людьми на ямском постоялом дворе, нанял в городе у одной престарелой немки небольшой покойчик с тем, чтобы она ему и кушать приготовляла, докончил ту оду и еще также прежде начатую под названием «Видение мурзы». Прожив в сем городке не с большим неделю, возвратился в Петербург. Отдал в месячное издание под названием «Собеседник» напечатать помянутую оду «Бог», как и прочие его сочинения, они напечатаны были в том журнале, который начало свое возымел, как и самая Российская Академия, от вышепоказанной оды Фелице, о коей в особых примечаниях на все его сочинения подробно изъяснено будет. Сыскав же нужные деньги у госпож Еропкиных, готов был совсем отправиться; но вдруг получил из Царского Села чрез графа Безбородку известие, что государыня назначает его губернатором в Олонецк, которую губернию в том

году должно было вновь открыть, то и потребовалось его согласие. Будучи у императрицы в хорошем мнении, не благоразумно бы было не согласиться на ее волю. Но как он отправил уже весь свой экипаж в Казань, и престарелая мать давно ожидала его к ней прибытия, то и просил он на некоторое время отпуска. Дан оный ему до декабря, то есть до того времени, когда назначено открыть губернию. А потому и последовал об определении его в губернаторы в Олонец указ 20 мая 1784 года. Генерал-прокурор, получив его, сказал любимцам своим, около его стоящим, завидующим счастию их сотоварища, что разве по его носу полезут черви, нежели Державин просидит долго губернатором.

Отделение V. С определения его в губернаторы до удаления его от оного звания и возведения в высшие государственные чины и должности

Определенный в Олонец губернатором, поехал он в Казань, но матери уже не застал в живых. За три дни до приезда его она скончалась. Оплакав ее смерть, поехал он в оренбургскую свою деревню, дабы показать ее жене своей, как по дороге лежащие рязанскую и казанскую он ей показывал; пожив в ней не более трех дней, предпринял возвращение в Петербург. На дороге случилось несчастье, что кучер, взъехав нечаянно на косогор[8], опрокинул коляску: жена жестоко разбила висок о хрустальный стакан, в сумке коляски находившийся; с тех пор она до безумия стала бояться скорой езды в каретах, когда, напротив того, прежде любила скакать во всю пору. Приехал в Петербург, надобно было на заведение дома губернаторского и на заплату Еропкиным «иметь деньги», хотя для первого пожаловано было государынею две тысячи, но для второго просил в банке графа Завадовского; хотя обнадежил, прошение подано и выдача по нем главным судьею была помечена, но Державин, когда, прося его в разговорах, проговорился, что деньги ему уже назначены, то он так рассердился, что отказал и помету на прошении о выдач приказал отрезать. Таковая поступка сего вельможи ознаменовала к нему его неблагорасположение, как и пред тем года за три, когда он принял правление банка от графа Брюса, который Державину обещал выдать деньги под малороссийское имение, закладываемое гвардии офицером Мордвиновым, сторговавшим у него вещи бриллиантовые и золотые, взятые в приданое за женою на 8000 рублей, и в надежде такового обещания, Державин дал тому Мордвинову

[8] В оригинале: «косагор».

те вещи на вексель на самое короткое время; но когда граф Завадовский вступил на место Брюса, то без всякой причины в выдаче той суммы отказал; чрез что едва не потерял оную, ибо хотя и получил, но чрез несколько лет по малому количеству. Сие маловажное происшествие для того только здесь упомянуто, что в течение всей своей жизни граф Завадовский, где только случай оказывался, всегда не благоприятствовал Державину, как о том из последствий видно будет.

Но как настало время непременно ехать в Олонец и новый губернатор, быв представлен на аудиенцию императрице, откланялся уже ей в кабинете, то, заняв деньги у банкиров по 14-ти процентов, закупил, что ему было нужно для заведения своего, и поехал.

По прибытии в Петрозаводск, губернский город Олонецкой губернии, нашел уже там генерал-губернатора, господина генерал-поручика и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина. Поелику вещи, нужные Державину, как-то и домашние мебели, отправленные с осени водою, уже привезены были и снабден ими губернаторский дом и даже присутственные места, ибо там ничего не было, как равно привез с собою и канцелярских служителей, а между прочими и секретаря Грибовского (который после замечательную ролю играть будет); то при обыкновенных духовных церемониях и торжестве в доме генерал-губернатора и открыта была губерния в исходе декабря 1784 и присутственные места начали свое действие. С первых дней наместник и губернатор дружны были, всякий день друг друга посещали, а особливо последний первого, хотя он во всех случаях оказывал почти несносную гордость и превозношение, но как это было не в должности, то и подлаживал его правитель губернии, сколько возмог и сколь личное уважение требовало. Но когда он прислал в губернское правление при своем предложении целую книгу законов, им написанных и императорскою

властью не утвержденных, требуя, чтобы они в том правлении, в палатах и во всех присутственных местах непременно исполняемы были; но как они во многих местах с существующими коренными законами и самою естественною связью дел не только не сообразны, но даже и неудобоисполнительны были; например: приказал экономии директору подавать себе годовые ведомости, сколько в каждом лете десятин лесов засажено или посеяно, а как по местному положению известно, что Олонецкая губерния наполнена непроходимыми тундрами и лесами, то в таковом разводе лесов никакой нужды не настояло, и едва ли впредь о том пещися доведется надобность; словом, удивясь таковой дичи и грубому дерзновению, усумнился Державин принять те законы к исполнению, а для того пошел к нему в дом, взяв с собою печатной указ, состоявшийся в 1780 году, в котором воспрещалось наместникам ни на одну черту не прибавлять своих законов и исполнять в точности императорскою только властью изданных; ежели ж в новых каковых установлениях необходимая нужда окажется, то представлять Сенату, а он уже исходатайствует ее священную волю. Прочетши сей закон, наместник затрясся и, побледнев, сказал, надеясь на благорасположение к себе и на ненависть ко мне князя Вяземского: «Я пошлю к генералу прокурору курьера, и что он мне скажет, так и сделаем». Чрез несколько дней показал он Державину письмо князя Вяземского, который ему отвечал: «Чего, любезный друг, в законах нет, того и исполнять не можно». После того, получил от него письмо, вследствие которого сказал Державину, чтоб он пересмотрел те присланные им законы и которые не противны учреждению и регламентам, те бы принял к исполнению, а которые противны, те оставил без исполнения, что Державин исполнил: пересмотрел обязанность губернского правления и несходственное с учреждением и другими законами отверг, а о прочих сказал в определении,

учиненном в правлении, чтоб присутственные места, подчиненные губернскому правлению, и палаты каждое по своей должности поступали бы по законам, и в случае невозможности, чрез стряпчих и прокуроров, учиня замечание, представили бы, куды следует. Так и сделано. Таким образом, и пошло кое-как течение дел. Наместник казался довольно дружен; всякой вечер, и с женами, бывали вместе на вечеринках друг у друга. Но спустя несколько времени объявил он, что хочет осматривать присутственные места в рассуждении канцелярского порядка и течения самых дел. На другой день и действительно приступил к свидетельству. Начал с губернского правления. По глупому честолюбию его, и чрезвычайному тщеславию желалось ему, чтоб была встреча ему сделана, так сказать, императорская, то есть, чтоб он встречен был губернатором и всеми присутствующими чинами на крыльце; но Державин принял его точно по регламенту, то есть встал и с советниками с места, показав ему президентские кресла, сам сел по правую сторону на стуле. Наместник делал разные вопросы и привязывался к учрежденному порядку, то есть к заведенным записным книгам и прочему, даже к мебелям; но как на первое ответствовано было согласно с законами, на второе — что для мебели суммы он от него, наместника, не получал, а ежели которые и есть мебели, то его, Державина, собственные; ибо он из особливого усердия к службе, думая заслужить похвалу, подурачился и, купив на нарочитую сумму мебели в Петербурге, то есть столов, стульев и шкафов, отправил еще осенью водою в Петрозаводск, чем и наполнены были не только губернское правление; но и прочие губернские и нижние места. Словом, наместник не мог ни к чему дельно учинить привязки, выехал из правления для освидетельствования палаты и других мест. Державин не почел за нужное провожать его туда, тем более представлять ему те места; ибо они учреждены были под собственным

распоряжением самого генерал-губернатора, то губернатор и не вправе почел себя представлять то, что не он учреждал, тем паче таковые наместниковы постановления, которые противны были законам. Сие было ему также неприятно. Вследствие чего, когда он приехал к нему на обыкновенную ввечеру беседу, то он между разговорами, при многих прочих чиновниках, выхвалял палаты, а особливо казенную и уголовную, которые хотя по собственным его прежним отзывам и по бумагам были крайне неисправны; особливо же относил неудовольствие свое на нижние присутственные места, подчиненные губернскому правлению, говоря, что как они зависят от губернатора, то и должен довести недеятельность их до высочайшего сведения императрицы. Губернатор его также в общем разговоре спросил: «Чем же он не доволен теми местами?» — «Неисполнением его учреждений», — он ответствовал. Губернатор сказал, что он, наместник, был сам в губернском городе, следовательно, и зависели от него, яко от президента губернского правления, всякие поправки подчиненных ему мест; и что он непременно будет жаловаться ее величеству на губернатора, не только не помогавшего ему в введении его благоучреждений, но расположенного против оных. Державин сказал, что готов ответствовать на все то, что ему доносить угодно будет; но как это было между дружеских разговоров, то и не думал, чтоб имело вперед такое последствие. Накануне дал знать об отъезде своем в столицу губернскому правлению, а как губернатор приехал к нему с прочими чиновниками проститься и принять приказание, то он, важным и надменным образом пред всеми сделав ему выговор, за его якобы неисправность, сказал, что он донесет о том ее величеству. Державин учтиво отвечал то же, что прежде: что он будет ответствовать.

Вследствие чего, когда выехал наместник из границ губернии, то он дал губернскому правлению предложение, в

котором сказал, что он по учреждению о губерниях в небытность генерал-губернатора, по губернаторскому наказу 1764 года, намерен лично освидетельствовать все присутственные места и палаты относительно их обрядов и течения дел, дабы быть в состоянии ответствовать, когда по жалобе наместника на него последует от высшей власти неудовольствие или какое взыскание. Почему чрез несколько дней и действительно все палаты и губернские присутственные места свидетельствовал и записал в самых тех местах все то, что нашел, от чего и не могли отрещися присутствующие, ибо журналы подписаны были их руками. Само по себе открылось великое неустройство и несогласица с существовавшими законами и регламентами, по коим места должны были отправлять их должности, ибо они поступали не по законам, а по новым постановлениям наместника. Словом, обнаружилось не только наглое своевольство и отступление наместника от законов, но сумасбродство и нелепица, чего исполнить было не можно, или по крайности бесполезно. Например: предписал он в должность экономии директора, чтоб сажать и сеять всякий год поселянам леса; но как в Олонецкой губернии, почти по всем уездам были непроходимые леса, то сие учреждение, годное на Екатеринославскую губернию, для которой в бытность его там губернатором было оно написано, совсем не годилось для Олонецкой. Также и по другим палатам и судам такие были табели и предписания, что более смеха, нежели какого-либо уважения, достойны. Они все описаны в особых примечаниях, о которых ниже упомянется и коих копия находится в Законодательной комиссии для нужных соображений при написании законов. Одним словом, установлены такие, между прочим, сборы и подати, о коих в правилах казенного управления ниже одним словом не упоминалось. Все сие сделано было им не из чего другого, как из тщеславия и подлого угождения. Из тщеславия, что он один способен был начертать канцелярский порядок, о коем пред тем императрица

предписала господину Завадовскому с приданными ему помощниками; из угождения, что приметил он в проекте нового уложения императрицы некоторые предполагаемые ею подати, о коих никакого еще указа издано не было: хотя проект уложения за действительной закон почитать было не велено, кроме некоторых статей, относящих до уголовных и следственных дел; но по оным наместник сей присвоил уже себе такую власть, чего ни в старых законах, ни в проекте не было и быть не могло, для того что сам он был производителем дел, судьею, оберегателем и исполнителем, что на черных его определениях палатским, то есть чиновникам самым делом изобличилось. Таковые сумасбродства, записанные в журналах каждого правительства и суда, Державин приказал в засвидетельствованных копиях взнесть тогда же в губернское правление, а подлинные впредь для справок оставить у себя, что всеми присутственными местами и исполнено. Тогда Державин, прописав выговор, сделанный ему за неисправность наместником, сославшись на сии канцелярские акты, послал донесение к императрице с нарочным бывшим в правлении экзекутором, что после был губернатором в Выборге, г. Эминым[9], испрашивая повеления, что ее величеству будет угодно сделать с теми журналами и по каким законам поступать: по наместниковым ли или по генерал-губернаторским? Формального ответу не было; но известно после стало, что наместник был лично призван пред императрицу, где ему прочтено было донесение губернаторское, и он должен был на коленях просить милости.

С марта месяца 1785, когда наместник отправился в столицу, лето целое прошло в безызвестии, чем решится или решилось происшествие между губернатора и наместника. Между тем зачали оказываться неудовольствия наместника и разные притеснения и подыски на губернатора. В угодность

[9] Здесь в оргинале – Емин.

генерал-прокурора и генерал-губернатора, привязываясь к губернатору, прокуроры и стряпчие всякой день входили с дельными и недельными доносами и протестами в правление.

Между прочими, коих всех описывать было б пространно и не нужно, подан был протест от прокурора в медленном якобы течении дел. Сие было одно пресмешное о медведе. Надобно его описать основательнее, дабы представить живее всю глупость и мерзость пристрастия. По отъезде наместника скоро и брат его двоюродный, полковник Николай Тутолмин, бывший председателем в верхнем в земском суде, отпущен был в отпуск на 4 месяца. На Фоминой неделе того суда заседатель Молчин шел в свое место мимо губернаторского дома поутру; к нему пристал, или он из шутки заманил с собою жившего в доме губернатора у асессора Аверина медвежонка, которой был весьма ручен и за всяким ходил, кто только его приласкивал. Приведши его в суд, отворил двери, и сказал прочим своим сочленам, шутя: «Вот вам, братцы, новый заседатель, Михайла Иванович Медведев». Посмеялись и тотчас выгнали вон без всякого последствия. Молчин, вышедши из присутствия в обыкновенный час, зашел к губернатору обедать, пересказал ему за смешную новость сие глупое происшествие. Губернатор, посмеявшись, сказал, что дурно так шутить в присутственных местах и что ежели до него дойдет формою, то ему сильный сделает напрягай. Прошел месяц или более, ничего слышно не было. Напоследок дошли до него слухи из Петербурга, что некто Шишков, заседатель того же суда, в угождение наместника, довел ему историю сию с разными нелепыми прикрасами, а именно, будто медвежонок по приказанию губернатора в насмешку председателя Тутолмина (худо грамоту знающего) приведен был нарочно Молчиным в суд, где и посажен на председательские кресла, а секретарь подносил ему для

скрепы лист белой бумаги, к которому, намарав лапу чернилами медвежонка, прикладывали, и будто как прочие члены стали на сие негодовать, приказывая сторожу медвежонка выгнать, то Молчин кричал: «Не трогайте, медвежонок губернаторский!». Хотя очевидна была таковая или тому подобная нелепица всякому, но как генерал-прокурору и генерал-губернатору она была благоугодна, то рассказывали ее за удивительную новость по домам и толковали весьма для Державина невыгодно; видно, и сделан был план в Петербурге, каким образом клевету сию произвести самим делом. В июле месяце, когда председатель Тутолмин возвратился из Петербурга к своему месту, то, не явившись к губернатору, в первое свое присутствие в суде, сделал журнал о сем происшествии по объявлению ему якобы от присутствующих. Услышав о сем, губернатор посылал к нему, чтоб он прежде с ним объяснился, нежели начинал дело на бумаге, более смеха, нежели уважения, достойное. Он сие пренебрег и вошел репортом в губернское правление, выводя обиду ему и непочтение присутственному месту, просил в удовлетворение его с кем следует поступить по законам. Губернатор, получа такой странный репорт, приметя в нем, что будто о каком государственном деле донесено в известие и наместнику, то, чтоб не столкнуться с ним в резолюциях, медлил несколько своим положением, дабы, увидев, что прикажет наместник, то и исполнить. Но как от него также никакого решения не выходило, то прокурор и вошел с протестом, что дела медлят, указывая на помянутый репорт верхнего земского суда.

Губернатор, видя, что к нему привязываются всякими вздорами, дал резолюцию, чтоб, призвав председателя Тутолмина в губернское правление, поручить ему сделать выговор заседателю Молчину за таковой его неуважительный поступок месту и рекомендовать впредь членам суда быть осторожнее, чтоб они при таковых случаях, где окажется

какой беспорядок, шум или неуважение месту, поступали по генеральному регламенту, взыскивая тотчас штраф с виновного, не выходя из присутствия. Наместник, получа таковую резолюцию, и как она ему не понравилась, то будто не видал ее, а по репорту суда предложил губернскому правлению отдать Молчина под уголовной суд. Державин, получа оное, сказал, что он по силе учреждения переменить определения губернского правления не может, а предоставляет наместнику по его должности репортовать на него Сенату. Губернский прокурор и наместник — один с протестом, а другой — с формальной жалобой отнеслись сему правительству. Генерал-прокурор рад был таковым бумагам; подходя к сенаторам, говорил всякому его тоном: «Вот, милостивцы, смотрите, что наш умница стихотворец делает: медведей — председателями». Как известно, что Сенат был тогда в крайнем порабощении генерал-прокурора и что много тогда также и наместники уважались, то и натурально, что строгий последовал указ к Державину, которым требовалось от него ответа, как бы по какому государственному делу. Ежели бы не было опасности от тех, кто судит, то никакой не было трудности ответствовать на вздор, который сам но себе был ничтожен и доказывал только пристрастие и недоброхотство генерал-прокурора и наместника; но как толь сильных врагов нельзя было не остерегаться, то Державин заградил им уста, сказав, между прочим, в своем ответе, что в просвещенный век Екатерины не мог он подумать, чтоб почлось ему в обвинение, когда он не почел странного сего случая за важное дело и не велел произвесть по оному следствие, как по уголовному преступлению, а только словесный сделал виновному выговор, ибо даже думал непристойным под именем Екатерины посылать в суд указ о присутствии в суде медведя, чего не было, и быть не могло. Как бы то ни было, только

Сенат, потолковав ответ, положил его, как называется, в долгий ящик под красное сукно.

Множество было подобных придирок, но все пред невинностью и правотою под щитом Екатерины, невзирая на недоброхотство Вяземского и Тутолмина, исчезли. Державин был переведен в лучшую Тамбовскую губернию.

В исходе, однако, летних месяцев, чтоб как-нибудь очернить Державина и доказать неуважение его к начальству и непослушность, Тутолмин сделал ему такие поручения, которые, с одной стороны, были не нужны, а с другой — в исполнении почти невозможны. В исходе августа прислал он повеление осмотреть губернию и открыть город Кемь, лежащий при заливе Белого моря недалеко от Соловецкого монастыря. Это почти было невозможное дело, потому что в Олонецкой губернии по чрезвычайно обширным болотам и тундрам летним временем проезду нет, а ездят зимою, и то только гусем; в Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебщики в мае и июне месяцах ездят для моленья в Соловецкий монастырь, а в августе и прочие осенние месяцы, когда начинаются сильные противные погоды, никто добровольно, кроме рыбаков в рыбачьих лодках, не ездят. Но Державин, невзирая на сии препятствия, дабы доказать всегдашнюю свою готовность к службе, предпринял исполнить повеление наместника, и действительно исполнил, хотя с невероятной почти трудностью, объездя более 1500 верст, то верхом на крестьянских лошадях по горам и топям, то в челночках по озерам и рекам, где не только суда, но и порядочные лодки проезжать не могут. Приехав в Кемь, не нашел тут не только присутственных мест, ни штатной команды, но ниже одного подьячего, хотя наместник его уверил, что он все нужное найдет там готовым. Из сего понятен был, можно сказать, злодейский умысел наместника, потому что, ежели б Державин не поехал, то

бы... он сказал, что он не послушен начальству или по трусости не способен к службе; в противном случае он почти уверен был, что благополучно не может совершить сего опасного путешествия, что и сделалось, было самым делом, как ниже увидим. Но Божий промысл против злых намерений человеческих делает, что Ему угодно. Державин, приехав в Кемь, видел, что нельзя открывать города, когда никого нет. Однако, чтоб исполнить повеление начальника, он велел сыскать священника, которого чрез два дни насилу нашли на островах на сенокосе, велел ему отслужить обедню и потом молебен с освящением воды, обойти со крестами селение и, окропя святою водою, назвать по высочайшей воле городом Кемью, о чем оставил священнику письменное объявление, приказав о том по его команде отрепортовать Синоду, а сам такой же репорт послал в Сенат.

Возвращаясь, хотел было заехать в Соловецкий монастырь, который лежит от Кеми верстах в 60-ти; но с одной стороны, как монастырь Соловецкий Архангельской губернии, то не хотел он без позволения выехать из своей, а с другой, как поднялся противный ветер, и был он в шестивесельной рыбацкой лодке, в которой против погоды плыть по морю никаким образом было не можно, то и приказал направлять свою лодку по погоде, и как уже день склонялся на вечер, надобно было доехать засветло до синеющихся впереди каменных пустых островов или морских курганов. Но восстала страшная буря, молния и гром, так что нельзя было без освещения молнии и различать совсем предметов, то и проехали было совсем назначенные к отдохновению своему острова; но лоцман по домекам узнал, что те острова вправе и что почти их проезжаем. Ежели к островам, то ветер будет боковой или, как мореходы называют, бедевен, а ежели прямо по ветру, то может легко замчать в средину Белого моря, или в самый Окиян. Державин

приказал держать к островам вправо. Лишь руль повернули, паруса упали, лодка искосилась на бок, то и захлебнулись было волнами, и неминуемо бы потонули; но Бог чудным образом спас погибающих. Державин, хотя никогда не бывал на море, но не оробел и не потерял духу, когда бывшие с ним экзекутор, вышепомянутый Эмин[10], и секретарь Грибовский, который после был статс-секретарем при императрице, замертво почти без чувств лежали; да и самые гребцы, как были лапландцы — неискусные мореходцы — оцепенели, так сказать, и были недвижимы, то одна секунда и вал надобны были к погребению всех в морской бездне. В самое сие мгновение Державин вскочил, закричал на гребцов, чтоб не робели, подняли веслы, на которые лодка несколько оперлась и вдруг очутилась за камнем, который волнам воспрепятствовал ее залить. Таковым, можно сказать, чудом спаслись от потопления, и Державин тогда в уме своем подумал, что, знать, он еще Промыслом оставлен для чего-нибудь на сем свете. В память сего после написал он оду, под названием «Буря», которая напечатана в первой части его сочинений. Переночевав на сих островах, или, лучше сказать, пустых камнях, поутру, хотя также не без опасности, но приехали благополучно в город Онегу Архангельской губернии; оттуда же, сухим путем в город Каргополь, который есть наилучший в Олонецкой губернии, как хлебопашеством, так и торговлею.

Возвратился из сего путешествия в исходе сентября и скоро после того получил указ о перемещении в Тамбовскую губернию. Но как надобно было Олонецкую так сдать или к сдаче приготовить, чтоб после, а особливо по недоброжелательству наместника прицепок или взыскания не было; то осмотрел Державин вновь подчиненные губернскому правлению места и все, что не исправно, исправил, и как, между

[10] В оригинале здесь: Емин.

прочим, Приказ общественного призрения в особливой был зависимости губернатора, то, осматривая оный, приметил в поданной денежной ведомости от помянутого секретаря Грибовского, который отправлял должность казначея, что итоги не верны, то он приказал поверить одному из заседателей, который донес о действительной неверности и явное сумнение в целости казны. Он приказал сличить с документами, по которым нашлось, что по определениям, подписанным одним губернатором без советников, выдано денег купцам заимообразно без росписки их в шнуровых книгах 7000 рублей, то, в самом деле, не достало наличных более 1000 рублей. Таковое открытие потому более было важно, что наместник всякими безделицами подыскивался под губернатором, то и легко мог сказать, что он сам похитил деньги, ибо определения на выдачу их подписаны были одною его рукою, а расписок от приемщиков в получении денег не было. При том знал Державин, что в угождение наместника прокурор и стряпчие, да и прочие чины, того и смотрели, чтоб что-нибудь на него донесть, то и надобно было исправить сей беспорядок так искусно и без канцелярского производства, чтоб зажать рот всем, восхотевшим поступить на какое-либо шиканство и ябеду. А потому призвал он к себе Грибовского и лицо на лицо приятельским увещанием извлек из него искреннее признание в трате казенных денег. Он сказал, что проиграл их в карты, ведя игру с вице-губернатором, с губернским прокурором и с уголовной палаты председателем, которые были все любимцы наместнику. О розданных купцам деньгах объяснил, что для того подписаны одним губернатором определения, что он у купцов просил денег из занимаемых ими сумм, но как они на то не согласились, иначе как взять без расписки, а когда заплатят, то тогда уже расписаться в книгах, что он и сделал, а для того и не подавал к прочим членам к подписке определений, чтоб они при выдаче

денег не потребовали к своему усмотрению их расписок в книге. Он велел ему искренние сие признание положить на бумагу в виде письма к губернатору, в котором он, во всех своих шалостях раскаявшись, чистосердечно признался, написал по именам, кому что проиграл. Получив таковую бумагу, Державин тотчас пригласил к себе вице-губернатора, и как уже был час 7-й вечера, то его весьма таковое необыкновенное приглашение удивило. Сначала, разговаривая о посторонних материях, губернатор в виде дружеской откровенности объявил ему несчастие, случившееся в Приказе общественного призрения, и требовал его совета, что ему делать. Вице-губернатор, услышав сие, принял важный вид, стал вычислять многие свои замечания насчет неосторожности губернаторской, что Грибовский не стоил его доверенности и тому подобное и что надобно с ним поступить по всей строгости закона и со всем тем, кто с ним был соучастник. Тогда губернатор просил его, чтоб он лежащую на столе бумагу прочел и тогда бы дал ему свой совет, что делать. Вице-губернатор взял письмо и, коль скоро увидел свое имя между игроками, то сначала взбесился, потом оробел и в крайнем замешательстве уехал домой. Того только и было надобно, чтоб, увидя себя замешанным, не предприняв каких с его стороны доносов или других шиканов. То же сделано с прокурором и с председателем палаты. Все они перетрусились, кроме, что прокурор зачал было крючками вывертываться и каверзить. Между тем губернатор послал по купцов, которые взяли казенные деньги, не расписавшись в книгах, представил им их дурный поступок во всей ясности и сказал, что отошлет он их тотчас в Уголовную палату, коль скоро не распишутся в книгах. Они то, без всякого прекословия исполнили. Тысячу рублей Державин взнес свою; книги исправили и ведомости сочинили по документам, как быть им должно. Ко времени присутствия прокурор принес в правление протест,

в котором изъяснял, что губернатором был призыван в необыкновенное время ночью, где ему показана бумага, в которой умышленно замешан в карточной игре. Советники сего протеста не приняли, сказав, чтоб он сам отдал его губернатору; он и действительно то сделал, но губернатор принял его с смехом, сказав, что он всё затевает пустое, что он его никогда к себе не призывал и деньги никакие в приказах не пропадали, в удостоверение чего поручает ему самому освидетельствовать денежную казну и книги по документам. Прокурор удивился, сходил в приказ и, нашед все в целости и в порядке, возвратился. Губернатор, изодрав его протест, возвратил ему как сонную грезу и, приказав подать шампанского, всем тут бывшим и прокурору поднес по рюмке, выпивал сам и отправился в Петербург, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернию, и, не сделав никого несчастливым и не заведя никакого дела.

В Олонецкой губернии сделаны Державиным некоторые распоряжения и сочинения, заслуживающие некоторое внимание:

I. Секретное распоряжение для земской полиции о недопущении раскольников сожигать самих себя, как прежде часто то они из бесноверства чинили.

II. Устав о раздаче лапландцам хлеба заимообразно из заведенного для них магазейна суммою в 60000 рублей, которые деньги и хлеб по непорядочной раздаче почти были все пропадшими.

III. Установление пограничной таможенной стражи между Россиею и Шведскою Лапландиею, при котором случае по приказанию губернатора и описание самой Лапландии сочинено екзекутором Эминым.

IV. Установление больницы на 40 человек под ведомством Приказа общественного призрения, при открытии и освящении которой говорена была речь соборным священником

Иоанном, сочиненная губернатором за неимением ученых духовных. Сия речь принята с похвалою и напечатана в публичных ведомостях, которая впредь поместится между прозаическими сочинениями Державина.

V. Основательное примечание, с подведением на всякую статью законов, на вводимый обряд наместников, на случай, ежели б императрице угодно было приказать репорт губернатора рассмотреть судом, которое примечание находится и теперь в комиссии сочинения уложения.

Наконец, пресечен род крестьянского возмущения, происшедшего по поводу приказов экономии директора Ушакова, якобы по указу 1783 года, которым велено наделить крестьян равными участками, разумеется, пустопорожних земель; но он вместо того велел, пахотные отбирав у одних, давать другим; а как в Олонецкой губернии обработование земель весьма дорого становится по непроходимым почти болотам, дремучим лесам и по чрезвычайной завалке каменьями, то лишающиеся удобренной пахоты и произвели не только всеобщий ропот, но и самое друг на друга восстание.

Словом, Державин, пробыв с открытия сей губернии, то есть с декабря месяца 1784 году, оставил оную в октябре 1785 года, к которому относится все вышеописанное, и отправился в Петербург. Пробыв в оном до марта, поехал в нововверенную ему Тамбовскую губернию, прекратя некоторые дурные на него внушения императрице, от известных его недоброжелателей и их приятелей дошедшие чрез Александра Петровича Ермолова, бывшего тогда в особенной доверенности, и также неудовольствие от князя Потемкина, по жалобам славного тогда раскольничья настоятеля Выгорецкой пустыни Андрея Семенова за то, что губернатор приказал земской полиции лично осматривать пашпорты всех проживающих людей, большею частью беглых; но как князь

услышал объяснение и правоту оного, то и переменил неудовольствие в благорасположение к Державину.

По приезде в Тамбов в исходе марта или в начале апреля 1786, нашел сию губернию по бывшему губернатору Макарове, всем известном человеке слабом, в крайнем расстройстве. Сначала с генерал-губернатором графом Гудовичем весьма было согласно, и он губернатором весьма был доволен, как по отправлению его настоящей должности, так и по приласканию общества и его самого; когда он летом посетил Тамбов, в честь его был устроен праздник, который описан в IV части сочинений Державина. Таковые были в продолжение лета, осени и зимы и даже в наступающем году; но они не только служили к одному увеселению, но и к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходительно, что ни одеться, ни войти, ни обращения, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах. Для того у губернатора в доме были всякое воскресенье собрания, небольшие балы, а по четвергам концерты, в торжественные же, а особливо в государственные праздники — театральные представления, из охотников, благородных молодых людей обоего пола составленные. Но не только одно увеселение, но и самые классы для молодого юношества были учреждены поденно в доме губернатора, таким образом, чтоб преподавание учения дешевле стоило, и способнее, и заманчивее было для молодых людей. Например: для танцевального класса назначено было два дни в неделю после обеда, в которые съезжались молодые люди, желающие танцевать учиться. Они платили танцмейстеру и его дочери, которые нарочно для того выписаны были из столицы и жили в доме губернатора, по полтине только с человека за два часа вместо того, что танцмейстер не брал менее двух рублей, когда б он ездил к каждому в дом. Такое ж было установление и для классов

грамматики, арифметики и геометрии, для которых приглашены были за умеренные цены учители из народных училищ, у которых считалось за непристойное брать уроки девицам в публичной школе. Дети и учители были обласканы, довольствованы всякий раз чаем и всем нужным, что их чрезвычайно и утешало и ободряло соревнованием друг против друга. Тут рисовали и шили, которые повзрослее девицы для себя театральное и нарядное платье по разным модам и костюмам, также учились представлять разные роли. Сие все было дело губернаторши, которая была как в обращении, так и во всем в том великая искусница и сама их обучала. Сие делало всякий день людство в доме губернатора у так привязало к губернаторше все общество, а особливо детей, что они почитали за чрезвычайное себе наказание, ежели, когда кого из них не возьмут родители к губернатору. Несмотря на то, чрезвычайная сохранялась всегда пристойность, порядок и уважение к старшим и почтенным людям. О сем долгое время сохранялась, да и поныне сохраняется, память в тамошнем краю. Да и можно видеть из пролога на открытие театра и народного училища, в помянутой же части напечатанных.

Но губернатор в сии увеселения почти не мешался, и они ему нимало не препятствовали в отправлении его должности, о которой он беспрестанно пекся, а об увеселениях, также как и посторонние, тогда только узнавал, когда ему в кабинет приносили билет и клали пред него на стол. Сие его неусыпное занятие должностью обнаруживалось скорым и правосудным течением дел и полицейскою бдительностью по всем частям управы благочиния, что также всем не только тогда было известно, но и доныне многим памятно. Сверх того, сколько мог, он вспомоществовал и просвещению заведением типографии, где довольное число печаталось книг, переведенных тамошним дворянством, а особливо Елисаветою Корниловною Ниловою. Печатались также и для поспешности

дел публикации и указы, которые нужны были к скорейшему по губернии сведению; были также учреждены и губернские газеты для известия о проезжих чрез губернию именитых людях и командах и о ценах товаров, а особливо базарных — хлеба, где, когда и по какой цене продавался. Сие особливо полезно было для казны, при случае заготовления большого количества провианта; ибо провиантским комиссионерам не можно было возвышать чрезвычайным образом цен против тех, которые объявлены были в губернских печатных ведомостях, сочиняемых дворянскими предводителями каждого уезда под смотрением одного надежного чиновника, живущего в губернском городе при губернаторе, который и из других рук также получал тайные для поверки сведения. Словом: в 1786 и 1787 году все шло в крайнем порядке, тишине и согласии между начальниками.

В последнем из сих годов открыто народное училище, которое принесло большую честь губернатору, как известною речью, говоренною однодворцем Захарьиным, сочиненною губернатором по поводу тому, что преосвящен-ный был тогда человек неученый, и при нем таковых людей не было, кто бы мог сочинить на тогдашний случай приличную проповедь. О сей речи неизлишне, думается, сообщить особливый анекдот. Вот он. Хаживал к губернатору из города Козлова однодворец Захарьин, который принашивал ему сочинения своего стихи, большею частью заимствованные из Священного писания. В них был виден нарочитый природный дар, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познания не имел; он ему иногда читывал свои стихи, то по способности сей хотел его поместить в какую-либо должность в Приказ общественного призрения. В сие время, то есть в августе 1786 года, получен именной указ, коим непременно велено было открыть под ведомством Приказа общественного призрения народное училище, 22-го числа сентября, то есть в день коронования

императрицы. День приближался. Надобно было по обыкновению при открытии училища говорить речь или проповедь. Он сообщил о сем преосвященному Феодосию, который был человек и неученый, и больной, то он отказался. Губернатор убеждал, чтоб он приказал своему, хотя проповеднику то исполнить, но и в том не успел; ибо хотя тот проповедник был дьяконом, невзирая на то, хоть без всяких талантов, но человек притом невоздержный и на тот раз пил заноем. Губернатор послал в город Ломов к архимандриту, человеку ученому, который, хотя по духовному правительству принадлежал Тамбовской епархии, но по губернскому правлению — Пензенской губернии. Сей обещал приехать, но дня за три до назначенного дня прислал курьера с отказом, сказав тому причину, что пензенский губернатор требует его в Пензу, для сей же надобности. Получа сие, Державин не знал, что делать; а как прилунился у него помянутый однодворец Захарьин, то он и вызвался, что он напишет речь, когда ему то будет позволено. Губернатор посмеялся такому предложению, знав его к тому недостаток, но хотел видеть, что будет это за речь. Сказав ему свои мысли, какого содержания она быть долженствует, приказал, когда напишет вчерне, то чтоб показал ему. Сей, в самом деле, на другой день поутру очень рано явился со своим сочинением. Сие было сущий вздор, ни складу, ни ладу не имеющий. Он ему, сделав свои замечания, велел переделать и принести в тот же день ввечеру. Он исполнил; но и по вторичном прочтении нашлась самая та же нелепица. Итак, видя, что из однодворцовых собственных мыслей и трудов ничего путного не выйдет, а речь непременно иметь хотел, то и приказал он ему придти к себе в кабинет в наступивший день до свету. Он в назначенный час явился. Державин, посадя его, велел ему под диктатурою своею писать речь по собственному своему расположению и мыслям, которые он в течение дня в голове своей собрал и расположил

в надлежащий порядок. Но как однодворцу не было приличного места, где бы ему ту речь по состоянию его сказать можно было; ибо в церкви нельзя, для того, что он был не церковнослужитель; в школе также невместно, ибо не был ни учитель, и ни почему не принадлежал к чиновникам сего заведения. А для того выдумал, чтоб он на таком месте сказал ее, которое может принадлежать всему народу. Вследствие чего приказал ему переписать ее набело и на другой день, то есть накануне уже праздника, тоже поутру рано, явиться к нему в кабинет. По исполнении сего, пересмотрев и переправив еще, приказал ему, чтоб, когда процессия духовная будет возвращаться после освящения училища в собор, то чтоб он, останова ее, начинал свою речь, которая начиналась таким образом: «Дерзаю остановить тебя, почтенное собрание, среди шествия твоего» и проч.

Сие в точности так было исполнено. Когда преосвященный со всем своим духовным причетом, отслужа молебен и окропя святою водою классы, хотел с собранием всех чинов выйти из училища, то однодворец остановил его вышеписанным началом речи; и губернатор, тотчас, подступя, пригласил их в училище, где уже и говорена была речь перед портретом императрицы порядочно; но при том месте, где он предавал в покровительство государыне сына своего, жена его, стоявшая за ним с малолетним его младенцем, отдала ему оного, а он положил его пред портретом, говоря со слезами те слова, которые там написаны. Сие трогательное действие так поразило всех зрителей, что никто не мог удержаться от сладостных слез, в благодарность просветительнице народа пролиянных, и надавали столько оратору денег, что он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака, ибо также любил куликать. Речь сия послана была к наместнику и оттоль натурально в Петербург к императрице, где привела государыню столько в умиление, что

она от удовольствия пролила слезы и вообще такое произвела во всех удивление, что прислан был от графа Безбородки курьер, и именем императрицы приказано было однодворца доставить в Петербург; ибо тотчас усомнились, каким образом можно было простому мужику иметь такие чувства и сведения, каковые в той речи оказались и каковых от лучших риторов ожидать только можно. Сие происшествие, а притом и успехи, тотчас показавшиеся от учения, как то, между прочим, например, что чрез несколько месяцев появилось во всем Тамбове в церквах итальянское пение. Это было сделано так, что один придворный искусный певец, спадший с голоса, служил секретарем в нижней расправе и в состоянии был учить класс вокальной музыке. А как известно, что купечество в России везде охотники до духовного пения, то губернатор, прибавя сказанному секретарю несколько жалованья из Приказа общественного призрения к получаемому им из Расправы, велел учредить певческий класс по воскресеньям для охотников; то тотчас и загремела но городу вокальная музыка. Забавно и приятно видеть, когда слышишь вдруг человек 400 детей, смотрящих на одну черную доску и тянущих одну ноту. А как и другие науки, как-то арифметика, чтение и писание прекрасное, показались по городу, и сенаторы граф Воронцов и Нарышкин, в начале 1787 года осматривавшие губернию, подтвердили народную похвалу императрице относительно правосудия, успешного течения дел, безопасности, продовольствия народного и торговли, также приятных собраний и увеселений, так что начало знатное дворянство не только в губернском городе часто съезжаться, но и строить порядочные дома для их всегдашнего житья, переезжая даже из Москвы; то все сие и возродило в наместнике некоторую зависть. Сие, прежде всего, приметно стало из того, что он зачинал к себе требовать и брать артистов против воли губернатора и их самих в Рязань для устройства там театра

и прочих увеселений, как-то машиниста, живописца и балетмейстера, которых губернатор старанием своим выписал и содержал разными вымышленными им без ущерба казны, и чьей-либо тягости способами, как то выше явствует.

Но в течение сего же года открылось уже явное наместника неудовольствие против губернатора. Причина была тому следующая. В исходе того 1786[11] года, должны были быть по губерниям в казенных палатах торги на винный откуп. В законе было сказано, что казенная палата, постановив на мере с откупщиком кондиции, прежде заключения контракта отошлет их на уважение губернского правления, генерал-губернатора и Сената. Тамбовская казенная палата, сделав торги, сколько по слуху в городе известно было с ненадежными людьми и с уменьшением сложности 20000 ведер вина, что делало в год казне убытку 30000 и в 4 года 120000 рублей, послала к наместнику, а в губернское правление не присылала. Губернатор ждал, что из сего будет, и говорил словесно вице-губернатору (человеку жадному к интересу и, можно сказать, криводушному подьячему), но он отыгрывался разными увертками, упираясь, впрочем, на то, что отослал к наместнику, и когда от него получит, тогда сообщит правлению. Надобно знать, что наместник сей или генерал-губернатор был, как выше сказано, человек весьма слабый, или, попросту сказать, дурак, набитый барскою пышностью, что зять графа Разумовского, и дел, особливо же статских, нимало не разумеющий. Он был водим его секретарем г. Лабою, который после был генерал-провиантмейстером: человек проворный, умеющий вкрадываться и подольщаться к разного характера людям. Ушаков вице-губернатор с ним сдружился, а может быть и разделял с ним и с сенатскими обер-секретарями или повыше с кем те 120000 рублей,

[11] В оригинале описка — 1787 г.

которые с уменьшением сложности из казны украли. Таким образом, как они на хищение царского интереса сладились, то и присланы кондиции в правление накануне нового года с таковым требованием, чтоб правление с началом оного немедленно допустило новых откупщиков до содержания откупа. Губернатор, приметя козни, что ежели не допустить, то откупщики войдут с претензией и начтут многие суммы, которые падут на счет губернатора, а ежели допустит, то будет соучастник ущерба интереса; а потому и дал он резолюцию, что как по наступившему времени к отдаче новым откупщикам откупу некогда уже сбирать справок о залогах, представленных от откупщиков, и о их благонадежности, а господин генерал-губернатор уже нашел их достаточными и уважил, что губернское правление, не входя ни в какое за сим новое рассмотрение, яко главного начальника губернии, относится к нему и ждет его предписания, которое последовало. Откуп отдан, и Сенату, с прописанием всего происшествия, отрепортовано. Едва прошло месяца два откупа, вступил в правление на главного откупщика купца тамбовского Матвея Бородина вексель на весьма важную сумму, помнится тысячи на три. Правление, по законному порядку, предписало коменданту с Бородина ту сумму требовать. Он отозвался неимением денег; предписано в доме описать имение; но оного ничего не нашлось, следовательно, и объявленный им под откуп капитал, как и у прочих его соучастников, по справкам оказался подложный, то есть, выставлен на одной бумаге, а в существе своем пустой, никакого достоинства не имеющий. В таком случае, чтоб правлению самому не подпасть под взыскание, когда откупщики не будут взносить откупной суммы, как уже и действительно недоимки накопляться стали, губернатор приказал, на основании учреждения о управлении губерниями, губернскому казенных дел стряпчему взнесть иск; что исполнено, и жалоба его отправлена в Сенат.

Вот сим-то и возгорелась уже явная злоба наместника против губернатора. Между тем случилось еще происшествие, достойное примечания, которое ознаменовалось совершенным подыском и гонением губернатора.

В марте месяце 1788 года, 24-го числа, то есть накануне Благовещения, явился к губернатору воронежский купец Гардении с открытым ордером ко всем губернаторам от главнокомандующего в армии князя Потемкина-Таврического, которым препоручалось им помогать ему, Гарденину, яко провиантскому комиссионеру, в покупке и доставке провианту на армию, предводительствуемую им против Оттоманской Порты, в которой крайний был недостаток, так что по зиме еще с Моздоцкой линии и прочих мест дивизионные командиры писали к губернатору и просили его приискать купить хлеба; но как в том году в Тамбовской губернии, да и в прочих смежных, родился хлеб худо, то и не мог он удовлетворить требованию их. Гардении, сверх помянутого ордера, представил еще открытый указ из Сената казенным палатам, чтоб ассигнованные на воинской департамент суммы отпустили ему, Гарденину, без задержания; объявив притом словесно, что приискано и приторговано им хлеба потребное число по реке Вороне у разных помещиков и отдано им задатку 50000 рублей с тем, чтоб при вскрытии реки и при нагрузке в суда хлеба заплатить им остальную сумму; а ежели не заплатит, то с них поставки хлеба не взыскивать, и взятых в задаток денег не требовать. Поелику было то время, что скоро река вскроется, то и просил он, чтоб из ассигнованных на военный департамент за прошлый и за настоящий год сумм были потребные ему деньги выданы, иначе же, когда упустится пора, то армия подвергнется крайнему бедствию. Губернатор Державин, как деньги в казенной палате, препроводил его к вице-губернатору, чтоб он от него деньги требовал. Гарденин возвратился и объявил,

что вице-губернатор отказал ему в деньгах, сказав, что будто в палате провиантских сумм нет. Губернатор вторично отослал его при секретаре Савицком (что ныне вице-губернатором в Новегороде) и велел просить его, чтоб он удовольствовал комиссионера, ежели провиантских и комиссариатских денег нет, хотя из других сумм, которые после заменит, ибо государственная нужда, не теряя времени, того требует, дабы не поморить армии. Вице-губернатор, надеясь на покровительство князя Вяземского, яко генерал-прокурора и государственного казначея, и также и на генерала губернатора, ответствовал с грубостью, что у него денег нет, и сверх того, дабы оказать губернатору больше неуважения и пресечь совсем надежду Гарденину без подарков получить ему деньги, поехал на винный Липецкий винокуренный завод, якобы для осмотру его годности по сенатскому указу. Гарденин в отчаянии прибегнул паки к губернатору. Тогда он приказал войти к себе с письменным прошением, с прописанием всех вышеописанных обстоятельств и отказов вице-губернаторских. Вследствие чего, призвав к себе, казенных дел стряпчего, велел ему подать себе ведомости о суммах, какие находятся в казенной палате наличными и куда какие ассигнованы суммы. Стряпчий ответствовал, что губернский казначей и прочие члены палаты той ведомости ему без вице-губернатора не дают. Тогда он, по силе учреждения о губерниях, яко хозяин губернии, дал ордер коменданту, придав ему в помощь для лучшего соблюдения порядка советника правления и секретаря, которым велел казну в губернском казначействе освидетельствовать и подать губернскому правлению репорт, сколько каких сумм налицо находится в оном. А как предвидел он, что таковой его, хотя законный и должный, но решительный поступок от его недоброжелателей подвергнется разным прицепкам и осуждению, то и дал он подробное наставление своим комиссионерам, как поступать при

свидетельстве казны, наблюдая возможную осторожность и порядок, то есть, что записывать всякий свой шаг по точной силе должности казначея в журнал, вообще с теми чиновниками, которые от стороны казенной палаты, при том свидетельстве находиться будут. Все сие сохранено, и подан репорт в губернское правление; но как свидетельство происходило по документам и по книгам несколько дней, то натурально о выдаче денег Гарденину послан прежде репорт в Сенат, а о свидетельстве после, в котором прописаны все беспорядки и неустройство по казенной части: то есть Ассигнационного банка суммы более 150000 рублей валялись вовсе без записки, из коих, носился слух, раздаваны вице-губернатором взаймы казенные деньги без процентов и без залогов, кому хотел, также неокладные доходы, как-то: за гербовую бумагу, за паспорты, сбирались без записки в приход; провиантских и комиссариатских сумм было налицо, неизвестно почему удержанных и не высланных в места, куда ассигнованы, около 200000, то есть несравненно более, чем Гарденин требовал; словом, почти вся записная книга была белая, документы разбросаны или и совсем растеряны, и неизвестные какие-то деньги нашлись у присяжных по коробкам, так что оказывалось в растере или похищении казенных денег более 500000 рублей. Все сие записано в журнал подлинно собственными руками, как комиссионеров губернатора, так и губернским и уездным казначеем и стряпчим, без всякого противоречия или жалоб на какое-либо притеснение; и тогда же отрепортовано с нарочными Сенату, и наместнику дано знать.

Поелику же сие происходило перед страстною неделею, а по воскресеньям всегда собирались к губернатору на вечер чиновники и их жены, то в вербное воскресенье, собравшись они в дом губернатора, начали между собою переговаривать, что якобы свидетельство комендант и его помощники учинили

подложное, притеснительное и оклеветали казенную палату в беспорядках, коих совсем не было, а, напротив того, она нашлась в наилучшей исправности, о чем казенная палата, сделав определение, послала с нарочным же репорт от себя Сенату. Сие услышав губернаторша от женщин, сказала мужу. Он тотчас призвал к себе губернского прокурора и спросил, известен ли он и правда ли, что казенная палата сделала определение в опровержение губернского правления и послала репорт якобы о лживом свидетельстве. Прокурор отвечал: «Правда». — «Для чего вы не соблюли свою должность, в учреждении вам предписанную, где вам велено доносить губернскому правлению не только о всех происшествиях, но и о слухах и о ропоте народном? А вы, видя и пропуская определение палаты о беззаконных поступках коменданта и прочих комиссионеров, не донесли правлению, которое могло свои взять меры и чрез исследование открыть истину. Что подумает Сенат? Кому ему верить, правлению или палате?» Губернский прокурор, услышав сие, струсил, побледнел и затрясся. Губернатор без обиняков сказал ему, что ежели он не исполнит своей должности по точной силе учреждения, то он прямо принужден будет донести о всех беззаконных происшествиях императрице. Прокурор на другой день, то есть в страстной понедельник, хотя день неприсутственный, но как по важному делу, подал репорт губернскому правлению. Губернатор, приняв оный, дал резолюцию пригласить, как по экстренному делу, председателей палат, при них, призвав всех чиновников, казначеев и присяжных, бывших при свидетельстве казны в казначействе, спросить их, каким образом делано было притеснение и угрозы присяжным и прочим чинам комендантом и прочими комиссионерами. Председатели уголовной и гражданской палат, двое Чичериных, прибыли, а казенной палаты, как выше явствует, вице-губернатор был на Липецких заводах, то вместо его пришел Экономии

директор Аничков. Скоро потом представлены казначей и присяжные, которые тайно приехавшим из Липецка вице-губернатором и его сообщником Экономии директором настроены, что на вопрос в правлении губернатором, кем вы были принуждены при свидетельстве казны показывать неисправности казначейства и похищение казны, в один голос все ответствовали: «Комендантом». — «Как?» — «Он приказал из нас одному присяжному, у которого в коробке заперты были казенные деньги: «Ну поскорее отпирай и вынимай, что у тебя там есть», — толкнув притом тростным набалдашником в спину». — «Более ж никакого принуждения и устращивания не было?» — «Нет», — отвечали. Сии показания записаны в журнале правления и спрашиваны еще, не имеют ли чего в оправдание свое сказать; но никто ничего не говорил, а все были безгласны. Все сие в присутствии всего собрания записано и репортовано Сенату и сообщено генерал-губернатору к сведению, который с своей стороны послал жалобу в оное правительство, что якобы губернатор его обидел, между прочим, и созывал из палат в правление председателей, ссылаясь на учреждение, которым одному ему предоставлено право сзывать палаты при случаях заключения на новые законы. Сенат по первому репорту о выдаче Гарденину денег, сделал губернатору строгий выговор, что якобы он вмешивался в управление казенной части, которая непосредственно зависела от государственного казначея или князя Вяземского, несмотря на то, что он его ассигнацию приказал выполнить, велев отдать Гарденину деньги, ассигнованные на провиантский департамент. По второму репорту о свидетельстве денег в палате и о происшедшем между казенною палатою и правлением несогласии велел на месте генерал-губернатору беспорядок исправить, а пониженную сложность, несмотря на толь явный и умышленный ущерб интереса по откупу, утвердил без всякого исследования, не

уважа никаких доводов казенного стряпчего. Генерал-губернатор, приехав сам для исполнения сенатского указа, что сделал, губернатору осталось неизвестным, ибо он о сем ни одним словом с ним не объяснялся; а между тем в августе месяце, по случаю нечаянно объявленной войны с Швецией, как приказано было добровольно отданных владельцами в солдаты людей принимать, но на одежду и содержание их денег не ассигновано, то губернатор требовал от наместника разрешения, из каких сумм оные взять, ибо, получив недавно указ Сената не касаться казенной части, не смел сам собою заимствовать оных из комиссариатских сумм. Генерал-губернатор отделывался от письменной резолюции, словесно приказывая взять из комиссариатской суммы, и намерен был уехать из Тамбова в Рязань, дабы необходимую выдачу из казначейства на сию потребу денег обратить паки на губернатора и тем снова поджечь Вяземского, якобы в присвоении им его должности. Но губернатор остерегся, требовал письменной резолюции или звал наместника в правление, дабы там в общем присутствии сделать по сему экстренному случаю положение; но он на сие крайне рассердился, с азартом кричал, что он понуждать его идти в правление не может, что он должен исполнять все его повеления беспрекословно, как бы императорского величества, что он не что иное, как его советник; но губернатор говорил, что он правитель губернии, а не советник. Словом, произошел между ними довольно горячий разговор; но никакой непристойности не было, и генерал-губернатор с тем из Тамбова уехал, оставив набор людей, обмундирование и продовольствие их на попечение губернатора.

В сентябре получен указ из Сената, последовавший по жалобе наместника, в коем многие глупые небылицы и скаредные клеветы на Державина написаны были. Между прочим, что будто он его за ворот тащил в правление, что будто в

присутствии его в правлении сделанные им распоряжения не исполнял, что накопил недоимки и другие всякие нелепицы, но ни одного истинного и уважения достойного проступка или дела не сказал. Губернатору нетрудно было на такой сумбур ответствовать и опровергнуть лжи прямым делом. Но как знал он канцелярский обряд, что не на справках основанные ответы подлежат сумнению, и что начальничьи донесения более возымеют весу, нежели его ответы, то, отлучив его от должности, предадут дело в Сенат к законному суждению, а Сенат несколько лет будет собирать справки, которые в угодность генерал-губернатора будут такие, какие ему только будут угодны; словом, ежели не обвинят, то вечно просудят, чего им только и хотелось, дабы не допущать Державина в столицу или, лучше, до лицезрения императрицы; ибо таков есть закон: кто под судом, то не допущается к двору. Державин, все сие предвидев, взял меры, дабы отвратить от себя толь злобно ухищренную напасть. Он, не объявя указа в правлении, призвал к себе секретарей и приказал им якобы по другой какой надобности справиться о всем о том, о чем требует с него Сенат ответа, каждому по своей Экспедиции и за подписанием их и советников по их частям взнесть к нему в канцелярию. Они сие исполнили, и советники, не знав, что по поводу сенатского указа те справки требования, подписали, а губернский прокурор пропустил, не сделав никакого возражения. Тогда губернатор объявил правлению сенатский указ и тот же час, основав на тех справках свой ответ, отправил в Сенат. Прокурор и советники, бывши преданы из трусости к наместнику, увидели, что сплошали, не затруднив справок. Первый из них послал нарочного к генерал-губернатору с известием, что губернатор требует справок против сенатского указа, получил с тем же посланным предписание, чтоб никак не давать справок; но было уже поздно. Гудович, будучи о сем извещен, послал в Сенат жалобу на

Державина, говоря, что он под видом справок отдал якобы его под суд губернскому правлению. Ему больно было, что справками обнаружились его лжи и черной души клевета; например, он доносил Сенату, что губернатор в присутствии его в губернском правлении сделанных им распоряжений не исполнял; по справкам открылось, что он с самого своего пожалования в тамбовские наместники в правлении ни разу не бывал, и распоряжений никаких не делал. Что недоимок не взыскивал; оказалось, что никогда оных так мало не было. Что же касалось до того, что будто за ворот тащил в правление, то толь грубую ложь никакое бесстыдное свидетельство подкрепить не могло; ибо надобно было, чтоб кто-нибудь их розснял, и тому подобное.

Сенат, получив вторую жалобу, хотя не мог почесть ее за основательную; но, по убеждению генерал-прокурора Вяземского, а паче бывшего тогда в великой силе по связи с графом Безбородкою графа Петра Васильевича Завадовского, который Гудовичу был не только земляк и родственник по дому графа Разумовского, но и старинный друг, определил, не дождавшись на указ от Державина ответа, поднести ее величеству доклад, в котором почел ему то в вину, что он долго якобы ответа не присылал, несмотря на то, что в законах определенного на ответы срока еще не прошло и что не только третичного, но и вторичного побудительного указа к нему послано не было. Граф Завадовский потрудился сам написать доклад, в котором показал искусство свое в словоизобретении, что выдумал на обвинение Державина особливо не слыханное ни в какой юриспруденции слово, а именно, что он упослеживает ответами, и для того предать его суду. Императрица, получив таковой явно пристрастный доклад, без ответа обвиняющий Державина, проникла на него гонение и для того, положив его пред собою, оставила без конфирмации. Между тем Державин в узаконенный срок прислал

ответ; но его Сенату не докладывали, а читали тайно по кабинетам и, увидев гонимого во всем невинность, положили безгласным под красное сукно, вымышляя между тем способы и разные козни, чем бы обвинить Державина и подвигнуть на него гнев императрицы.

Прошло месяца с два, что дело оставалось без всякого движения, и все думали, что императрица взяла сторону Державина, и ему ничего не будет. Но в ноябре месяце настал срок к новому выбору судей. Наместник приехал, и дворяне съехались. Губернатор, получая о том ежедневно репорты, пришел к нему в день баллотирования и с должною учтивостью спрашивал его, что он ему по сему случаю прикажет. Он с презрением ему отвечал: «Ничего».— «В обряде выборов и на него возложена должность».— «Мне вы ни на что не надобны». Губернатор, поклонясь, вышел вон и тот же час прислал к нему репорт, с прописанием, что он у него спросил его повеления, но он его без всякой причины удалил от выборов, то ежели что случится в продолжение оных несогласное с законами, то чтоб уже он сам за то изволил ответствовать. Сия наместника, так сказать, письменная явка наиболее раздражила. Он послал к графу Безбородке убедительное партикулярное письмо, написав в нем личное оскорбление и всякие нестерпимые нелепости на губернатора; прося, чтобы он удален был из губернии, описывая, что и при настоящем выборе дворян он делает затруднение и замешательство. Граф Безбородко по тому письму докладывал, и тогда-то уже вышла конфирмация императрицы на вышепомяпутый сенатский доклад, в которой сказано, чтоб, удаля Державина из Тамбовской губернии, взять с него ответы, которые рассмотреть в Москве в 6-м Сената департаменте.

Возрадовались все его гонители и вместо того, чтоб справедливый Сенат и истинный защитник невинности должен был сказать и войти с докладом, что ответы уже Державиным

присланы и как в них не находится никакой вины его, то предать ее величества благосоизволению; напротив, тотчас препроводили в Москву, опасаясь допустить оклеветанного в Петербург, чтоб как-либо присутствием своим в сем городе не открыл своей невинности, ибо письменных жалоб его не боялись, потому, что они, проходя чрез руки статс-секретарей и почт-директора, приятелей и приверженцев их, не могли никак проникнуть до императрицы. Словом, Державин был в крайнем со всех сторон угнетении, ибо Вяземского и Безбородкина партия, то есть Сенат, генерал-прокурор, генерал-губернатор и статс-секретари, все были против него. Хотя на князя Потемкина, по случаю помоществования армии хлебом чрез Гарденина и благосклонного расположения Василия Степановича Попова, правителя его канцелярии, и была некоторая надежда; но как оные три сильные вельможи — Потемкин, Безбородка и Вяземский, — у коих были в руках бразды царственного правления, чтоб не мешать друг другу, составили тогда между собою триумвират, любимец же императрицы граф Мамонов ни с какой стороны не был знаком Державину, то и был он в бездне погибели, из коей, казалось, никоим образом выйти ему не можно было. Но невинность его и Бог противное учинили, как то ниже увидим.

Таким он образом должен был, против желания всех благомыслящих, в исходе 1788 года оставить Тамбовскую губернию, в которой он много полезного сделал, как-то:

1. Написал топографию губернии.

2. Учредил в губернском правлении порядок для сокращения производства, которого прежде не было, так что, разделя по советникам дела на экспедиции, завел три журнала, из коих два для советников, а третий для себя; в первых двух советники должны были писать резолюции кратко своими руками, по подобным делам, каковые уже губернатором и

правлением опробованы были; а в третьем — губернатор сам, по каковым еще прежде положения не было. Сим сокращалось время и производство, ибо вместо одной выходило три резолюции, однако основательные и согласные с законами. Сии три докладные реестры с резолюциями советников и губернатора составляли каждого дня, журнал правления, который подписывали под каждой статьей по своим частям советники, и, наконец, губернатор. А как дела были разобраны по материям и вносились в докладной реестр одно за одним, того же роду, то, написав на первое резолюцию, сочиненную опробованным прежде таковым же, последующие советник разрешал одним словом: *то же, то же.*

3. Подобно сему сокращены и исполнены были самым делом, а не на одной только бумаге губернские публикации, которых, как известно, во всяком правлении от почты до почты вступает великое множество. Сие сделано было так. Учрежден был особый стол с одним столоначальником и двумя писцами. Они должны были из всех сообщений, требующих обнародования, составлять еженедельный реестр, изображая в нем кратко, о чем, откуда публикует. В пятницу по реестру сему докладывалось правлению, на котором одним словом отмечал советник: *публиковать*. В субботу и воскресенье все статьи публикации на одном большом листе, подобном табелю, который можно к стене прибить, печатывались в типографии. В понедельник листы сии приносились в правление, которые при кратких печатных указах, прежде уже изготовленных, посылались городничим с таковым только изъяснением, что посылается столько экземпляров. Городничий должен был оные экземпляры раздать по присутственным местам, и в нижний земский суд с большим оных количеством; нижний земский, приложа при каждом экземпляре по несколько листов белой бумаги, отсылать со статными драгунами в четыре конца своего уезда до первых

земских изб, где земский писарь, на белой бумаге отметив, что публикацию видел, отсылает с ходоком уже до второй земской избы, и так далее. По огласке во всем уезде возвращались экземпляры с подписанными листами в земский суд и прибивались к стенам по церквам, базарам и ярмаркам, к сведению всего народа. Таким образом, в весьма короткое время извещалась вся губерния самым делом, а не на письме только, о разрешении и запрещении имения, о подрядах и откупах, о беглых рекрутах и о прочем, о чем неточные публикации производят в делах не только замешательство и затруднение, но и самые злоупотребления. Сему подобный, для скорейшего отправления дел учредил он распорядок в переписке с подчиненными местами губернского правления: приказал присылать обыкновенные ведомости о доимках, о хлебном урожае и о прочем в пакетах в пол-листа, о делах, которые требуют резолюции или предписания правления, в четверть листа, а репорты о получении указов в осьмую долю листа, чем сокращалось весьма течение дел; ибо законами предписано судьям самим распечатывать пакеты и помечать число на полученных бумагах, то и выходила неминуемая медленность и для советников великий труд, что они должны были каждый пакет распечатать, прочесть бумагу, пометить в ведомости и за известие отдать секретарям; но когда пакеты были разняты, то дежурный секретарь по наружной их форме, не распечатывая, разбирал и требующие резолюции клал перед судьей, ведомости раздавал секретарям по экспедициям, а репорты о получении указов в регистратуру прямо для записки в регистратуру, не взнося всех оных в докладные реестры, чем соблюдались вышеписаные законы и несравненно дела ускорялись; ибо пустые бумаги не обременяли делоп роизводителя.

4. Ведомости, получаемые из казенной палаты о получении доходов и о недоимках, а равно и из судебных мест о решенных и нерешенных делах, согласно законам и учреждению,

приказал присылать только в два срока, а не несколько раз, как и когда кому вздумалось, и делал по ним градской и сельской полиции только два раза в год предписание, штрафуя неисправных без лицеприятия, чем и труд облегчался, и исполнение чинилось действительнее, как по запутанности дел частые, но слабые предписания[12].

5. По казенной части в сборе податей и свидетельств казны на основании законов такое сделал по зависящим от губернского правления местам распоряжение, что и поныне Государственное казначейство при ревизовании счетов руководствуется оным.

6. Разобрал по точной силе законов вины преступников, содержащихся без всякого прежде различия в тюрьмах, сделав распоряжение, кого отпустить на расписки и поручительство, кого содержать строже, кого слабее, рассадя их всех по особым каморам, по мере их вин и преступлений; и перестроя из старых строений с пособием сумм Приказа общественного призрения благоучрежденный тюремный дом с кухнею, лазаретом; приказал в нем содержать возможную чистоту и порядок, чего прежде не было, а содержали в одной, так сказать, яме, огороженной палисадником, по нескольку сот колодников, которые с голоду, с стужи и духоты помирали без всякого о них попечения.

7. Учредил типографию, в которой печатались не только указы сенатские, но и прочие скорого исполнения требующие предписания губернского правления, а также и губернские ведомости о ценах хлеба, чем обуздывалось своевольство и злоупотребление провиантских комиссионеров, и о прочем к сведению обывателей нужном.

8. Исследованы препятствия и затруднения судовому ходу по реке Цне, по коему суда назад от Рыбной не возвращались, и к облегчению плавания придуманы средства, с описанием

---

[12] Так в оригинале. Возможно: «а не как по запутанности...»

сего в подробности, и с приложением планов и смет, препровождены к наместнику, а от него императрице. Но как князь Вяземский, управлявший государственной казною, не доброхотствовал Державину; то, по бывшей тогда с турками войне, отговорился неимением денег, требуемых на все, то исправление, не более 20000 рублей. Слышно, однако, было, что правительство водяной коммуникации то описание, планы и сметы успешного плавания судов, от Морши до Рыбинска и обратно, одобрило; но что из того вышло, неизвестно.

9. Купил по препоручению императрицы для запасного Петербургского хлебного магазейна муки около 100000 кулей, которая обошлась с поставкой дешевле провиантского ведомства 15 копейками, из чего видно, что б мог положить себе в карман без всякой опасности до 10000 рублей.

10. Открыл убивство в Темникове княгини Девлеткильдеевой племянником ее Богдановым, которое совершилось, так сказать, со сведения городничего и прочих земских чиновников. Исправил дороги, приумножил доходы Приказа общественного призрения в год до 40 тысяч рублей.

Но, несмотря на все сии попечения и заботы о благосостоянии вверенной губернии, Державин по злобе сильных его недоброжелателей был отлучен из Тамбова и явился в Москве к суду 6-го Сената департамента, по вышесказанному доносу наместника, отправя жену свою к матери ее в Петербург.

Отделение VI. По отлучении от губернаторства до определения в статс-секретари и потом в сенаторы и в разные министерские должности

Приехав в Москву, помнится, в Рождественский пост 1788, явился в Сенат, нашел дело еще не докладыванным. Сколько ни просил о том; но все отлагали день за день, отговариваясь, что сенатор князь Петр Михайлович Волконский за болезнью не выезжает в присутствие. Надобно знать, что сей князь Волконский[13] родня князя Вяземского и был пред тем обер-прокурором при Московских Сената департаментах, то и находился у всех по тем связям как у больших, так и малых чинов сенатских в великом уважении. Никто против его не смел говорить, и обер-прокурор князь Гагарин, от которого зависело приказать предложить дело к слушанию, сколько был ни прошен, ничего не предпринимал. Протекло уже шесть месяцев. Державин шатался по Москве праздно. Видя, что такая проволочка единственно происходит из угождения князя Вяземского; потому что, не находя его ни в чем винным, отдаляли оправдание, дабы не подпасть самим под гнев императрицы. Наконец он нерешимостью наскучил, и как въезж был в дом князя Волконского и довольно ему знаком, ведя с ним в бытность его в Петербурге хлеб и соль, то, приехав в один день к нему, просил с ним переговору в его кабинете. Князь не мог от сего отговориться. Державин начал ему говорить: «Вы, слава Богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но в Сенат въезжать не изволите, хотя там мое дело уже с полгода единственно за неприсутствием вашим не докладывается. Я уверен в вашем добром сердце и в благорасположении ко мне; но вы делаете сие мне притеснение из угождения только князю Александру Алексеевичу, то я уверяю Ваше Сиятельство,

[13] В оригинале везде: Волхонский.

что, ежели будете длить и не решите мое дело так или сяк, я истребую моего оправдания, ибо уверен в моей невинности; то принужденным найдусь принесть жалобу императрице, в которой изображу все причины притеснения моего генерал-прокурором, как равно и состояние управляемого им Государственного казначейства самовластно и в противность законов, как он раздает жалованье и пенсионы кому хочет без указов Ее Величества, как утаивает доходы, дабы в случае требования на нужные издержки показать выслугу пред Государынею, нашедши якобы своим усердием и особым распоряжением деньги, которых в виду не было или совсем оные небрежением других чиновников пропадали и тому подобное; словом, все опишу подробности, ибо, быв советником государственных доходов, все крючки и норы знаю, где скрываются, и по переводам сумм в чужие края умышленно государственные ресурсы к пользе частных людей, прислуживавших его сиятельству; коротко, хотя буду десять лет под следствием и в бедствии, но представлю нелживую картину худого его казною управления и злоупотребления сделанной ему Высочайшей доверенности. То не введите меня в грех и не заставьте быть доносчиком противу моей воли, решите мое дело, как хотите, а там Бог с вами, будьте благополучны».

Князь Волконский почувствовал мои справедливые жалобы, обещал выехать в Сенат, что и действительно в первый понедельник исполнил, и дело мое, яко на справках основанное и ясно доказанное, в одно присутствие кончено.

Хотя казенная палата и сам генерал-губернатор изобличены в небрежении их должностей, а губернатор, напротив того, найден ни в чем не виноватым; но о них ничего не сказано, а о нем, что как-де он за справки, требованные им из губернского правления против генерал-губернатора, удален от должности, то и быть тому так. Сведав таковое кривое и темное решение, Державин, не имев его в руках формально, не

мог против оного никакого делать возражения; ибо тогда не было еще того узаконения, как ныне, чтоб по следственным делам объявлять подсудимым, открыто решительные определения и давать им две недели сроку на написание возражения, буде дело решено несправедливо и незаконно. Державин не знал, что в сем утеснительном положении делать и как отвратить пред императрицею сие маловажное, само по себе беззаконное определение Сената. Итак, принужден был дать чрез одного стряпчего обер-секретарю 2000 рублей за то, чтоб только позволил копию списать с того решительного определения, дабы, прибегнув к императрице с просьбою, в чем против оного не ошибиться; и также обер-прокурора князя Гаврилу Петровича Гагарина упросил, чтоб ему объявлено было в Сенате, что дело решено и до него более никакого дела нет, дабы мог он уже свободно ехать в Петербург. При сем случае, к чести, должно сказать, графа Петра Ивановича Панина, который, как выше явствует, по пугачевскому саратовскому происшествию был к нему недоброжелателен и его гнал, но когда приехал в Москву и был у него, то он его принял благосклонно и оказал ему вспомоществование по сему делу, заступив у князя Гагарина, как и в сем случае, дабы объявлением в Сенате неимения до него никакого касательства учинить его отъезд в Петербург свободным. Таковая благосклонность, думаю я, единственно от доброго его и сострадательного сердца происходила, а другие полагают, что он князя Вяземского, по давнишней ссоре его с ним в Сенате, не любил и все дела его опорочивал, будучи всякий день, так сказать, поджигаем против него Александром Ивановичем Глебовым, бывшим пред Вяземским генерал-прокурором, Петром Петровичем Моисеевым, отставным вице-президентом Камер-коллегии, Соляной канцелярии советником Шапкиным и господином Князевым, бывшим главным судьею в Межевой канцелярии, которые

все жаловались на явное гонение князя Вяземского и потому худое расположение графа Панина, против его поддерживали. По сим обстоятельствам и Державин с сими известными в государстве дельными людьми, в бытность его в Москве коротко познакомился. Они прочитывали ему все их дела и объяснения, как бы требуя его одобрения, в которых, по справедливости сказать, много было основательного ума и остроты, а паче сведения в законах; но недоставало мягкости в нравах и приятности в объяснениях: Моисеева слог был кудреват и надмеру плодовит, Шапкина дерзок и даже обиден, Князева крючковат, двусмыслен, наполнен софизмами или несправедливыми заключениями; Глебова сух, напыщен и никаких отличных мыслей в себе не представляющий, так что я удивлялся разности против манифеста 1762 года о восшествии на престол императрицы Екатерины Второй, который ему приписывали, и в котором в великой краткости много силы и политичных причин, кстати на тот случай, для удостоверения простого народа сказанных. Как бы то ни было, но Державин, по своей ли невинности и по Божьему к нему благоволению, похвалиться может, что из всех вышеприписанных острых и дельных голов, известных всему государству, один не только невредим, но еще с честью вырвался из когтей князя Вяземского.

Приехав в Петербург, как к генерал-прокурору к первому к нему явился на даче в селе Александровском. Принят был, что называется, с пересемениванием, или с смятением совести, очень ласково. Он говорил ему: «Ну, любезный друг, теперь лучше, как с гуся вода»; ибо вся цель была, сколько известно, его и прочего делового министерства, чтоб, обходясь с Державиным ласково, не допустить его в службу, дабы не мешал им самовластвовать. Но он не то думал; он хотел доказать императрице и государству, что он способен к делам и неповинен руками, чист сердцем и верен в возложенных на

него должностях. Вследствие сего и послал он чрез почту к императрице письмо, в котором объяснил, что по жалобам на него генерал-губернатора, чрез Сенат присланным, он принес свои оправдания и надеется, что не найдется виноватым; но по неизвестным ему оклеветаниям, в которых от него никакого ответа требовано не было, он сумневается в заключении Сената; может быть, не поставлено ли ему в вину, что он брал против доносов на него генерал-губернатора из губернского правления справки, то он ссылается на законы, которые запрещают без справок дела производить, а потому и требовал оных, дабы бессумнительно объяснить истину. Почему и просил, чтоб приказала государыня при докладе Сената прочесть и сие его объяснение. Письмо дошло до императрицы. Скоро после того узнал он, что граф Безбородка объявил Сенату словесное ее величества повеление, чтоб считать дело решенным; а найден ли он винным или нет, того не сказано, и приказано ему тогда же явиться ко двору. Статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий объявил ему высочайшее благоволение, что она автора «Фелицы» обвинить не может, а гофмаршалу, чтоб представлен он был ее величеству. Удостоясь с благоговением лобызать руку монархини и обедать с нею за одним столом в Сарском Селе, возвращаясь в Петербург, размышлял он сам в себе, что он такое? Виноват или не виноват, в службе или не в службе? А потому и решился еще писать к императрице и действительно, то исполнил, изобразя в письме своем объявление Храповицким о невинности его и благодарение за правосудие, прося — не из корыстолюбия, но чтоб в правительстве известно было его оправдание — по указу 1726 года остановленного у него заслуженного жалованья, и чтоб впредь до определения к должности производить; а также и просил у ее величества аудиенции, для личного с нею объяснения по делам губернии.

Дни чрез два или три получил чрез г. Храповицкого повеление в наступающую среду быть в 9 часов в Царское Село для представления ее величеству. И действительно, в назначенный день и час явился. Храповицкий сказал мне, чтоб я шел в покои и приказал камердинеру доложить о себе государыне. Тотчас позван был в кабинет. Пришед в перламутровую залу, рассудил за благо тут на столе оставить имеющуюся со мною большую переплетенную книгу, в которой находились подлинником все письма и предложения г. Гудовича, которыми он склонял губернатора или оставить без исследования расхищения казны, или слабо преследовать уголовные преступления, или прикрыть беспорядки и неправосудие судебных мест под видом добродушия; говоря апостольское слово: да не зайдет солнце во гневе вашем, приписывая личному негодованию и мести кого-либо, особливо защищал шалости любимца своего Экономии директора Аничкова, по собственной ли своей глупости или по коварному перетолкованию вице-губернатора Ушакова или правителя его канцелярии Лабы, о том мне не известно; представя себе, что весьма странно покажется императрице увидеть меня к себе пришедшего с такою большою книгою. Коль скоро я в кабинет вошел, то, пожаловав поцеловать руку, спросила, какую я имею до нее нужду? Державин ответствовал: благодарить за правосудие и объясниться по делам губернии. Она отозвалась: «За первое благодарить не за что, я исполнила мой долг, а о втором для чего вы в ответах ваших не говорили?» Державин донес, что противно было бы то законам, которые повелевают ответствовать только на то, о чем спрашивают, а о посторонних вещах изъяснять или доносить особо. «Для чего же вы не объясняли?» — «Я просился для объяснения чрез генерал-прокурора, но получил от него отзыв, чтоб просил по команде, то есть чрез генерал-губернатора, но как я имею объяснить его непорядки

и несоответственные поступки законам в ущерб интересов Вашего Величества, то и не мог у него проситься». — «Хорошо, — изволила возразить императрица, — но не имеете ли вы чего в нраве вашем, что, ни с кем не уживаетесь?» — «Я не знаю, Государыня, — сказал смело Державин, — имею ли какую строптивость в нраве моем, но только, то могу сказать, что, знать, я умею повиноваться законам, когда, будучи бедный дворянин и без всякого покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверялися в управление губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было». — «Но для чего, — подхватила императрица, — не поладили вы с Тутолминым?» — «Для того, что он принуждал управлять губерниею по написанному им самопроизвольно начертанию, противному законам; а как я присягал исполнять только законы самодержавной власти, а не чьи другие, то я не мог никого признать над собою Императора, кроме Вашего Величества». — «Для чего же не ужился с Вяземским?» Державин не хотел рассказывать всего вышеписаного относительно несохранения и беспорядков в управлении казенном, дабы не показаться доносителем, но отвечал кратко: «Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его Сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать, придираться ко всякой безделице, то я ничего другого не сделал, как просил об увольнении из службы и по милости Вашей отставлен». — «Что же за причина несогласия с Гудовичем?» — «Интерес Вашего Величества, о чем я беру дерзновение объяснить Вашему Величеству, и ежели, угодно, то сей час представлю целую книгу, которую я оставил там». — «Нет, — она сказала, — после». Тут подал ей Державин краткую записку всем тем интересным делам, о коих месяцев шесть он представление сделал Сенату, по никакой резолюции не получил, как-то: об отдаче в кортому оброчных статей казенною палатою менее четверти полушки десятину

земли, против всех законов, на 10 лет, что составляло несколько сот тысяч рублей ущерба казенного; о продаже с сведения казенной палаты соляными приставами соли пуд вместо 40 копеек по 2 рубли; о позволении ею же, палатою, винным откупщикам сверх контракта многих винных выставок по деревням, отчего народ пропился и пришел в разорение, и о многом прочем, достойном уважения. Императрица, приняв ту записку, сказала, что прикажет в Сенате привесть те дела в движение. Между тем, пожаловав руку, дополнила, что она прикажет удовлетворить его жалованьем и даст место. На другой день в самом деле вышел указ, которым велено Державину выдать заслуженное жалованье и впредь производить до определения к месту. Сие Вяземского как гром поразило, и он занемог параличом. Державин, однако, по старому знакомству, как бы ничего не примечая, ездил изредка в дом его и был довольно принят ласково. Сие продолжалось несколько месяцев, и хотя по воскресеньям приезжал он ко двору, но как не было у него никакого предстателя, который бы напомнил императрице об обещанном месте, то и стал он как бы забвенным.

В таком случае не оставалось ему ничего другого делать, как искать выход к любимцу государыни и чрез него искать себе покровительства! В то время, по отставке Мамонова, вступил на его место молодой конной гвардии офицер Платон Александрович Зубов, который никак с ним не был знаком; ибо когда он служил в гвардии, тогда еще сей дитя фортуны был малолетен и бегал со своим семейством туда и сюда, от Пугачева укрываясь.

Но что делать? Надобно было сыскивать случаю с ним познакомиться — как трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходил к нему в комнаты, всегда придворные лакеи, бывшие у него на дежурстве, отказывали, сказывая, что или почивает, или ушел прогуливаться, или у императрицы.

Таким образом, ходя несколько раз, не мог удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другого средства, как прибегнуть к своему таланту. Вследствие чего написал он оду «Изображение Фелицы» и к 22-му числу сентября, то есть ко дню коронования императрицы, передал чрез Эмина, который в Олонецкой губернии был при нем экзекутором и был как-то Зубову знаком. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора к нему ужинать и всегда принимать его в свою беседу. Это было в 1789 году[14]. С тех пор он сему царедворцу стал знаком; но, кроме ласкового обращения, никакой от него помощи себе не видал. Однако один вход к фавориту делал уже в публике ему много уважения; и сверх того, и императрица прикачала приглашать его в Эрмитаж и прочие домашние игры, как-то на святки, когда они наступали, и прочие собрания. В доме Вяземского был также принят хорошо; но как брат фаворитов, то есть Дмитрий Александрович Зубов, сговорил на меньшой дочери Вяземского, и Державин приехал его поздравить, то княгиня, приняв холодно, показала ему спину. Сие значило то, что как они сделались чрез сговор дочери с любимцем императрицы в свойстве, то и не опасались уже, чтоб Державин у него мог, чем их повредить. Чрез сей низкий поступок княгини так ему дом их омерзел, что он в сердце своем положил никогда к ним не ездить, что и в самом деле исполнил, по самую князя кончину.

Между тем познакомился он с отцом фаворита Александром Николаевичем Зубовым, который, помнится, из коллежских или из статских советников сделан обер-прокурором Сената первого департамента, и мог бы сделать с ним короткую связь по делам, в которых он хотя был сведущ, но в обрядах сенатских и производстве письмоводства необычен; но,

---

[14] В оригинале ошибочно: в 1788 г

приметив в нем при его натуральном разуме и доверенности двора непомерную алчность к наживе, так что он хотел употребить его к своду и передаче взяток, неприметным образом, от короткости с ним удалялся и в разговорах давал чувствовать благородство своих мыслей и бескорыстие. Сие сделало между ними некоторую холодность, однако не переставал он посещать сына и отца, а наиболее первого. Княгиня Дашкова по-старому знакомству, чрез первую оду Фелице, напечатанную в «Собеседнике», так же автора, как и прежде, благосклонно принимала и говорила императрице много о нем хорошего, твердя беспрестанно с похвалою о вновь сочиненной им оде «Изображение Фелицы», чем вперила ей мысли взять его к себе в статс-секретари или, лучше, для описания ее славного царствования. Сие княгиня Державину и многим своим знакомым по склонности ее к велеречию и тщеславию, что она много может у императрицы, сама рассказывала. Таковое, хвастовство не могло не дойти до двора и было, может, причиною, что Державин более двух годов еще после того не был принят в службу, а особливо на рекомендованный пост княгинею Дашковою; потому ли, что любимец Зубов, кроме своего одобрения, никого не хотел допускать сблизиться с императрицею, или, что отец его, узнав бескорыстный нрав Державина, не присоветовал ему возвесть его на толь видный пост, где может он быть противоборником его корыстолюбию, что опосле и случилось, как ниже увидим.

В 1789 или в 1790 году в сентябре по заключении мира со шведами, надобно было по болезни генерал-прокурора Вяземского, старшему обер-прокурору Федору Михайловичу Колокольцеву говорить публично пред императрицею, сидящею на троне, от лица Сената, речь. Он, по знакомству, отнесся к Державину, который ему и сочинил оную; но, чтоб быть благонадежнее в благосклонном ее принятии

императрицею, показал заблаговременно ее любимцу. Сей, прочетши пред нею, был речью доволен. Но Колокольцев неизвестно по какой причине сказался больным или, в самом деле, занемог, так что должно было, по нему старшему обер-прокурору взять на себя сию церемонию. По нему, старший был обер-прокурор Петр Васильевич Неклюдов, который, по связи с графом Завадовским, прибегнул к нему с просьбою о сочинении речи и действительно оную читал в собрании пред императрицею, а Державина сочинение осталось неупотребленным, которое между прозаических его письмен со временем будет напечатано. Державин, однако же, в то время написал оду, напечатанную в первой части, под именем «На Шведский мир». В ноябре или декабре месяце сего года взят Измаил. С известием сим фельдмаршал князь Потемкин прислал ко двору, чтоб более угодить императрице, брата любимцева, Валериана Александровича Зубова, что после был графом и генерал-аншефом. В самое-то время случился в комнатах фаворита и Державин. Он в первом восторге о сей победе дал слово радостному вестнику написать оду, которую и написал под названием «На взятие Измаила». Она напечатана в 1-й части его сочинений. Ода сия не только императрице, ее любимцу, но и всем понравилась; следствием сего было то, что он получил в подарок от государыни богатую, осыпанную бриллиантами табакерку, и был принимаем при дворе еще милостивее. Государыня, увидев его при дворе в первый раз, по напечатании сего сочинения, подошла к нему и с усмешкою сказала: «Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна».

Князь Потемкин, приехав из армии, стал к автору необыкновенно ласкаться и чрез Василья Степановича приказывал, что хочет с ним покороче познакомиться. Вследствие чего Державин стал въезжать к князю Потемкину. Однажды, призвав его в свой кабинет, отдал письмо принца Де Линя,

писанное к нему на французском языке, прося оное перевесть на русский. Державин отговаривался незнанием первого; но князь сказал: «Нет, братец, я знаю, что ты переведешь». — Принял и с пособием жены своей перевел, чем, казался, был довольным и благодарил.

В течение сего времени случилась между князем Потемкиным и любимцем графом Зубовым неприятная для Державина история[15], в которую он нечаянным образом стал замешан. В одно время, при множестве предстоящих пред князем поклонников, вбежал, как бешеный, некто отставной провиантского штата майор Бехтеев и закричал громко: «Помилуйте, Ваша Светлость, обороните от Александра Николаевича Зубова, который, надеясь на своего сына, ограбил меня!» Князь, увидев толь азартного человека, произносящего дерзкую жалобу на человека, приближенного ко двору, и из осторожности, или, может быть, чтоб не произнес еще каких язвительных слов на толь знаменитого обидчика, или чтоб не подать поводу мыслить о не весьма хорошем его расположении к фавориту (ибо между ними нехорошо было), встал стремительно с места и, взяв Бехтеева за руку, увел к себе в кабинет. Там с добрые полчаса, быв наедине, что они говорили, неизвестно. Но только когда вышли, то, спустя несколько, стали предстоящие пошептывать, что старик Зубов отнял у Бехтеева наглым образом деревню; что, несмотря на случай, отдадут грабителя под суд. В продолжение дня говорили о сем во всех знатных домах, как-то у графов Безбородки, Воронцова, князя Вяземского и прочих, для того, что отец фаворитов своим надменным и мздоимным поведением уже всем становился несносен. На другой же день поутру явился Бехтеев к Державину и стал усильно просить, чтоб он был с его стороны в совестном суде посредником, в который он

[15] В оригинале: «приятная для Державина и неприятная история».

подал на старика Зубова прошение. Державин, сколько мог, отговаривался, от сей чести, извиняясь, что он не может идти против отца того, который оказывает ему свое благорасположение. Но Бехтеев настоял в своем искании, ссылаясь на учреждение о губерниях, в котором именно воспрещено отказываться от посредничества в совестном суде. Державин не знал, что делать, выпросил сроку до завтра, поехал к молодому Зубову; рассказав ему все происшествие, бывшее у князя Потемкина, слухи городские и просьбу Бехтеева, желал от него узнать, что ему делать и как поступать в сем щекотливом обстоятельстве; ибо, с одной стороны, не позволяет ему закон отказываться от посредничества, а с другой — неприятно ему против родителя его, противоборствовать, который никаким образом не может быть правым. Изъяснил ему существо дела. Оно состояло в следующем: «Бехтеев в Володимирском уезде, в соседстве с вашими деревнями, заложив в Воспитательном доме 600 душ за 40000 рублей, просрочил. Батюшка ваш, без всякого права и против законов Воспитательного дома, по единственному своему могуществу, взнес без доверенности Бехтеева деньги и, выкупа чужое имение, предъявил закладную в гражданскую палату, которая тож без всякого разбирательства и права, укрепя имение за взносчиком денег, сообщила наместническому правлению, а сие ввело его в действительное владение, а Бехтеева с семейством выгнало из дому, отняв все его, в нем и движимое имение в пользу батюшки вашего». Молодой вельможа, выслушав сие со смущением, несколько минут молчал, а потом сквозь зубов сказал: «Не можно ли без дальной огласки миролюбием кончить сию тяжбу?»

Державин Бехтееву предложил, и он согласился, только чтоб возвращена была ему деревня. Но старый Зубов иначе на мир не шел, как чтоб ему ж Бехтеев заплатил якобы убытков шестнадцать тысяч рублей; а как сие совсем было

несправедливо и стыдно было их требовать с Бехтеева, то молодой обещал отдать свои, только чтоб отцу не сказывать. Но с сим вместе об этом замолчал; ибо как слышно было, что старик его переуверил было в своей правости. Бехтеев наступил на Державина как на посредника, чтоб кончить скорее дело, грозя императрице подать письмо, чего недоброжелатели Зубова только и ждали — подвергнуть его ответу. Державин стал убедительно говорить любимцу императрицы против отца его, что, может быть, было и не весьма приятно; однако же, убедил молодой Зубов старого, и дело чрез записи кончено миролюбием. Сего никогда не мог простить жадный корыстолюбец Державину; но ничего не мог ему сделать, хотя бы и желал, как по покровительству сына, так и Потемкина, который в сие время весьма был хорош к автору торжественных хоров для праздника взятия Измаила, отправленного им в Таврическом его доме, который по его кончине переименован дворцом. Словом, Потемкин в сие время за Державиным, так сказать, волочился, желая от него похвальных себе стихов; спрашивал чрез г. Попова, чего он желает? Но, с другой стороны, молодой Зубов, фаворит императрицы, призвав его в один день к себе в кабинет, сказал ему от имени государыни, чтоб он писал для князя, что он прикажет; но отнюдь бы от него ничего не принимал и не просил, что он и без него все иметь будет, прибавя, что императрица назначила его быть при себе статс-секретарем по военной части. Надобно знать, что в сие время крылося какое-то тайное в сердце императрицы подозрение против сего фельдмаршала; по истинным политическим каким замеченным от двора причинам или по недоброжелательству Зубова, как носился слух тогда, что князь, поехав из армии, сказал своим приближенным, что он нездоров и едет в Петербург зубы дергать. Сие дошло до молодого вельможи, и подкреплено было, сколько известно, разными внушениями истинного

сокрушителя Измаила, приехавшего тогда из армии. Великий Суворов, но, как человек со слабостями и с честолюбием, из зависти или из истинной ревности к благу отечества, но только приметно было, что шел тайно против неискусного своего фельдмаршала, которому со всем своим искусством должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться. Державин в таковых мудреных обстоятельствах не знал, что делать и на которую сторону искренно предаться, ибо от обоих был ласкаем.

В светлый праздник Христова Воскресенья, как обыкновенно и ныне бывает, был съезд к вечерне, после которой императрица жаловала дам к руке в присутствии всего двора и имеющих к оному въезд кавалеров, в числе которых был и Державин. Вышед из церкви, повела она всех за собою в Эрмитаж. Лишь только вошли в залу и сделали по обыкновению круг, то императрица, с свойственным ей величественным видом, прямо подошла к Державину и велела ему за собою идти. Он и все удивилися, недоумевая, что сие значит. Пришед в отдаленные Эрмитажа комнаты, остановилась в той, где стоят ныне бюсты Румянцева, Суворова, Чичагова и прочих; начала приказывать тихо, как бы какую тайну, чтоб он сочинил Чичагову надпись на случай мужественного его отражения в прошедшем году в Ревеле сильнейшего, в три раза против российского флота шведского, которая была б сколько возможно кратка, и непременно помещены бы были в ней слова сего мореходца. Когда она ему сказала, что идет сильный флот шведский против нашего Ревельского, посылая его оным командовать, то он ей отвечал равнодушно: «Бог милостив, не проглотят». Это ей понравилось. Приказав сделать его бюст, желала, чтоб на оном надпись именно из тех слов состояла. Державин, приняв повеление, не мог, однако, отгадать, к чему было такое, ничего не значащее поручение, и что при толь великом собрании отведен был таинственно

с важностью в толь отдаленные чертоги, тем паче, что на другой день, исстоща все силы свои и в поэзии искусство, принес он сорок надписей и представил чрез любимца государыне, но ни одна из них ею не анробована; а написала она сама прозою, которую и ныне можно видеть на бюсте Чичагова. Опосле сие объяснилось и было не что иное, как поддраживание или толчок Потемкину, что императрица, против его воли, хотела сделать своим докладчиком по военным делам Державина и для того его толь отличительно показала публике. Князь, узнав сие, не вышел в собрание и, по обыкновению его, сказавшись больным, перевязал себе голову платком и лег в постелю.

Однако же в исходе Фоминой недели, то есть 28 апреля, дал известный великолепный праздник в Таврическом своем доме, где императрица, с всею высочайшею фамилиею при великолепнейшем собрании присутствовала. Там были петы вышепомянутые сочиненные Державиным хоры, которыми был хозяин доволен, благодарил автора и пригласил его к себе обедать, который обещал сочинить ему описание того праздника. Без сумнения, князь ожидал себе в том описании великих похвал или, лучше сказать, обыкновенной от стихотворцев сильным людям лести. Вследствие чего, в мае или в начале июня, как жил князь в Летнем дворце, когда Державин поутру принес ему то описание, просил Василия Степановича доложить ему об оном, князь приказал его просить к себе в кабинет. Стихотворец вошел, подал тетрадь, а князь, весьма учтиво поблагодаря его, просил остаться у себя обедать, приказав тогда же нарочно готовить стол. Державин пошел в канцелярию к Попову, дожидался — не прикажет ли чего князь; где свободный имел случай и довольно время объяснить, что мало в том описании на лицо князя похвал; но скрыл прямую тому причину, бояся неудовольствия от двора, а сказал, что как от князя он никаких еще благодеяний

личных не имел, а коротко великих его качеств не знает, то и опасался быть причтен в число подлых и низких ласкателей, каковым никто не дает истинного вероятия; а потому и рассудил отнесть все похвалы только к императрице и всему русскому народу яко при его общественном торжестве, так как и в оде «На взятие Измаила»; но, ежели, князь примет сие благосклонно и позволит впредь короче узнать его превосходные качества, то он обещал превознести его, сколько его дарования достанет. Но таковое извинение мало в пользу автора послужило; ибо князь, когда прочел описание и увидел, что в нем отдана равная с ним честь Румянцеву и Орлову, его соперникам, то с фуриею выскочил из своей спальни, приказал подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, гром и молнию, ускакал Бог знает куды. Все пришли в смятение, столы разобрали, и обед исчез. Державин сказал о сем Зубову и не оставил, однако, в первое воскресенье, при переезде князя в Таврический его дом, засвидетельствовать ему своего почтения. Он принял его холодно, однако не сердито. Князю при дворе тогда очень было плохо. Злоязычники говорили, что будто он часто пьян, напивается, а иногда как бы сходит с ума; заезжая к женщинам, почти с ним незнакомым, говорит несвязно всякую нелепицу. Но Державин, несмотря на то, и к Зубову, и к нему ездил. В сие время без его согласия князем Репниным с турками мир заключен. Это его больше убило. Перед отъездом в армию, когда он был уже на пути в Царском Селе, по приезде с ним откланялся. Спрашивал еще Попов Державина, чтоб он открылся, не желает ли он чего, — князь все сделает; но он, хотя имел великую во всем тогда нужду по обстоятельствам, которые ниже объяснятся, однако, слышав запрещение чрез Зубова — любимца императрицы — ни о чем его не просить, сказал, что ему ничего не надобно. Князь, получив такой отзыв, позвал его к себе

в спальню, посадил наедине с собою на софу и, уверив в своем к нему благорасположении, с ним простился.

Должно справедливость отдать князю Потемкину, что он имел сердце весьма доброе и был человек отлично великодушный. Шутки в оде Фелице насчет вельмож, а более на его, вмещенные, которые императрица, заметя карандашом, разослала в печатных экземплярах по приличию к каждому, его нимало не тронули или, по крайней мере, не обнаружили его гневных душевных расположений, не так, как прочих господ, которые за то сочинителя возненавидели и злобно гнали; но напротив того, он оказал ему доброхотство и желал, как кажется, всем сердцем благотворить, ежели б вышеписаные дворские обстоятельства не воспрепятствовали. Вопреки тому по отъезде князя в армию любимец императрицы граф Зубов, хотя беспрестанно ласкал автора и со дня на день манил и питал в нем надежду получить какое-либо место, но чрез все лето ничего не вышло, хотя нередко открывал он ему тесные свои обстоятельства, что почти жить было нечем: ибо пред отъездом его из Тамбова когда закупленного им для санкт-петербургских запасных магазейнов вышеупомянутого хлеба недостало у поставщиков при отдаче в те магазейны 4000 кулей и Петр Иванович Новосильцев, управляющий теми магазейнами, отсрочил поставщикам тот недостаток доставить на будущее лето, то Державин, получа от него о том сообщение, хотя не имел обязанности вступаться в его новое распоряжение, ибо хлеб был отправлен на судах под присмотром 12 человек военнослужителей и офицера и наблюдением всех градских и сельских полиций чрез губернии, которые проходил, по уведомлению о том генерал- губернаторам, то и неможно было не дойти до С.-Петербурга не в целости, и, действительно, он дошел, но был роздан Новосильцевым частным людям но причине теми же поставщиками их растерянного хлеба, как-то: самому ему, господину

Новосильцеву, 1000, графу Воронцову 1000, Арбеневу 1000, г-нуЛьвову 600, г. Дьякову 400; но Державин, не входя в исследование тех истинных причин недостатка казенного, ибо о нем не был в свое время уведомлен, а узнал опосле, то, единственно по сообщению г. Новосильцева, сделал новое обязательство с тем поставщиком на поставку недостающих 4000 кулей с залогом одного помещика 250 душ, о которых по справкам в гражданской и казенной палате и нижнего земского и самого губернского правления оказалось, что действительно состоят за тем помещиком в бесспорном владении и никаких на нем ни казенных, ни партикулярных недоимок нет; но как поставщик по собственному своему плутовству или по чьему-либо вымыслу, чтоб прицепиться к бывшему губернатору Державину, и на другой год того хлеба в с. петербургский магазейн не доставил, то но предложению Гудовича и обратили наместнического правления то взыскание насчет его — Державина — якобы за неосторожный его поступок, что взял неверный но поставщике залог, найдя, что сказанные 250 душ, арестованы будто прежде были по вексельному на того помещика иску. А потому, приторговав хлеб вместо 4 рубля 15 копеек по 1 рублю четверть, наложили на все его, Державина, имение арест и велено было продать с публичного торгу. Сим ябедническим и коварным поступком привели его в крайнее расстройство, так что он лишился всех оборотов, продав пред тем по самокрайнейшим нуждам, живя без дела, в Петербурге, в Рязани и на Вятке около 150 душ.

Сколько он ни просил Зубова и прочих, а особливо казавшихся ему истинными приятелями помянутого г. Новосильцова и г. Терского, чтоб они при докладе письма его императрице объяснили по справедливости дело и невинное его страдание; но никто ничем ему не помог; а напротив, сколько он мог приметить, обращали все в шутку и в смех,

говоря, что вот тебе выслуга и дешевейшая закупка хлеба, чем ведомства провиантского. Видел, что лишается безвинно имения, ибо, когда кого угнетают, то при аукционной продаже, отдают обыкновенно за бесценок, имение кому хотят. Сколько догадываться можно было, метили они на оренбургскую деревню Державина, которая единственная почти была его кормилица; ее тотчас описали. Истоща все способы, как спастись от сей напасти, приехал он, наконец, к г. Еремееву, обер-секретарю 1-го департамента, у которого было дело. Сколь ни объяснял ему свою невинность, но ничто его не могло привести на истинный путь. Может быть, он не смел обратиться на оный, что по недоброхотству генерал-прокурора и Завадовского все сенаторы были на противной стороне. Упросил, однако, чтоб примолвил в определении одно слово — купить хлеб на счет Державина и крепивших с ним определение в губернском правлении, а как не только крепил определение, но и справками очищал советник Савостьянов, у кого по экспедиции было то дело, то сим одним изречением как рукой снято несправедливое взыскание. Савостьянов не захотел безвинно быть участником в платеже оного; тотчас нашелся и залог благонадежен, и поставщик в состоянии сам заплатить казенную претензию. Таким образом, отделался Державин от приготовленного ему канцелярскими крючками разорения, без всякого вспомоществования, казавшегося ему покровителем любимца императрицы, который хотя по воле ее делал ему некоторые поручения, а именно по недостатку казны — каким образом без тягости народной умножить государственный доход или занять у частных людей до несколько миллионов на необходимо нужные расходы; но, несмотря на то, казалось Державину, что неприятна ему и самая пиитическая его слава; ибо часто желал он стравливать или ссорить с ним помянутого г. Эмина, который, как известно, также писал стихи[16]. Он был до

[16] В оригинале: Емин.

того дерзок, что в глазах фаворита не только смеялся, но даже порицал его стихи, а особливо оду «На взятие Измаила», говоря, что она груба, без смысла и без вкусу. Вельможа, с удовольствием улыбаясь, то слушал, а Державин равнодушно отвечал, что он ни в чем не спорит; но чтоб узнать, кто из них искуснее в стихотворстве, то просит позволения напечатать особо, на свой кошт, на одной стороне листа его критику, а на другой — свою оду и предать на рассуждение публики — кому отдадут преимущество, говорил он, тот и выиграет тяжбу. Но Эмин не согласился. Как бы то ни было, но только, нося благоволение любимца императрицы, Державин шатался по площади, проживая в Петербурге без всякого дела.

Но вдруг неожиданно получает рескрипт императрицы, которым повелевалось ему приложенное в высочайшее имя прошение венецианского посланника графа Моценига на государственного банкира Сутерланда рассмотреть и, собрав по оному нужные справки, доложить ее величеству. Претензия его в том состояла, что Сутерланд имел с ним торговые сношения и, получив от него товары из Италии, употреблял их не так, как должно, и причинил ему чрез то убытку до 120000 рублей; о чем хотя и относился он в Коммерц — и Иностранную коллегии, но оные ему, как и все министерство, никакого удовлетворения не сделали, то и просил он, чтоб ее величество из особливого благоволения за его верную службу российскому двору приказала сие дело рассмотреть действительному статскому советнику Державину и ее величеству доложить. Сколько опосле известно стало, то на сие настроила его, графа Моценига, княгиня Дашкова из каких-то собственных своих корыстных расчетов, без которых она ничего и ни для кого не делала. В собрании справок из многих мест по сему делу и в рассмотрении оных прошло несколько месяцев или, лучше, целое лето. В течение сего времени, то есть в октябре месяце, получено известие из армии, что князь По-

темкин, окончивавший поставленный на мере князем Репниным с турками мир, скончался. Сие как громом всех поразило, а особливо императрицу, которая чрезвычайно о сем присноименном талантами и слабостями вельможе соболезновала, и не нашли способнее человека послать на конгресс в Яссы для заключения мира, как графа, а потом князем бывшего Александра Андреевича Безбородку, которому приказала кабинетские свои дела сдать молодому своему любимцу графу Зубову. Державин посещал всякий день его; в надежде быть употреблену в дела, наверное, ласкался иметь какое-нибудь из оных и по статской части, которых превеликое множество недокладыванных перешло от Безбородки к Зубову. Но ожидание было тщетное, и дела валялись без рассмотрения; и ему фаворит не говорил ни слова, как будто никакого обещания ему от государыни объявлено не было.

В один день, как он к нему обыкновенно пришел, спрашивал как бы из любопытства молодой государственный человек: можно ли нерешенные дела из одной губернии по подозрениям переносить в другие? Державин, не знав причины вопроса, отвечал: «Нет, потому что в учреждении именно запрещено из одного губернского правления, или палаты, или какого-либо суда дела нерешенные переносить в другие губернии, да и нужды в том, по состоянию 1762 года апелляционного указа никакой быть не может: ибо всякий недовольный имеет право переносить свое дело по апелляции из нижнего суда в верхний, доводя их до самого Сената; а потому всякое подозрение и незаконность решений уничтожаются сами по себе если не в средних местах, то в сказанном верховном правительстве; когда же еще апелляционного указа не было, то тяжущиеся, по необходимой нужде от утеснения губернатора или судей или по ябеде, дабы более запутать, переводили дела из воеводских, провинциальных и губернских канцелярий в подобные им места других губерний». Спрашивающий, получив полный ответ, замолчал

и завел другую речь. В первое после того воскресенье слышно стало по городу, что когда обер-прокурор Федор Михайлович Колокольцев, за болезнью Вяземского, правя по старшинству генерал-прокурорскую должность, был по обыкновению в уборной для поднесения ее величеству прошедшей недели сенатских мемориий, то она, вышед из спальни, прямо с гневом устремилась на него и, схватя его за Владимирский крест, спрашивала, как он смел коверкать ее учреждение. Он от ужаса помертвел и не знал, что ответствовать; наконец, сколько-нибудь собравшись с духом, промолвил: «Что такое, Государыня! Я не знаю». — «Как не знаешь? Я усмотрела из мемориий, что переводятся у вас в Сенате во 2-м департаменте, где ты обер-прокурор, нерешенные дела из одной губернии в другую: а именно, следственное дело помещика Ярославова переведено из Ярославской губернии в Нижегородскую; а в учреждении моем запрещено, то для чего это?» — «Таких, Государыня, и много дел». — «Как много? Вот вы как мои законы исполняете! Подай мне сейчас репорт, какие именно дела переведены?» С трепетом бедный обер-прокурор едва жив из покоя вышел. Вследствие сего окрика того же дня ввечеру наперсник государыни, призвав Державина к себе, объявил ему, что императрица определяет его к себе для принятия прошений и делает своим статс-секретарем, поручает ему наблюдение за сенатскими мемориями, чтоб он по них докладывал ей, когда усмотрит какое незаконное Сената решение. На другой день, то есть 12 декабря 1791 году, и действительно состоялся указ. Но пред тем еще задолго имел он позволение доложить государыне по вышеупомянутому делу графа Моценига и действительно несколько раз докладывал; но как со стороны Сутерланда было все министерство, потому что все были ему должны деньгами, как о том ниже яснее увидим, то императрица и отсылала раз шесть с нерешимостью докладчика, говоря, что

он еще в делах нов. Вместо того хотя видела правду Моценига, но не хотела огорчить всех ближних ее вельмож.

Лишь только он явился к своей должности, то государыня, призвав его к себе в спальну, в коей она с 7-го часа утра обыкновенно занималась работою, подала кипу бумаг и сказала: «Тут ты увидишь репорт обер-прокурора Колокольцева и при нем выписку из дел, которые переведены в другие губернии, то сделай примечания, согласно ли они с учреждением моим переведены и законно ли решены?».

Приехав домой, потребовал к себе секретарей тех Сената департаментов с теми делами, которые по экстракту значились. Колокольцев, по обязанности генерал-прокурора, должен бы был и других департаментов коснуться; но он только очистил свой один, то есть 2-й, показав в нем только 9 дел, а о других умолчал. По разнесшемуся слуху об определении Державина в сию должность, как сбежалось к нему множество канцелярских служителей, просящихся в его канцелярию, то он, дабы испытать их способности, принесенные к нему дела сенатскими секретарями, роздал появившимся к нему кандидатам, каждому по одному делу, с таковым приказанием, чтоб они сделали соображение, подчеркнув строки несправедливых решений, а на поле показали те законы, против которых учинена где погрешность, и доставили бы ему непременно завтра поутру. Желание определиться и ревность показать свою способность и знание столько в них подействовали, что они до свету на другой день к нему явились, всякий со своим соображением. Державин до 9 часов успел их пересмотреть, сверить с документами, а они всякий свое набело переписали, то в положенный час и явился он ко двору. Государыня, выслушав, приказала написать указ в Сенат с выговором о несоблюдении законов, кои в соображениях были примечены. Но Державин, опасаясь, чтоб, критикуя Сенат, не попасть при первом случае самому в дураки, просил

государыню, чтоб она по новости и по неискусству его в законах, уволила его от толь скорого исполнения ее воли, а ежели угодно ей будет, то приказала бы прежде Совету рассмотреть его соображения: правильно ли он и по точной ли силе законов сделал свое заключение. Императрица изволила одобрить сие мнение и велела все бумаги и соображения отнести в Совет. Совет, по рассмотрении тех соображений, обратил к ее величеству оные с таковым своим мнением, что они с законами согласны; тогда она приказала заготовить проект вышесказанного указа, и поднесть ей на апробацию. Державин не замедлил исполнить высочайшую волю. Сие было уже в начале 1792 года.

В проекте указа написан был строгий выговор за неисполнение законов, с изображением точных слов на таковые случаи, находящихся в указах Петра Великого, который повелевалось общему Сената собранию прочесть огласительно, призвав пред себой второй Сената департамент, в котором показанные в экстракте дела решены были; а сверх того с оберегателей законов, как-то с генерал-губернаторов, прокуроров и стряпчих повелевалось взять ответы, для чего они по силе генерального регламента не доводили до сведения императорского величества беззаконные решения Сената, всякий по своему начальству. Императрица, выслушав проект, была им довольна; но, подумав, сказала: «Ежели вмешали уже Совет в сие дело, то отнеси в оный и сию бумагу. Посмотрим, что он скажет?» Повеление исполнено. Совет заключил, что милосердые ее величества законы никого не дозволяют обвинять без ответов. Не угодно ли будет приказать с производителей дел взять оные? Монархиня на сие положение Совета согласилась. Державин должен был написать другой указ, которым требовалось против соображения ответов с генерал-прокурора князя Вяземского, с обер-прокурора Колокольцева, обер-секретарей Цызырева и Ананьевского.

Ответы поданы: генерал-прокурора извинение болезнью; обер-прокурор признавал свою вину, плакал и ублажал самым низким и трогательным образом милосердую монархиню и матерь отечества, прося о прощении; обер-секретарей: Цызырев так и сяк канцелярскими оборотами оправдывался, а Ананьевский, поелику у него было дело тяжебное и никакой важности в себе не заключавшее, говорил довольно свободно. Императрица, выслушав сии ответы, а особливо Колокольцева, сказала, что он «как баба плачет, мне его слезы не нужны». Подумав, домолвила: «Что мне с ними делать?» А наконец, взглянув на докладчика, спросила: «Что ты молчишь?» Он отвечал: «Государыня! Законы Ваши говорят за себя сами, а милосердию вашему предела я предположить не могу». — «Хорошо ж, отнеси еще в Совет и сии ответы, пусть он мне скажет на них свое мнение». Совет отозвался, что благости и милосердия ее он устранять не может, что угодно ей с виновными, то пусть прикажет сделать. Тогда она приказала начисто переписать указ и принесть ей для подписания. Приняв же оный, положила пред собою в кабинете на столе, который и поныне остался в молчании, потому, что в пересылке с Советом прошло много времени; наговоры старика Зубова поведением его обессилили, гнев ее умягчился, и приездом графа Безбородки дворские обстоятельства совсем переменились, так что замечанные дела в соображении одно по одному, без всякого выговору Сенату, особыми именными указами приведены в порядок.

Подобно тому и внимание государыни на примечания, деланные Державиным по мемориям Сената, по которым он каждую неделю ей докладывал, час от часу ослабело. Приказала не утруждать ее, а говорить прежде с обер-прокурором. Вследствие чего, всякую субботу после обеда должны были они являться к Державину, как бы на лекцию, и выслушивать его на резолюции Сената замечания; не исключался из сего и самый фаворитов отец, первого департамента обер-прокурор

Зубов. Но и сие продолжалось несколько только месяцев; стали сенаторы и обер-прокуроры роптать, что они под муштуком Державина. Государыня сама почувствовала, что она связала руки у вышнего своего правительства, ибо резолюции Сената, в мемории вносимые, не есть еще действительные его решения или приговоры, ибо их несколько раз законы переменять дозволяли, а потому и сие императрица отменила, а приказала только при себе Державину замечать ошибки Сената, на случай ежели к ней поднесется от него какой решительный доклад с важными погрешностями или она особо прикажет подать ей замечания, тогда ей по ним докладывать. Таким образом, сила Державина по сенатским делам, которой, может быть, ни один из статс-секретарей по сей установленной форме от императрицы ни прежде, ни после не имел, ибо в ней соединялась власть генерал-прокурора и докладчика, тотчас умалилась; однако же, как он о чем докладывал, сам писал по тому указы, а не другие, как у Терского Безбородко, и без истребования справок из Сената за руками секретарей докладных записок не сочинял, то чрезвычайно это делопроизводителям сего вышнего правительства было неприятно, и они чрез генерал-прокурора и прочих министров весьма домогались, чтоб ему справок не давать; но как сие в коренных законах установлено было, чтоб без справок ничего не делать, то все их прекословия были тщетны.

Сначала императрица часто допущала Державина к себе с докладом и разговаривала о политических происшествиях, каковым хотел было он вести подневную записку; но поелику дела у него были все роду неприятного, то есть прошения на неправосудие, награды за заслуги и милости по бедности; а блистательные политические, то есть о военных приобретениях, о постройке новых городов, о выгодах торговли и прочем, что ее увеселяли более, дела — прочих статс-секретарей, то и стала его редко призывать, так что иногда он недели

пред нею не был, и потому журнал свой писать оставил; словом: приметно было, что душа ее более занята была военною славою и замыслами политическими, так что иногда не понимала она, что читано было ей в записках дел гражданских; но как имела необыкновенную остроту разума и великий навык, то тотчас спохватывалась и давала резолюции (по крайней мере, иногда) не столько[17] основательные, однако же сносные, как-то: с кем-либо снестись, переписаться и тому подобные. Вырывались также иногда у нее незапно речи, глубину души ее обнаруживавшие. Например: «Ежели б я прожила 200 лет, то бы, конечно, вся Европа подвержена б была Российскому скипетру». Или: Я не умру без того, пока не выгоню турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю». Или: «Кто дал, как не я, почувствовать французам право человека? Я теперь вяжу узелки, пусть их развяжут». Случалось, что заводила речь и о стихах докладчика и неоднократно, так сказать, прашивала его, чтоб он писал в роде оды Фелице. Он ей обещал и несколько раз принимался, запираясь по неделе дома; но ничего написать не мог, не будучи возбужден каким-либо патриотическим славным подвигом; но о сем объяснится ниже. Здесь же следует упомянуть, что в мае месяце 1792 года, когда напомянул ей Державин о нерешенном деле Моценига, сказала: «Ох, уж ты мне с твоим Моценигом... Ну, помири их!» — что и было исполнено. Моцениг рад весьма был, что получил вместо претензии своей 120000 хотя 40 тысяч рублей, ибо видел, что все пропадало.

Тогда же поручено Державину в рассмотрение славное дело генерал-поручика и сибирского генерал-губернатора Якобия в намерении его возмутить Китай против России. Дело было огромное, 2-й Сената департамент занимался им поутру и после обеда, оставя прочие производства, всего более 7 лет. Привезено в Царское Село в трех кибитках,

---

[17] В оригинале описка «несколько».

нагруженных сверха донизу бумагами, и отдано было сперва по повелению государыни Василию Степановичу Попову; но от него вдруг неизвестно почему приказано было принять Державину. Сей занимался оным целый год и, сообразя все обстоятельства в подробности с законами, сочинил из сенатского экстракта, в 3000 листов состоящего, для удобнейшего выслушания государыни, один сокращенный экстракт на 250 листах и две докладные записки: одну на 15, а другую кратчайшую на двух листах. Доложил государыне, что дело готово. Она приказала доложить и весьма удивилась, когда целая шеренга гайдуков и лакеев внесли ей в кабинет превеликие кипы бумаг. «Что такое, — спросила она, — зачем сюда такую бездну?» — «По крайней мере для народа, Государыня», — отвечал Державин. «Ну положите, коль так», — отозвалась с некоторым родом неудовольствия. Заняли несколько столов. «Читай». — «Что прикажете, экстракт сенатский, или мой, или которую из докладных записок?» — «Читай самую кратчайшую». Тогда прочтена ей короткая на двух листах. Выслушав и увидя, что Якобий оправдывается, проговорила, как бы изъявляя сумнение на неверность записки: «Я не такие пространные дела подлинником читала и выслушивала, то прочитай мне весь экстракт сенатский; начинай завтра. Я назначаю тебе всякий день для того после обеда два часа, 5-й и 6-й». Надобно здесь приметить, что дело сие, несколько лет в Сенате слушанное, ни во 2-м департаменте, ни в общем собрании единогласного решения не достигло, но за разными голосами внесено к императрице со всеми бумагами, как-то: журналами, мнениями, репортами, а потому и было толь обширно. Таким образом, слушание сего дела продолжалось всякий день по два часа четыре месяца, с мая по август, а совсем кончилось ноября 9-го дня.

Мы скажем для любопытных существо сего дела и окончание оного ниже; а теперь продолжим течение происшествий, но порядку, касательно только до Державина. Он во

время доклада сего дела сблизился было весьма с императрицею по случаю иногда рассуждений о разных вещах; например, когда получен трактат 1793 года с Польшею, то она с восторгом сказала: «Поздравь меня с толь выгодным для России постановлением». Державин, поклонившись, сказал: «Счастливы Вы, Государыня, что не было в Польше таких твердых вельмож, каков был Филарет; они бы умерли, а такого постыдного мира не подписали». Ей это понравилось. Она улыбнулась и с тех пор приметным образом стала отличать его, так что в публичных собраниях, в саду иногда, сажала его подле себя на канапе, шептала на ухо ничего не значащие слова, показывая, будто говорит о каких важных делах. Что это значило? Державин сам не знал; но по соображению с случившимся тогда же разговором графа Безбородки, который был князем после, имел он повод думать, не имела ли императрица, приметя твердый характер его, намерения поручить ему некоторого важного намерения касательно наследия после ее трона. Граф Безбородка, выпросясь в отпуск в Москву и откланявшись с императрицею, вышед из кабинета ее, зазвал Державина в темную перегородку, бывшую в секретарской комнате, и на ухо сказал ему, что императрица приказала ему отдать некоторые секретные бумаги, касательные до великого князя, то как пришлет он к нему после обеда, чтоб пожаловал и принял у него; но неизвестно для чего никого не прислав, уехал в Москву, и с тех пор Державин ни от кого ничего не слыхал о тех секретных бумагах. Догадывались некоторые тонкие царедворцы, что они те самые были, за открытие которых, по вступлении на престол императора Павла I, осыпан он Безбородко от него благодеяниями и пожалован князем. Впрочем, с достоверностью о сем здесь говорить не можно, а иногда другие, имеющие лучшие основания, о том всю правду откроют свету.

Обратимся к Державину. Он таким императрицы уважением, которое обращало на него глаза завистливых придворных,

пользовался недолго. 15 июля, читав дело Якобия по наступлении 7-го часа, в который обыкновенно государыня хаживала с придворными в Царском Селе в саду прогуливаться, вышел из кабинета в свою комнату, дабы отправить некоторые ее повеления по прочим делам, по коим он докладывал, и, окончив оные, пошел в сад, дабы иметь участие в прогулке. Статс-секретарь Петр Иванович Турчанинов, встретя его, говорил: «Государыня нечто скучна, и придворные как-то никаких не заводят игр; пожалуй, братец, пойдем и заведем хотя горелки». Державин послушался. Довелось ему со своею парою ловить двух великих князей, Александра и Константина Павловичев; он погнался за Александром и, догоняя его на скользком лугу, покатом к пруду, упал и так сильно ударился о землю, что сделался бледен как мертвец.

Он вывихнул в плече из состава левую руку. Великий князь и прочие придворные подбежали к нему и, подняв едва живого, отвели его в его комнату. Хотя вправили руку, но он не мог одеться и должен был оставаться дома обыкновенных 6 недель, пока несколько рука в составе своем не затвердела. В сие то время недоброжелатели умели так расположить против него императрицу, что он по выздоровлении, когда явился к ней, то нашел ее уже совсем переменившеюся.

При продолжении Якобиева дела вспыхивала, возражала на его примечания и в один раз с гневом спросила, кто ему приказал и как он смел с соображением прочих подобных решенных дел Сенатом выводить невинность Якобия. Он твердо ей ответствовал: «Справедливость и ваша слава, Государыня, чтоб не погрешили чем в правосудии». Она закраснелась и выслала его вон, как и нередко то в продолжение сего дела случалось. В один день, когда она приказала ему после обеда быть к себе — это было в октябре месяце — случилось чрезвычайно холодная буря, снег и дождь, и когда он, приехав в назначенный час, велел ей доложить, она чрез камердинера Тюльпина сказала: «Удивляюсь, как такая стужа

вам гортани не захватит», — и приказала ехать домой. Словом, как ни удаляла она решения дела, но как не запретила продолжать оное, то наконец приказала заготовить проект указа, по представлении которого приказала просмотреть Безбородке, хотя оный, равно граф Воронцов и господин Трощинский были в сем деле замешаны по изветам доносителя, о коем ниже скажем, якобы в присылке им Якобием богатых подарков, состоящих в дорогих мехах.

Указ переписан набело и поднесен для подписания. Но они, написав его, велели Безбородке показать Терскому и Шешковскому, открытым образом и сильно бравшим сторону князя Вяземского против Якобия, не найдут ли они в нем чего несправедливого. Безбородко низким почел для себя просмотренный им указ представлять, якобы на апробацию Терскому и Шешковскому, которые сами никогда указов не писали и по делам, им докладываемым, а всегда относились о том к Безбородке, который умел так вкрасться в доверенность императрицы, что под видом хорошего слуги по всем почти частям писывал указы, кроме, как выше значится, Державина, за что он к нему и не весьма благорасположен был. Безбородка не исполнил сам сего императрицына приказания, а поручил Державину, который, рассуди, что честолюбивые перекоры в таком случае не только не уместны, но и погрешительны, когда должно оправдать невинного, а вместо того продолжением времени угнетают его участь и тем самым, так сказать, умерщвляют бесчеловечно. Вследствие чего, Державин показал указ Терскому и Шешковскому и объявил им высочайшее повеление, чтоб они, узнав дело, особливо Шешковский, который, по особому именному указу был блюстителем при слушании его во 2-м Сената департаменте, сказали свое мнение на указ. Шешковский был в отличной доверенности у императрицы и у Вяземского по делам Тайной канцелярии; как и сие дело следовано было прежде Сената

в страшном оном судилище, в рассуждении якобы возмущения Якобием китайцев; то взяв на себя важный и присвоенный им, как всем известно, таинственный, грозный тон, зачал придираться к мелочам и толковать, якобы в указе не соблюдена должная справедливость. «Слушай, Степан Иванович,— сказал ему неустрашимо Державин, — ты меня не собьешь с пути мнимою тобою чрезвычайною к тебе доверенностию императрицы и будто она желает по известным тебе одному причинам осудить невинного. Нет, ты лучше мне скажи, какую ты и от кого имел власть выставлять своею рукою примечания, которые на деле видны, осуждающие строжайше, нежели существо дела и законы, обвиняемого; и тем совращая сенаторов со стези истинной, замешал так дело, что несколько лет им занимались и поднесли к императрице нерешенным». Шешковский затрясся, побледнел и замолчал, а Терский, будучи хитрее, увидя таковое неробкое противоречие, сказал, что он в указе ничего не находит справедливости противного, с чем и Шешковский согласяся просил донести императрице, что они пред правосудием и милосердием ее благоговеют; но как Державин при сем щекотливом случае несколько оплошал и не поступил канцелярским порядком, не сделал журнала и не дал им подписать оного, а доложил словесно отзыв их императрице, то сами они собою или по их еще каким побочными дорогами внушениям, не подписав указа, отдали было еще оный на просмотрение генерал-прокурора Самойлова. Но к счастью Якобия, что Державин, шедши к государыне в последний раз с указом, зашел к ее фавориту и, прочетши ему оный, объявил все обстоятельства, то когда отдавала она его Самойлову, вошел в кабинет Зубов и спросил, что за бумагу она ему отдала; и когда услышал, что указ о Якобии, то донес, что и он видел и не приметил ничего сумнительного. Тогда императрица, подписав оный, отдала генерал-прокурору уже для исполнения.

Должно здесь объяснить, что дело сие приняло совершенное окончание, тогда как уже был Державин сенатором, с лишком два месяца, то есть, как выше явствует, 9-го ноября.

Источник и существо его были следующие: в 1783 году генерал-поручик Якобий был пожалован сибирским генерал-губернатором. По связи Сената с должностью его, необходимо было ему спознакомиться с генерал-прокурором и приобресть его к себе благорасположение, что он и учинил. Быв всякий день в доме, обласкан был княгинею и прочими женщинами, живущими у князя, между коими понравилась ему дочь вышеупомянутого обер-прокурора, что был после сенатором, Ивана Гавриловича Резанова, которая, как говорили злоязычники, была в любовной связи с князем, и, вероятно, с согласия княгини. Она, приметив сие, сказала супругу. Рады были такому жениху и стали принимать его еще дружественнее, довели до настоящего сватовства; уже жених невесту дарил бриллиантами. Искреннею ли любовью пленен был генерал-губернатор к сей девице или только чтоб чрез нее получить все требования и прихоти свои от генерал-прокурора, как-то определять в места косо куда хотел, давать чины своим приверженцам и прочее; но сие очень много значило, а особливо в таком отдалении, каков пространный сибирский край. Все думали, что он, женившись, уже отправится к своей должности. Ожидали только докладу императрице; но накануне оного любимец ее, бывший тогда Александр Дмитриевич Ланской, призывает его к себе, спрашивает о справедливости разнесшегося слуха и запрещает именем императрицы совершать сие супружество, а напротив того, объявляет ее волю, чтоб он поскорее ехал в назначенное ему место и открывал в Иркутске губернию по образу ее учреждения. К сему враждующая против князя Вяземского партия графов Безбородка, Воронцова и прочие прибавили, будто императрица проговорила: «Я не хочу,

чтоб князь Вяземский выдавал свою Резанову за Якобия и за ней жаловал ему в приданое Сибирь». Может быть, под сим она разумела, что если будут в тесном и столь коротком между собою союзе генерал-прокурор с генерал-губернатором, то целый край, столь обширный и отдаленный, будет в совершенном их порабощении, и правды уже там не учинят. Она, зная их характеры, может быть, была и права. Как бы то ни было, но Якобий, приехав из дворца, стал спешить отъездом и говорить, что ему никак прежде оного брака совершить не можно и что он, обозрев и открыв губернию, не умедлит, по обыкновению других генерал-губерна-торов, приехать к императрице о том с репортом и тогда непременно женится. Хотя неприятно сие было всему дому князя Вяземского, но нечего было делать. Якобий отправился. Год прошел. Он обозрел и открыл губернию; но сам не приехал, по воле ли то императрицы или сам собою, и прислал только репорт, что за некоторыми важными причинами быть скоро в столицу не может, для того и невесте отказал. Это было громом столь знаменитому дому и поруганием, как ему, так и сговоренной девице. Получа сие известие, князь, сказывают, проговорился, что он жив не будет, ежели не отомстит такую наглую обиду. Кто у них по справедливости виноват, Бог знает. Сам ли собою это сделал Якобий или во угождение двора; но, имея великую душу, кажется бы нашел средство иначе поступить. С другой стороны, столь низку быть генерал-прокурору, как ниже увидим, непростительно.

Как бы то ни было, только чрез несколько месяцев после разрыва свадьбы, то есть в 1785 году, некто — помнится, титулярный или надворный советник Парфентьев, бывший у Якобия в канцелярии между канцелярскими служителями и по неудовольствию от него вышедший в отставку, — прислал к Мамонову, бывшему тогда любимцем императрицы (недоброжелательствовавшему Безбородке и всей его партии,

следовательно, и Якобию), или к кому другому, но только не к Вяземскому, донос на иркутского генерал-губернатора, в котором взводил на него многие вины, как-то: самовластие в переводе с места на место чиновников, в отдаче их несправедливо под суд и прочие пристрастные поступки, кроме взяток и корыстолюбия; но главнейшие и важнейшие из них были два дела под названием «Иркутского» и «Баргузинского». Первое из них, что якобы желал он возмутить против России китайцев, дабы, заведши войну, приобресть к себе больше от императрицы уважения, и сие доказывал он письмом секретаря Якобиева Осинина к пограничному Петропавловской крепости коменданту Алексееву. Второе — в закупке с ущербом казны на Сибирский корпус провианта. Донос сей доведен до рук императрицы. Его с лишком Мамонов и Вяземский уважили, и хотя последний из хитрости, чтоб отдалить от себя всякое подозрение, от производства дела отказался; но, однако же, оно, как бы великой тайности подлежащее, поручено для исследования Тайной канцелярии — то есть Шешковскому. Тот доносчика Парфентьева и прочих допрашивал, а Якобию, вызвав его из губернии, не допустив до двора и, задавал в Петербурге против доносов вопросные пункты, которые и преданы были суждению Сената, как выше явствует, под надзрением Шешковского.

Сии вопросы и на них ответы, а равно и сенатское положение, как выше явствует, чрез четыре месяца государыня всякий день прочитывала; а как Державин в примечаниях своих оказал свое сумнение, почему Сенат привязывался только к письму Осинина, писанному им к коменданту Алексееву, в котором Осинин, раскаявшись, себя зарезал, говоря, что Якобий о том не знал и ни в чем не виноват; а напротив того, о подлинном секретном ордере, данном Якобием некоторому персиянину Юсупову, что он подговаривал к нам от китайцев бежать мунгалов, и о втором — данном коменданту

Алексееву, чтоб он был осторожен и в случае нападения от китайцев защищал бы крепость военною рукою, Якобий ни одним словом спрашиван не был, как он смел и от кого имел повеление давать такие подчиненным своим повеления, которые могли возмутить спокойных в соседстве китайцев, то государыня, вспомнив, как сказала, от кого имел повеление: «Я ему секретно приказывала, сперва словесно в Эрмитаже; а потом, помнится мне, я дала указ о том Иностранной коллегии, по той причине, что как китайцы переманили от меня астраханских к себе калмыков, то я хотела тем же им заплатить, подговоря мунгалов». По справке действительно нашелся в Иностранной коллегии тот указ. Но Якобий о нем молчал, потому что он был секретный; а по какому поводу даны были Юсупову и Алексееву помянутые нарушавшие спокойствие соседей повеления, о том Сенат с умыслом или по недогадке Якобия не спрашивал, а привязывался только к письму Осинина, писанному к Алексееву, по ветрености ли или по неведению того императрицына повеления, чтобы при заведении войны начальник его, следовательно и он, могли какое-либо получить за свои труды награждение. Словом, императрица, быв доказана о невинности Якобия в сем важном пункте и о некорыствовании его при закупке в Баргузине провианта, который закупали провиантские и от него посланные чиновники, — признать невинным, резолюцию свою вкратце собственною своею рукою написала, и какими именно словами начать укорительный указ Сенату: что он занимался столько лет сущими и ничего не значащими сплетнями. За некоторые же небольшие погрешности и слабость в отправлении должности, по состоявшемуся тогда милостивому манифесту, учинен Якобию выговор, а Парфентьев за смуту и клеветы, хотя строжайшему по законам подлежал наказанию, но по милосердию, или паче по прозорливости, откуда и от кого проистекла сия смута, ли-

шен чинов, и велено ему не въезжать ни в которую из столиц, жить в уездных городах. Вот чем кончилось сие огромное или, лучше сказать, попусту шумное дело. Вяземский, не мешаясь в него, умел так искусно стороною действовать, что весь Сенат был на его стороне, кроме сенаторов Федора Ивановича Глебова и Алексея Васильевича Нарышкина, из коих первый не соглашался с некоторыми чрезвычайно строгими заключениями насчет обвиняемого, последний вовсе противное дал мнение, которым оправдывал Якобия, но хотя имел он благородные чувствования и чистое о деле понятие, но, по не упражнению в канцелярском слоге или по скорости, написал голос свой едва вразумительно или почти непонятно, то и подвержен был не только смеху, но самому от Вяземского по канцелярскому обряду неуважению, так что по обнесению его императрице Мамоновым в пристрастии к партии Безбородки, Воронцова и Якобия, принужден был выпроситься в отпуск и оставить вовсе службу, уехав в чужие края.

Вместе с сим тогда же почти окончены Державиным не меньше важные два дела, а именно: «Комиссариатское» и «Банкирское». «Комиссариатское», начавшееся с 1775 или 1776 года во время самой большой силы князя Потемкина, когда происходили на санкт-петербургский винный откуп торги. Сей всемогущий любимец, взяв под покровительство свое купца Логинова, выпросил ему под свое поручительство без всяких залогов, у государыни тот с. петербургский откуп без переторжки, с тем, что он по окончании откупа по совести объявит всю свою прибыль, полученную им сверх сложности, на которую торговались. Но как у Логинова не было наличных денег, чем вступить в откуп, то и взял он заимообразно тайным образом в Москве из комиссариатских сумм чрез казначея Руднева казенных денег 400000 рублей с тем, что из первой выручки по откупу взнесет оные обратно в казну; не

помню чрез кого, и, кажется, чрез некоего комиссариатского же ведомства чиновника Выродова учинилось сие известным, и пошло следствие. Князь Потемкин под рукою и по связи с ним Александр Иванович Глебов, бывший генерал-комиссаром, с которого, может быть, согласия и деньги Рудневым Логинову выданы, покровительствовал или проволачивал всевозможным образом сие дело, так что, хотя Глебов пожалован около того времени, или, яснее сказать, отлучен от комиссариата в Смоленские генерал-губернаторы, сменен и отдан под следствие по настоянию генерал-прокурора князя Вяземского; но со всем тем Логинов, требованный к очным ставкам против Руднева, хотя всем был виден проживающим в Петербурге, но не сыскан и не представлен в Москву около 20 лет. Между тем вскоре, по взятии откупа Логинов поссорился с товарищем своим купцом Савиным и, заплатя ему некоторую сумму, обещав из прибыли еще наградить, оттер от откупа. Савин, быв тем недоволен, завел дело, которое по сильной стороне Логинова тянулось по 1792 год в Петербургском надворном суде, так что не мог решения дождаться. По сей причине подал он к Державину на высочайшее имя письмо-донос, в котором жаловался, что Логинов по окончании откупа его обидел и не открыл прямой сложности правительству и не взнес обещанной им в казну из прибыли десятой доли на богоугодные дела, а вместо того сделал только народный известный праздник в зимнее время в Воронцовском доме, в котором перепоил народ допьяна, так что несколько сот человек померзло, что и было самая правда: полиция подобрала мертвых тел поутру, как достоверно тогда уверяли, до 400 человек. Государыня, выслушав сие Савина прошение, приказала Державину призвать Логинова к себе и велеть ему, чтоб он по совести объявил ей всю сложность вина и прибыль настоящую свою от того. Логинов, хотя князь Потемкин, могущий его покровитель, уже тогда не существовал в живых, но надеялся на приверженцев и на род-

ню сего вельможи, бывших ему приятелями, так спесиво принял повеление императрицы, что не хотел почти отвечать порядочно Державину, сказав: «Он не верит, чтоб такое повеление дала государыня, которая царствует по законам. Когда дело по доносу Савина производится в надворном суде, то оно там и в прочих учрежденных вышних судах своим порядком и окончиться долженствует, а принуждать его к какому-то еще совестному признанию в прибылях его после того, как уже он сделал из них казне пожертвование, дав народу публичный праздник, не думает он, чтоб воля была на то императрицы». Державин, услышав такой высокомерный сего откупщика ответ, тотчас написал на бумаге высочайшее повеление и, отдав ему, велел на оное ответствовать письменно же и о сем тогда же донес государыне, которая отозвалась с неудовольствием: «Хорошо, посмотрим. Я укрощу спесь».

Через несколько дён отдала императрица Державину письмо его, Логинова, в котором жаловался он ей на призыв его к нему несообразный с законами, на принуждение и тому подобное, доказывая все то, со своими рассуждениями. При отдаче письма сказала: «Когда так, то производи ж дело по законам и надзирай по всем местам за ним. Я тебя делаю моим стряпчим и ни на ком, как на тебе, взыщу несправедливое его решение». Получа таковое повеление, призвав к себе казенных дел стряпчего, велел ему принесть из дела обстоятельную записку, дал ему наставление понуждать суд, потом палату и предостерегать пользу казенную. Таким образом, довел в Сенат и до общего собрания; а когда уже был сенатором, подал свой голос, прочетши оный наперед императрице, против всего Сената, который ему, Логинову, благоприятствовал, как и бывший тогда уже генерал-прокурор граф Самойлов по родству с покойным князем Потемкиным защищал, сколько мог, его приверженца; но ничто не помогло. Вся канцелярская крючкотворная дружина

против истины, защищаемой Державиным законами, не устояла, и единогласно определено с Логинова по сим двум делам, то есть по «Комиссариатскому» и «Откупному», взыскать в казну более двух миллионов рублей, которых некоторая часть и взыскана; а остальные уже при императоре Александре, по стряпне Новосильцева или, лучше, секретаря его Дружинина, за алтыны прощены. Для любопытных нужным почитается присовокупить, что в то время как Логинов подавал жалобу императрице на Державина, служащий у него в канцелярии надворным советником Николай Петрович Резанов (что после, в 1803 году, объезжал около света на кораблях Американской компании «Надежде» и «Неве» и был отправлен в качестве посланника к японскому императору) принес ему вчерне руки Василия Степановича Попова то самое письмо, которым Логинов жаловался на Державина, выданное ему по дружбе от одного канцелярского служителя, служащего в канцелярии Попова, с тем, чтоб показать его императрице, дабы тем уважить трудность успеха сего дела, когда таковые Логинову находятся защитники; но Державин, подумав, что писать для приятелей своих всем запрещать было бы тираническое правление и что сделает сим только г. Попову вред, когда он подпадет чрез то письмо под гнев у императрицы, а казна не получит никакой от того прибыли, ибо не письмо или кто оное писал, но содержание оного, обвиняет или оправдывает просителя; а потому, не приняв оного, велел отнести к тому, от кого получил оное, примолвя, что он такими низкими средствами не выслуживается; о чем никогда и господину Попову не сказывал.

«Банкирское» ж дело было следующего содержания. Банкир Сутерланд был со всеми вельможами в великой связи, потому что он им ссужал казенные деньги, которые он принимал из Государственного казначейства для перевода в чужие край по случающимся там министерским надобностям. Таких сумм считалося по казначейству переведенными в Ан-

глию до 6000000 гульденов, что сделает на наши деньги до 2 миллионов рублей; но как министр оттуда донес императрице, что он повеления ее выполнить не мог по неполучению им денег, справились в казначействе, и оказалось, что Сутерланду, чрез уполномоченного его поверенного Диго, деньги отданы. Справились по книгам Сутерланда; нашли, что от него в Англию еще не переведены; требовали, чтоб тотчас перевел; но он, не имея денег, объявил себя банкротом. Императрица приказала о сем банкротстве исследовать и поручила то служившему в 3-й экспедиции о государственных доходах действительному статскому советнику Васильеву, генерал-провиантмейстеру Петру Ивановичу Новосильцеву и статс-секретарю Державину. Они открыли, что все казенные деньги у Сутерланда перебраны были заимообразно по распискам и без расписок самыми знатными ближними, окружающими императрицу боярами, как-то: князем Потемкиным, князем Вяземским, графом Безбородкою, вице-канцлером Остерманом, Морковым и прочими, даже и великим князем Павлом Петровичем, которые ему не заплатили, а сверх того и сам он употребил знатные суммы на свои надобности. Князь Вяземский, граф Безбородка тотчас свой долг взнесли, а прочие сказали, что воля государынина, они со временем заплатят, а теперь у них денег нет. Государыня велела поступить по законам. Сутерланд отравил себя ядом, контора запечатана, и велено ее помянутым трем чиновникам с самого ее начала счесть. По счетам, между прочим, оказалось, что в прошлом году выдано одному стряпчему по делу с графом Моценигом 15000 рублей; но поелику то дело, как выше явствует, рассматривал один Державин, что при нем даже по бытности его в отставке тогда и секретаря никакого не было, следовательно, те деньги дошли до него. Так и товарищи его, хотя не говорили явно, но ужимками своими дали ему то знать. Он сим обиделся. Просил государыню,

чтоб приказала исследовать. Она, помолчав с некоторым родом неуважения, сказала: «Ну что следовать? Ведь это и везде водится». Державина сие поразило, и он на тот раз снес сей холодный, обидный ему ответ; но когда поднес по приказанию ее сочиненную им ведомость, кто именно и сколько денег разобрал, то убедительно просил, чтоб велела строго спросить, для кого он те деньги взял, и ежели не себе, то кому их отдал, за что и кому именно? С трудом императрица дала на то свое соизволение, приказав, однако, некому иному, а ему же, Державину, того стряпчего спросить. Когда Державин приехал в дом стряпчего и по именному повелению попросил его, то он, оробев, никакого ответу не дал, говоря, что он в замешательстве не может припомнить; просил, чтоб ему до утра отсрочено было. Державин не смел употребить строгого домогательства, дал до утра сроку. Стряпчий письменно показал, что дал 5000 рублей генерал- майору Степану Васильевичу Перфильеву, а остальные племяннику графа Николая Ивановича Салтыкова, Петру Николаевичу Голицыну («Зайчиком» прозывавшемуся), заимообразно, за то, чтоб по знакомству с ним Державина они просили его о благосклонности и покровительстве Сутерланду. Кончено было сие дело тем, что с него, стряпчего, и с прочих, которые забирали из конторы у Сутерланда деньги, потому что они казенные, велено было взыскать, и ежели у них наличных нет, то из их имения, где какое находится, кроме цесаревича и князя Потемкина, которые велено было принять на счет казны. Взыскание то поручено было чрез Сенат сделать государственному казначею и генерал-прокурору графу Самойлову; ибо он обоими теми важными постами управлял, но взыскано ли все, что из казны расхищено, неизвестно.

Между тем при производстве сего дела случился довольно любопытный анекдот, который не должно из виду выпустить. По окончании Якобиева дела, которым государыня сначала

была недовольна и, как выше видно, всячески от решения его уклонялась, дабы стыдно ей не было, что она столь неосторожно строгое завела исследование по пустякам, как сама о том в указе своем сказала; но когда чрез обер-полицеймейстера Глазова услышала молву народную, что ее до небес превозносили за оказанное ею правосудие и милосердие при решении сего дела, то была очень довольна и, призвав Державина к себе, который уже был сенатором, изъявила ему за труд его свое удовольствие. Он при сем случае спросил, прикажет ли она ему окончить помянутое Сутерландово дело, которое уже давно производится, а также и прочие или сдать их, не докладывая, преемнику его Трощинскому. Она спросила: «Да где Сутерландово дело?» — «Здесь». — «Взнеси его сюда и положи вот тут на столике, а после обеда, в известный час, приезжай и доложи». Она была тогда в своем кабинете, где, но обыкновению, сидя за большим письменным своим столом, занималась сочинением российской истории. Державин, взяв из секретарской в салфетке завязанное Сутерландово дело, взнес в кабинет и положил пред ее лицом, на тот самый столик, на который она его положить приказала, откланялся и спокойно приехал домой. После он узнал, как сказывал Храповицкий, что час спустя по выезде его, кончив свою работу, подошла она к тому столику и, развязав салфетку, увидела в ней кипу бумаг, вспыхнула, велела кликнуть Храповицкого и с чрезвычайным гневом спрашивала Храповицкого, что это за бумаги? Он не знает, а видел, что их Державин принес. «Державин! — вскричала она грозно. — Так он меня еще хочет столько же мучить, как и Якобиевским делом. Нет! Я покажу ему, что он меня за нос не поведет. Пусть его придет сюды». Словом, много говорила гневного, а по какой причине, никому не известно; догадывались, однако, тонкие царедворцы: помечталось ей, что будто Державин, несмотря на то, что пожалован в сенаторы, хотел под видом

окончания всех бывших у него нерешенных дел при ней против воли ее удерживаться, отправляя вместе сенаторскую и статс-секретарскую должность, что было против ее правил. Итак, Державин, не зная ничего о всем вышепроисходящем, в назначенный час приходит в секретарскую, находит тут камердинеров, странными лицами на него смотрящих, приказывает доложить; велят ждать. Наконец выходит от государыни граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, который тогда был в Синоде обер-прокурором, который обошелся с ним также весьма сухо. Призывают к государыне из другой комнаты Василия Степановича Попова, который там ожидал ее повеления. Лишь только он входит, велят ему садиться по-старому на стул и зовут в ту же минуту Державина; чего никогда ни с кем не бывало, что при свидетельстве третьего, не участвующего в том деле, кто-либо докладывал. Державин входит, видит государыню в чрезвычайном гневе, так что лицо пылает огнем, скулы трясутся. Тихим, но грозным голосом говорит: «Докладывай». Державин спрашивает — по краткой или пространной записке докладывать? «По краткой», — отвечала. Он начал читать; она почти не внимала, беспрестанно поглядывая на Попова. Державин, не зная ничему этому никакой причины, равнодушно кончил и, встав со стула, вопросил, что приказать изволит? Она снисходительнее прежнего сказала: «Я ничего не поняла, приходи завтра и прочти мне пространную записку». Таким образом, сие странное присутствие кончилось. После господин Попов сказывал: она, призвав его скоро после обеда, жаловалась ему, что будто Державин не только грубит ей, но и бранится при докладах, то призвала его быть свидетелем; но как никогда этого не было и быть не могло, то — клевета ли какая взведенная или что другое, чем приведена она была на него в раздражение, — кончилось ничем.

На другой день, вследствие приказания ее с тем же делом, в обыкновенный час приехал, принят был милостиво, и даже извинилась, что вчерась горячо поступила, примолвя, что «ты сам горяч, все споришь со мною». — «О чем мне, Государыня, спорить, я только читаю, что в деле есть, и я не виноват, что такие неприятные дела вам должен докладывать». — «Ну, полно, не сердись, прости меня. Читай, что ты принес». Тогда зачал читать пространную записку и реестр, кем, сколько казенных денег из кассы у Сутерланда забрано. Первый явился князь Потемкин, который взял 800000 рублей. Извинив, что он многие надобности имел по службе и нередко издерживал свои деньги, приказала принять на счет свой Государственному казначейству. Иные приказала взыскать, другие небольшие простить долги; но когда дошло до великого князя Павла Петровича, то, переменив тон, зачала жаловаться, что он мотает, строит такие беспрестанно строения, в которых нужды нет; «не знаю, что с ним делать», и такие, продолжая с неудовольствием подобные речи, ждала как бы на них согласия; но Державин, не умея играть роли хитрого царедворца, потупя глаза, не говорил, ни слова. Она, видя то, спросила: «Что ты молчишь?» Тогда он ей тихо проговорил, что наследника с императрицею судить не может, и закрыл бумагу. С сим словом она вспыхнула, закраснелась и закричала: «Поди вон!» Он вышел в крайнем смущении, не зная, что делать, решился зайти в комнату к фавориту. «Вступитесь хоть вы за меня, Платон Александрович, — сказал он ему с преисполненным горести духом, — поручают мне неприятные дела, и что я докладываю всю истину, какова она в бумагах, то Государыня гневается, и теперь по Сутерландову банкротству так раздражилась, что выгнала от себя вон. Я ли виноват, что ее обворовывают? Да я и не напрашивался не только на это, но ни на какие дела, но мне их поручают, а Государыня на меня гневается, будто я тому причиною». Он его успокоил,

и знать, что тот же вечер говорил, что на другой день, выслушав порядочно все бумаги, дала резолюцию, чтоб, как выше сказано, генерал-прокурор и государственный казначей предложили Сенату взыскать деньги с кого следует по законам. Тем дело сие и кончилось. Надобно приметить, что подобные неприятные дела, может быть и с умыслу, как старший между статс-секретарями граф Безбородка всегда сообщал Державину под видом, что он прочих справедливее, дельнее и прилежнее; а самою вещию, как он им всем ревностию и правдою своею был неприятен или, лучше сказать, опасен, то чтоб он наскучил императрице и остудился в ее мыслях; что совершенно и сделалось, а особливо когда граф Николай Иванович Салтыков со своей стороны хитрыми ужимками и внушениями (как граф) Дмитрий Александрович по дружбе сказывал Державину, сделал о нем какие-то неприятные впечатления императрице; также с другой стороны, и прежде бывшая его большая приятельница княгиня Дашкова. Первый — за то, что по вступившему на имя императрицы одного донского чиновника доносу приказал он взять из Военной коллегии справки, в которой был Салтыков президентом, о чрезвычайных злоупотреблениях той коллегии, что за деньги производились неслужащие малолетки и разночинцы в обер-офицеры и тем отнимали линию у достойных заслуженных унтер-офицеров и казаков; вторая — что по просьбе на высочайшее имя бывшего при Академии наук известного механика Кулибина докладывал он государыне, не спросясь с нею, поелику она была той Академии директором, и того Кулибина за какую-то не исполненную ей услугу не жаловала и даже гнала, и выпросил ему к получаемому им жалованью 300 рублев, в сравнение с профессорами, еще 1500 рублей и казенную квартиру, а также по ходатайству ее за некоторых людей не испросил им за какие-то поднесенные ими художественные безделки подарков и

награждений; хотя это и не относилось прямо до его обязанности, но должно было испрашивать чрез любимца; она так рассердилась, что приехавшему ему в праздничный день с визитом вместе с женою наговорила, по вспыльчивому ее или, лучше, сумасшедшему нраву, премножество грубостей, даже насчет императрицы — что она подписывает такие указы, которых сама не знает, и тому подобное, — так что он не вытерпел, уехал и с тех пор был с нею незнаком; а она, как боялась, чтоб он не довел до сведения государыни говоренного ею на ее счет, то, забежав сколько известно было чрез Марью Савишну Перекусихину, приближеннейшую к государыне даму, и брата фаворитова графа Валериана Александровича, и наболтала какие-то вздоры, которым хотя в полной мере и не поверили, но поселила в сердце остуду, которая примечена была Державиным по самую ее кончину. Может быть, и за то, что он по желанию ее, видя дворские хитрости и беспрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которые им писаны не в бытность его еще при дворе: ибо издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении к двору, весьма человеческими и даже недостойными великой Екатерины, то и охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ее. Например, я скажу, что она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде. Вот тому доказательства:

1-е. Будучи позван в один раз Державин с делом в кабинет, после бывшего там г. Терского, нашел ее ропщущею. «Как, — говорила она, — в Пскове продается соль по 2 рубли пуд, слышал ли ты?» — «Нет, Государыня». — «Разведай же, пожалуй». — «Слышу. У меня на сих днях оттуда приехал

родственник». Это был Николай Петрович Яхонтов который действительно сказал про многие злоупотребления, казенною палатою чинимые чрез одного откупщика Городецкого, и о дороговизне соли. Державин донес обо всем том на другой день императрице. Она приказала ему написать его рукою записку от его имени, родом доноса, и препроводить оную для исследования к генерал-губернатору, находившемуся тогда в Петербурге Осипу Андреевичу Игельштрому.

«Нет, Государыня, — Державин ей сказал, — я вам не доносил сам от себя, а вы изволили приказать разведать, и я что слышал, то вам и доложил». — «Хорошо, — сказала, — напиши, как знаешь». Но едва успел он от нее выйти, то позвала она к себе статс же секретаря Петра Ивановича Турчанинова, который от нее возвратясь с приказанием ее, или сам от себя, на ухо шепнул ему, что приказала она уведомить о дошедшем до нее слухе Ивана Ивановича Кушелева, свояка тамошнего вице-губернатора Брылкина, который был женат на родной сестре покойного бывшего ее фаворита Александра Дмитриевича Ланского, дабы он послал к Брылкину нарочного и остерег его, чтоб он взял свои меры, когда генерал-губернатор прикажет о том следовать. Тогда же, по ее приказанию, граф Петр Васильевич Завадовский посылал какого-то от себя регистратора в Псков, якобы разведать под рукою о том злоупотреблении, который, возвратясь, донес, что ничего нет и что то пустая нанесена клевета на казенную палату и на вице-губернатора, и для того кажется, и никакого следствия не было. Спустя несколько времени государыня, призвав к себе Державина в кабинет, ему же голову вымыла, что он такие до нее доводит слухи и тем ее беспокоит, а потому, чтоб он и был вперед осмотрительнее.

2-е. Некто Корабейников, московский купец, подал ей чрез фаворита Зубова письмо, в котором изъяснял, что тамошний совестный суд в угодность губернатора Лопухина,

покровительствовавшего московского же купца Николая Роговикова (который после был государственным банкиром), отнял у него собственный в упомянутой столице дом, совсем его к суду не призывая. По справке оказалось, что совестный суд, приняв от кого-то просьбу на Роговикова в завладении якобы им того дома, определил представить тяжущимся сторонам посредников, которые положили тот дом отдать Роговикову, хотя он был Корабейникова и ни по чему ни Роговикову, ни вымышленному его сопернику не принадлежал. Корабейников вошел в тот суд с просьбою, доказывая, что дом — его, а не тех, которые о нем вымышленную тяжбу имели. Совестный суд ответствовал, что он, Корабейников, к нему прежде не прибегал, то он, не зная, что дом его, и отдал тому, кому посредники приговорили. Он другую подал просьбу, изъявляя, что он прибегает к разбирательству суда сего; ему ответствовано, что уже поздно, что он суд собственных своих решений не перерешивает. Корабейников прибег к императрице. Она отослала просьбу его на рассмотрение Сената 2-го департамента; сей, рассматривая, нашел действительно, как выше явствует, что совестный суд отдал чужой дом Роговикову. А как по сенатским определениям обыкновенно докладывал генерал-рекетмейстер Терский, человек, хотя умный и дела знавший, но хитрый и совершенный подьячий, готовый всегда угождать стороне сильной; поелику же Безбородка был связан по любовной интриге с женою Лопухина, которого был приверженец Роговиков, то, натурально, Терский и покривил весы правосудия на сторону последнего. Поелику он знал совершенно нрав государыни, что она чрезвычайно самолюбива и учреждение свое о губерниях почитала выше всех в свете законов, и что, вопреки оного, волосом никому прикоснуться не позволяла, то он, принесши доклад Сената к императрице, ничего другого ей не стал объяснять, как только сказал: «Ваш Правительствующий Сенат

в противность Вашего Величества учреждения отставил совестного суда решение, на мнении обеих тяжущихся сторон основанное». Довольно было сего. Государыня разгневалась и подписала на докладе Сената: «Быть по мнению посредников». Корабейников на сие самое прибегал со вторичною просьбою или, лучше, на царицу жаловался императрице. И сия-то самая просьба отдана чрез Зубова Державину для справедливейшего и строжайшего рассмотрения и доклада ее величеству. Он докладывал с объяснением всех вышеизображенных обстоятельств. Она возразила: «Да ведь посредники решили». — «Правда, посредники, но подложные; а посредники Корабейникова тут совсем не были». Она рассердилась и, подумав несколько, сказала: «Что ж делать? Я самодержавна».

3-е. Сидел Державин в одно время в Царском Селе в комнате у помянутой госпожи Перекусихиной, и вдруг услышался в комнате шум. Зовут Турчанинова; не успел он войти, зовут Державина, который, пришед, увидел императрицу, в чрезвычайном гневе выступившую, так скачать, из себя. Она кричала, засучив руки: «Как, Сенат идет против моих учреждений, я ему покажу себя!» Державин взглянул на нее с удивлением. Она тотчас спохватилась (как и несколько раз подобное случалось) и, понизив голос, сказала: «Сенат по известному тебе Ярославову делу нападает на ярославского генерал-губернатора Кашкина». — «Да ведь это дело, Государыня, — ответствовал Державин,— несколько раз рассматривано было в Совете». (Это то самое, за которое, как выше видно, браны были ответы с генерал-прокурора, обер-прокурора и обер-секретарей.) «Как в Совете?» — возразила она. «Так, Государыня!» Она, тотчас утихнув и, переменя лицо, сказала: «Поди за мной». Вошедши в кабинет, села за свой письменный стол, приказала сыскать дело.

«Да что, разве ты оправдываешь Ярославова?» (помещика, который подозреваем был в ведении разбоя одного мещанского дома людьми его и в приеме воровских вещей). — «Нет, Государыня, — Державин сказал, — я его не оправдываю; но генерал-губернатор, в противность законов ваших, вторичными допросами, под истязанием людей его, извлек от них противные первым показания, по которым его теперь и делают участником того разбоя». — «Хорошо ж, — сказала она снисходительно, — скажи Терскому, чтоб он не писал того указа, который я ему приказала; а доложил бы мне завтра, как приедем в Петербург» (ибо она в тот день отъезжала из Села Царского в сию столицу). Державин, вышедши из кабинета, нашел Терского за перегородкою в секретарской, пишущего тот указ. Он объявил ему повеление императрицы, говоря, чтоб он был осторожен по делу, которое по его соображениям, несколько раз было смотрено в Совете. Поутру, на другой день, в Петербурге, встретясь в секретарской с Терским, по его вопросам объяснил ему некоторые подробности. Терский позван был к государыне и, вышед оттуда, сказал, что государыня приказала отнесть дело в Совет, что и сама она, призвав Державина к себе, подтвердила. Терский, побывав в Совете, поднес ей проект сказанного указа на апробацию. Она, опробовав, призвала опять Державина и сказала, что она, по мнению Совета, дала указ Сенату. Державин натурально предполагал, что Совет против прежних своих неоднократных заключений, по соображениям, Державиным учиненным, и им самим утвержденным, криводушничать не будет и что указ в точной силе их г. Терским написан; но как он удивился, приехав домой, увидя без памяти прискакавшего к себе обер-секретаря Ананьевского, который спрашивал, что им делать. «Прежде за то с нас брали ответы, что мы не по точной силе учреждения и прочих законов делали предписания по Ярославову делу. Мы, дав ответы, исправились и

поступили как должно; но ныне по жалобе генерал-губернатора по тому же самому делу последовал именной указ совсем в отмену первого». Тут Державин увидел, что Терский государыню обманул, донеся ей, что Совет опробовал писанный им указ, яко согласный первому. Поехал к Зубову, объяснил ему, в чем были подьяческие крючки Терского и неразумие или неправомыслие Совета, коим он покровительствовал генерал-губернатора, угнетавшего чрез меру Ярославова. Зубов слегка объяснил каверзы сии императрице, и тот же день послан к Кашкину указ, чтоб он не въезжал в Ярославскую губернию, где то дело производилось, до решения оного в палате уголовного суда или, лучше, до отсылки оного на ревизию в Сенат, в тех мыслях, что он, не будучи лично в Ярославле, не осмелится письменно делать каких-либо внушений судьям на пагубу Ярославова; но вышесказанного указа, данного Сенату, не отменила. Однако же таковая предосторожность от гонения генерал-губернатора, не спасла бы Ярославова, ежели б дело, по разногласию второго департамента, не вошло в рассмотрение общего собрания при императоре Павле Первом, и бедный Ярославов, верно бы, был послан, яко разбойник или содержатель разбойников, на каторгу, ежели б Державин, будучи уже сенатором, не присутствовал по сему делу в общем собрании и не дал защитительного своего мнения Ярославову, на что и прочие гг. сенаторы все согласились.

4-е. На первой неделе Великого поста после говенья и причастия императрицы и всего двора, призвала она к себе Державина в кабинет и приказала ему, чтоб он объявил ее волю третьего Сената департамента обер-прокурору Голохвастову, дабы некоему польскому знатному магнату Потоцкому, принесшему в Сенат жалобу на генерал-губернатора Пассека, удовольствие делано не было, для того, что он идет против ее, и каверзит по делам политическим. Сие было ис-

полнено. В Сенате было ему отказано; он подал на него жалобу к императрице, и оная ему отдана с надписью.

Вот, как выше сказано, она царствовала политически, наблюдая свои выгоды или поблажая своим вельможам, дабы по маловажным проступкам или пристрастиям не раздражить их и против себя не поставить. Напротив того, кажется, была она милосерда и снисходительна к слабостям людским, избавляя их от пороков и угнетения сильных не всегда строгостью законов, но особым материнским о них попечением, а особливо умела выигрывать сердца и ими управлять, как хотела. Часто случалось, что рассердится и выгонит от себя Державина, и он надуется, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить; но на другой день, когда он войдет, то она тотчас приметит, что он сердит, зачнет спрашивать о жене, о домашнем его быту, не хочет ли он пить, и тому подобное ласковое и милостивое, так что он позабудет всю свою досаду и сделается по-прежнему чистосердечным. В один раз случилось, что он, не вытерпев, вскочил со стула и в исступлении сказал: «Боже мой! Кто может устоять против этой женщины? Государыня, вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву, чтоб после вчерашнего ничего с вами не говорить; но вы против воли моей делаете из меня, что хотите». Она засмеялась и сказала: «Неужто это правда?» Умела также притворяться и обладать собою в совершенстве, а равно и снисходить слабостям людским и защищать бессильных от сильных людей. Скажем несколько примеров.

I-е. Видели выше, как она наказала Парфентьева, доносителя на Якобия.

II-е. Некоторые благородные бедные девицы, жившие в Москве, писали государыне чрез почту, что генерал-губернатор князь Прозоровский не сделал по их делам, в судах производившимся, не только никакого пособия, но и выгнал их от себя с грубостью. Она, отдав письмо Терскому,

велела справиться и взять с князя объяснение. Терский то исполнил. Генерал-губернатору показалось то обидно; он оказал свое неудовольствие губернатору Архарову и прочим чиновникам полиции; а как девицы они жили в бедной хижине, а может быть, и поведение не очень хорошее имели, то полиция и стала им делать разные прицепки[18], сыскивала их и тому подобное. Старшая из них пожаловалась государыне, описав квартиру, где она от гонения укрывается, и столь убедительно разжалобила ее, что в один день часу в 12-м, когда она, государыня, начала в бриллиантовой палате убираться, приходит дежурный лакей и зовет к ней Державина. Он входит, видит ее в пудреной белой рубашке с распущенными седыми волосами, пылающую гневом. «Возьми, — говорит, отдавая письмо, — я вижу этих бедных сирот, угнетаемых за то, что они пожаловались на главнокомандующего, то губернатор и вся полиция на них восстали, отыщи их и представь ко мне, но так, чтоб того начальство тамошнее не знало». Приняв повеление, Державин потребовал нужное число из кабинета денег, дал ордер, с прописанием именного повеления, находящемуся в его канцелярии при письменных делах подполковнику Резанову (тому самому, о котором выше упомянуто), чтоб он увез их тайно из Москвы и представил к нему. Резанов, остановясь в трактире, нашел по описанию в письме той девицы бедную хижину, вошел к ней и объявил ей ордер Державина. Она, испугавшись, думая, что это подослан лазутчик от Архарова, дабы схватить ее и увезти куда в ссылку, бросилась из комнаты и побежала но улице в дом некоего бригадира князя Голицына, в соседстве живущего, Резанов за ней, и когда вбежал на двор, то окружило его великое множество людей, почтя его недобрым человеком, с какимнибудь дурным намерением за ней прибежавшим. Он при-

[18] В оригинале: «приметки».

нужден был сказать, чтоб его представили князю, хозяину дома; и, попрося его к нему в уединенное место, объявил ему ордер. Он, не зная руки Державина, сначала было, не поверил; но Резанов нашелся сказать ему: «Когда вы не верите, то оставьте меня у вас в доме; а сами извольте взять и отвезть сию госпожу к пославшему меня». Тот, сим ответом быв убежден, не спорил более и выдал девицу, которую благополучно довез он до Петербурга. Державин о привозе доложил императрице. Она приказала несколько ее подержать у себя и посмотреть ее поведение; а как оное и потом, после приехавшей сестры ее, не слишком оказалось невинным, то государыня, приказав им выдать на приданое 3000 рублей, приказала их отправить обратно в Москву. Подобные происшествия, происходящие от слабостей, нередко случались: как-то жаловались иногда на увоз дочерей, на соблазн их самих матерьми, то она приказывала под рукою осведомляться. Когда открывалось, что девушка по согласию своему давала увозить себя и прельщать молодым людям, то она, не подвергая огласительному стыду и строгости законов, матерински всегда умела обиды и раздоры прекращать семейным миролюбием, приказав удовлетворять богатым бедных.

Как равно обремененным долгами от мздоимных ростовщиков и грабителей помогала. Например, некто Каиров, служивший в Преображенском полку офицером, по молодости своей вошел в ухищренное знакомство некоторого офицера того же полку, казавшегося ему приятелем, который прежде был полковым комиссаром и истратил много казенных денег на свои надобности, а как пришло время к смене, то он уговорил его принять сию должность и домогся своим пронырством, что прочие его собратия к тому его выбрали достойным. Натурально, вместо того, чтоб сдать казну наличными деньгами, он отдал расписками и векселями своими. В продолжении же те суммы выиграл в карты, расписки

возвратил, и Каиров заменил их своими. Когда ж пришло к сдаче и новый комиссар бумаг за наличные деньги не принял, то, избегая военного суда, Каиров был должен занять в банке под заклад своего и матерного имения, назвав оное своим, а как и тех сумм недостало, то за чрезвычайные проценты — у некоего немилосердого лихоимца Тарабаровского под заклад того ж имения. Хотя Тарабаровский это знал, но как имение стоило несравненно более занятых сумм из банка, то, притворясь будто не знавшим подлога и будто по добродушию не хотя беспокоить заимщика и подвергать его строгости закона, ждал до того времени, как банк, описав имение, выбрал долг свой из доходов; и когда уже оставалось только заплатить 600 рублей, Тарабаровский восстал с своим требованием, чтоб коль скоро имение освободится от залога банкового, то записать оное, по тогдашним законам, уже в потомственное владение за себя. Между тем Каиров с отчаяния спился и умер. Мать, при жизни сына не хотя его подвергать строгости законов за учиненные им подлоги, выгнана будучи из имения, по описи оного банком, шаталась по Петербургу с дочерью невестою 12-ти лет, кормясь доброхотным подаянием и прося милости у Тарабаровского; но, имея жестокое и жадное к интересу сердце, он никак не хотел и думать, чтоб ей сделать какое снисхождение, дожидался только, когда остальные 600 рублей в банк взнесены будут. Старуха прибегнула чрез Державина к императрице. Она, вникнув во все подробности жалкого состояния сирот Каировых, приказала Тарабаровского призвать совестному судье г. сенатору Ржевскому и убедить его, чтоб он взял только двойной капитал по уставу Управы благочиния, а не по вексельному праву, считая процент на процент в несколько крат больше. Тарабаровский, видя пред собою такую посредницу, хотя не хотел, но должен был согласиться; поелику же и двойного капитала Каировой по ее бедности нечем было заплатить, то велела

банковому директору г. Завадовскому вновь под то же имение выдать без очереди потребную сумму. И так извлекла сирот Каировых единым своим милосердием из бездны зол, в которой они погибали.

Подобными делами, хотя угождал Державин императрице, но правдою своею часто наскучивал, и как она говаривала пословицу «живи и жить давай, другим» и так поступала, то он на рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину в оде сказал:

Но только не на счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого.

А когда происходил Польши раздел и выбита такая была медаль, на которой на одной стороне представлена колючая с шипами роза, а на другой портрет ее, то потому ли или по недоброжелательным наговорам беспрестанным и что правда наскучила, 8 сентября, в день торжества мира с турками, хотя Державин провозглашал с трона публично награждения отличившимся в сию войну чиновникам несколькими тысячами душами, но ему за все труды при разобрании помянутых важных и интересных дел ниже одной души и ни полушки денег в награждение не дано, а пожалован он в сенаторы в Межевой департамент, и между прочими тучею, так сказать, брошенный на достойных и недостойных, надет и на него крест св. Владимира 2-й степени. Но пред тем незадолго имел он всю надежду получить нечто отличительное, потому что в один день поутру приезжает к нему от любимца Зубова ездовой с краткою от него записочкою, чтоб он как можно скорее к нему приехал. Он принял только лишь лекарство, то и отвечал, что в тот час не может к нему быть, а приедет после обеда, коль скоро можно будет; и действительно, часу в пятом пополудни приехал. Любимец, заведши

его в спальну за ширмы, наедине говорил ему, что государыня, по долговременной неизлечимой болезни Вяземского, решилась нового сделать генерал-прокурора, с тем, чтоб против должностей несшихся настоящим генерал-прокурором уменьшить оных несколько, то приказала его, Державина, спросить, кому б он думал поверить сей важный пост? В продолжение сего разговора фаворит пристально глядел в глаза ему, как бы вызывая, чтоб он его попросил о том; но Державин с начала и в продолжение всей своей службы имел себе в непременное правило, чтоб никогда, никого, ни о чем не просить и ни на что не напрашиваться и, напротив, ни от чего не отказываться, и когда какое поручат служение, исполнять оное со всею верностию и честию, по правде и по законам, сколько его сил достанет (основывая то правило на священном писании: что никто же примет честь, только званный от Бога; и что пастырь добрый не прелазит чрез ограду, но входит дверью и пасет поверенных ему овец, полагая за них свою душу), и что, когда его на что призовут, то невидимо сам Бог поможет ему исполнить самые труднейшие дела с успехом и легкостью; а когда он чего происками своими доможется, то обязан будет все бремя переносить на собственных своих плечах; поелику же нет человека без слабостей и без недостатков, то и никогда не осмеливался он надеяться на свои собственные способности, как-то: ум, сведения и прочее; вопреки же тому, когда ему приказывала вышняя власть что-либо производить, по ее собственному, а не по его желанию, то он действовал тогда, ни на кого не смотря, смело и решительно со всею возможною силою, уверен будучи, что Богу это надобно — хотя ему многие друзья его, не зная его правила, часто говаривали, что не надобно дел посторонних (кроме своих) принимать на сердце; он же, как известно всем, коротко его знающим, о своих делах не заботился и не радел, а хлопотал и ссорился всегда за казенные

и за чужие, ему по должности порученные. Словом, он удержался от просьбы места генерал-прокурорского, хотя оное ему более других принадлежало; потому что он, делая замечания на мемории сенатские и давая советы обер-прокурорам, правил, так сказать, Сенатом около двух годов; но как бы то ни было, когда увидел любимец государыни, что он отмалчивается и не сделал никакого назначения, кого избрать, то сказал ему, чтоб он завтра к нему приехал поранее, дабы еще о сем поговорить. Он в 9-м часу приехал; но фаворит ему объявил, что уже выбран государынею генерал-прокурор — граф Самойлов, находившийся тогда в Петербурге без всякого дела. Державин ответствовал: «Хорошо, воля Государыни». Тут тотчас позвали его к императрице, которая сказала ему: «Делал ли ты примечания на мемории Сената, которые я тебе приказала?» — «Делал, Государыня». — «Подай же их мне завтра посмотреть». Что он исполнил. На другой день с апробациею своею возвратила она их ему, сказав: «Отдай Самойлову и скажи ему моим именем, чтоб он поступал по ним». После того, позвав Самойлова, приказала ему, чтоб он по сомнительным и важным делам советовался со мною и поступал по моим наставлениям, что Самойлов сам, вышед от государыни, тогда же Державину объявил. Тогда о пожаловании его генерал-прокурором вышел указ, и он в достоинстве сего чиновника в мирное торжество с турками читал уже речь публично благодарную от лица Сената перед яровом, когда Державин, как выше явствует, стоя на троне близь государыни, провозглашал ее милости.

В первый день присутствия читана была та речь в Сенате, и рассуждаемо было, чем возблагодарить и увековечить императрицыно попечение о благе ее империи, как-то: за расширение пределов, за законы и прочее. Одни говорили, что надобно повторить и поднести вновь те титла, которые были

подносимы при открытии комиссии нового уложения, но ею не приняты; другие — поставить статую и тому подобное; но как при жизни государей учиненные им таковые почести почитаются в потомстве ласкательством, то Державин говорил, что со вступления ее на престол из всех указов и учреждений, ею изданных, сделать кратчайшую выписку, из коей бы только видны были все ее труды, попечение и предусмотрение о благе империи, и, дополняя оную беспрестанно новыми ее подвигами, хранить в нарочном устроенном для того ковчеге, дабы со временем могли они служить истинным основанием истории, из самых дел ее почерпнутой, а не из народных преданий и часто ложно рассеваемых и нелепых басней. На этом все остановились сенаторы; но неизвестно почему, замолчано и никакого даже рассуждения в журнале того дня не записано; видно, то ей не угодно было, хотя вскоре после того Державин сам имел случай с ней объясняться, и она с улыбкою выслушивала его рассуждения. На другой день после присутствия, долгом приял чрез любимца изъявить благодарность свою императрице, что она его возвела в такое важное достоинство; а как Сенат доведен наперсниками и прочими ее приближенными вельможами, или лучше ею самою можно выговорить, до крайнего унижения, или презрения, то Зубов весьма удивился, когда Державин благодарил ее за то, что он сделан сенатором. «Неужто доволен?» — спросил он его. «Как же, — отвечал он, — не быть довольну сей монаршей милостию бедному дворянину, без всякого покровительства служившему с самого солдатства, что он посажен на стул сенаторский Российской империи. Чего еще мне более? Ежели ж, его сочлены почитаются, может быть, кем ничтожными, то он себе уважение всемерно сыщет». Не знаю, пересказал ли Зубов сие государыне, но только он во все служение свое в сем правительстве поступал по правде и по законам. Сие множество голосов его показывает, с которыми иногда быв против, но после целый Сенат принужден

был соглашаться, а из сего выходили иногда примечания, заслуживающие анекдоты. Например:

I. Некто молодая девица, помнится Безобразова, подала государыне письмо, в котором жаловалась на дядю своего Жукова, что он другого ее дядю, отставного полковника Жукова ж, держит под видом дурачества в своей опеке, владея его имением; он отнюдь не дурак, но сам собою жить и управлять имением своим, как и прочие, может. Государыня по указу Петра Великого 1722 году приказала сего Жукова освидетельствовать, подлинно ли он дурак, в Сенате; а как племянница имела покровительство приближенных к двору министров, то натурально и сенаторы тянули на ту же сторону, а особливо старший тогда во 2-м департаменте граф Строганов, который по малодушию своему всегда был угодником двора и в дела почти не входил, а по привычке своей или по умышленной хитрости, при начале чтения оных шутил и хохотал чему-нибудь, а при конце, когда надобно было давать резолюцию, закашливался, то и решали дела другие; а он, не читая их и не зная, почти все то, что ему подложат или принесут, подписывал; но когда он чью брал сторону и пристрастен был к чему-либо по своим, а паче по дворским видам, то кричал из всей силы и нередко превозмогал прочих своею старостью, знатностью и приближенностью ко двору; то и по сему делу все взяли несправедливую сторону — от истинного ли сердца или будучи канцелярией, обмануты; ибо Жуков, быв с природы не дурак, но сумасшедший и дурь на него находила по временам, а более под ущерб луны или новомесячья, а в прочие дни был порядочен, только пасмурен и тих, то и представили его Сенату в такое время, когда он на вопросы мог отвечать порядочно, да и вопросы задали ничего не значащие, на которые ответствовать никакого не надобно было ума, а одну привычку; следовательно, и признал его Сенат не дураком. Но обер-прокурор Кононов был

противного мнения; а потому перенесено дело в общее собрание, где, как не случилось в присутствии Державина, то и решили было в угождение второго департамента согласно с ним и записали так в журнал. Обвиняемый Жуков, узнав противную ему резолюцию, бросился к Державину и объяснил ему все обстоятельства в подробности; показал отцовские письма, в которых он признавал сумасшествие его брата, и определения согласные с тем опеки; а паче решило Державина в тяжбе сей видимое настоящее действие к противному заключению Сената, ибо как мог дозволить, будучи не безумным, в 40 лет полковник увезти себя из Москвы 18-летней девушке, своей племяннице, и подать от имени ее письмо к императрице, когда он мог и должен был сам то сделать, если б он был в совершенном уме. Таковые и другие причины решили Державина быть с мнением Сената несогласным. Вследствие чего в наступившую пятницу, когда приехал он в общее собрание и подали ему к подписанию журнал минувшего присутствия, то, прочитав оный, объявил, что он по делу Жукова не согласен. Тотчас явились возражения сенаторов, подписавших тот журнал, а особливо заспорил сенатор Алексей Логинович Щербачев, человек хотя не великого ума и не весьма важный делец, но велеречив и даже дерзок, когда видел себя подкрепленным большинством голосов, а паче дворскою стороною; слово за слово, восстал превеликий шум, Державин не уступал и слишком погорячился; однако же нимало не вышел из благопристойности и никого какими-либо оскорбительными словами не обидел — сказал, что он подаст письменное свое мнение.

Сие так сенаторов раздражило, что они сделали против него заговор, о коем, как он въезжал в последнюю пятницу в общее собрание, обер-секретарь межевого департамента Стрижев тихонько в сенях открыл, советуя, чтоб он, сколько возможно, был осторожен и не горячился; ибо в заговоре у

сенаторов положено при чтении его мнения, сколько можно, оное оговаривать и его поджигать, дабы он по горячему своему нраву вспылил и что-нибудь сказал несоответственное месту, грубое, или обидное: то, записав те речи в журнал, и войти к государыне с докладом, что с ним, Державиным, присутствовать не можно. Словом, в течение недели Державин написал свой голос, в котором доказал правость защищаемой им стороны видимыми в деле документами; но тут должно было употребить всю тонкость ума, чтоб не оскорбить второго Сената департамента, яко верховного правительства империи, что он не мог различить при свидетельстве дурака от умных; следовательно, явился бы сам дурак, а потому Державин в голосе, различая дурачество от сумасшествия и бешенства, бываемого по временам, вывел, что представляемый Сенату к свидетельству мог быть на то время в полном рассудке, давать порядочные ответы, следовательно, и не подлежал он к свидетельству Сената по указу 1722 года, но к обыску полиции по показанию отца и к призору родственников или содержанию в доме сумасшедших. Если б по исследовании управы благочиния он оказался не бешеным и с ума никогда не сходившим, тогда можно было допустить его до управления имением на всеобщем праве благородных. При чтении такового мнения начали было его, как выше сказано, а особливо Щербачев, горячить и подстрекать к возражениям, но он остерегся и молчал до самого конца чтения, а когда кончил, то, не говоря ни слова, вышел из собрания; да и само по себе не о чем было ему говорить, ибо, что нужно было, то все объяснено было на бумаге. Таким образом, к стыду гг. сенаторов исчезла их недоброхотная или, лучше сказать, коварная стачка, и дело своим порядком по тогдашним законам за разногласием взнесено было на рассмотрение самой императрицы. Когда поднес оное ей обер-прокурор Башилов, тогда она сказала: «Положи; я посмотрю, достойно ли было такого содому сие дело, о коем я слышала»,

ибо ей все пересказано было генерал-прокурором Самойловым, что происходило в Сенате, который был на противной стороне Державина; следовательно, и надобно думать, что сей последний имел ожидать себе большой неприятности; но Бог по-своему сделал и показал свой неумытный суд. Недели с две после сумасшедший Жуков, живший с племянницею своею в Миллионной в одном доме, выбросился из второго этажа на улицу и, о каменную мостовую разбив себе голову, на месте скончался.

II. После кончины князя Потемкина осталось страшное движимое и недвижимое имение. Императрица, из уважения к памяти, вошла сама в распоряжение имущества его: бриллианты, золото, серебро и прочие дорогие вещи приказала по беспристрастной оценке взять в свой кабинет и заплатить за него деньги, а недвижимое имение, которое почти все состояло в Польше, разделить между наследниками по законам. Известно, там братья с сестрами получают равные доли. Дележ происходил между двоюродными братьями и сестрами, Самойловым (генерал-прокурором), Давыдовым и Высоцким, генерал-майорами, и графинями Браницкою и Литтовою, княгинями Голицыною, Юсуповою и сенаторшею Шепелевою. В то время был генерал-губернатором в новоприобретенных от Польши губерниях в Минской, Волынской, Виленской, Подольской Тимофей Иванович Тутолмин, который, как выше упомянуто, был человек надменного, но низкого духа, угодник случаю, то естественно и взял он сторону генерал-прокурора и, при расписании имения на части, обделил[19] всех сонаследников, как количеством, так и добротою имения. Графиня Браницкая, сколько по старшинству своему, столько и по знаменитости при дворе, быв первою статс-дамою, восстала против сего пристрастного раздела; но сколь ни была случайна, не могла, однако, ни чрез фаворита, ни же

[19] В оригинале: оделил.

чрез внушение самой императрице против генерал-прокурора исправить сию несправедливость кроткими средствами; ибо все говорили: пусть дело идет законным порядком чрез обыкновенные инстанции в губернии. Тщетно она на словах объясняла, что тут вмешался генерал-губернатор и чрез его притеснение она терпит обиду. На словах дела не решаются. Надобно было в Сенат писать просьбу. К кому она ни относилась, всяк устранялся, чтоб не поставить против себя генерал-прокурора. Не знала, что делать; адресовалась, наконец, к Державину по знакомству с ним при дворе в бытность его статс-секретарем. Он, исполняя ее желание, написал просьбу в Сенат в третий департамент. Произошли разные мнения, перешло в общее собрание. Тут единогласно решено в пользу графини Браницкой и ее соучастников в противность выгод генерал-прокурора. Он весьма этому удивился и говорил с негодованием: кто осмелился написать против его такую просьбу. «Я», — сказал Державин. «Как?» — «Так, — ответствовал он. — Вы око правосудия Государыни и должны оное свято наблюдать; а вы вместо того, будучи генерал-прокурором, сами оное ниспровергаете, подавая собою таким неправедным любостяжанием дурные примеры». Закраснелся он, но нечего было делать.

III. Генерал-поручик, сенатор, бывший любимец императрицы Елисаветы, Никита Афанасьевич Бекетов, живший в отставке в астраханских своих деревнях, им населенных со многими экономическими заведениями, виноградными садами и прочими, оставил после себя знатное благоприобретенное имение, которое духовною своею дарительною записью завещал побочным своим дочерям Всеволожской и Смирновой, а 40000 рублей родным своим племянницам и племяннику, гвардии Семеновского полка офицеру, что ныне министр юстиции, Ивану Ивановичу Дмитриеву. Всеволожский, невзирая на то, что толь великое богатство получил стороною, которому всему законные были наследники

Дмитриевы, начал опорочивать дарительную запись тем, что будто она незаконным порядком сделана, то есть что не всею канцелярскою фюрмою записана в книгах, хотя тем самым опорочивал свое право; но Дмитриев, знав волю дяди своего, был столько великодушен, что не искал более ничего, как только то, что дядя ему с сестрами подарил, то есть 40000 рублей; но Всеволожский не хотел.

Дмитриев прибегнул было к астраханским присутственным местам, но форма производства тяжебным порядком, то есть вызовы, апелляции и тому подобное, представляла ему такие страшные хлопоты, коих не мог бы никогда он и во всю жизнь окончить, то и решился он кончить свое дело совестным судом в Петербурге, по возвращении в который уговорил он к тому и Всеволожского. Явились в суд; выбраны посредники, со стороны его двое сенаторов: Алексей Иванович Васильев, что после был графом и министром финансов, и Николай Михайлович Сушков, а со стороны Дмитриева — один Державин. Несколько было съездов; но ничего решительного за сильными противуречиями не сделали; наконец, в доме Васильева, при всей его фамилии и нескольких посторонних людях, удалось Державину уговорить Всеволожского на мир, чтоб заплатил он только Дмитриеву те 40000 рублей, которые ему с сестрами завещаны, без всяких процентов и других убытков. Всеволожский сам охотно на то согласился, только просил дать ему сроку до завтра, чтоб расположить время, в какие сроки может заплатить ту сумму, ибо в один раз находил себя не в состоянии. Посредникам его ничего более не оставалось, как подтвердить сие миролюбие, что они и сделали по-приятельски, не учинив письменного о том журнала, а, словесно только подтвердя, выдали все бумаги Всеволожскому, дабы он по ним сделал расположение свое в заплате в сроки денег; но поутру на другой день, к незапному удивлению своему, получает Державин от Васильева записку,

которою он уведомляет его, что Всеволожский подал спорную бумагу и что он, приняв ее, зовет его к себе для рассуждения. Державин, увидя из сего неприязненный со стороны Васильева поступок, ибо как, после публичного желания ответчиком мира, мог он от него принимать еще спорную бумагу, когда имеют сие право посредники и без согласия тяжущихся, мириться. В рассуждении чего и отвечал ему Державин: когда он принял от Всеволожского спорную бумагу, следовательно, мир не состоялся, а потому ему и нечего у него делать, а подавал бы в совестный суд свое мнение, куды и он свое подаст. Несколько месяцев прошло, что не получал Державин от Васильева никакого ответа и не видался с ним. Но в самый день торжества свадебного великого князя Константина Павловича приносится ему из совестного суда повестка, в которой призывается он в суд в самый тот час, когда должно быть во дворце, для выслушания определения по сему делу. Удивился он, что призывается к выслушанию определения, когда еще не предложено было средств посредниками к примирению, как законом предписано, когда без согласия его определению быть не можно, а притом и в такой день, когда в собрании суд быть не мог. Но из любопытства поехал. Находит присутствующим совестного судью сенатора Алексея Александровича Ржевского, человека весьма честного, но слабого, худо законы знающего и удобопреклопного на сторону сильных. Надобно знать, что Всеволожский пронырствами и подарками своими умел найти не только в семействах Васильева и Ржевского, но и при дворе: г. Торсуков и Трощинский и Марья Савишна Перекусихина были на его стороне. Словом, Ржевский заседал только с Васильевым и с Сушковым, и никого других судей и канцелярских служителей в присутствии, кроме одного секретаря, не было. Таковое необыкновенное собрание странно Державину показалось, а паче когда взглянул он на лица

присутствующих и увидел в них некое скрытое намерение или, лучше сказать, стачку на что-либо ему противное, но, несмотря на то, сел; секретарь начал читать определение суда или, лучше сказать, бессовестное обвинение Дмитриева. Когда прочли, Державин сказал, что совестный суд имеет только право мирить, а не винить и того без согласия обеих сторон посредников сделать не может. «Как не может?» — закричали со всех сторон с жаром. «Так, — подтверждал он, — я ссылаюсь на учреждение, подай, секретарь, мне оное».

Но секретарь медлил, пересеменивал и не подавал учреждение, Державин просил, судьи кричали, и наконец, когда учреждение подано, Державин встал со стула и хотел оное читать на налое; но присутствующие усугубили свой крик, дабы не слышать, что будет читать. Тогда усмотрев, что он один, что ничем в порядок их привесть не может, когда не слушают законов, что запишут они в журнале его речи, как хотят, то, оставя на налое учреждение, выбежал он из суда вон, не говоря ни слова в ответ на кричавших ему вслед: «Ей, объяви, согласен или не согласен! Сего он не мог сделать потому, когда бы сказал, согласен, то обвинили бы тем Дмитриева, а не согласен, то определил бы суд ведаться ему в судебных местах в Астрахани, где уже он был и скорого решения не нашел. Вслед за ним в дом приехал секретарь и требовал вышесказанного отзыва, согласен или не согласен. Он отвечал ему, что ни того ни другого объявить не может, для того, что это не был совестный суд, а, знать, собрание против него сговорившихся; ибо прочих никого присутствующих не было. Секретарь подал Ржевскому, как совестному судье, репорт, с прибавлением, в угодность его, речей, что будто Державин порочил учреждение, называя узаконенный в нем совестный суд бессовестным и прочее. Ржевский взошел с своим репортом к Архарову, как генерал-губернатору, тогда бывшему в

Петербурге, описывая случившееся происшествие насчет Державина самыми черными красками и между прочим, что будто он бросил учреждение, когда ему оное подано было, говоря, «что это за закон» и тому подобные обидные выражения для самой законодательницы. Архаров в подлиннике оный представил государыне, которая приказала ему против оного взять с Державина ответ. Отвечать было нетрудно, но неприятно, потому что самое читанное в суде определение было несоответственно учреждению; ибо, как выше сказано, в нем не повелевается винить тяжущихся, а чрез представленные от посредников средства примирять только, а когда на мир не согласятся, тогда отказывать им, чтоб ведались в обыкновенных судах; следовательно, Державину не для чего было учреждение бросать и порочить оное, когда он на него ссылался и просил для разрешения спора. А как он примолвил к тому, что он защищал сторону слабую и не богатую, не так как противоборники его, то сие так раздражило, что они все употребили возможные тайные и явные средства разными клеветами возбудить на него гнев императрицы. И она, как известно, так была раздражена, что хотела примерно наказать пренебрегшего ее законы. По самую кончину дело сие лежало пред нею на столе. По восшествии на престол Павла брошено оно в архив, а когда воцарился Александр и Державин сделался генерал-прокурором[20], то Всеволожский без памяти прискакал из Москвы в Петербург и просил, чтоб помирить их с Дмитриевыми на том основании, как Державин прежде полагал, что и исполнено, и господин Дмитриев получил свое удовольствие. Хотя сие дело совсем не принадлежало до Сената; но как судили его все сенаторы, и Державин против оных противоборствовал, то и помещено оно здесь как бы, кстати, между делами сего вышнего судилища,

[20] Так в оригинале. Имеется и виду назначение его министром юстиции.

в котором желал он сохранить правосудие во всей святости его. И для того, когда господа обер-прокуроры, желая иногда сбить сенаторов с правого пути, вмешивались в их рассуждения и наклоняли мысли на ту сторону, куда им хотелось, то он, невзирая ни на какие лица и обстоятельства, сажал их на их места, говоря, чтоб они изволили молчать и не мешали рассуждать сенаторам; а когда придет их время, то бы они представляли свои возражения, и, ежели, они явятся согласными справедливости и законам, тогда уважены будут; с чем иногда возвращались и самые господа генерал-прокуроры, когда они приходили в департамент нарочно, по какому-нибудь казенному или частному, для них занимательному делу. Угождая им, ежели иногда канцелярия представляла в докладных записках обстоятельства неясно, или наклоняла примечаниями своими на полях на те виды, куды ей желалось, или не давала по непозволению генерал-прокурора на дом дел для усмотрения всех в тонкости обстоятельств; то он имел сшибки не только с обер-секретарями, обер-прокурорами, но и с генерал-прокурорами, а именно с графом Самойловым, а при Павле с князем Куракиным, требуя отдачи обер-секретарей за лживые примечания в экстрактах под суд, а когда надобно было какое обстоятельство узнать подробнее, а дела на дом к нему не отдавали, то он по воскресеньям и торжественным праздникам ездил сам в Сенат, и там наедине прочитывал кипы бумаг, делал на них замечания, сочинял записки или и самые голоса, то несносно сие было крючкотворцам, желавшим для польз своих покривить весы правосудия.

В 1794 году генваря 1-го дня к сенаторскому достоинству дано ему место президентское Коммерц-коллегии — пост для многих завидный и, кто хотел, нажиточный; но он, по ревности своей или, в другом смысле сказать, по глупому честолюбию, думая, что императрица возвела его для его вер-

ности и некорыстолюбия, хотел на нем отправлять свое служение по видам польз государственных и законов; но, как ниже усмотрится, вышло совсем тому противное. Императрица, по внушениям князя Потемкина или по собственным своим рассуждениям думала, что торговля империи будет с лучшим успехом и пользою управляться по губерниям генерал-губерна-торами, а не чрез Коммерц-коллегию по инструкции Петра Великого; и для того, хотя не уничтожила Коммерц-коллегию и не издала на то публичного указа; но в угодность помянутого своего вельможи, таврический торг, как и все доходы Тавриды, он единственно заведовал безотчетно, не сносяся ни с государственным казначейством, ни с Коммерц-коллегиею. Сообразно тому желала, чтоб и С.-Петербургская таможня таким же образом управлялась, то есть чрез нее, ибо она, как думала, сама должность государева наместника отправляла по Петербургской губернии, хотя случались в то же время и генерал-губернаторы, как то Архаров и прочие определяемы ею были. Поелику же в подробное управление таможен не только ей, но и генерал-губернаторам входить неудобно было, то и заступал место по Петербургу Коммерц-коллегии президента санкт-петербургский вице-губернатор, хотя нимало ему подчинены не были таможни других губерний, которые имели сношения и связь с с.-петербургским портом. На то время был в Петербурге вице-губернатором Иван Алексеевич Алексеев, опосле бывший сенатор, связанный дружбою с Трощинским, с Новосильцевым и Торсуковым, Перекусихиной и со всею дворскою партиею, противуборствующею Державину. Само по себе видно, что нечего ему тут было делать; но он должен был исполнить волю императрицы, которая, сколько догадываться позволено, думала, поверя ему сей наживной пост, наградить его за труды и службу, по должности статс-секретаря понесенные; но Державину сего и в голову не входило, ибо он, напротив

того, предполагал сию новую доверенность наилучшим образом заслужить возможной верностью, бескорыстием и честностью, как выше о том сказано.

Словом, вступив в президенты Коммерц-коллегии, начал он сбирать сведения и законы, к исправному отправлению должности его относящиеся. Вследствие чего хотел осмотреть складочные на бирже анбары, альняные, пеньковые и прочие, а по осмотре вещей, Петербургский и Кронштадтский порты; но ему то воспрещено было, и таможенные директоры и прочие чиновники явное стали делать неуважение и ослушание; а когда прибыл в С.-Петербург из Неаполя корабль, на коем от вышеупомянутого графа Моценига прислан был в гостинец кусок атласу жене Державина, то директор Даев донес ему о том, спрашивая, показывать ли тот атлас в коносаментах и как с ним поступить, ибо таковые ценовные товары ввозом в то время запрещены были, хотя корабль отплыл из Италии прежде того запрещения, и об оном знать не мог. Но за всем тем Державин не велел тот атлас от сведения таможни утаивать, а приказал с ним поступить по тому указу, коим запрещение сделано, то есть отослать его обратно к Моценигу. Директор, видя, что президент не поддался на соблазн, чем бы заслепил он себе глаза и дал таможенным служителям волю плутовать, как и при прежних начальниках, то и вымыслил Алексеев с тем директором клевету на Державина, которой бы замарать его в глазах императрицы, дабы он доверенности никакой у ней не имел. Донесли государыне, что будто он после запретительного указа выписал тот атлас сам и приказал его ввезти тайно; а как таковые тайно привезенные товары велено было тем указом жечь и с тех, кто их выписал, брать штраф, то и получили согласную с тем от государыни резолюцию. Державин не знал ничего, как вдруг сказывают ему, что публично с барабанным боем пред Коммерц-коллегиею на площади под именем его сожжены тайно

выписанные им товары, и тогда получает директор, так сказать, ордер от Алексеева, в коем требует он, чтоб Державин взнес в таможню положенный законом штраф. Такая дерзость бездельническая его как громом поразила; он написал на явных справках и доказательствах основанную записку, в которой изобличалась явно гнусная ложь Алексеева и Даева, и как не допущен был к императрице, то чрез Зубова подал ту записку и просил по ней его ей доложить, но сколько ни хлопотал, не мог получить не только никакой дельной ее величества резолюции, но и никакого, даже от самого Зубова отзыву.

Потом вскоре после того призван он был именем государыни в дом генерал-прокурора, который объявил ему, что ее величеству угодно, дабы он не занимался и не отправлял должности Коммерц-коллегии президента, а считался бы оным так, ни во что не мешаясь. Державин требовал письменного о том указа, но ему в том отказано. Видя таковое угнетение от той самой власти, которая бы по правоте его сама поддерживать долженствовала, не знал, что делать; а наконец, посоветовав с женою и с другими, решился подать императрице письмо об увольнении его от службы. Приехал в Царское Село, где в то время императрица проживала, адресовался с тем письмом к Зубову, он велел подать чрез статс-секретарей; просил Безбородку, Турчанинова, Попова, Храповицкого и Трощинского; но никто оного не приняли, говоря, что не смеют. Итак, убедил просьбою камердинера Ивана Михайлова Тюльпина, который был самый честнейший человек и ему благоприятен. Он принял и отнес императрице. Чрез час время, в который Державин, походя но саду, пошел в комнату Зубова, наведаться, какой успех письмо его имело, находит его бледного, смущенного, и сколько он его ни вопрошал, ничего не говорящего; наконец, за тайну Тюльпин открыл ему, что императрица по прочтении письма

чрезвычайно разгневалась, так что вышла из себя, и ей было сделалось очень дурно. Поскакали в Петербург за каплями, за лучшими докторами, хотя и был тут дежурный. Державин, услыша сие, не остался долее в Царском Селе; но, не дождавшись резолюции, уехал в Петербург и ждал спокойно своей судьбы; но ничего не вышло, так что он принужден был опять в недоумении своего президентства по-прежнему шататься. Между тем как при начале своего вступления в должность президента усмотрел он по балансу, от Коммерц-коллегии императрице поданному, что в 1793 году перевес торговли 31 миллионом рублей превышал к нашей стороне против иностранных, а курс был не выше 22-х штиверов, то и удивился он, как это могло случиться, что нам перевели иностранные чистыми деньгами таковую довольно знатную сумму, а курс был так для нас низок, что будто мы имели нужду перевесть за иностранные товары в чужие край такое или более количество наличных денег; ибо курс — не что иное, как ход денег, в ту или другую сторону требованием оных усугубляющийся. В рассуждении чего и дал он Коммерц-коллегии предложение, чтоб она сие обстоятельство в торговле, как можно наивернее, по всем таможням, исследовала и уведомила бы его о причине, отчего, когда баланс торга на нашей стороне, а курс — на иностранной? Чрез несколько месяцев коллегия доказательным образом дала знать, что при упадке курса превосходный баланс не что иное есть, как плутовство иностранных купцов с сообществом наших таможенных служителей, и бывает именно оттого: выпускные наши товары объявляются настоящею ценою и узаконенные пошлины в казну с той цены берутся, а иностранные объявляют иногда цену ниже 10 процентами — следовательно, более десяти частей уменьшают баланс в товарах и более 10 процентов крадут пошлин; итак, сравнив количество отпускных товаров наших с иностранными ценовными, выходит баланс на

нашей стороне, а действительная выгода торга и курс на иностранной; не говоря о уменьшении пошлин, ибо мы переводим денег 10, а получаем вместо того только 1 процент. Державин, открыв таковую государственную кражу, думал сделать выслугу для империи и благоугодное императрице, подал о том репорт, как Сенату, так и ей краткую, но ясную записку; но что же? Вместо оказательства какого-либо ему благоволения, хладнокровно о том замолчали. После, как ниже увидим, вышла еще неприятность. Сказывают, что будто таковая правда была императрице неприятною, что в ее правление и при ее учреждении могла она случиться или, лучше, обнаружиться. Вот каково самолюбие в властителях мира! И вред не вред — и польза не польза, когда только им они неблагоугодны. Не будучи Державин по прошению уволен от службы, должен был он остаться и переносить ее горести.

Июля 15-го числа 1794 году скончалась у него первая жена. Не могши быть спокойным о домашних недостатках и по службе неприятностях, чтоб от скуки не уклониться в какой разврат, женился от генваря 31-го дня 1795 года на другой жене, девице Дарье Алексеевне Дьяковой. Он избрал ее так же, как и первую, не по богатству и не по каким-либо светским расчетам, но по уважению ее разума и добродетелей, которые узнал гораздо прежде, чем на ней женился, от обращения с сестрою ее Марьею Алексеевною и всем семейством отца ее, бригадира Алексея Афанасьевича Дьякова и зятьев ее — Николая Александровича Львова, графа Якова Федоровича Стейнбока и Василья Васильевича Капниста, как выше видно, приятелей его. Причиною наиболее было сего союза следующее домашнее приключение. В одно время, сидя в приятельской беседе, первая супруга Державина и вторая, тогда бывшая девица Дьякова, разговорились между собою о счастливом супружестве. Державина сказала, ежели

бы она, г-жа Дьякова, вышла за г. Дмитриева, который всякой день почти в доме Державина бывал и коротко был знаком, то бы она не была бессчастна. «Нет, — отвечала девица, — найдите мне такова жениха, каков ваш Гаврила Романович, то я пойду за него и надеюсь, что буду с ним счастлива». Посмеялись, и начали другой разговор. Державин, ходя близ их, слышал отзыв о нем девицы, который так в уме его напечатлелся, что, когда он овдовел и примыслил искать себе другую супругу, она всегда в воображении его встречалась. Когда же прошло почти 6 месяцев после покойной и девица Дьякова с сестрою своею, графинею Стейнбоковою, из Ревеля приехала в Петербург, то он по обыкновению как знакомым дамам сделал посещение. Они его весьма ласково приняли; он их звал, когда им вздумается, к себе отобедать. Но поселившаяся в сердце искра любви стала разгораться, и он не мог далее отлагать, чтоб не начать самым делом предпринятого им намерения, хотя многие богатые и знатные невесты — вдовы и девицы — оказывали желание с ним сблизиться; но он позабыл всех и вследствие того на другой день, как у них был, послал записочку, в которой просил их к себе откушать и дать приказание повару, какие блюда они прикажут для себя изготовить. Сим он думал дать разуметь, что делает хозяйкою одну из званных им прекрасных гостий, разумеется, девицу, к которой записка была надписана. Она с улыбкою ответствовала, что обедать они с сестрою будут, а какое кушанье; приказать приготовить, в его состоит воле. Итак, они у него обедали; но о любви, или, простее сказать, о сватовстве, никакой речи не было.

На другой или на третий день поутру, зайдя посетить их и найдя случай с одной невестой говорить, открылся ей в своем намерении, и как не было между ними никакой пылкой страсти, ибо жениху было более 50-ти, а невесте около 30-ти лет, то и соединение их долженствовало основываться более

на дружестве и благопристойной жизни, нежели на нежном страстном сопряжении. Вследствие чего отвечала она, что она принимает за честь себе его намерение; но подумает, можно ли решиться в рассуждении прожитка, а он объявил ей свое состояние, обещав прислать приходные и расходные свои книги, из коих бы усмотрела, может ли она содержать, дом сообразно с чином и летами. Книги у нее пробыли недели две, и она ничего не говорила. Наконец сказала, что она согласна вступить с ним в супружество. Таким образом, совокупил свою судьбу с ней, добродетельной и умной девицей, хотя не пламенною романическою любовью, но благоразумием, уважением друг друга и крепким союзом дружбы. Она своим хозяйством и прилежным смотрением за домом не только доходы нашла достаточными для их прожитка; но, поправив расстроенное состояние, присовокупила в течение 17 лет недвижимого имения, считая с великолепными пристройками домов, едва ли не половину, так что в 1812 году, когда сии записки писаны, было за ними вообще в разных губерниях уже около 2000 душ и два в Петербурге каменные знатные дома.

В течение 1795 года он пытался еще лично проситься у государыни, хотя не в отставку, но в отпуск на год, для поправления своей экономии. Государыня ответствовала ему, что она прикажет записать о том указ в Сенате генерал-прокурору; но вместо того, состоявшимся чрез несколько дней указом, по случаю открывшегося в Государственном заемном банке расхищения сумм до 600000 рублев, определен он в комиссию для исследования той покражи. Президентом оной сделан главный директор того банка граф Завадовский; членами: правящий генерал-губернаторскую должность в Петербурге, генерал-поручик Архаров; главный директор Ассигнационного банка сенатор Мятлев; и Коммерц-коллегии президент и сенатор Державин. Случай сей

достоин подробнейшего описания. Когда объявлен указ о том следствии, что было на другой день Рождества 1795 года, Державин был во дворце. Г. Терский, бывший тогда генерал-рекетмейстером, докладчик по тяжебным процессам, имел влияние на все дела, частью явно и под рукою, быв близок к государыне. Он, подошед к Державину, отвел его на сторону и, с заклятием никому не сказывать, шепнул ему по дружбе, будто от себя, что когда открылась пропажа казны в банке, то граф Завадовский, ночью тайно вывез к себе в дом два сундука, один с серебром, другой с золотом, то чтоб он держал ухо востро и был осторожен.

Получив таковое важное известие, Державин рассуждал сам в себе: нельзя, чтоб Терский открыл ему такую тайну, без сведения императрицы; а потому и решился также под рукою сказать любимцу Зубову, и дабы испытать его, как он отзовется. Сей молодой временщик, хотя по обыкновению его не сказал ни да, ни нет; но на лице его написано было, что он не без удовольствия принял сие известие. Итак, Державин принял намерение действовать по сущей правде и доводить о сем чрез него до сведения государыни; ибо, что ему было известно, то всемерно, и она знала; но это так было искусно скрыто, что никаким образом участия ее в чем-либо дознаться было невозможно. С первого заседания комиссии, когда поручено было Державину написать вопросные пункты кассиру и кассирше банка, относительно первого — неисполнения должности, а второй — покупки и продажи весьма дорогих бриллиантовых вещей, приметил он, Державин, не только не равнодушие, но далее пристрастие президента к подсудимым; ибо он многие весьма нужные пункты вымарывал, а как и Архаров, будучи короткий приятель, по связи с Безбородкою, с Трощинским и с графом Завадовским, а Мятлев по ласкательству к Зубову, чтоб не обнаружить его видимого притеснения к подсудимому, так сказать, президенту,

молчали, то и Державин должен был на противоречия Завадовского соглашаться. Поелику ж таковыми слабыми или, лучше сказать, малозначащими вопросами ничего не открывалось, то и положено было мужа и жену Кельберговых увещевать чрез священника. Когда сей увещевал кассиршу, стоящую пред распятием на коленах, в виду ее мужа в отверстую дверь, бывшего в другой комнате наедине с Державиным, то сей последний, как с подсудимыми весьма снисходительно обращался и подавал даже надежду заступить их, где только будет возможно, то кассир просил его убедительно сказать ему его судьбину, что удержит ли он свое звание, как ему некоторые обещают. Державин ответствовал ему скромно и чистосердечно: что он человек умный, сам знает законы и свое преступление, то может решить сам свою судьбину, а он его угнетать не будет, зная, что без слабости или, лучше, попущения начальства в преступление сие, толь долго продолжавшееся, ему одному впасть было не можно, ибо он, кассир, месяцев чрез 6, ходя в кладовой сундук за замками и печатями прочих членов, вносил с собою в карманах завернутую простую бумагу в пакетах с надписями 10000 рублей и клал оные тайно в сундук на место тех, в которых хранились в том сундуке настоящие пакеты, а потому и не почитает он его столь виновным, как начальников. Сие ободрило преступника. Державин, видя то, просил его также приятельски, чтоб он ему сам открылся чистосердечно (обещая с клятвою никому не сказать и в дело не вводить то, что он ему по совести скажет). А именно — вывез ли Завадовский тайно из банка два сундука, как выше явствует, с серебром и золотом? Кельберг ответствовал: «Вывез». — «Каким образом?» — «Вот как: когда надобно было некоторую выдачу денег из того сундука сделать, и я со дня на день откладывал, ожидая взносу от кого-либо посторонних сумм, как то не раз бывало, дабы удовольствовать ту выдачу, потому что в сундуке

счисляющиеся 600000 рублей в пакетах с надписями, на каждом по 10000 рублей были все с пустыми бумагами; но как от сильного настояния членов невозможно уже было не открыть сундука, то с открытием оного и обнаружилось давно таившееся похищение. Главный директор, как скоро узнал об оном, тотчас побег, донес государыне, а между тем по наступившей ночи велел вывезть помянутые два сундука к себе».

Узнав Державин от кассира Кельберга сию важную тайну, держал свое слово, не открывал никому оной, пока, наконец, сама по себе по производству дела не открылась. По отобрании ответов от похитителей, мужа и жены, которая на казенные похищенные деньги покупала дорогие бриллиантовые вещи, дабы дорогою ценою продав оные, при торжестве Шведского мира государыне взнесть оные в банк, надобно было спросить членов банка — соблюдали ли они учреждения банковые относительно хранения казны и свидетельства оных. Тут вышел спор: Завадовский, Архаров и Мятлев говорили, что надобно, с прописанием вопросов, послать в банк сообщение; но Державин настоял держаться силы законов, кои предписывали о похищении казны производить строгое исследование, допрашивая подсудимых лично пред аналоем, а не чрез сообщения. Долго спорили и решили тем, чтоб спросить государыню. Поелику ж ей всех законов помнить невозможно было, то Державин, встав до свету, написал записку к Зубову, в коей прописал спор и закон, оный разрешающий. В обыкновенный час пришел Архаров с докладом. Государыня отозвалась ему, что не было никакой нужды докладывать о том, на что есть законы — «поступили бы по оным». После сего нечего делать! Должно было лично всех призвать в комиссию и дать им вопросные пункты; но как все за сие вознегодовали сильно на Державина, то он принужден был всеми возможными средствами умягчить их ярость, а для того и выдумал средство, чтоб на бумаге удовлетворить

закону, а на самом деле, противуборствующей себе стороне, в надежде, что вопрошаемые признаются чистосердечно в неисполнении их должностей, и в винах своих прибегнут к милосердию императрицы, прося у нее прощения. Вследствие чего, дав им каждому вопросные пункты, дозволил всем быть в одной комнате и, посоветовав между собою, написать их ответы. Они то и сделали; но вместо того, чтоб признанием вин или упущения своих должностей учинить следствию конец, они ответствовали, что все подробности правил банковых относительно хранения и свидетельства казны ими свято сохранены были, а каким образом пропали деньги, они не знают.

Таковое следствие — что ни денег, ни виновных не нашли — смешно было всякому; ибо кассир не мог невидимкою делать похищение, когда бы члены исполняли по законам свою должность, при себе его всегда пускали в сундук и в пакетах всякой раз сами пересчитывали деньги. А потому Державин, чтоб не быть самой комиссии виноватой в слабом исследовании, настоял уже, чтоб банковых членов в другой раз призвать и лично спросить всякого порознь, извлекши вопросы из показания Кельберга, жены его и прочих подсудимых, как-то: маклеров и иностранных купцов, которые прикосновенны были к сему делу переводом своих сумм в банк и продажею Кельбергшею и покупкою у ней бриллиантовых вещей. Нечего делать; должны были прочие члены на таковое Державина мнение согласиться; вследствие чего вторично призваны были в комиссию банковые судьи и прочие служители. Всякому даны были порознь вопросные пункты; но чтоб чувствительно не обидеть их и не допрашивать пред аналоем; то расставлены были в одной комнате в некотором расстоянии столы, и приказано было им всякому на своей бумаге писать свои ответы; но чтоб они не стакнулись попрежнему и открыли бы всю истину, то Державин ходил

между столами и надзирал за ними. Натурально чрез сей способ невозможно было уже им стакнуться. Писали, кто что ведал, между прочими советник Розанов показал, что два сундука с золотом и серебром вывезены были главным директором в его дом в самый день открытого в банке похищения, о чем объяснится ниже. Коль скоро прочтено сие, то Державин приказал ввести в присутствие Кельберга и, будто ничего не знал, спросил у него: «Правда ли, что г. советник Розанов показывает??» Кельберг отвечал: «Правда». Г. Завадовский побледнел. Записаны Розанова показание и Кельбергов ответ в журнал, которые в мемориях вседневно чрез Трощинского подносились императрице. Завадовский сказался больным и более двух недель не присутствовал в комиссии. Наконец, выехал, и как случилось в комнате только трое, он — г. Завадовский — Архаров и Державин, то первые двое униженным образом последнему кланялись почти в землю, упрашивали его, чтоб из мемориий показание Розанова вычернить и не доводить оных до сведения императрицы; но как это было бы против присяги, да и Зубов о сем уже чрез него знал, то он и не мог на толь изменнический поступок согласиться.

Таким образом, открыт стал главный преступник. А как императрица приказала взять с него объяснение, что это за сундуки и с каким были золотом и серебом, то и ответствовал он чрез Архарова, что то был лом, золотые старые табакерки и всякая серебряная посуда, которые содержаны у него были для лучшего сохранения в кладовых банка, то он и приказал вывезть, коль скоро приказал запечатывать банк, яко ему не принадлежащие вещи. Комиссия препоручила Державину о всем том, что по следствию открыла, написать к императрице доклад. Надобно было сообразить все обстоятельства основательно, не упустя ничего нужного и не примешать ничего постороннего, а паче как председатель сам был при-

косновен к делу, то, чтоб не зацепить его как-либо обидно и слишком выразительно, да также и не закрыть, а потому и требовалось великой осторожности, следовательно, и время. Но товарищи, а особливо Архаров сильно торопили написанием доклада, может быть, для того, чтоб не выработать основательно всех происшествий. Но как бы то ни было, доклад государыне подан; она отдала его в Сенат па рассмотрение. Там сильная партия г. Завадовского, то есть генерал-прокурор Самойлов, сенаторы Васильев, Колокольцев и прочие уговоренные гг. Безбородкою и Трощинским, постарались следствие представить будто неясным и нужным пополнить, вследствие чего передопрашиваны подсудимые, и записка, представленная в комиссию Кельбергшею от директора Зайцева, которою сей директор предостерегал кассира, дабы он держал ухо востро по случаю имеющего быть свидетельства в банке вследствие именного повеления императрицы, когда она, узнав, что кассирша чрез камердинера Захара Зотова предлагала ей, не угодно ли будет при Шведском мире для подарков купить дорогую бриллиантовую шпагу, то она, усумнясь, откуда кассирше взять толь драгоценную вещь, приказала главным директорам банков, а именно: Завадовскому — Заемный, а Мятлеву — Ассигнационный освидетельствовать и ей о целости казны репортовать. Мятлев в тот же час то исполнил, а Завадовский поручил сие первому управляющему директору Хатову, который, сколько открывалось по делу, был некоторыми вещами задобрен от кассира и к скорому свидетельству не приступил, а отложил оное до завтра и предуведомил Зайцева, второго директора, у которого в особливом надзирании была казна и кассир, а сей чрез вышепомянутую записку предостерег оного. Сим образом, обманули ложным свидетельством Хатова, а сей ложным репортом Завадовского, или они и сами все знали об употреблении казенных денег на покупку бриллиантовых

вещей; но только похищение казны не открыли, и Завадовский донес императрице, что казна цела.

Таковым проворством сие дело тогда было затушено; но после того, уже года чрез три, когда похищение сумм умножилось, вышеописанным незапным образом открылось. К самому сему соблазну торговать казенными деньгами поводом предполагать никого другого не можно, как графа Завадовского, потому что он, когда после графа Брюса сделан главным директором банка и при наступлении трети требовал себе жалованья серебром; но как положенные в оный банк серебром капитальные суммы, никуда по законам в расход не употреблялись, ибо напротив того процентами накоплены были, ибо в расход употреблялась медная монета, то при годовом счете и стало недоставать оной несколько тысяч рублей, которые перебрал себе в жалованье. А потому, чтоб пополнить оную, и выдумали средство: заемщикам в ссуду выдавать деньги не за указные 6, а за двенадцать и за 15 процентов, обращая сей излишек в наполнение серебра; но как мало сего г. Завадовскому показалось, что он жалованье свое получал серебром, а захотел еще оным пользоваться и сверх того чрез промен своих ассигнаций без всякого платежа лажа рубль за рубль, то и поставил он с своими, или с князя Голицына суммами вышепомянутые сундуки, один с серебром и золотом, а другой — с ассигнациями, из которых из одного в другой и переводили монету без всякой огласки, грабя заемщиков, как выше сказано лихвою процентов; но чтоб сие было тайно и не падало на счет банка, что он излишние берет проценты, то когда требовали заемщики в ссуду к себе денег, то всегда говорили, что денег в кассе нет и советовали приискать у купцов, чтоб они взнесли в банк потребную им сумму, а из оного и производили уже по обыкновенному канцелярскому порядку выдачу. Но как купцы (разумеется, большею частью иностранные) не находили сво-

их расчетов отдавать в банк свои суммы за указные проценты, то и платили им заемщики вышеписанные 12 или 15 процентов, которые разделяемы были с теми купцами и маклерами и с банком, или лучше с главным директором оного; а заемщики, давая обязательство на серебро, получали медными. Сим средством, серебряная казенная монета была в банке сохраняема. Завадовский променивал свои ассигнации на серебро, купцы, маклеры и банковые служители имели свой корм; одни заемщики терпели, и потому то кассир Кельберг, бывши употреблен в сей оборот, был у главного директора и прочих чиновников в великом доверии, и на сие-то надеясь, вошел он со вторым директором Зайцевым в толь короткую связь, что брали казенные деньги на покупку бриллиантов, дабы, продав их императрице с барышом, взнести в казну забранные ими суммы и сверх того иметь себе какой-либо прибыток. Вот истинная причина и развязка сего похищения, которые хотя довольно в докладе были видны, но без собственного виновных признания и явного в том доказательства, как не можно было их точно и обвинять; для того что с главного директора, яко с председателя комиссии, и ответов не брано и брать оных без особого именного повеления было не можно, то и предоставлялось сие разрешению императрице. Державин же с своей души упрек совести в слабом исследовании свергнул тем, что сделал на все ясные с своей стороны примечания и отдал их Зубову для донесения государыне. Отдал ли он их ей, того не известно, но только доклад по самую кончину ее пролежал у ней в кабинете нерешенным; а по воцарении Павла Безбородка с Трощинским так смастерили сие воровское дело, что Зайцеву и прочим будто за напрасное претерпение даны в награждение деревни, только кассир с женою сосланы в Сибирь, и то, как слышно, просто на житье, а не на каторгу.

Вот с какою верностью служат приближенные к государю вельможи, то как можно ожидать от них общего блага? Но возвратимся еще к остатку царствования Екатерины. В продолжение 1795 и 1796-го года случились с Державиным еще примечательные события.

Первое. По желанию императрицы, как выше сказано, чтоб Державин продолжал писать в честь ее более в роде «Фелицы», хотя дал он ей в том свое слово; но не мог оного сдержать, по причине разных придворных каверз, коими его беспрестанно раздражали; не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями; сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства.

Итак, не знал, что делать; но как покойная жена его любила его сочинения, с жаром и мастерски нередко читывала их при своих приятелях, то из разных лоскутков собрала она их в одну тетрадь, (которая хранится ныне в библиотеке графа Алексея Ивановича Пушкина в Москве) и, переписав начисто своею рукою, хранила у себя; когда же муж беспокоился, что не может ничего по обещанию своему сделать для императрицы, то она советовала поднести ей то, что уже написано, в числе коих были и такие пьесы, кои еще до сведения ее не доходили; сказав сие, подала, к удивлению его, переписанную ею тетрадь. Не имея другого средства исполнить волю государыни, обрадовался он сему собранию чрезвычайно. Просил приятеля своего Алексея Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмке приличные картинки (виньеты) и, переплетя в одну книгу, с посвятительным письмом, поднес лично в ноябре 1795 года. Государыня, приняв оную, как

казалось с благоволением, занималась чтением оной сама, как камердинер ее г. Тюльпин сказывал, двое суток; но по прочтении отдала г. Безбородке, а сей — г. Трощинскому, с каким намерением неизвестно. Недели с две прошло, что никто ни слова не говорил; но только, когда по воскресеньям приезживал автор ко двору, то приметил в императрице к себе холодность, а окружающие ее бегали его, как бы боясь с ним даже и встретиться, не только говорить. Не мог он придумать, что тому была за причина, наконец, в третье воскресенье решился он спросить Безбородку, говоря: слышно, что государыня сочинения его отдала его сиятельству, то с чем и будут ли они отпечатаны? Он, услышавши от него вопрос сей, побежал прочь, бормоча что-то, чего не можно было выразуметь. Не зная, что это значит, и, будучи зван тогда обедать к графу Алексею Ивановичу Пушкину, поехал к нему. Там встретился с ним хороший его приятель Яков Иванович Булгаков, что был при Екатерине посланником при Оттоманской Порте, а при Павле генерал-губернатором в польских губерниях. Он спросил его: «Что ты, братец, пишешь за якобинские стихи?» — «Какие?» — «Ты переложил псалом 81-й, который не может быть двору приятен». — «Царь Давид, — сказал Державин, — не был якобинец, следовательно, песни его не могут быть никому противными». — «Однако, — заключил он, — по нынешним обстоятельствам дурно такие стихи писать». Но гораздо после того Державин узнал от француженки Леблер, бывшей у племянниц его Львовых учительницей, что во время Французской революции в Париже сей самый псалом был якобинцами перефразирован и пет по улицам для подкрепления народного возмущения против Людовика XVI. Как Державин тогда совсем того не знал, то и был спокоен; но приехав от графа Пушкина с обеда ввечеру, услышал он от посетившего его г. Дмитриева, того самого, о коем выше сказано, что будто велено его секретно

(разумеется, чрез Шешковского) спросить, для чего он и с каким намерением пишет такие стихи? Державин почувствовал подыск вельмож, ему не доброжелательных, что неприятно им видеть в оде «Вельможа» и прочих его стихотворениях развратные их лицеизображения; тотчас, не дождавшись ни от кого вопросов, сел за бюро и написал анекдот, который можно читать в прозаических его сочинениях в V части, в коем ясно доказал, что тот 81-й псалом перефразирован им без всякого дурного намерения и напечатан в месячных изданиях под именем «Зеркало Света» в 1786 году, присовокупя к тому свои рассуждения что, если он тогда не произвел никакого зла, как и подобные ему иные стихи, то и ныне не произведет. Запечатав в трех пакетах при кратких своих письмах, послал он тот анекдот к трем ближним в то время к императрице особам; а именно: к князю Зубову (фавориту), к графу Безбородке и к Трощинскому, у которого на рассмотрении сочинения его находились. В следующее воскресенье по обыкновению поехал он в дворец, увидел против прежнего благоприятную перемену. Государыня милостиво пожаловала ему поцеловать руку, вельможи приятельски с ним разговаривали, и словом, как рукой сняло: все обошлись с ним так, как ничего не бывало. Г. Грибовский, бывший у него во Олонце секретарем, а тогда при императрице статс-секретарь, всем ему обязанный (а тогда его первый неприятель, который, как слышно было, читал пред императрицей тот анекдот), смотря на него с родом удивления, только улыбался, не говоря ни слова; но при всем том сочинения его, Державина, в свет не вышли, а отданы были еще на просмотрение любимцу императрицы князю Зубову, которые у него, хотя нередко в кабинете на столе видал; но не слыхал от него оных ни одного слова, где они и пролежали целый почти 1796 год, то есть по самую императрицы кончину.

А после оной, в царствование Павла, Державин, как ниже будет видно, быв в Государственном совете, имел случай чрез г. статс-секретаря Нелединского к себе их возвратить. В 1810 или 1811 году подарил их со своею надписью в библиотеку г. Дубровского, где и теперь они должны находиться.

Второе. При разделении с Пруссиею и Австриею Польши, именным указом 1795 года, данным Коммерц-коллегии, повелела таможенную сухопутную стражу перевесть на новую границу, именно с старыми таможенными чиновниками; но, как выше видно, что генерал-губернаторы старались всеми мерами присвоить себе власть сей коллегии по таможенным чиновникам и всем делам, то, будучи тогда наместником польских губерний, упоминаемый уже выше генерал-поручик Тимофей Тутолмин, не снесшись, ни с коллегиею, ни с президентом ее Державиным, определил своих директоров, цолнеров и прочих таможенных служителей. Старые, будучи тем обижены и лишены в жалованье своего пропитания, приступили с жалобами и воплями своими к президенту. Сей требовал от генерал-губернатора, по крайней мере, за известие списка, чтоб знать старым чиновникам, кому их должности отдавать. Но сей, надеясь на Зубова, которому он подлым образом ласкал и угождал, пренебрег его, ничего не отвечал, а прислал только без всякого своего подписания именный реестр чиновникам, с отметкою против каждого, по чьей рекомендации он определен, в которых значилось, что те определены по рекомендации князя, другие графа Валериана, третьи графа Николая, четвертые графа Дмитрия и прочих их родственников и приятелей. Такового презрения не только личного президенту, но и самой высочайшей воле императрицы, изображенной в сказанном указе, чтоб оставить старых чиновников, Державин не мог снесть и, надеясь сколько на справедливость, столько на верность наперсника к высочайшей своей обладательнице, что он подкрепит ее

волю, пошел к нему и показал, как тот присланный к нему не подписанный никем реестр, так и указ государыни, будучи твердо уверен, что он возьмет его сторону; но против всякого чаяния он стал оправдывать Тутолмина и с жаром выговаривал, что он напрасно идет по следам предместника своего, графа Воронцова, удерживая таможни и чиновников их под своей властью. Державин доказывал противное указом императрицы, объясняя, что предместник его, граф Воронцов, начальствуя таможнями и их чиновниками, поступал по своей должности; но любимец возражал противное, говоря, что князь Потемкин, его предместник (ибо тогда он, Зубов, был Таврическим губернатором), определял сам таможенных чиновников в вверенных ему губерниях, то и он также, а равно Тутолмин должен поступать. Державин говорил, что князь Потемкин был сильный человек и вертел дела, как хотел, то и ваша светлость по единому только своему фавору делать можете, что хотите, а он, напротив того, как человек без всякой подпоры, то единственно и должен исполнять волю государыни своей и законы, а ни чьего другого. Словом, чрез таковые противоречия вышел довольно громкий разговор, так что любимец оказал свое негодование, и Державин в горячности пошел прямо в покои к императрице, где, приказав доложить о себе, подал ей лично помянутый реестр о новых таможенных чиновниках с отметками, по чьей рекомендации они определены; донеся притом, что по указу ее должны оставаться при своих местах старые чиновники, но она изволит увидеть, что определены другие. Она, приметив, может быть, пасмурную его физиономию, сказала, что она рассмотрит. И несколько дней спустя, когда он случился в кавалерской, выслала г. Трощинского и велела ему сказать Державину, чтоб он не беспокоился по делам Коммерц-коллегии, она велит ее уничтожить, и действительно состоялся указ, в 1795 году, что Коммерц-коллегии более не быть, что

впредь коммерческие дела ведать казенным палатам тех губерний, где которые состоят, и что, наконец, для сдачи в архив старых дел остаться ей только до наступающего нового года. Державин тогда чрез господина Трощинского ответствовал, что воля ее величества — может она уничтожить и не уничтожить коллегию, как ей угодно, для него все равно; но только он рад, что избавился чрез то от такого места, которое много делает ему неприятного и за которое он, однако же, ответствовать был должен по законам. Были и после сего в продолжение остатка 1796 года некоторые ему по сей коллегии неприятности, между прочим, и по сообщениям Коллегии иностранных дел, что сия последняя отрекалась от своего сообщения в рассуждении нейтральной торговли с французами и обратила вину свою на первую; но всех каверз и кривошничества, разными министрами чинимых против Державина в продолжение царствования императрицы Екатерины, описывать было бы весьма пространно; довольно сказать того, что она окончила дни свои — не по чувствованию собственного своего сердца, ибо Державин ничем пред ней по справедливости не провинился, но по внушениям его недоброжелателей — нарочито в неблагоприятном расположении.

Конец же ее случился в 1796 году ноября в 6-й день в 9-м часу утра. Она, по обыкновению, встала поутру в 7-м часу здорова, занималась писанием продолжения записок касательно российской истории, напилась кофию, обмакнула перо в чернильницу и, не дописав начатого речения, встала, пошла по позыву естественной нужды в отдаленную камеру и там от апоплексического удара скончалась. Приписывают причину толь скоропостижной смерти воспалению ее крови от досады, причиненной упрямством шведского королевича, что он отрекся от браку с великою княжною Александрою Павловною; но как сия материя не входит своим

событием в приключения жизни Державина, то здесь и не помещается. Но что касается до него, то, начав ей служить, как выше видно, от солдатства, слишком чрез 35 лет дошел до знаменитых чинов, отправлял беспорочно и бескорыстно все возложенные на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ее повеления с довольною доверенностию; но никогда не носил отличной милости и не получал за верную свою службу какого-либо особливого награждения, как прочие его собратия — Трощинский, Попов, Грибовский и иные многие. Он даже просил по крайнему своему недостатку обратить жалованье его в пенсион; но и того не сделано до выпуску его из статс-секретарей. Деревнями, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кроме, как выше сказано, пожаловано ему 300 душ в Белоруссии за спасение колоний, с которых он со всех получал доходу серебром не более трех рублей с души, то есть 1000 рублей, а ассигнациями в последнее время до 2000 рублей, да в разные времена за стихотворения свои подарков, то есть: за оду Фелице — золотую табакерку с бриллиантами и 500 червонцев, за оду на взятие Измаила — золотую же табакерку, за тариф — с бриллиантами же табакерку, по назначению на билете ее рукою подписанному: «Державину», получил после уже ее кончины от императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за бесценнейшее всех награждений, что она, при всех гонениях сильных и многих неприятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, так сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать и явно над ними огласкою его справедливости и верной службы или особливою какою-либо доверенностию, которую она к прочим оказывала. Коротко сказать, сия мудрая и сильная государыня, ежели, в суждении строгого потомства не удержит по вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держались священной справедливости, но угождала своим окружающим, а паче своим любимцам, как бы боясь

раздражить их; и потому добродетель не могла, так сказать, сквозь сей закоулок[21] пробиться и вознестись до надлежащего величия; но если рассуждать, что она была человек, что первый шаг ее восшествия на престол был не непорочен, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ее страстей, против которых явно восставать, может быть, и опасалась; ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла к изгибам по своим прихотям с любимцами, а особливо в последние годы, князем Потемкиным упоена была славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скипетру своему новых царств. Поелику же дух Державина склонен был всегда к морали, то, если он и писал в похвалу торжеств ее стихи, всегда, однако, обращался аллегориею или каким другим тонким образом к истине, а потому и не мог быть в сердце ее вовсе приятным. Но как бы то ни было, да благословенна будет память такой государыни, при которой Россия благоденствовала и которую долго не забудет.

[21] В оригинале: «чесночник».

Отделение VII. Царствование Императора Павла

Ноября 6-го дня 1796 года поутру часу в 11-м получил Державин сведение от служившего при Кабинете надворного советника, бывшего прежде при нем секретарем Маклакова, что государыня занемогла (хотя тогда уже она, как выше сказано, от удара скончалась), и как это иногда случалось, то и уважения большого сия неприятная ведомость не имела, но после обеда, часу в 6-м, уведомился от товарища своего, сенатора Семена Александровича Неплюева, что она отыде сего света, то поехали они во дворец и нашли ее уже среди спальни лежащую, покрытую белою простынею. Державин, имев вход во внутренние чертоги, вошел туда и, облобызав по обычаю тело, простился с нею с пролитием источников слез. Вскоре приехал сын ее, наследник или новый император Павел. Тотчас во дворце прияло все другой вид: загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. Но описывать в подробности всех происшествий, тогда случившихся, было бы здесь излишне, ибо они принадлежат до государственной истории, а не до частной жизни Державина. Он на другой день вообще с прочими государственными чинами в сенатской церкви принес присягу; потом отправил все погребальные церемонии, быв не один раз дежурным как во дворце при теле новопреставившейся императрицы, так и в Невском монастыре при гробе покойного императора Петра III (ибо Павел восхотел соединить тела их в одной могиле в крепости Св. апостола Павла, в соборной церкви), и, наконец, и при самом погребении, оставаясь все сенатором и Коммерц-коллегии президентом. Но скоро вышел от императора указ о восстановлении на прежних Петра Великого правах всех государственных коллегий, в том числе и Коммерц, и в то же время поутру в один день рано, придворный ездовой лакей привез от императора повеление, чтоб он тотчас ехал

во дворец и велел доложить о себе чрез камердинера его величеству: Державин сие исполнил. Приехал во дворец, еще было темно, дал знать о себе камердинеру Кутайсову[22], и коль скоро рассвело, отворили ему в кабинет двери. Государь, дав ему поцеловать руку, принял его чрезвычайно милостиво и, наговорив множество похвал, сказал, что он знает его со стороны честного, умного, безынтересного и дельного человека, то и хочет его сделать правителем своего Верховного Совета, дозволив ему вход к себе во всякое время, и если что теперь имеет, то чтоб сказал ему, ничего не опасаясь. Державин, поблагодаря его, отозвался, что он рад ему служить со всею ревностию, ежели его величеству угодно будет любить правду, как любил ее Петр Великий. По сих словах взглянул он на него пламенным взором, однако весьма милостиво раскланялся. Это было в понедельник. Во вторник действительно вышел указ об определении его не в правители Совета, как ему император сказал, а в правители канцелярии Совета, в чем великая есть разница; ибо правитель Совета мог быть как генерал-прокурор в Сенате, то есть пропустить или не пропустить определения, а правитель канцелярии только управлять оною. Сие его повергло в недоумение, и для того во вторник и в середу, делая визиты членам Совета, искренно некоторым из них открыл, что он, будучи сенатором, не знает, как поступить, и для того решился попросить у государя инструкции. Ему сие присоветовали, тем паче как Степан Федорович Стрекалов сказал, что в первую Турецкую войну дана была покойною императрицею инструкция, но единственно на военные действия, а когда та война кончилась и начали вступать в Совет и гражданские дела, то государыня, первую инструкцию взяв, хотела издать другую; но по препятствиям, оказываемым князем Вяземским, день от дня отлагала.

---

[22] В оригинале везде: Кутайцову.

Настал четверг, то есть день советский. Державин, приехав в оный, не знал, как ему себя вести, и для того, не садясь ни за стол членов, ни за стол правителя канцелярии, слушал дела стоя или ходя вокруг присутствующих. По окончании заседания, князь Александр Борисович Куракин, встав, приказывал, что когда напишется протокол о делах, о коих рассуждали, то чтоб оный привез он к нему для поднесения императору. Сие его пуще смутило, ибо изустно слышал от государя, что он ему во всякое время с делами дозволил к себе доступ; а как он во все сии дни имел счастие с прочими членами Совета приглашаем быть к обеду и ужину его величества, то имел случай говорить и с самим Куракиным о своем намерении просить инструкции, дав ему почувствовать, что ему самому вход император к себе дозволил. Хотя сей вельможа на то был согласен, однако, как Державин опосле узнал, что он был им всем неприятен, ибо но собственному своего выбору, а не по их представлению государь посадил его в Совет. Вследствие чего и нашли они минуты сделать на него разные неблагоприятные внушения, как между прочим, что Державин низким почитает для себя быть из сенаторов правителем канцелярии Совета; что Вейдемейер, бывший тогда оным, считает тем себя обиженным. Но как бы то ни было, Державин, следуя твердо своему намерению, приехал во дворец рано поутру в пятницу просить инструкции. Его не допустили, потому что все утро занимал его, Павла, канцлер Остерман, и тут, как опосле слышно было, по направлению других, а именно графа Безбородки (ибо он сам был честнейший человек) вышесказанные сделаны императору внушения. По сей причине принужден был в пятницу ехать ни с чем домой, а в субботу, долго ожидав, был принят, казалось, довольно ласково. Он спросил: «Что вы, Гавриил Романович?» Сей ответствовал: «По воле вашей, Государь, был в Совете; но не знаю, что мне делать». — «Как не знаете, делайте, что Самойлов

делал». Самойлов был при государыне правителем канцелярии Совета, числяясь при дворе камергером. «Я не знаю, делал ли что он; в Совете никаких его бумаг нет, а сказывают, что он носил только Государыне протоколы Совета, потому осмеливаюсь просить инструкции». — «Хорошо, предоставьте мне». Сим бы кончить должно было; но Державин по той свободе, которую имел при докладах у покойной императрицы, продолжив речь, сказал: не знает он, что сидеть ли ему в Совете или стоять, то есть быть ли присутствующим или начальником канцелярии. С сим словом вспыхнул император; глаза его как молния засверкали, и он, отворя двери, во весь голос закричал стоящим пред кабинетом Архарову, Трощинскому и прочим, из коих первый тогда был в великом фаворе: «*Слушайте: он почитает быть в Совете себя лишним, — а оборотясь к нему: — Поди назад в Сенат и сиди у меня тем смирно, а не то я тебя проучу*». Державин как громом был поражен таковым царским гневом и в беспамятстве, довольно громко сказал в зале стоящим: «Ждите, будет от этого царя толк». После сего выехал из дворца с великим огорчением, размышляя в себе: ежели за то, что просил инструкции, дабы вернее отправлять свою должность — заслужил гнев государя, то что бы было, когда не имея оной, сделал какую погрешность, а особливо в толь критическое время, когда все прежние учреждения Петра Великого и Екатерины зачали сумасбродно без всякой нужды коверкать. В таковых мыслях приехав домой, не мог удержаться от горестного смеха, рассказывая жене с ним случившееся. Скоро после того услышал, что в Сенат прислан именной указ, в коем сказано, что он отсылается назад в сие правительство за дерзость, оказанную государю; а кавалергардам дано повеление, чтоб его не впускать во время собрания в кавалерскую залу.

Таковое посрамление узнав, родственники собрались к нему, и с женою вместе осыпав его со всех сторон журбою,

что он бранится с царями и не может ни с кем ужиться, принудили его искать средств преклонить на милость монарха. Не знал он, что делать и кого просить. Многие вельможи, окружавшие государя, хотя были ему знакомы и оказывали прежде благоприятность; но не имели духа и чувства сострадания, а жили только для себя; то он их и не хотел беспокоить, а по прославляемым столь много добродетелям и христианскому житию казалось ему лучше всех прибегнуть к князю Николаю Васильевичу Репнину, которого государь тогда уважал, и что, как все говорили, он склонен был к благотворению, то он и поехал к нему поутру рано, когда у него никого еще не было и он был в кабинете, или в спальной своей еще только одевался. Приказал о себе доложить; дожидался в другой комнате, и как они разделяемы были одною стеною, или дверью, завешенною сукном, то и слышен был голос докладчика, который к нему вошел. Он ему сказал: «Пришел сенатор и хочет вас видеть». — «Кто такой?» — «Державин». — «Зачем?» — «Не знаю». — «Пусть подождет».

Наконец, после хорошего часа, вышел и с надменным весьма видом спросил: «Что вы?» Он ему пересказал случившееся с ним происшествие; он показал презрение, и отворотившись, сказал: «Это не мое дело мирить вас с Государем». С сим словом Державин поклонясь вышел, почувствовав в душе своей во всей силе омерзение к человеку, который носил на себе личину благочестия и любви к ближнему; а в сердце адскую гордость и лицемерие. Скоро после того низость души сего князя узнали и многие, и император его от себя отдалил. Таковы-то почти все святоши; но как бы то ни было, Державин по ропоту домашних был в крайнем огорчении и, наконец вздумал он без всякой посторонней помощи возвратить к себе благоволение монарха посредством своего таланта. Он написал оду на восшествие его на престол, напечатанную во второй части его сочинений под надписью: «Ода

на новый, 1797 год», и послал ее к императору чрез Сергея Ивановича Плещеева. Она полюбилась и имела свой успех. Император позволил ему чрез адъютанта своего князя Шаховского приехать во дворец и представиться, и тогда же дан приказ кавалергардскому начальнику впускать его в кавалерскую залу по-прежнему.

Между тем в те дни, как он почитался в Совете, неприятели его смастерили выжить из Коммерц-коллегии, которая восстановлена в превосходнейшее достоинство, чем учреждена была с самого начала Петром Великим, ибо Коллегия от коммерции и Таможенная канцелярия, все заключалось в ней. Президентом пожалован тайный советник Петр Александрович Соймонов, и Державин, по исключении его из Совета, остался только в Сенате в Межевом департаменте, и там, когда случались спорные и шумливые дела, то он, шутя, повторял императорские слова: «Мне велено сидеть смирно, то делайте вы, как хотите; а я сказал уже мою резолюцию». Однако ж в сие время многие прибегали к нему утесненные, прося быть третейским судьею в их запутанных и долго продолжающихся тяжбах, и также отдавали себя и их имения по расстроенным от долгов их обстоятельствам. Хотя таковая общественная доверенность к нему началась еще в царствование Екатерины; но при Павле до такой степени возросла, что он имел в управлении своем 8 опек, а именно: 1-е, господ Фирсовых; 2-е, графа Чернышева; 3-е, князя Гагарина; 4-е, графини Брюсовой; 5-е, князя Голицына; 6-е, графини Матюшкиной; 7-е, генерала Зорича; 8-е, госпожи Колтовской, кроме посторонних, которые требовали от него советов: как то сенатор Самарин и граф Апраксин, для которых он писывал нарочито трудные бумаги. Хотя с имений, состоящих в его попечительстве, получал он ежегодного дохода до миллиона рублей, но не пользовался определенными по законам и пятью процентами, почитая низким

служить своему брату из-за платы. Касательно ж третейских судов важных и не важных, по именному указу и по обоюдному согласию тяжущихся, с посредниками и без посредников, решил близ сотни; но по именам их назвать трудно, а упомяну несколько знаменитейших. А именно назову: 1, покойного Евдокима Никитича Демидова оставшуюся вдову с детьми ее, с имением более миллиона; 2, графа Матвея Федоровича Апраксина с супругою его; 3, графа Федора Григорьевича Орлова с генеральшею Фирсовою; 4, графа Моценига с банкиром Судерландом; 5, английского купца Ямеса с компанею; 6, Анну Александровну Лопухину с ее деверем; 7, графиню Брюс с графом Мусиным-Пушкиным; 8, многих кредиторов графа Чернышева и князя Гагарина; 9, графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина с Иваном Ивановичем Шуваловым; 10, родных братьев Александра и Дмитрия Львовичей Нарышкиных в разделе между ними имения; 11, зятя их польского графа, по фамилии не упомню; 12, генерал-майора Маркловского с генералом прокурором Самойловым и прочими наследниками покойного князя Потемкина, и других многих, как выше сказано, о которых не упомню; но за не излишнее почитаю о некоторых из них по особливым происшествиям, в которых наиболее ознаменовался характер Державина, объяснить подробнее, как то:

Первое: граф Чернышев был поручен ему в опеку в чрезвычайно расстроенных обстоятельствах, так что имения далеко недоставало на расплату его долгов, из коих большая часть была несправедлива, а в том числе казенных до 200000 рублей. Нечего было делать, как отдать все движимое и недвижимое имение по разделам кредиторам, как то было предместник его, граф Сивере, ужо и сделал, но в таком случае толь знатный дом графов Чернышевых должен был повергнуться в бедственное уничижение; муж, жена, малые дети, кормиться мирским подаянием. Итак. Державин

решился императору послать письмо, в котором объяснил несправедливость долгов и незаконность обязательств, не только многих партикулярных, но и высшего казенного долгу; прося первые приказать разобрать в судебных местах, а во вторых если не вовсе не взыскивать, то, по крайней мере, без процентов. Такова смелая просьба в Павловы времена, чтоб опорочивать казенный долг, была не шутка. Все думали, что его пошлют в Сибирь; но против всякого чаяния получил удивительный рескрипт, в котором государь говорил, что, хотя и видит он представление попечителя справедливым, но почитает и сам себя банкротом, и для того повелевает государственному казначею казенный долг без процентов рассрочить на такое время, как из доходов можно будет заплатить его, без всякого залога под честное слово Державина; партикулярные долги сыновние, сумнительные, отослать на разбор судебных мест, а между тем родительские и справедливые долги заплатить, взяв суммы из банка вновь под залог имения. Таким образом, вдруг нерешимый узел всех долгов графа Чернышева развязался: 1-е) Казенный долг без залогу и без процентов рассрочен на 8 лет, потому что он был в самом деле несправедлив, ибо некто Диго, конторщик банкира Судерланда, взяв от Чернышева вексель на расплату его партикулярных долгов, не заплатя, взнес оный в кассу банкира на место полученных им из казны для пересылки в чужие краи, когда открылось вышеописанное банкротство банкира Судерланда, почему и стал граф Чернышев вдвойне должным — и казне, и партикулярным людям. 2-е) Партикулярных кредиторов обязательства сумнительные велел препроводить на рассмотрение судебных мест по законам. 3-е) Несмотря на запрещение, учиненное по сим обязательствам, приказано банку выдать сумму на имение графа Чернышева, доставшееся ему по наследству от родителей, и заплатить сперва долги родительские, а потом и сыновние,

которые окажутся не сумнительными. Вследствие чего Державин разобрал обязательства молодого графа Чернышева и, подведя законы, открыл их истинное достоинство, по какому должны они быть заплаченными или уничтоженными; созвал кредиторов чрез публики и, положа с одной стороны векселя их с примечаниями на оные, а с другой положа ассигнации, занятые из банка, оставшиеся за платежом родительских долгов, требовал их согласия, хотят ли они за несправедливые по законам получить половинные суммы или отосланы быть в судебные места для разбирательства по законам; поелику ж обязательства, как выше сказано, были беззаконные и сумнительные, то большая часть кредиторов и согласились с радостью принять половинные суммы обязательств; но несколько захотели подвергнуться судебному рассмотрению, которых оказалось не более как тысяч на сорок. Итак, одним разом масса на два миллиона долгов решилась, кредиторы были все довольны, а Чернышев остался в двадцатипятилетний срок в банк должен только до шестисот тысяч, да казне и партикулярным людям до 400, которые расписаны платежей в годы, и в правление Державина из доходов заплачены, оставалось только заплатить княгине Дашковой 18 тысяч рублей, в то самое время, когда, за платежом процентов в банке 50000, Чернышев получал доходу около 70000 рублей. Но при всем том, по привычке к роскоши и к мотовству, наскучил жить в довольстве и покое, пожелал быть свободным от попечительства. Вследствие чего Державин, взяв от него квитанцию в добропорядочном управлении имением его и в получении им по отчетам сумм, в 1807 или 1808 годах освободил его от своей опеки, и он, после того, продав несколько душ, за всем тем сделался должным не менее почти, как прежде.

Второе происшествие по третейскому разбирательству случилось не менее примечания достойное, означающее

характер императора Павла и Державина. Оно было следующее: князь Потемкин имел у себя в Польше местечко Дубровку, купленную у князя Любомирского, в которой была устроена им прекрасная суконная фабрика, которой управлял из приязни или лучше из раболепства армейский подполковник Маркловский. После же смерти князя вступили в наследство граф Самойлов с прочими сонаследниками и сонаследницами. Маркловский приехал к ним в Петербург для расчета по фабрике, и как в то время был граф Самойлов генерал-прокурором и в великом случае при дворе, то натурально и не весьма уважал управителя фабрики, и как он имел счет по неполучению обещанного жалованья и по прочим издержкам на князя, то Самойлов не только не заплатил ему требуемых им сумм, но, сделав притеснение, исходатайствовал от императрицы указ — чтоб счесть его в Могилевской казенной палате, будто по каченному управлению, куды и отослан был в кибитке под присмотром офицера. Натурально, в угодность сильного, может быть, сделаны ко вреду его многие натяжки; но как бы ни было, он считал себя обиженным и неудовлетворенным. В таком положении дело застала смерть императрицы. Обстоятельства переменились, Маркловский стал посмелее говорить и угрожать жалобою императору. Граф Самойлов испугался, и прибегли оба к посредству Державина, чтоб он разобрал их третейским разбирательством, который потребовал от них с каждой стороны объяснениев и документов, почему кто себя правит. Они представили кратчайшие, из которых, однако, примечались уже со стороны Маркловского излишние требования, а со стороны Самойлова спесь и самоуправство, что не хотелось ему и малого сделать удовлетворения. В таком случае не было надежды к добровольному примирению, а надобно было решить властию, которою обвиненный всегда почитается несправедливым. А потому и требовал посредник от них на

законном основании, от крепостных дел, записи, чтоб без всяких отговорок решение его исполнили. Маркловский на сие согласился, но граф Самойлов не хотел себя подвергнуть сему обязательству, а говорил, что он и без записи исполнит положение суда. Державин, знав его к колебанию склонный нрав, не хотел вотще употреблять труда своего; а для того от посредничества отказался.

Скоро после того двор отправился в Москву для коронации, и граф Самойлов туды поехал. Там снискал он, по своему старому знакомству и связям, придворных приятелей между приближенными императору, как-то: генерал-прокурора тогда бывшего, князя Куракина и прочих; а потому и мало заботился об удовлетворении Маркловского, который был принят в службу и находился в Твери комендантом. При возвращении двора в Петербург, снискал он, Маркловский, знакомство у известного господина генерала Дибича, вступившего в российскую службу из Пруссии и обучавшего гвардию строевым эволюциям на манер прусской, которого государь, по пристрастию к сей нации, подобно как и родитель его Петр Третий, очень любил. Почему, поруча в покровительство его и графа Палена, бывшего тогда военного губернатора, жену свою, отправился в Петербург, возобновил дело с графом Самойловым третейским судом; ибо по присутственным местам не было способу ни начать, ни продолжать его, ибо у Маркловского с князем Потемкиным не было никакого письменного акта на управление фабрикою, ни на положенное от него жалованье, ни на кредит делать долги на счет его; следовательно, только по совести приняв в документы некоторые письма и обстоятельства, что подчиненный волю главного своего начальника и толь могущего вельможи исполнять был должен поневоле, Маркловский право свое иметь мог. По таковым обстоятельствам, опять Маркловский чрез жену свою прибег к суду Державина, на что и Самойлов согласился.

Державин паки требовал по порядку доказательств с обеих сторон и записи; но не успел еще получить оных, как Марковский приехал в Петербург, привезя с собою для усмотрения императора мундирные образчики сукон, которые с опробованными не были сходны. Сим очень он угодил государю, и по сей-то причине генерал-кригскомиссар князь Сибирский был сослан почти без суда на каторгу в Сибирь, а Марковский получил доверие и, будучи у него в одно время в кабинете по предварению Дибича, а может быть, и графа фон дер Палена, осмелился пожаловаться на графа Самойлова о своей ему обиде и что он не может по своим просьбам нигде удовлетворения получить. Государь приказал Палену, чтоб Самойлов тотчас удовлетворил Марковского, а ежели он будет отговариваться неимением на тот раз денег, то чтоб сорвал с жены его бриллианты и отдал Марковскому. Граф Самойлов, услыша такое строгое повеление, бросился к графу Кутайсову, к любимцу камердинеру или гардеробмейстеру, который был в первых чинах и в Андреевской ленте, и также к возведенному им в генерал-прокуроры господину Обольянинову, прося, чтоб не столь круто поступили с ним, ссылался на зачатый им у Державина третейский суд. Сии два любимца упросили императора, чтоб он отменил приказание свое, данное графу Палену, и дозволил разобраться судом посредническим; но как записи еще не сделано было, то продолжалось дело несколько дней без производства. Марковский в одно утро просил Державина о скорейшем окончании; Державин ответствовал, что коль скоро запись будет, то он не умедлит решение. Марковский от него поехал в дворец. Там сам ли император спросил об удовольствовании его, или Марковский жаловался на продолжение; но только в то же утро, когда Державин приехал в Сенат, прискакал к нему без души адъютант императорский князь Гагарин, которого жена была фавориткой его величества, и объявил ему волю государя, чтоб совестное

дело Марковского с Самойловым непременно в тот день решено было в пользу первого[23], а ежели оно так не решится, то из имения его, Державина, Марковский удовольствован будет. Державин, получив такое повеление, изумился и хладнокровно с огорчительною усмешкою ответствовал: «Донесите Его Величеству, что воля Его исполнена будет; но в случае какой ошибки по скорости, не угодно ли Его Величеству будет принять пред Всевышним Судьею ответственность на себя?» Последних с горечью выговоренных слов, чаятельно, князь Гагарин, будучи весьма благонамеренный и добрый человек, не донес императору. Как бы то ни было, Державин в крайнем был смущении и не знал, как в несколько часов столь запутанное совестное дело, требующее осторожного соображения и в пользу непременно одного из тяжущихся беспогрешительно решить; поехал домой придумать какое-либо к тому удобнейшее средство. Нашел, что военный губернатор граф Пален был у него и хотел его видеть. По тогдашнему строгому и крутому правлению домашние перепугались, предполагая быть какому гневу государя; но тогда же получил письмо от него, г. Палена, который объявляет ему императора ту же самую волю, которую объявил и адъютант Гагарин, то есть, чтоб в сутки решить дело в пользу Марковского, в противном же случае пожертвует своим имением. Итак, тотчас призывает он к себе главного наследника графа Самойлова и всех других, бывших наличных в Петербурге, как-то: князя Юсупова, действительных тайных советников Петра Амилиевича и Шепелева, по доверенности супруг их, Василия Васильевича Енгельгардта и прочих, которым пересказывает словесное повеление императора и, наконец, письменное, полученное от графа Палена, предлагая, чтоб они или несправедливо решились удовлетворить хотя половиною иска Марковского, которого было 120

[23] В оригинале: последнего.

тысяч; то есть что причиталось ему получить, полагая по 7 тысяч на год будто обещанного ему князем жалованья; а другую половину 60 тысяч, то есть на счет князя без доверенности долгов, разным людям насчитанных, будет стараться имеющимися у него документами уничтожить. Все они на это согласились.

Итак, призвали Маркловского, который никаким образом не соглашался получить половину иска. Итак, что было делать? Приговорить весь заплатить крайняя была бы несправедливость, которая легла бы вечно на совести, а сверх того подвергнулся бы стыду и поношению, что из трусости, как низкого духа человек, предал в жертву бессильных сильному; с другой же стороны заступить невинность справедливым решением, отказав весь иск Маркловскому, как ни чем недоказанный, было бы в правление императора Павла крайнее неблагоразумие; а потому и придумывал способы, как бы кончить процесс миролюбием, а не своим приговором, и, наконец, по тончайшим соображениям всех здесь видимых обстоятельств, усмотрел, что пред тем за год было дело у тех же сонаследников с князем Любомирским, которого было местечко Дубровка, где была означенная суконная фабрика и продана князю Потемкину, и как деньги были не все заплачены, то происходил между тем князем и сонаследниками расчет в суммах, который решен третейским судом и конфирмован императором. Из сего решения видно, что все долги по Дубровке и фабрике принял Любомирский на себя, а прочие — то есть по обязательствам на имя князя Потемкина — граф Самойлов с сонаследниками, каковых дубровинских долгов насчитывалось тоже до шестидесяти ж тысяч; следовательно, и выходило само по себе, когда 60 тысяч наследники согласились заплатить добровольно, а шестьдесят тысяч приняты по третейскому суду, утвержденному императором, князем Любомирским, от чего он и отговориться

не может. Обе стороны на сие согласились. Вследствие чего и написал приговор, в котором сказано, что, по предложению Державиным миролюбия, платят они тотчас 60 тысяч, а достальные предоставляют получить с Любомирского по его в бывшем третейском суде согласию.

Сей приговор графом Самойловым и всеми сонаследниками подписан; но как пришло к подписке Маркловского, то он начал насчитывать и требовать 30000 рублей, говоря, что он без того не подпишет приговора, стращая графом Паленом. Тут Державин вышел из себя и, забыв строгость императорского приказания и покровительство Маркловского Паленом и Дибичем, сказал Маркловскому в лицо, что он бездельник, что иск его затейный, доказывается сие собственным его письмом, в котором он уведомляет одного своего приятеля, что он в ведомости на имя его показал должным князя Потемкина 18 тысяч рублей, то чтоб он сие, когда будет спрошен, подтвердил; но тот сего не подтвердил и отдал письмо его графу Самойлову, а сей Державину, при первом еще желании разобраться третейским судом, про которое он, Самойлов и Державин совсем было забыли; но при сем последнем разбирательстве Державин, вспомнив, не показал его с умыслу, дабы не показать Маркловскому вида, что он противной стороны, и не подать тем поводу к каким-либо клеветам и ухищрениям, при сильном покровительстве самого императора отдалить его от разбирательства сего дела, предоставляя себе то письмо показать при самом последнем решении и, изобличив Маркловского неожиданным образом в его плутовстве, сделать его безгласным, что он и сделал. Прочевши то письмо громогласно, спросил Маркловского, хочет ли он, чтоб то письмо показано было императору; словом, ежели он не подпишет миролюбия, он сейчас едет во дворец и уверен в правосудии государя, что он, Маркловский не только не получит своего иска, но будет отправлен

в Сибирь, как изобличенный бездельник. Маркловский, увидя свое письмо и твердую решимость Державина, защищавшего правдою невинность, затрясся, побледнел и, не говоря ни слова, подписал приговор. В 7 часов утра отправил Державин чрез графа Палена репорт государю и при оном, за подписанием обеих сторон тяжущихся, приговор, также при доношении в Сенат, и списки такие же дал на обе стороны. Таким образом, сие ябедническое дело кончено. Государь был очень доволен, что повеление его в толь короткое время исполнено, а Державин не подвергался никаким пересудам, ибо миролюбием, а не его одним приговором окончил оное.

В прошлом годе, пред сим делом, по той ли интриге, что должен был решительный приговор последовать в общем собрании Правительствующего Сената о взыскании с тамбовского купца Бородина по вышеупомянутому винному откупу 300000 рублей, по жалобе стряпчего, которого государственный казначей граф Васильев покровительствовал, да и вся партия графа Гудовича и Завадовского, и как боялись противного мнения Державина, по коего приказанию, в бытность его в Тамбове губернатором, губернский стряпчий вошел в иск на Бородина, то, бывши тогда генерал-прокурором, князь Лопухин, будучи упрошен помянутой партией, хитрым образом удалил Державина в Белоруссию в имение генерала Зорина, находящееся в Шклове, якобы по дошедшим на него до престола жалобам от тамошних евреев, или как известно всем было, что любимцу императора, вышесказанному гардероб-мейстеру Кутайсову, чрезвычайно хотелось то Зоричево имение за дешевую цену себе присвоить, а потому Лопухин как тесть Кутайсову, благоприятствуя ему в сем намерении, и избрал Державина как человека знающего дела и, по его мнению, жестокого к совершению сего их замысла, в чаянии тем два удара сделать: 1) удалить его от суда Бородинского дела; 2) угодить Кутайсову, который

Державина побочным образом чрез своих приятелей наклонял, чтоб, утесня Зорича, имение его ему за дешевую цену доставить. Итак, Державин должен был ехать в Белоруссию для следствия по жалобе шкловских еврееев на Зорича и для изыскания причин восстания некоторого селения противу нижнего земского суда, но указу губернского правления, долженствующего привести в исполнение приговор гражданской палаты, относительно ввода во владение некоторого помещика по гражданскому спорному делу. Приехав в Шклов, сколько ни старался изыскивать таких правильных причин притеснения жидов Зоричем, по коим можно было подвергнуть его не только лишению имения, но и суду обыкновенному; ибо если евреи имели какие-либо виды к жалобам на владельца, то он не менее на них в неисполнении их обязанностей; поелику же приказано было в повелении государя относиться в сумнительных случаях к его величеству, то и писал Державин к нему о многом, а сие ему тотчас наскучило, то чрез бывшего тогда генерал-прокурора Беклешова велено было ему, оставя следствие, возвратиться в Петербург, что он и исполнил, учиня исследование о показанном буйстве нижнему земскому суду деревни Березятни, которое произошло ни от чего более, как от несообразности польских законов с русскими; например, в польских не было ни губернского правления, ни градской, ни сельской полиций; судная и исполнительная власть заключалась в главном и поветовом судах нераздельно, и их только повеления исполнялись; а по русскому учреждению об управлении губерний палаты и уездные суды судили, но приводило в исполнение решения их губернское правление чрез капитанов-исправников и городничих, то когда по просроченной записи на деревню Березятню графа Толя предписало губернское правление отдать во владение помещику, имевшему запись; поверенный или приказчик графа по польским законам

цыдулою своею боронил или не допустил нижнего земского суда до исполнения указа, а от того вышла драка, в которой прибит капитан-исправник и служители сельской полиции. Изыскав сие, донес по приезде в Петербург с подробным объяснением сего неустройства Правительствующему Сенату; но к крайнему удивлению, ничего из сего не вышло к исправлению сего великого в земле беспорядка, от которого происходило не только много ссор и тяжб, но и самых убивств. В бытность генералом-прокурором старался было Державин о поправлении всех таковых неудобств, происходивших от разности законов, приобретенных завоеванием провинций; но с сожалением или стыдом признаться должно, что никто ни о чем касательно общего блага отечества, кроме своих собственных польз и роскоши, не пекся, то и было правление, так сказать, в летаргии или в параличе, и не знаю, что Бог сделает при наступившем теперь несчастии, или перевороте, одумаются ли правительствующие головы и приложат ли всевозможное попечение о должном во всех частях правления порядке и непоколебимости отечества.

В наступившем 1798 году Державин получил, по избранию самого императора, кроме вверенных опек графини Брюс, князя Голицына и госпожи Колтловской, новые комиссии, а именно в мае месяце велено было ему ехать в Вятскую губернию для следования посыланных туда сенаторов Ивана Володимировича Лопухина и Матвея Григорьевича Спиридова, которые в репортах своих императору донесли о некоторых сделанных ими положениях против законов и, не соответственно, данной им власти. Но Державин искусно умел от сей хлопотливой посылки отделаться, сказав, что он сей час готов ехать, но думает, что не будет никакой в том пользы, но, напротив, может выйти из сего новое следствие, для того, что один сенатор против двух сенаторов вероятия правительства не заслужит, ежели он и действительно найдет

какие их беспорядки, а лучше пусть Правительствующий Сенат, сообразив сделанное ими с законами и найдя их самые погрешности, их прикажет исправить — тогда они не столько могут обидеться, как тем, чтобы один равный им собрат сделал. Уважено было сие рассуждение, и посылка без всякого гнева императорского отменна. Но только лишь сия история прошла, поручена, по именному же указу, вышеупомянутая опека г-жи Колтовской, которая была вельми щекотлива, потому что император ее полюбил и хотел по его нраву круто благосостояние ее исправить; словом, опека сия в последствии времени, как ниже увидим, имела важное влияние на устройство всего государственного состава относительно производства дел. Не успел сего указа не только выполнить, но и собрать но нем нужные сведения об имениях и делах госпожи Колтовской, как получил еще именной указ ехать тотчас в Белоруссию и, по оказавшемуся там великому в хлебе недостатку, сделать такие распоряжения, чтоб не умирали обыватели с голоду. Ни денег на покупку хлеба, ни других каких пособий не дано, а велено казенные староста, пожалованные владельцам на урочные годы, поверить с их контрактами, и ежели где оные во всей силе не соблюдены, то отобрать те имения по-прежнему в казенное ведомство. Но и собственные владельческие крестьяне, ежели, где усмотрены, будут не снабденными от владельцев хлебом и претерпевающие голод, то, отобрав от них, отдать под опеку. Равно исследовать поведение евреев, не изнуряют ли они поселян в пропитании их обманами, и искать средств, чтоб они без отягощения последних сами трудом своим пропитывать себя могли.

Державин, приехав в Белоруссию, самолично дознал великий недостаток у поселян в хлебе или, лучше сказать, самый сильный голод, что питались почти все пареною травою, с пересыпкою самым малым количеством муки или круп.

В отвращение чего, разведав у кого у богатых владельцев в запасных магазейнах есть хлеб, на основании указа Петра Великого 1722 года, велел взять заимообразно и раздать бедным с тем, чтоб, при приближающейся жатве, немедленно такое же количество возвратить тем, у кого что взято. А между тем проезжая деревни г. Огинского, под Витебском находящиеся, зашел в избы крестьянские и, увидев, что они едят пареную траву, и так тощи и бледны, как мертвые, призвал приказчика и спросил, для чего крестьяне доведены до такого жалостного состояния, что им не ссужают хлеба. Он, вместо ответа, показал мне повеление господина, в котором повелевалось непременно с них собрать вместо подвод в Ригу, всякой год посылаемых, по два рубли серебром. «Вот, — сказал притом, — ежели бы и нашлись у кого какие денжонки на покупку пропитания, то исполнить должно сию господскую повинность». Усмотря таковое немилосердое сдирство, послал тотчас в губернское правление предложение, приказал сию деревню графа Огинского взять в опеку, по силе данного ему именного повеления. Услыша таковую строгость, дворянство возбудилось от дремучки или, лучше сказать, от жестокого равнодушия к человечеству, употребило все способы к прокормлению крестьян, достав хлеба от соседственных губерний. Также сведав, что жиды из своего корыстолюбия, выманивая у крестьян хлеб попойками, обращают оный паки в вино и тем оголожают, приказал винокуренные заводы их в деревне Лёгне запереть и прочие сделал распоряжения, сберегающие и пособляющие к промыслу хлеба. А как было уже это в исходе июня, и чрез два месяца поспевала жатва, то, разными способами пробавившись до оной, пресек голод. В течение сего времени, разъезжая но губернии, дал приказание капитан-исправникам и поветовым маршалам переосвидетельствовать все казенные староства и поверить их с контрактами; относительно же крестьянского имущества,

угодий, скота и пашенной земли, не остались ли оные у вас <у них?> против того количества, с каковым примяты из казны в частное содержание? А чтобы они сие сделали без всякого подлога с наилучшею верностию, то обещал репорты их и ведомости лично сам в селениях поверить с натурою, что он по некоторым важным староствам и учинил действительно и тем самым привел в такой страх предводителей, исправников, приказчиков и самых поселян, что никто не смел ничего солгать. Так же во время сего объезда своего собрал сведения от благоразумнейших обывателей, от Езуитской академии, всех присутственных мест, дворянства и купечества и самых казаков, относительно образа жизни жидов, их промыслов, обманов и всех ухищрений и уловок, коими они уловляют и оголожают глупых и бедных поселян, и какими средствами можно оборонить от них несмысленную чернь, а им доставить честное и незазорное пропитание, водворя их в собственные свои города и селения, учинить полезными гражданами, равным образом, как поправить в Белоруссии хлебопашество, которое весьма небрежно отправляется. Все таковые сведения, как об арендах, так и евреях, велел себе доставить к 1 сентябрю в Витебск, куды к сему времени приехав, сочинил о евреях обстоятельное мнение, основанное на ссылках исторических, общежительских сведениях и канцелярских актах; а об арендах — табель, из которой ясно видно, в каждом старостве какое число душ, земли, угодий, скота и прочего имущества было принято арендаторами из казны и действительно существующих.

В сие время получено именное повеление принять в свое попечительство вышесказанное шкловское имение генерал-майора Зорича, то между тем, как мнение о евреях и табель переписывались набело, ездил в шкловское имение для принятия оного в свое ведомство от опекунов, графа Толстого и помещика Чаплица. Сделав нужное там распоряжение,

поехал обратно в Шклов, а оттуда в Петербург в октябре месяце. Надобно заметить, что по сим трем поручениям, то есть прокормлению губернии, описанию старосте и описанию евреев, скорое и основательное исполнение императорских повелений, доставило Державину в августе еще месяце не только что в рескриптах монаршее благоволение, но и чин действительного тайного советника и орден, тогда бывший в великой моде, — Мальтийского Иоанна Иерусалимского. Случилась также и неприятность: дворянство за то, что велел он им кормить своих крестьян и наложил на имение Огинского опеку, сделали комплот или стачку и послали на Державина оклеветание к императору; но согласительные их письма переловлены и доставлены в Петербург. Император по пылкому своему нраву подумал, что замышляют на него бунт, приказал было, по сообщению Державина, военным начальникам, находящимся с полками в Полоцке, действовать военною рукою, но Державин представлениями своими его успокоил. Губернский только предводитель, статский советник Зарянко сослан был в ссылку в Тобольск; но едва туда доехал, то был освобожден по ходатайству Державина при вступлении на престол императора Александра.

Исполнением сих комиссий Державин пришел было у императора Павла в великое уважение и доверенность. Не успел он по повелению его возвратиться в Петербург, как и сделан паки президентом Коммерц-коллегии. В августе еще месяце на возвратном пути заехал в Гатчино и остановился, по благоприятству к нему тогдашнего генерал-прокурора Петра Хрисанфича Обольянинова во дворце, в его покоях. Тут хозяин объявил ему, что он президент коммерции, чего Державин до того времени не знал. Сей удивился и спросил, по какой причине пал на него сей выбор императора? Обольянинов ответствовал, что предместник его князь Гагарин подозревается им, Павлом, покровительствующим англичанам,

которых он не терпит, и не имеет к нему большой доверенности, то и нашел достойным вас.

«Но где же Гагарин?» — «Он сделан министром коммерции, а вы президентом с полною доверенностью». — «В чем же та состоит доверенность?» Тогда генерал-прокурор показал печатную инструкцию, из которой Державин усмотрел, что министр управляет коммерциею, определяет и отрешает непосредственно чиновников, смотрит за таможнями, делает предписание консулам, составляет торговые трактаты и тариф и предлагает по конфирмации коллегии, которая все его распоряжения исполняет, а буде усмотрит что противное законам и пользе государственной, доносит о том Сенату. В прочем, наблюдает порядок в производстве дел и хранит их в архиве. «Где же, — Державин сказал, — полная ко мне доверенность? Я не что иное, как рогожное чучело, которое будут набивать бумагами, а голова, руки и ноги, действующие коммерциею, — князь Гагарин». — «Так угодно было Государю», — изменясь в лице, ответствовал генерал-прокурор. Опосле Державин узнал, что государь имел полную доверенность к Державину по известному всем бескорыстию его и хотел президента коллегии по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобретения лучших средств к распространению оной; но по придворной интриге, что князя Лопухина дочь была любовница императорская, котороюпосредствовали ему по дружбе, с отцом князь Гагарин, следовательно, и состоял под покровительством ее, а потому в угодность ей сам император таковую инструкцию велели сочинить, или генерал-прокурор, в угодность ей же и Кутайсову, за которого сыном была дочь Лопухина, вместе с Лопухиным и Гагариным составили. Или император, зная строгие правила Державина следовать во всем законам и не уступать в том никому, то нарочно поставил его с князем Гагариным в таком соотношении, чтоб он с ним ссорился и выводил дела

его наружу, дабы удобнее ему было по пословице чужими руками жар загребать, а как сие ближе было других причин к истине, то Державин, переговори с Гагариным, условились не делать ничего прежде публично, пока друг с другом не согласятся, дабы не быть жертвами такого неприязненного замысла. Таким образом, пошло у них дело гладко и бесспорно. Пространно бы было описывать все несообразные повеления; но скажу вкратце о трех:

Первое. Приказал в коллегии, в общем собрании знатных купцов и адмирала Кушелева, сделать постановление о внутреннем судоходстве, то есть какой конструкции, где строить суда, к хождению по рекам удобнейшие; вследствие чего в собрании коллегия объявила свое мнение, адмирал свое, а купечество свое, и как в указе предположено не было, в случае разных мнений представить Сенату, а поднести прямо государю: то и вышла его резолюция, надписанная его рукою над всеми теми мнениями: «Быть по сему». Никто не осмелился спросить объяснения, так напечатано и публиковано.

Второе. Приказал непременно узнать, в какое время английских капиталов более у нас в России, нежели наших в Англии, для того, чтоб, как опосле открылось, в удобнейшее время наложить на их товары эмбарго; а как таковое же приказание прежде дано было и князю Гагарину, и, против всех политических просвещенных народов прав, отбираны были и ревизованы иностранных книги, по которым истины не нашли, для того, что они настоящие скрыли и представили поддельные, то Державину и не хотелось быть исполнителем такого, с одной стороны, несообразного, а с другой — бесполезного приказания; отговорился, но подвергнуть себя вящему гневу, нежели под какой князь Гагарин за то же самое попадал, не хотел, то, без всякого сумнения, чрез генерал-прокурора донес его величеству, что он сие тотчас исполнит. Вследствие чего и приказал всем маклерам всякой день в 6-м

часу поутру являться к нему и репортовать об своих записных книгах и куды сколько денег переведено ими в чужие край, хотя знал он, что таковою крутою, или лучше сказать, смешною экзекуциею верного о капиталах баланса узнать не можно было, ибо маклеры, с одной стороны, в книжках своих писать могли не всегда правду, а с другой — о переведенных в Россию суммах без купеческих книг и вовсе знать не можно было; но таковым шумным действием Державин думал, как говорится, бросить пыль в глаза императору, что приказания его ревностно исполняются, чем и был он безмерно доволен. Однако же не выдержал не только, что ни одного месяца, ниже недели, приказал наложить эмбарго.

Третье. Во время сего захвачения английских товаров пожаловался государю один лифляндский дворянин, что в Англии, будто несправедливо у него оставлен корабль с товарами до 700000 рублей простирающимися. Государь, не приказав ни переписаться, ни выправиться, ни с кем, велел английским купцам, здесь находящимся, заплатить сию сумму претенденту и поручил сие исполнить в 24 часа непременно Державину, который, с возможною кротостью и снисхождением, собрав тех купцов, объявил им волю императора; но как тогда сильный шел лед по Неве и никоим образом нельзя было им за деньгами переехать чрез Неву, которые у них в конторах хранились на Васильевском острову, то они дали честное слово, коль скоро станет река, взнесть деньги. Державин репортовал, что получил. Сие было дошло до государя, который велел истребовать их генерал-прокурору; к счастью, что в ночь река остановилась, деньги купцами взнесены и Державиным генерал-прокурору отосланы. Провидение его берегло во всяких таковых случаях; но возвратимся для некоторых не безважных обстоятельств, чтоб соблюсти цепь происшествий, к приезду Державина из Белоруссии в Гатчино.

Приехав, подал он чрез генерал-прокурора императору репорт о исполнении порученных им дел, приложа к оному мнение свое о евреях и табель о поверке старостинских имений более 80000 душ, из коей, как в зеркале, видно было состояние каждого, и как они приняты были из казенного ведомства. Государю он лично представлен не был, неизвестно для каких причин, а как сказывал господин Обольянинов, то для того будто, что государь отозвался: «Он горяч, да и я, то мы опять поссоримся; а пусть чрез тебя доклады ко мне его идут». Мнение же и табель приказал препроводить для рассмотрения в Сенат. Впрочем, хотя объявлено Державину было благоволение императора за совершение сих комиссий, однако примечал он сухость оного, потому что не отобрано в казну ни одного староства, чего, кажется, очень хотелось, ибо, за раздачею скоровременно и безрассудно, кому ни попало российских казенных дворцовых крестьян и польских аренд при восшествии на престол и коронации, нечем уже почти было награждать истинных заслуг и прямых достоинств, то и ожидали наполнение ущерба отобранием арендных староств как за неисправное содержание по контрактам, так и по другим делам, за неисполнение законов и обязанностей, и всякими новыми налогами за гербовую бумагу щечились и накопляли казенные имущества. Державин мог решительно отнятием большого количества имений и себе достать за труды тысячи две душ или, по крайней мере, одну, что ему, и обещано было; но он не хотел взять на свою совесть греха, чтоб у кого-либо описать старостию за несохранение контрактов, ибо, судя строго, никто из арендаторов оных в точности не сохранил, одни в той статье, а другие в другой, а отобрать у всех около ста тысяч душ и поднять на себя крик и вопль многочисленных, имеющих связи при дворе владельцев не решился, но предоставил императору самому, не скрыв пред ним истины кому-либо в понаровку, а другому

в обиду. Вот это-то и не полюбилось... подлые души, задушая глас совести, для своей корысти выслуживаются.

В сие же время вышесказанный временщик г. Кутайсов, бывший в покоях за генерал-прокурора, завел Державина в уединенную комнату и убедительно просил достать ему шкловское имение господина Зорича, по случаю попечительства его над оным, так же, как видно, по тайному ходатайству учрежденного; обещал ему сию услугу отплатить значительною благодарностью, да и под рукою одним евреем сказано ему было, что он получит за осмотр аренд две тысячи душ и орден Св. Андрея, в удостоверение чего и господин Перетц, известный ныне славный откупщик, неоднократно прихаживал к нему, и иезуитский генерал Грубер прашиван от Кутайсова; но Державин, следуя законному порядку, иначе сего сделать не мог, как испросить продажу имения с публичного торгу, за неплатеж долгов Зоричевых, которых простиралось до 2 миллионов, а имение было в Могилевской и Минской губ до 14-ти тысяч душ, то и надобно прежде чрез публики собрать кредиторов, а как на сие в законах положены сроки, то скоро сего и исполнить не можно, чем он пред Кутайсовым и пред Перетцом всегда и отговаривался, прося подождать, а там зависеть будет от них купить имение с публичного торга, которого, однако, всеми крючками и неправдами, при помощи сильной руки Кутайсова, в царствование Павлово, и иными хоть не законными средствами отнять у Зорича и доставить Кутайсову можно было; но Державин против совести своей не сделал и Зорича не продал, обнадеживая домогающихся со дня на день довести до публичной продажи; но как это продлилось, а равно и в Сенате рассмотрение об арендах, то и остался Державин от великих обещаний по своей богобоязненности, ни с чем, как только с добрым именем и доверенностью государя, в доказательство которой ноября 23 дня пожалован в финанс-министры.

Весьма удивился, что, быв коммерц-президентом в действительном служении не более двух месяцов и не успев еще войти в познание сей части, уже получает новую весьма обширнейшую, и важнейшую первой; но весьма странно казалось ему также и то, что граф Васильев оставался в прежней должности государственным казначеем, то не понимал, как ему быть финанс-министром при оном, и которое звание пред которым преимущественнее, и кто из них начальствовать должен был; а как Васильев его и по чину и по службе считался старее, то и не мог он быть под командою у младшего: финанс-министра звание было важнее государственного казначея. Словом, в такой путанице поехал объясниться с генерал-прокурором, но которого докладу писались и выходили государевы указы. Он ему доказал, что финанс-министров с самого начала политического образования России никогда не бывало, а в других государствах, сколько ему известно, в сей пост облеченный чиновник есть весьма великая особа: он изобретатель и распределитель всех государственных доходов и расходов, а государственный казначей не что иное, как счетчик оных, и то же самое, что была ревизион-коллегия, учрежденная Петром Великим, и до установления в 1779 году экспедиции о государственных доходах существовавшая; финанс-министр должен иметь особливую инструкцию, в которую, как в узел, должны входить все источники сил государственных. Императрица Екатерина отлагала от времени до времени оную, или наказ издать казенного управления, но не успела и так скончалась; а для того та экспедиция о государственных доходах и управлялась временным начертанием ее должности, поднесенным князем Вяземским, для сведения только императрицы, которое писал наскоро Державин.

Г. Обольянинов, вняв сему объявлению, доложил императору, который, отменя прежний свой указ, коим пожалован

был Державин в финанс-министры, наименовал его государственным казначеем, отставя г. Васильева вовсе от службы. Таковая на него опала произошла от каких-то сплетней, что не удовлетворил он выдачею какой-то суммы по желанию и просьбе Кутайсова, который за то и наговорил императору, что будто он утаивает всегда прямое количество в казначействе денег, заставляя терпеть недостаток даже военные департаменты. Сего было уже очень много возбудить гнев вспыльчивого и самовластного владетеля. Велено было тотчас сочиненную и поднесенную г. Васильевым тогда табель расписания доходов и расходов на наступавший год рассмотреть Державину. Поелику ж она составляется вкратце из многих перечней, взятых из ведомостей и счетов всего государства, то надобно было все просмотреть оные, чтоб удостовериться о точности расписания; но как в скорости сего никаким образом не можно было сделать, а император требовал, то Державин и не знал, что делать. Но взглянув на перечень Коммерц-коллегии, показывающий пошлинный доход, увидел, что показано оного было только 8000000, а в ведомости Коммерц-коллегии, тогда же от него поданной, значилось 10000000, то посему усумнясь, не мог взять на свой страх неисправности расписания, в табели изображенного, что и донес императору чрез господина Обольянинова. Вследствие сего велено было графу Васильеву подать императору счет за все время управления его государственною казною. Помнится, спустя два месяца, он подал, который тотчас велено было рассмотреть Державину, чего Васильев представить себе ее мог, полагая, что государь будет оным доволен, для того, что он в красных линейках и весьма чисто был написан.

Между тем Державин, обозревая производство дел государственных экспедиций, нашел чрезвычайную оных обширность, к отягощению только служащую, а никакой не приносящую пользы или прямого дела не исполняющую,

ибо велено было присылать ведомости на ведомости, как-то месячные, третные и годовые, и, кроме того, отчеты, которые никто как должно не рассматривал, откладывая день за день, то и была со дня учреждения экспедиции о государственных доходах более двадцати лет вся империя несчитанною. В рассуждении чего, чтоб сократить счеты, предложил Державин собранию всех экспедиций государственных доходов, то есть доходной, расходной, недоимочной и счетной, чтоб они дали свои мнения, какие ведомости, как не нужные и отягощающие прямое дело отменить, и какие оставить, а также, и изобрели бы кратчайшие и удобнейшие способы, каким образом каждый год непременно, не допуская до другого, ревизовать окончательно счеты всего государства; ибо без сего не можно удостоверить верховную власть о целости казны.

Собрание экспедиций об отмене излишних бумаг дало свои мнения, которые тщательно рассмотрев, государственный казначей утвердив, вошел с репортом в Правительствующий Сенат, прося о предписании всему государству, какие ведомости присылать и какие не присылать, что Сенат без всякой отмены и учинил. Касательно ж методы, каким образом сокращательно ревизовать и оканчивать счеты непременно каждого году, не откладывая до другого, тех способов и мер во время отправления сей должности не успел еще изложить; а потому и осталось, смело сказать можно, до сего дня государство, так сказать, бессчетным. Когда же присланный счет от императора, поданный ему от графа Васильева за время его управления, стал по книгам в государственной экспедиции поверять, то нашел не только по перечням каждой губернии, но и по валовой росписательной табели, поднесенной государю в том году, такие неверности и несходства, что никак не можно было удостовериться о целости казны государственной. Первый самый перечень по счету и табели был сбор с государственных дворцовых крестьян; в счете против кодированной табели было показано менее двумя миллионами, и как самого

Васильева не было, за болезнью якобы при сем случае в экспедиции, то и спросил Державин старшего члена, что после был сам государственным казначеем, от чего такое несходство и на котором перечне утвердиться должно. Он, замешавшись, не нашелся, как ответствовать, стал жаловаться и говорить, что якобы он судит экспедицию, чего ему указом не предписано, а велено только сверить счет с расписанием. Державин крайне такою дерзкою укоризною был тронут и вспыхнул, схватил себя за волосы и сказал, что «ежели вы хотите быть судимы, то тотчас сие исполниться может». В самом деле, стоило только показать императору несходство между двумя документами, то есть табелью, конфирмованною государем, и счетом, ему поднесенным также самим Васильевым, то без всякого сумнения отвезены были бы и Васильев, и все его советники в крепость; но Державин сего не сделал, а между тем Голубцов, оправясь, сказал, что несходство сие происходить может от того, что в табели, конфирмованной государем, с дворцовых крестьян доход был показан с полного числа душ, сколько их тогда действительно было, но как после того в наступающем году пожаловано оных крестьян более 300000 душ разным владельцам, то и сбор с них умалился, о чем докладовано было императору, и он в июне месяце того ж году сделал счисление своею рукою карандашом на записке, которая ему о том поднесена была, то в счете и выставлен перечень с той записки; а потому он с табелью и не сходен. «Где же записка?» — спросил Державин. «Не знаю, где завалилась», — ответствовал Голубцов. Наконец, по многом искании и суетам, нашли оную у него в доме, на коей карандашом императорскою рукою видно исчисление об уменьшении с сей статьи доходов. По сей причине Державин дозволил и другие несходства счета с ведомостью, поданной ему от экспедиции, поверить и объяснить, отчего происходит их разность, дав им на то довольно сроку. Граф Васильев, приехав к нему ввечеру, благодарил сквозь слезы за снисхож-

дение. Державин, забыв многие неприятности, делаемые ему во время тамбовских дел, которые много зависели от экспедиции о доходах, или паче от него, Васильева, по сильному его влиянию на дом князя Вяземского, припомня только слегка, что за ревностное его желание отправлять должность свою с точностью и не запускать без рассмотрения ведомостей, выгоняли его из службы; а когда его представления приняты были и об отчетах палат прилежнее пеклися, тогда бы сей напасти с ним не случилось; словом, ежели б Державин по строгому тому времени не спас Васильева, то бы он, конечно, погиб, потому что Кутайсов, а в угождение его и Обольянинов, на него сильно налегали и желали его совершенно погубить.

Сим самым Державин навлек на себя от них подозрение. Они заключили, что Державин Васильева покровительствует, и для того исходатайствовали у императора обер-прокурора для смотрения за делами экспедиции, чего ни прежде, ни после никогда не бывало; но мог быть учрежден государственный контролер совсем на других правилах, нежели обер-прокурор, и быть под начальством финанс-министра или государственного казначея, а не генерал-прокурора; но Обольянинов, по честолюбию своему, хотел и сию часть прибрать к себе под руки. Как бы то ни было, но объяснение несходств продолжалось более месяца, так что Кутайсов и Обольянинов зачали о том громко поговаривать, и Державин боялся, чтоб, снисходя Васильеву, себя самого вместо его не управить в крепость. Наконец, в марте месяце объяснения те кончились, и Державин в собрании всех экспедиций и обер-прокурора оных г. Михайлова рассмотрев, получил приказание поднесть императору на основании оных репорт, что и исполнил. Поелику он, г. Голубцов, убедительно его просил прежде поданные ему ведомости, изобличавшие неверность самих их и счетов, отдать ему обратно; то Державин, подумав,

чтоб не сочли его умышленным закрытелем какого-либо похищения казны, призвал обер-прокурора в собрание и спросил его, можно ли и согласен ли он те неисправные ведомости обратно выдать, в которых не находит никакой надобности, для того что репорт императору о целости казны подавался тогда не удостоверительно, а только к сведению, в каком состоянии найдены дела экспедиции и суммы по ведомостям ее; а когда по циркулярному письму Державина, опробованному императором и посланному ко всем губернаторам, яко к хозяевам губерний, о поверке наличных денег и высланных от оных в казначейства и о недоимках сведения получат и счеты к новому году обревизуют, тогда уже новым репортом о целости казны достоверно донесено быть может. Когда же обер-прокурор на сие предложение согласился и донес генерал-прокурору, тогда он прежде по записке сего обстоятельства в журнал репорт государю подал, в котором именно изображено, что книг записных и бухгалтерских за время князя Вяземского совсем не нашлось, что за Васильева время хотя и есть книги, но так многочисленны, пространны и сумнительны, что их в скором времени ни проревизовать, ни утвердить без справок до получения ответов от губернаторов никак не возможно, и что, основываясь только на ведомостях и объяснениях, поданных от экспедиции, за которые они ответствуют, поверка счетам графа Васильева сделана, и которые оказались друг с другом сходственны (потому что они соглашены последними объяснениями), и, наконец, что многих именных указов на отпущенные в расход суммы не отыскано. Вот в каком порядке найдено Державиным государственной казны управление, что можно видеть из помянутого его репорта, поданного императору, который и теперь чаятельно в целости находится в канцелярии Государственного Совета. По оному репорту докладовано было в Совете в присутствии наследника, то есть

ныне царствующего государя императора Александра Первого, 11 марта, то есть накануне кончины императора Павла. Наследник брал сторону Васильева и защищал его всевозможным образом не по существу дел, но по предупреждению о его исправности; а господин Обольянинов выказывал его неисправности, но уже слишком, по пристрастию угодить обвинением императору или, лучше сказать, Кутайсову. Державин балансировал на ту и другую сторону, подкрепляя сколь можно невинные ошибки и справедливость; но чем бы сия история в наступающий день по докладе императору, ежели бы он здравствовал, кончилась, неизвестно. Может быть, и Державин бы пострадал.

Здесь бы должно происшествия, случившиеся с Державиным в царство императора Павла, кончить; но некоторые, хотя частные, но примечательные по влиянию на все Кутайсова заслуживают распространения.

Первое. Производилось в Сенате в 1795 году или в 1796 году дело некоего господина Свищова, шацкого помещика, в сочинении им якобы подложной завещательной записи на имение покойной жены его, которую опровергал шурин его Енгалычев, под покровительством графа Мусина-Пушкина, обер-прокурора Святейшего Синода, который носил нарочитое благоволение покойной императрицы Екатерины. Он по своей ловкости домогся, что велено было сие дело рассмотреть в совестном суде. Енгалычев или, лучше, граф Пушкин избрал со своей стороны в посредники Державина и лишь объявил о том совестному суду, то явился к нему поутру рано граф Дмитрий Александрович (то есть Зубов) и от себя и от имени брата своего Платона Александровича, любимца императрицы, просил, чтоб он не ходил в посредники по Свищову делу со стороны графа Пушкина. Державин ответствовал, что он не может от того отговориться по учреждению о губерниях; Зубов возразил, что ежели не послушает

просьбы его, то знал бы, что он, брат и вся их фамилия ему враги. Подумав, что навлекать на себя неприязнь таких людей, которые ему благоприятны, и что по силе их не может он несходно с благоразумием помочь один правой стороне, а к тому ж, что тогда был не очень здоров, то и послал он в суд отзыв, что за болезнью посредником по сему делу быть не может. Спустя после того года два или три пришло то самое дело на решение Правительствующего Сената общего собрания. Стали докладывать; Державин тотчас усмотрел несохранение законного порядка в дарительной записи, данной Свищову от жены его, и по доверенности от нее, без собственного ее рукоприкладства, записанной человеком Свищова в записной крепостной книге (и другие видели, что та запись подложно составлена после смерти госпожи Свищовой), по горячему его характеру тотчас зачал прежде других сенаторов открывать мнение свое в пользу Енгалычева. Приметя сие, обер-прокурор г. Оленин тотчас против всякого порядка пресек чтение сего дела, сказав, что он имеет государственное нужнейшее дело предложить к слушанию. Не зная тому причины, все удивились, тем паче, что другое дело, которое стали докладывать, не имело никакой важности. Но тот же день ввечеру, часу в 12-м ночью, приезжал к нему г. Дольской — г. Кутайсова наперсник — и просил от имени его, чтоб был со стороны Свищова. Державин отговаривался всеми силами; но Дольской не отставал, убеждая обещаниями и угрозами от имени временщика: так, ежели он против Свищова будет, то сей сделается ему непримиримым врагом. Державин часа два бился и наконец, не могши отвязаться, сказал, что он скажется больным и в Сенат не будет. «Нет, — ответствовал Дольской, — вы непременно быть должны в присутствии, потому что знает Государь, что вы по сему делу убеждены были Зубовыми нейти в посредники; то, зная вашу правду, и смотрит он, на чьей стороне вы будете».

Видя такое усилие, от которого отделаться не мог, не раздражив временщика, принужден был сказать, что он последует большинству голосов. С сим Дольской и оставил его в покое, после которого, долго размышляя, не знал, как поступить, чтоб, не наруша правды, выйти с честию из сего скаредного дела. Но как оно было весьма сумнительно, что по совести могло быть так, а по форме или по канцелярскому обряду иначе; таковые сумнительные дела по указу 1714 года Петра Великого велено, не реша в Сенате, вносить на решение самого государя; то он и положил твердо поступать по оному. Вследствие чего, приехав на другой день в Сенат, застал уже слушаемым, и когда стали сбирать голоса, то он приказал подать указную книгу, в которой, приискав вышеупомянутый указ, прочел и увидел, что он последовал по делу известного и славного богатством сибирского губернатора князя Гагарина, который, за лихоимство и вопиющие притеснения, казнен был злейшею смертною казнью по указу того великого государя, а как он, Гагарин, в том указе самыми грубыми названиями был порицаем, и, к несчастию, на то время сидел в присутствии против самого Державина князь Гаврило Петрович Гагарин, потомок казненного Гагарина, державший сторону Свищова, то не мог он от стыда глаз взвести на него и сослаться на тот указ; а потому, не говоря ни слова, закрыл книгу, и когда подошел к нему секретарь спрашивать его мнения, то он, размысля, что хотя Енгалычев доказал несохранение законного порядка при записке в книге записи, но как о том, что верющее письмо завещательницы, данное человеку мужа ее, было подписано точно не ее рукою, в доказательствах своих нигде не говорил ни слова, то он, успокоя тем свою совесть, сказал секретарю: «Ежели большинство голосов будет на стороне Свищова, то и он с ними согласен». Чем самым и кончилось сие дело, которое может служить образцом, что в правлении, где обладают любимцы, со всею

честностию и правотою души и при всем желании последовать законам не всегда можно устоять в правде или по крайней мере поднять на себя невинно людей сильных, что нередко с Державиным случалось.

Второе. Виленский или минский губернатор Яков Иванович Булгаков уведомил двор в 1798 году, что тамошние обыватели делают потаенные стачки, неблагоприятные для России, а полезные для французов, и что некто Дембровский, набрав несколько полков поляков, ушел и присоединился к их армиям. Император по крутому своему нраву тотчас велел таковых заговорщиков ловить и привозить в Петербургскую крепость, где их в Тайной канцелярии допрашивали, а по допросе присланы на суд Сенату. Таковые были почти все из нижнего разбора людей, то есть попы, стряпчие и дробная шляхта, которые никакого уважения не заслуживали, потому что ежели они и были в чем виновны, то не иначе как по внушениям или подкупам сильных или богатых магнатов, которых они, не имея на них явных доказательств, принуждены были не выводить наружу. Их обвиняли изменою, потому что они присягали на русское подданство, и по российским законам приговаривали вместо смерти на вечную каторгу в Сибирь. По очереди пришло и до Державина давать свое о них мнение. Он спросил г. Макарова, имевшего дирекцию в Тайной канцелярии: «Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польского, учинили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?» — «Нет, — ответствовал Макаров, — они не только не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны». — «Почему ж так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собою разговоры о спасении от нашего владения своего отечества, и можно ли их винить в измене и клятвопреступлении по тем же самым законам, по каковым должны обвиняться в подобных

заговорах природные подданные? По нашим, кто вступал в заговор или слышал о том, да не донес, подлежит смерти. Мне нечего другого о них сказать, как то же самое; но если и были они когда верные подданные, спросите по совести у всех вельмож, которые о них подписали смертный приговор, то есть графа Ильинского, графа Потоцкого и прочих, которые тогда были сенаторами и присутствовали по сему делу в общем собрании, не то же ли и они думают, что сии осужденные. Придет время, что о том узнаете; чтоб сделать истинно верноподданными завоеванный народ, надобно его прежде привлечь сердце правосудием и благодеяниями, а тогда уже и наказывать его за преступления, как и коренных подданных по национальным законам. Итак, по моему мнению, пусть они думают и говорят о спасении своего отечества как хотят, но только к самому действию не приступают, за чем нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того их не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не казнить и не посылать всех в ссылку; ибо всей Польши ни переказнить, ни заслать в заточение не можно. Иное дело — главных заводчиков; посмотрите лучше на Дембровского, который выпросил у Государя привилегию на формирование полков, то, набрав их, он легко может то сделать, что и братья его, то есть уйти во Францию, или, когда подойдут французы, то, измена, присоединиться к ним. Вот зачем надобно неусыпно наблюдать, а не за тем, что попы и подьячие между собою в домах своих разговаривают, и за что их ссылать в ссылку». Г. Макаров тут же в собрании при Державине пересказал слышанное от него генерал-прокурору князю Куракину. На другой, то есть в воскресный, день, когда Державин приехал по обыкновению во дворец, Куракин, встретя его, улыбаючись, сказал, что государь приказал ему не умничать; а между тем, сколько слышно было, что судьба преступников облегчена и более не приказано забирать

и привозить в Петербург поляков в Тайную канцелярию, а там их за болтовню унимать по законам,

Третье. Покойною государынею пожалованы донским казакам земли, особою дачею отмежеванные, и план на них выдан, которые разграничил посыланный нарочно, не помню какой, генерал; но при императоре Павле произошли от смежных казенных и частных владельцев споры, так что надобно было некоторые русские крестьянские селения от них вывести или причислить к их станицам, а как сего никто не мог сделать, кроме государя, то подан был о сем от Межевого департамента доклад с описанием обстоятельств и сумнений, по коим испрашивалось разрешения. Государь посреди плана, на всех спорных местах, подписал своею рукою: «Быть по сему». Межевая экспедиция, получа, не знала, что делать, кому какое место отдавать и куды посредине живущих поселян причислить: к казакам ли или оставить попрежнему? Державин написал о сем краткую записку и отдал обер-прокурору, чтоб объяснился с генерал-прокурором, который жил тогда в Гатчине, который было обещал доложить императору; но после так струсился, что дал погонку и обер-прокурору, зачем он от Державина принимал записку. А потому и послан был бестолковый указ, по коему не знали, что делать; но после, уже при императоре Александре, дело сие поправлено, и дана особая грамота войску Донскому на те земли в 1811 году.

Четвертое. В начале царствования императора Павла генерал-прокурор князь Куракин выпросил себе и многим своим приятелям великое количество на выбор лучших казенных земель, которые у казенных поселян лишнее, сверх 8 десятин, отбирали даже под огородами, не только под пашнями, а те, кому они были отданы, продавали тем же самым поселянам рублев по 300 и по 500 десятину; и, таким образом, удовлетворяли ненасытную свою алчность; в то

самое время, когда Державин чрез Лопухина просил на обмен себе земли 200 только четвертей на Званку из ямской, противулежащей за Волховом дачи, у которых было излишних сверх 15 десятин, то и в том отказано. Когда князь Куракин и другие хищнически набили свои карманы, то будто из жалости и из сострадания, что у казенных крестьян мало земли, исходатайствовали указ, чтоб всех казенных крестьян наделить по 15 десятин на душу. И тогда пошло притеснение владельцев при решении дел, что начали отнимать не только примерные земли, но и писцовые, чтоб набрать недостаток в 15 десятин; а где в смежности нет, тем додавать и в дальнем расстоянии. Видя все сие, Державин, присутствуя в Межевом департаменте, нередко шумливал против генерал-прокуроров (князя Куракина и потом князя Лопухина), также и государственного казначея Васильева, что они так из пристрастия и корыстолюбия во зло употребляли щедроту государя; а как они сие ни во что ставили, то сочинил он известную в 3-й части его сочинений песнь.

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если свет за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много умных есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.

Распустил по городу, желая, чтоб она дошла до государя и чтоб его спросили, на чей счет оная писана, тогда бы и сказал он всю правду; но как они боялись до сего довести государя, чем бы открыться могли все их пакости, то и терпели, тайно злобясь, делая между тем на его счет неприятные императору внушения. Вследствие чего в одно воскресенье,

проходя он, Павел, в церковь, между собравшимися в прихожей зале увидев Державина, с гневным взором, по обыкновению его раздув ноздри, так фыркнул, что многие то приметили и думали, что, верно, отошлет Державина в ссылку или, по крайней мере, вышлют из города в деревню; но Державин, надеясь на свою невинность, пошел, будто ничего не приметя, в церковь, помолился Богу и дал себе обещание в хвалу Божию выпросить к своему гербу надпись: «*Силою вышнею держуся*», что на другой день и исполнил, подав в герольдию прошение, в котором просил себе написание грамоты с прибавлением вышесказанного девиза, потому что в гербе его изображена рука, держащая звезду, а как звезды держатся вышнею силою, то и смысл такового девиза был ему очень приличен, что он никакой другой подпоры не имел, кроме одного Бога; императору же сие могло быть непротивно, потому что силу Вышнего по самолюбию своему почитал он в себе. Герольдия поднесла доклад, и с сим девизом герб Державина конфирмован.

Пятое. Скоро после того, и помнится в первый день 1798-го или 1799-го года, генерал-прокурор Лопухин многим сенаторам, унижавшимся пред ним или ласкательствующим ему, выпросил лент; Державин же хотя он был старее других и более прочих трудился, однако обойден. Лишь только разнесся о сем слух в собрании при дворе, то услышался всеобщий ропот на неправосудие. Кутайсов или кто другой пересказал о том императору. Державин между тем, привыкнувший почасту сносить таковые обиды, поехал из дворца равнодушно обедать к графу Строганову, где и занялся бостоном до самого вечера, не хотя ехать во дворец на бал, куды хозяин сбирался. Приехавши домой, услышал, что приезжал придворный ездовой и именем императора звал его во дворец; не зная тому причины, весьма удивился и тотчас поехал. Лишь только входит в Егорьевскую залу, где уже начался

бал, то многие, встречая, сказывают: «Тебя государь спрашивал»; наконец, увидя его, генерал-прокурор князь Лопухин сказал: «Вам император намерен надеть Аннинскую ленту; но теперь уже поздно, то пожалуйте ко мне завтра поутру пораньше, я вас ему в кабинете представлю». Так и сделалось. Я к нему приехал, и вместе, в его седши карету, отправились во дворец. Он зачал, будто по доверенности, говорить, что государь давеча было, хотел надеть на вас ленту с прочими; но поусумнился, что вы все колкие какие-то пишете стихи; но я уже его упросил; итак, он приказал вас представить к себе сегодни. Державин поблагодарил, зная, что он его не рекомендовал, а может быть, и отговаривал; но когда голос публики отозвался в пользу Державина и дошел, то он, Павел, сам захотел, как из нижеследующего увидим, ознаменовать к нему свою милость. Приехав во дворец, несколько подождал в кабинетской комнате и скоро позван был в кабинет: государь вошел из противных дверей и набросил на него ленту. Державин успел только сказать, что ежели он чем виноват... но император, не дав договорить начатых слов, зарыдал и от него скороподвижно ушел. Из сего, не иное что заключить можно, что государь к нему был хорошо расположен; но злобным наушничеством и клеветою был отвращаем.

Шестое. Когда родился великий князь Михаил Павлович, то во время собрания при дворе знатных особ для поздравления граф Завадовский и господин Козодавлев, который тогда был обер-прокурор в Сенате, между радостными разговорами, при таковых случаях бываемыми, говорил Державину, чтоб он написал на день рождения царевича стихи. Он им обещал и в первое собрание привез с собою оду, которой тому и другому отдал по письменному экземпляру; а как сия пиеса имела некоторые в себе резкие выражения, как-то между прочим:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать врагов,
Но Богом на престол венчанну
Любить их должно, как сынов, —

то, натурально, и стала публика поговаривать, опасаясь, чтоб сочинителя в толь смутное время, каково было Павлово, не сослали в ссылку, либо какого другого ему огорчения не сделали; Державин в полном удостоверении о своей невинности, и будучи готов ответствовать, что он о хищнике престола говорил, а император воцарился по наследству законно, — то, не опасаясь ничего, не робел и, невзирая на разные неблагоприятные для него слухи, всюду выезжал. В наступившее воскресенье, приехав в придворный театр, встретился в дверях с Козодавлевым, то сей, увидев его, побледнел и бросился от него, как от язвы, опрометью прочь. В театре же, увидя его пред собою, на передней лавке сидящего, тотчас вскочил и ушел в толь отдаленное место, что его видеть не мог. Державин не знал, к чему приписать такое от себя приятеля удаление, которому он некогда и чин статского советника выпросил у императрицы Екатерины и всегда считал его себе привязанным человеком. Но после узнал, что страшные разнесшиеся слухи, что будто император гневен за оду, были причиною трусости г. Козодавлева, чтоб не почли его сообщником в сочинении оной. Итак, презрев такую низость души, был спокоен. Но на первой неделе Великого поста, когда говел Державин со своим семейством, в середу, видел неприятный сон, и хотя не верил никаким привидениям, однако подумал, чтоб не случилось с ним чего, говорил жене, чтоб она не пужалась от разносящихся слухов, а уповала на Бога. Но когда они были в церкви, то посреди самой обедни входит в церковь фельдъегерь от императора и подает ему толстый сверток бумаг; жена, увидев, помертвела. Между тем открыв сверток, находит в нем табакерку, осыпанную бриллиантами,

в подарок от императора присланную за ту оду, при письме г. статс-секретаря Нелединского, в коем объявлено ему от его величества высочайшее благоволение. На другой день, поехав в Сенат, находит в общем собрании г. Козодавлева, показывает ему табакерку, который с радостным восторгом бросается ему на шею и поздравляет с государскою милостию. Державин, отступя от него, сказал: «Поди прочь от меня, трус. Зачем ты намедни от меня бегал, а теперь целуешь?»

Седьмое. В 1798 году, когда напечатаны были в Москве в первый раз сочинения Державина, цензура тамошняя по строгому тогдашнему времени усумнилась напечатать, и не напечатала в оде «Изображение Фелицы» двух строк, а именно:

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Мог только упросить, чтоб для сих стихов оставили праздное место, и писал генерал-прокурору князю Куракину, говоря, что ежели Екатерина, будучи также самодержавная государыня, не только не воспретила, но с благоволением приняла сей стих; то для чего императору Павлу может быть неприятен, когда он не менее ее позлащает щедротами свой скипетр. Куракин докладывал по сему письму, и как Державин никакого не получил ответа, то во всех отпечатанных экземплярах и написал в пробеле сии два стиха своею рукою, не опасаясь толкования трусов.

Осьмое. Когда Державин возвратился из Белоруссии, то вскоре, по покровительству Кутайсова, которого тогда задобрили евреи, подала на него одна жидовка жалобу императору, единственно с тем, чтобы, оклеветав, замарать его в мыслях государя и лишить доверенности к мнению его, о них поданному. В той жалобе жидовка показывала, что будто Державин на вышепомянутом винокуренном Лёзнинском

еврейском заводе смертельно бил ее палкою, отчего она, будучи чревата, выкинула мертвого младенца. Но как Державин, быв на том заводе с четверть часа, не только никакой жидовки не бил, но ниже в глаза не видал, то и не знал о сей клевете до самой той минуты, когда, при приезде его из Коммерц-коллегии в Сенат, обер-прокурор Оленин показал ему объявленный генерал-прокурором именной указ, чтоб по той просьбе учинил рассмотрение Сенат. Крайне он удивился такой странной незапности и не верил ей, потому, что он поутру был у генерал-прокурора и ни слова от него о том не слыхал. Но, прочетши указ и просьбу, вспыхнул и сбесился, так сказать, до сумасшествия. «Как, — закричал он во весь голос при собрании,— здесь не законы управляют и не воля Императора; но прихоти Кутайсова и узденя его Обольянинова! На меня в то время внимать клеветам жидовки, когда все мои поступки в Белоруссии апробованы уже рескриптом Государя, и предавать меня с ней суду? Нет, я еду к Императору, и пусть меня посадят в крепость, а я докажу глупость объявителя таких указов, прежде нежели буду отвечать на жидовкину бездельничью просьбу». Оленин и прочие его приятели, схватя его за полу, дергали и унимали, чтоб он перестал горячиться. Он, опомнившись, хотел ехать к генерал-прокурору, но, не могши вдруг преодолеть своей запальчивости, просил г. сенатора Захарова, попавшегося ему в глаза на подъезде сенатском, чтоб он сел с ним в карету и проехался несколько по городу. Сей исполнил его желание и, в продолжение езды более двух часов, разговорами своими несколько его успокоил. По приезде пошел прямо в кабинет к генерал-прокурору, но сей, как видно, сведал о его чрезвычайном огорчении, тотчас вскочил с места и прибежал к нему, целовал даже его руки, прося успокоиться, доказывал, что указ, объявленный им, никакой важности в себе не составляет, что жидовкина клевета ничего не значит. «Нет, ваше превосходительство, я писал указы и знаю, как их писать, то

когда велено рассмотреть жидовкину просьбу, то само по себе, разумеется, что с меня против оной взять объяснение и решить но законам, стало — судить». — «Но как же этому помочь?» — сказал генерал- прокурор. «Поедемте со мною к Императору, пусть он сам рассудит и отменит свой неосторожный указ», — сказал Державин. «На что так далеко ходить, — с робостию говорил Обольянинов, — нет ли средства самим нам поправить?» — «Но записаны ли в Сенате, — спросил Державин, — все вами объявленные высочайшие повеления и собственноручный рескрипт государя Императора, которым апробованы дела мои и поступки, бывшие в белорусской губернии, по порученным мне комиссиям, а в том числе и по Лёзнинскому винокуренному заводу, на которые более трех месяцев жалобы ни от кого не было? Ежели записаны, то, как вы могли против государских благоволений поверить такой сумасбродной и неистовой жалобе и по ней докладывать?» — «Нет, — он сказал, — благоволения, мною вам объявленные, и рескрипт в Сенате не записаны». — «То объявите, — говорил Державин, — или я сам их объявлю, прежде, нежели по жалобе жидовки докладывано будет, а когда они запишутся, тогда, наведя о них справку, можете ими отвергнуть клевету еврейки, не требуя от меня объяснения на оную и не подвергая, так сказать, меня суду с нею». Так и сделали, и еврея, писавшего ей жалобу, приговорили за дерзость на год в смирительный дом. Но по восшествии на престол императора Александра Державин исходатайствовал ему свободу из оного.

Девятое. Накануне Крещения в 1801 году Державину рассудилось съездить отобедать в Пажеский корпус к князю Зубову (по возвращении его из удаления в Петербург), в котором он был назван главным директором. Просидев у него до вечера, поехали вместе во дворец, по обыкновению, для поздравления накануне императора с наступающим праздником.

Едва вступили в залу собрания, как услышал, что ищут его и зовут к императору. Он удивился, ибо выше сказано, что он не хотел с ним лично видаться, дабы себя и его не разгорячить. По вступлении в кабинет, государь, подошед и осмотря его с ног и до головы несколько раз, сам сел на софу и велел против себя ему сесть на стул, смотря прилежно в глаза. По некоторому молчанию, спросил: «Послал ли он воспрещение в Ригу о невыдаче французскому королю Людовику XVIII, живущему там, жалованья?» — «Послал», — ответствовал Державин. «Да полно, так ли и будет ли остановлено?» — «Конечно, — Державин сказал, — ибо коль скоро от вашего Величества получил вчерась чрез адъютанта князя Шаховского о том повеление, то тотчас отправил по эстафете в казенную палату повеление, а на другой день еще по почте; то надеюсь, исполнено будет». — «Хорошо», — сказал с грозным видом император и, тотчас откланявшись, отпустил его от себя. Державин не знал, что это значило; но после, как время объяснило случившееся происшествие, то кажется не иное что, как государь хотя ласкал в то время Зубова, но подозревал его себе недоброжелателем, и был он у него под тайным присмотром, а потому когда сведал, что Державин у него в тот день обедал, то спросил его незапно пред себя и глядел пристально в глаза, не покажет ли какого смущения, а чрез то не покажет ли своего с ним соучастия. Но как бы то ни было, Державин всякое воскресенье должен был ему посылать краткие репортицы о состоянии казны (то есть отчет о приходах и расходах оной в прошедшую неделю), которая так безмерными издержками истощена была и беспрестанно истощалась, что недоставало не только означенного казначейства сумм, но самых давних недоимок и долгов казенных, на счет коих принуждены были печатать новые ассигнации, и удовлетворять императора, который не хотел верить, что казна его в крайнем недостатке. В два месяца тогда сверх всех

штатных и остаточных сумм издержано было более 6 миллионов рублей как на посылку в Индию донских казаков, на строение Казанской церкви и прочие подобные затейливые издержки, так что, наконец, по невступлению в полном количестве ассигнованных доходов на военный департамент стали оказываться в оном недостатки, которые наполнить никоим образом было неоткуда. А как сие могло причинить государственному казначею великую беду, то в последний день царствования сего государя, по неожиданию от запрещений европейской торговли пошлинного доходу, Державин решился подать доклад императору и подал, чтоб напечатать миллионов 40 ассигнаций, скупить ими на бирже находящиеся купеческие товары и, тем оживив внутреннюю торговлю, воспользоваться сколько-нибудь от них пошлинами. Но за смертию императора, в ту ночь случившеюся, сего доклада не вышло.

Десятое. В навечерье сего страшного переворота Державин был у генерал-прокурора до 12-го часа ночи и как государственный казначей трактовал с ним и с купцом Рюминым о подряде соли во все российские города, по отдаче оной на откуп еврею Перетцу в полуденных губерниях из крымских соляных озер, и, положив на мере сию операцию, поехал домой; но часу поутру в осьмом на другой день вбегает к нему свояченица его, жена г. Нилова, который после был губернатором в Тамбове, жившая с мужем у него в доме, и сказывает, запыхавшись, что император скончался. Происшествие же не оставят описать историки; но Державин, по ревности своей и любви к отечеству желая охранить славу наследника и брата его Константина, которых порицали в смерти их отца, и тем укоризну и опасность отвратить империи, написал бумагу, в которой советовал хотя видом одним произвесть следствие, которым бы обвинение сгладить с сих принцев и наказать преступников хотя только удалением на время из

столицы, потому что ужасный их подвиг, впрочем, непростительный, предпринят был единственно для спасения отечества от такого самовластного и крутого государя, который приводил его своим правом к погибели; с которой бумагой и ездил раза три во дворец; но был приближенными, которые его держали, так сказать, в осаде, не допущен. Впрочем, о сем объяснится ниже, а здесь, за приличное только почитается сказать, что вместе с манифестом о восшествии на престол Александра состоялся указ, что государственным казначеем сделан опять по-прежнему граф Васильев, а Державину велено только присутствовать в Сенате.

Он получил от императора Павла следующие награждения: 1, за оду на рождение великого князя Михаила Павловича табакерку с бриллиантами; 2, такую же, за оду на Мальтийский орден; 3, крест бриллиантовый Мальтийский, за сочинение банкротского устава, в котором он участвовал с бывшим генерал-прокурором Беклешовым и настоящим, Обольяниновым, и князем Гагариным. Достойно заметить, что сего устава была наиболее цель воздержать дворянство от мотовства и делания сверх имения их долгов, а для того доверенность к ним в теснейшие сжать пределы, нежели прежде, то есть велено заемные письма писать у крепостных дел, а ежели и домовые могут быть письма, но по них взыскание чинить не иначе как по форме судом, и не скорым исполнением; купеческая доверенность по векселям оставлена в прежней силе. Державин же предполагал не иначе дворянину делать доверенность как по открытому листу, от правительства засвидетельствованному, где у кого какое недвижимое есть имение, таким образом, чтоб всякий заимодавец подписывался, сколько под какое имение кого ссудил, дабы последующий заимодатель мог видеть, не безопасно ли ему еще под то же имение заимобрателя ссудить. Ибо, например, кто в банке заложил по 40 рублей душу

или дом в третьей части настоящего капитала, а он несравненно дороже стоит, то по продаже и может без сумнения свои получить деньги; кто же недвижимых имений не имеет, тот может какого известного капиталиста упросить подписать за него свое поручительство, а тот уже порука за него своим имением ответствовать. Таким способом, все бы тяжбы долговые пресеклись, ибо доверенность была имению, а не лицу дворянскому; но купеческая доверенность, душа торговли, распространяясь, оставалась бы в своей силе. Но опосле сей устав разными толкованиями и каверзами ослаблен, так что ни доверия, ни скорого взимания кредиторам не доставлено.

Наконец, получил Державин еще награждение за поднесение расписания доходов на 1801 год, за что прежде государственным казначеям, предшественникам его, жаловалось по 100000 рублей, которые и тогда император приказал было выдать; но окружающие уверили государя, что по недавнему вступлению Державина в сию должность много такого награждения, и дано ему только 10000 рублей, а остальные 90000 рублей разделили по себе, как-то: Обольянинову 30000 руб., адмиралу Кушелеву 30000, князю Гагарину 30000; но Державин никогда ни от кого никакого не получал награждения и тем был доволен: хотя и чувствовал обиду, но скрыл в своем сердце.

Отделение VIII[24]. Царствование Императора Александра I

Как выше явствует, в ночь на 12 марта 1801 года император Александр вступил на престол Всероссийской империи. Первый манифест его был о вступлении на престол, в котором торжественно обещано было, что царствовать будет по закону и по сердцу Екатерины. В то же самое время состоялся указ, чтоб по-прежнему государственным казначеем быть графу Васильеву, а Державину только присутствовать в Сенате. По нескольких днях, по дружбе с Трощинским, Васильев получил всемилостивейший рескрипт, в котором, несмотря на то что не мог дать верного отчета казне, расхвалялся он чрезвычайно за исправное управление государственными доходами. Васильев, внеся сей рескрипт в первый Сената департамент, хотел потщеславиться оным, в укоризну Державину сказав: «Вот многие говорят, что у меня плохо казна управлялась! Вместо того сей рескрипт противное доказывает». Державин ответствовал: «На что вам, граф, грешить на других? А я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашею, из коего вам вовек не выдраться». Он закраснелся и замолчал. Последствие доказывает Державина правду, что часть сия в таком беспорядке, которого в благоустроенном государстве предполагать никак бы не долженствовало.

В дни царствования своего император Александр восстановил Дворянскую грамоту, нарушенную отцом его; совершенно уничтожил Тайную канцелярию, даже велел не упоминать ее название и производить секретные дела в обыкновенных присутственных местах и присылать на обревизование в первый Сената департамент. И как в то время случилось, что одного в Тамбовской губернии раскольника духоборской секты судили в неповиновении верховной вла-

[24] В оригинале этот раздел рукописи особо не выделен.

сти, который не признавал совсем государя, то уголовная палата и присудила его к смертной казни и наместо оной к жестокому наказанию кнутом и к ссылке в Сибирь на вечную каторжную работу; но как в угождение милосердию государя Сенат не хотел его осуждать так строго, то и не знали, что с ним делать, дабы, с одной стороны, не потакнуть ненаказанностию неуважению высшей власти, а с другой — не наказать и не обременить выше меры преступления точным исполнением закона. Державин сказал: «Поелику Императрица Екатерина в Наказе своем советовала наказание извлекать из естества преступления и как сущность вины его состоит в том, что не признает он над собою никого, то и отправить его одного на пустой остров, чтоб жил там без правительства и без законов, подобно зверю». Все на мнение сие согласились, так и сделано.

Как, при самом восшествии нового императора, генерал-прокурор Обольянинов сменен и определен на место его г. Беклешов, Трощинский же занимал место первого статс-секретаря и все дела шли чрез него, то и обладали они императором по их воле; и как скоро потом вызван из деревень своих граф Александр Романович Воронцов, бывший с покойным Безбородкою в одной партии, то, для усиления своего, и его к себе присовокупили. Словом, они ворочали государством; а чтоб Державин им ни в чем не препятствовал, то они выключили его из Государственного Совета под видом нового его преобразования. Некоторый подлый стиходей, в угодность их, не оставил насчет его пустить по свету эпиграмму следующего содержания:

Тебя в совете нам не надо:
Паршивая овца все перепортит стадо.

Державину злобная глупость сия хотя сперва показалась досадною; но снес равнодушно и после утешился тем, когда избранными в Совет членами, после его отставки, доведено

стало государство до близкой в 1812 году погибели. Началось неуважение законов и самые беспорядки в Сенате; осуждая правление императора Павла, зачали без разбора, так сказать, все коверкать, что им ни сделано. Первее всего разрушили контракт о крымской соли откупщика Перетца, рассматриванный в Правительствующем Сенате и утвержденный собственноручно императором. Державин, соблюдая святость законов, сильно противоречил против сего насилия в общем собрании, состоящем около 40 человек, говоря, что при первом шаге нововоцарившегося государя весьма опасно нарушать общественную доверенность. Но как генерал-прокурор, с одной стороны, был человек самовластный и наглый и дерзкий крикун, а с другой — подлый ласкатель политических видов, коими желал помрачить пред тем бывшее правление, и предложение свое, заготовленное для Сената, объявил апробоваиным уже государем, то все собрание согласилось с ним, и контракт был уничтожен. Хотя Державин доказывал, что таковое предложение было не в законном порядке, ибо когда было сказано, что оно апробовано государем, то кто мог вызваться против оного со своим мнением? Словом, Беклешов и Трощинский, бывшие тогда приближенные к государю чиновники и имеющие, так сказать, всю власть в своих руках, оказывали себя по прихотям своим всех выше законов, а как они между собою поссорились и, противоборствуя друг другу, ослабили свою в государе доверенность, то и сбили его с твердого пути, так что он не знал, кому из них верить. Подоспел тут граф Воронцов и, пристав к Трощинскому, по внушению которого он из деревни вызван, пошел против Беклешова, а как злоупотреблением законов генерал-прокурор присвоил себе всю власть, так сказать, самодержавную, то и Державин был согласен с графом Воронцовым на воздержание самовластительства генерал-прокурора.

При открывшемся случае он обнаружил о том свое мнение, а именно: вышеупомянутое дело госпожи Колтовской

как не было окончено по поданному мнению Державина и по голосу противному г. Захарова, то и было предложено оно в общем собрании к слушанию. Г. Беклешов, как и прежде, пристрастно держал сторону мужа ее, и по домогательству сего последнего избраны были в опекуны сенатор Алябьев и действительный статский советник Шнезе, угнетавшие г-жу Колтовскую; но по просьбе ее императора Павла, по словесному его указу, генерал-прокурором объявленному, переменены были те опекуны Державиным; то Беклешов в общем собрании и желал восстановить прежнее свое предложение, говоря, что прежняя опека утверждена письменным указом императора Павла, а последняя его словесным, то по силе законов последняя против первой и не может иметь своей силы. Державин хотя соглашался, что записной указ пред письменным был бы недействительным, но как принят уже был Сенатом в отмену первого, и притом первый лишал Колтовскую всего имения в противность коренных законов, без рассмотрения дел Колтовской с мужем в нижних инстанциях, то и настоял, чтобы с прописанием сих запутанных обстоятельств был поднесен доклад императору, и о сем хотел подать свой голос; но к удивлению его, дни чрез три подают прочесть конфирмованный доклад государя без включения его мнения, так что и имя его совсем было умолчано.

А как сие было против коренной привилегии Сената, или законов Петра Великого и Екатерины, в коих один голос имел равносильное право прочим, а разрешала спор единственно самодержавная власть государя, то, натурально, презрение такое, учиненное ему генерал-прокурором, его безмерно огорчило; и для того он тотчас написал письмо к бывшему тогда статс-секретарем Михайле Никитичу Муравьеву, человеку самому честнейшему и его приятелю, в котором просил его доложить государю императору, чтоб пожалована была ему аудиенция для объяснения по должности сенатора. Сие ему на другой день позволено, и когда он впущен был в

кабинет его, то вопрошен был, что ему надобно? «Государь, — Державин сказал, — Ваше Императорское Величество манифестом своим о восшествии на престол обещали царствовать по законам и по сердцу Екатерины; законы же Петра Великого, на коих основан Сенат, и сей Государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голос каждого имел право доставлять спорное дело на рассмотрение самого монарха, несмотря на мнение прочих, которые бы были с ним не согласны; а ныне г. генерал-прокурор Беклешов, по делу г-жи Колтовской, поднес доклад Вашему Величеству, не упомянув о моем противном прочим мнении, чем и учинил мне по должности презрение, то и осмеливаюсь испрашивать соизволения Вашего, на каком основании угодно Вам оставить Сенат? Ежели генерал-прокурор будет так самовластно поступать, то нечего сенаторам делать, и всеподданнейше прошу меня из службы уволить». Государь сказал: «Хорошо, я рассмотрю». Вслед за сим чрез несколько дней последовал именной указ, которым повелевалось рассмотреть права Сената и каким образом оные восстановить, подать его величеству мнение Сената. Вот первоначальный источник, откуда произошли министерства и разные установления Сената, которые хотя по сие время к народному исполнению совершенно не изданы, но произвели, как впоследствии увидим, много шуму и замешательств в общих делах империи, которых привесть в прежний порядок едва ли без сильного переворота возможно будет.

Возвратимся на стезю свою. При слушании сего указа в общем Сената собрании произошли разные мнения. Графы Воронцов и Завадовский весьма в темных выражениях или, так сказать, тонких жалобах на прежнее (разумеется, Павлово) правление словами Тацита, что «говорить было опасно, а молчать бедственно», хотели ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату, как-то: чтоб доходами располагать и свершать смертную казнь без конфирма-

ции государя и прочее. Господин Захаров толковал грамматический смысл некоторых слов в должности Сената. Державин хотя разделял обязанность правления, согласно учреждению о губерниях, на 4 власти, то есть на законодательную, судную, исполнительную и сберегательную, но соединял их, яко в центре, в единственной воле монарха. Но как, по словам Петра Великого, государь не ангел, не может один везде и все управить, то и распорядил на 4 должности, возложив их на лица министров, как-то: просвещения, или законодательного, судного, или юстиции, внутреннего; или исполнительного, оберегательного, или генерал-прокурора. Государю мнение его лучше всех прочих полюбилось, да и вышеупомянутым графам, желавшим присвоить себе власть государя, непротивно было, для чего они его и одобрили; ибо они, как со временем открылось, думали разделить оную по министерствам, до чего они, как впоследствии увидим, разными коварными хитростями почти и достигли и привели государство в такое бедственное состояние, в котором оно ныне, то есть в 1812 году, находится. Сие объяснится ниже по самым делам. Словом, государь приказал Державину чрез князя Зубова написать организацию, или устройство, Сената. Оно и написано в духе Екатерины, то есть сообразно ее учреждению об управлении губерний; ибо регламенты Петра Великого смешивали в себе все вышеупомянутые власти, то они и не могли делать гармонического состава в управлении империи. Хотя не удостоилась сия организация письменной конфирмации государя и не обнародована; но Державин получил в Москве при коронации за нее орден Св. Александра Невского.

Состав сей организации был самый простой. Сенат разделялся на две главные части, на правительствующую и судную. Первая называлась Правительствующий Сенат или Имперским правлением и заключала в себе все то, что при Екатерине

первый департамент, а для успешности дел он подразделялся еще на три отдела, как-то: на исполнительный департамент, или благочиния, на казенное управление, или финансы, на просвещение, или призрение и воспитание народное. Вторая, или судная, для успешности также подразделена на три отдела, как-то: на гражданский, уголовный и межевой департаменты; в случае разногласия каждые три составляли из себя общее собрание, и единогласные их решения были равносильны. По протестам, или жалобам, хотя могли их определения пересуживаться, но не иначе как по именному повелению императорского величества в общем собрании всех департаментов, то есть правительствующих и судных. Заведовали они: первый департамент, или Имперское правление, — полицейские дела и все вообще исполнительные, скорого решения требующие, точно как в губернии губернское правление; второй, или хозяйственный — приходы и расходы, ревизию счетов, коммерцию, банки, горные дела, мануфактуру и, словом, все, что заведывается в губерниях казенною палатою. Третий департамент — просвещения и народного призрения — заведовал в себе все то, что по губерниям приказы общественного призрения. Четвертый департамент, оберегательный — состоял из всех оберпрокуроров и прокуроров. Первый департамент или Имперское правление — должен был состоять под надзором исполнительного, или внутреннего, министерства; второй, судный — юстиц-министра; третий, просветительный — под министром просвещения; четвертый — под ведомством генерал-прокурора; которые министры, каждый по своей части, не иначе были как опекуны только и надзиратели за успешным течением дел и понудители оных, имеющие власть предлагать только своему департаменту и по утверждении его входить с докладом к императорскому величеству и ничего сами собою вновь постановляющего и решительного не делать, ни

наказывать, ни награждать. Обер-прокуроры на них могли протестовать к генерал-прокурору, а тот по важности дела собирать общее собрание всех департаментов и по рассуждении его указом императорского величества перерешать постановление департаментов. Словом, каждому министру была возложена обязанность пещись о лучшем устройстве и исправности части его посредством Сената, а никому не дано самому собою самовластно действовать, и все те власти из министерств стекаются к одному их центру, к государю, посредством генерал-прокурора. За сию организацию получил Державин в Москве при коронации орден Св. Александра Невского, как выше сказано.

Едва же приехал из Москвы, а именно в ноябре месяце 23-го числа ввечеру, Державин был позван чрез ездового к государю. Он предложил ему множество изветов, от разных людей к нему дошедших о беспорядках, происходящих в Калужской губернии, чинимых калужским губернатором Лопухиным, приказывал, чтоб ехал в Калугу и открыл злоупотребления сии формально обозрением своим как сенатор, сказывая, что по тем изветам нарочно посланными от него под рукою уже ощупаны, так сказать, все следы, и остается только открыть их официально. Державин, прочетши сии бумаги и увидев в них наисильнейших вельмож замешанных, на которых губернатор надеясь чинил разные злоупотребления власти своей, а они его покровительствовали, просил у императора, чтоб он избавил его от сей комиссии, объясняя, что из следствия его ничего не выйдет, что труды его напрасны будут, и он только вновь прибавит врагов и возбудит на себя ненависть людей сильных, от которых клевет и так он страждет. Император с неудовольствием возразил: «Как, разве ты мне повиноваться не хочешь? — «Нет, Ваше Величество, я готов исполнить волю Вашу, хотя бы мне жизни стоило, и правда пред Вами на столе сем будет. Только

благоволите уметь ее защищать, ибо все дела делаются чрез бояр. Екатерина и родитель Ваш бывали ими беспрестанно обмануты, так что я по многим поручениям от них (о которых выше сказано) хотя все, что честь и верность требовали, делал, но правда всегда оставалась в затмении, и я презираем». — «Нет! — с уверительным видом возразил император. — Я тебе клянусь, поступлю как должно». Тогда отдал он ему изветы и все бумаги от посланных от него потаенно для разведывания и поверки изветов, к нему доставленные, примолвив: «Еще получишь в Москве от коллежского советника Каразина. А между тем заготовь и принеси ко мне завтра указ к себе и к кому должно об открытии кратким обозрением злоупотреблений в Калужской губернии». Державин без огласки сие на другой день исполнил; принес к нему для подписания к себе указ, в котором было приказано отправиться ему секретно под предлогом отпуска в Калугу и там сперва поверить изветы с гласом народа, и когда они явятся сходны, тогда открыть формальное свидетельство губернии.

Вследствие чего на другой день, то есть генваря 5-го дня 1802 году, отправился он без огласки в Калугу и уже с места уведомил чрез генерал-прокурора для объявления Сенату, что он высочайше отпущен в отпуск, будто для обозрения графини Брюсовой деревень, которые находились у него в опеке. Таким образом, прибыл он в Москву, где получил от упомянутого Каразина нарочито важные бумаги, между прочим и подписку, секретно именем государя от калужского помещика и фабриканта Гончарова им истребованную, в том, что губернатор Лопухин у него, Гончарова, выпросил сперва заимообразно денег 30000 рублей, в которых на год дал ему вексель, и после, поехав будто осматривать губернию, заехал к нему в деревню и, придравшись к слухам, что будто у него в доме происходит запрещенная карточная игра, грозил ему ссылкою в Сибирь. Хотя бедный Гончаров с клят-

вою уверял, что у него азартных игр никаких не бывало, а игрывал он с женою и с домашними иногда в банк для препровождения времени по вечерам на мелкие деньги; но ничто не помогло, и велел он ему для допросов и следствия непременно явиться к себе в ближайший город Мосальск; а между тем чрез приверженного к себе, находящегося при нем секретаря Гужова, велел ему сказать, что ежели он помянутый вексель уничтожит и не будет от него денег требовать, то он следствие производить не прикажет. Бедный Гончаров, будучи человек с природы честной жизни, богатый и видя себя в такой напасти во время Павлово, когда по наветам сплошь многие люди подвергались разным несчастиям, и зная притом, что губернаторская свойственница, генерал-прокурора Лопухина дочь Анна Петровна была императорская любовница, обробел, не зная ни от кого себе против голь сильного врага защиты и покровительства; согласился на требование и, возвратясь домой из Мосальска, отослал вексель с приказчиком своим в Калугу губернатору, который после того, при вступлении на престол императора Александра, отправляясь в Петербург и имея крайнюю нужду в деньгах, занял еще у него, Гончарова, 3000 руб. и дал в оных вексель. Гончаров все сие в помянутой секретной подписке, писанной его собственною рукою, под присягой объявил Каразину; а сей отдал оную в Москве для обличения преступника Державину, как равно и другие бумаги, доказывающие преступления губернатора.

Снабденный таковыми от императора и Каразина, приехав в Калугу, остановился на квартире, Каразиным приисканной, в доме у купца Бородина, градского головы, человека честного, и великую доверенность в городе имеющего. От него и от прочих, приходящих к нему, разведал он об всех поступках и злоупотреблениях губернаторских, сказывая о себе, что он отправился в отпуск, едет в деревню графини Брюсовой

и намерен в Калуге несколько дней отдохнуть. Так он сказывал о себе губернатору, вице-губернатору, архиерею и прочим чиновникам, приезжавшим к нему с обыкновенными визитами, и между тем как слухи городские сходными явились с изветами, то из имеющихся у него бумаг приготовил он, кому куда следовало, вопросы и предложения и, отплатя всех визиты, приступил к делу. Приехав в губернское правление, велел позвать губернатора, и когда он прибыл, то объявил ему указ о свидетельстве дел в губернии, и как уже у него заблаговременно обо всем, что нужно к открытию истины, то есть о людях и бумагах потребных, заготовлены были предложения губернскому правлению, то и не теряя нимало времени на канцелярскую проформу велел он, приведши к себе, тотчас представить и дела и чиновников, произведших оные. Тотчас все исполнено, даны вопросы, по коим и ответы должны были дать на расставленных столах, не выходя из комнаты, в которой сам он, расхаживая, наблюдал, чтоб не было каких стачек и канцелярских уловок. Таковое быстрое следствие не могло не обнаружить истины. Открылись злоупотребления губернатора: в покровительстве смертоубийства за взятки помещиком Хитровым брата своего родного, за что он в подарок давал губернатору на 75 тысяч ломбардных билетов; в отнятии имения безденежно у помещицы Хвостовой в пользу городничего Батурина; в требовании взяток себе и в разорении чугунного завода купца Засыпкина и в прочих неистовых, мерзких и мучительских поступках, в соучастии с архиереем, о чем подробно описывать было бы здесь пространно. Каковых, как-то важных уголовных и притеснительных, дел открыто, следующих до решения Сената и высочайшей власти, не говоря о беспутных, изъявляющих развращенные нравы, буйство и неблагопристойные поступки губернатора, как-то: что напивался пьян и выбивал по улицам окны, ездил в губернском правлении на коне верхом,

приводил в публичное дворянское собрание в торжественный день зазорного поведения девку, и тому подобное, каковых распутных дел открылось 12, да беспорядков по течению дел около ста. Но как злоупотребитель власти губернатор был сам в губернии и управлял оною, то и не смели сельской и градской полиции чиновники доводить в точности на своего начальника; что они повеления его исполняли, то само по себе затмевает некоторые истины; а потому Державин, послав нарочного курьера в Петербург, испросил у императора позволение удалить губернатора от должности и препоручить оную до указа вице-губернатору.

Не был без действия со своей стороны и губернатор. Он отправил тайно нарочного курьера к своим покровителям — к генерал-прокурору Беклешову, князю Лопухину, Трощинскому, Торсукову и прочим его приятелям — с письмом к императору, в котором в защищение свое взводил разные клеветы на Державина, говоря, что будто он завел у себя тайную канцелярию и жестокими пытками домогался на губернатора от разных лиц обвинения; в числе коих вышеупомянутого Гончарова так мучил, что он, не стерня пыток, умер. Надобно знать, что в сие время сей Гончаров, в самом деле, скоропостижно от апоплексического удара кончил жизнь. Причина чему была следующая. Когда Державин приехал в Калугу, то чрез несколько дней явился к нему Гончаров, был представлен от Демидова и Крупенникова, тамошних дворян, кои были в числе сжрытых изветчиков государю императору о происходимых злоупотреблениях в Калуге. Державин, показав вышеупомянутую его руки секретную подписку, взятую от него Каразиным, спросил, подлинно ли его рукою оная писана. Гончаров ответствовал, что он ту бумагу писал. «Чего ж он хочет?» Он ответствовал: «Взыскания с губернатора сумм, насильством от него взятых». Державин сказал, что хотя бы он и по той подписке мог учинить

исследование; но поелику она Каразиным взята у него именем государя по секрету, то и неприятно ему таким инквизиционным средством бесславить кроткое царствование владеющего государя; а потому и желательно бы было, ежели он только намерен производить иск на губернатора, чтоб подал ему формальное прошение с доказательствами; ибо мог он по секрету чрез Каразина объявить императору за тайность поступок, учиненный им, губернатором, но не хочет иначе производить на нем иску денег. Гончаров на сие согласился и в самом деле неделю спустя привез прошение, в его доме человеком его писанное и подписанное его рукою, в котором ссылался на свидетелей, жаловался на губернатора в ругательстве за мнимую, чинимую якобы им картежную игру и в домогательстве у него помянутой суммы, которую просил взыскать. Державин, приняв от него сию бумагу, будучи занят тогда отправлением почты, просил его обождать, чтоб объясниться о свидетелях, в просьбе упомянутых, вышел в другую комнату. Гончаров, седши на стул, дожидался, и чрез несколько минут стала у него из рук выпадать шляпа, что видели сидевшие в той же комнате за столом канцелярские служители; он раза два поднял ее, садился по-прежнему на стул, наконец, в третий раз подняв, вышел в сени, и тут случился ему удар, так что он чрез весьма короткое время, не могши выговорить ни слова, скончался.

Итак, сей незапный и довольно странный и поразительный случай неприятели Державина умыслили обратить ему в обвинение, по доносу губернатором к императору, который удостоверял, что будто он произошел от жестокости допросов, учиненных Гончарову. С возвратившимся нарочно посланным к императору курьером с помянутым донесением об открывавшихся подозрениях на губернатора, по коим требовалось его от должности отлучения, прислал император и подлинную жалобу губернатора, столь нелепыми кле-

ветами наполненную. Государь хотя приказал удалить губернатора от должности, но с удивлением требовал объяснения против жалобы его. Державин, благодаря за доверенность, ответствовал, что в обвинении его, как по своему собственному делу, оправдываться сам не будет, а предоставит вице-губернатору, вступившему в должность губернатора, собрать подсудимых в губернское правление и спросить в присутствии председателей палат, каким образом они были при допросе изнуряемы и мучимы, и, что окажется, записав в журнал, донести прямо государю. Таким образом, сие исполнено. Но к великому удивлению, Державин получил тот журнал, из которого он усмотрел, что совсем другим образом учинено исполнение. Вместо призыва подсудимых и осведомления, какими они муками и истязаниями при допросах принуждаемы были к оклеветанию невинности, определено было в том, о чем уже они опрашиваны, вновь передопросить и дополнить другими людьми их показания, то есть сызнова следствие переследовать. Сие было сделано вице-губернатором из трусости, от угроз из Петербурга сильных людей, что он хотел дело запутать. Но Державин дал другое предложение правлению, объяснив, что ему должно призвать только бывших у него в допросе людей и спросить, чем и как они им были угнетаемы, а не вновь производить и оканчивать следствие, что не его есть дело, а уголовной палаты, когда высочайшее на то повеление последует. И так, наконец сделано. Державин между тем, собрав сколько возможно поспешнее показания допрашиванных, за скрепою их по листам собственными руками, и уклонясь от новых доносов и просьб едущих просителей из уездов, ибо были бесконечны, отправился чрез 6 недель своего следствия из Калуги в Москву и там, остановись недели на две или на три, изготовил по каждому делу порознь для государя императора докладные записки, а также и обстоятельное объяснение

против жалоб губернатора, доведенных приятелями его до государя, которое кратчайшим образом доказывало лжи и клеветы, на него изведенные.

С сим запасом прибыл в Петербург в первых числах апреля. Приехав во дворец, приказал доложить; но не был принят, а приказано приезжать на другой день. Будучи допущен, увидел суровую встречу государя, который сердито сказал ему: «На вас есть жалобы». — «Я знаю, Государь, — сказал Державин, — вы мне изволили прислать их подлинником...» — «Для чего же это?» — «Я вас теперь, — ответствовал Державин, — пространным объяснением не обеспокою, которое извольте прочесть со временем, не торопясь, а теперь смею только представить подлинный к Вашему Величеству репорт губернатора от 31 генваря, в котором он вам доносит, что жестокими моими поступками в заведенной мною тайной канцелярии губерния вся встревожена и что он ожидает дурных последствий от народа». — «Так, — государь сказал, — я этот репорт видел и послал его к вам. Что вы мне на него скажете?» — «Я ничего не скажу, — сказал Державин, — а вот другой такой же репорт губернатора ко мне от того же самого месяца и числа, в котором он меня уведомляет, как повседневно то делал, что в губернии все обстоит благополучно». — «Как! — вскричал государь, взглянув на тот и на другой репорты. — Так он бездельник! Напиши указ, чтоб судить его». — «Нет, Государь! — возразил смело Державин. — Позвольте мне теперь не повиноваться». — «Как?» — «Так, когда вы изволили во мне усумниться, то не угодно ли будет вам лучше удостовериться во мне и приказать пересмотреть мое следствие, нет ли в нем каких натяжек к обвинению невинности». — «Хорошо», — и в ту же минуту приказал составить комитет, назначив в него членами графа Александра Романовича Воронцова, графа Валериана Александровича Зубова, графа Николая Петровича Румянцева и его, Державина, для объяснений в случае каких неясностей, сказав, чтоб, рассмотря в подробности все бумаги,

вошли бы к нему с докладом за общим всех подписанием и заготовя притом и проекты указов, кому и куцы какие следуют.

Таковым рассмотрением комитет занимался с лишком 4 месяца; каждого дела порознь следствие и каждую бумагу наиприлежнее прочитывал и поверял с подлинными показаниями подсудимых, и за подписанием правителя комитета г. Постникова, который после был обер-прокурором Сената в 3-м департаменте, определял журналом, какое дело должно быть уважено и замешанные в оном какие преступники должны быть подвержены суду и какое оставить без уважения. Таковых важных дел нашлось 34; а признанных неважными, как выше сказано, 12, в том числе признано таковым же, по просьбе Державина, и ложный репорт на него государю, который, но строгости законов, хотя должен бы быть наказан смертию; но он, как в собственной обиде, не хотел производить иску. Словом, по рассмотрении всего следствия не найдено не только притеснений или домогательств подсудимым, тем паче каких истязаний, но даже везде и ко всем великое снисхождение, так что и недоброжелательные к нему члены пришли в удивление. Граф Воронцов, как старший член, поднес доклад комитета и просил указов, которые действительно состоялись в Сенате 16 августа, коими велено было губернатора Лопухина и соучастников его (дополня, буде где нужно, следствие) судить по законам.

В продолжение сего рассмотрения Державин получил довольно небезважное поручение от императора. Вышеупомянутый Каразин, будучи человек умный и расторопный, хотя, впрочем, не весьма завидной честности, имел доступ к государю. Он показывал в Москве к нему писанные такие благосклонные или, лучше сказать, дружеские рескрипты, что могли всякого привести в удивление доверенностию к нему монарха. Приобрел он сие, живучи в Москве, уведомляя его

о московских всякого рода происшествиях и о вышесказанных калужских злоупотреблениях, как выше явствует, по изветам безыменных лиц, к сведению императора дошедших. Между тем как производил Державин, по его разведываниям в Калуге следствие, успел он из Москвы прежде его приехать в Петербург и тут узнать о тяжебном важном деле, находящемся уже в Государственном Совете, между некоторою госпожою Надаржинскою и Кондратьевым. Сей последний опровергал ее брак и дочь, вне брака зачатую, чем он приобретал после ее мужа, а своего дяди, великое недвижимое и движимое имение, в Малороссии находящееся. Разные были мнения на той и на другой стороне, а сильнейшая партия тогдашнего времени, то есть вскоре по восшествии на престол императора Александра, как-то: г. Зубова, была на стороне Кондратьева. Каразин сведал о сем деле, и хотя он прежде был на стороне племянника, но, узнав, что вдова имеет дочь лет 13, которая, по утверждении законности ее рождения, могла быть богатая невеста, имеющая в приданое более 5000 душ, то и вознамерился ходатайствовать за нее, с тем чтоб получить ее себе в замужество. Он подольстился к матери, и хотя чрез переписку, весьма ласкательную, не получил точного обещания о получении руки ее, но весьма великую надежду, с тем, что ежели он ее дело исходатайствует, то и приобретет ее склонность. В таком намерении умел он внушить государю, чтобы ежели дело Надаржинской, в которой он, как сговоренный невесте, берет участие, по запутанности обстоятельств и пристрастию членов Совета, поручить рассмотрению г. Лагарпа, учителя государя, который был тогда в Петербурге, и Державина, как людей совестных и знающих юриспруденцию, то они ему удобнее представят наилучшее мнение. Император на сие соизволил, и граф Валериан Александрович Зубов, который, как выше явствует, был за Кондратьева, привез к Державину, когда он совсем не ожидал, сие дело при записке Каразина с высочайшим повелением,

чтоб он представил свое мнение, хотя один, для того, что Лагарп уже уехал во Францию.

Поелику сие дело такого было щекотливого содержания, что, с одной стороны, но гражданскому закону, то есть уложению, строго воспрещено выблядкам вступать в наследство и принимать фамилию отцов; а по духовным правилам позволено привенчивать при совершении браков незаконных детей, или, так сказать, усыновлять, как известно, что многим таковым император дал фамилию родителей и право после них наследства, да и знатный пример был в России, что императрица Елисавета Петровна привенчана была при совершении брака Петра I и почиталась законною, а притом, судя по совести, что когда новорожденная, спустя после брака два месяца только, произошла на свет и отец признал ее своею дочерью, и брат его, а ее дядя при жизни отца не оспаривал законности ее происхождения, каковых детей юристы по многим примерам не отрицали права отцовского, то, поговори с синодальными членами и основался на духовных законах, ими показанных, и что крайне бы бесчеловечно было обесчестить благородную женщину и невинную ни в чем дочь ее лишить навек и имени и имения отцовского, тем паче что при жизни его дядя ее называл публично своею племянницею. А потому дал Державин свое мнение в пользу сей несчастной сироты. И как он прежде отозвался таким образом только словесно, то между тем граф Валериан Зубов, которого государь очень любил и уважал, принес было к нему заготовленный уже, по его приказанию, указ в пользу Кондратьева, то и хотел государь подписать и взял уже перо, но сей молодой вельможа хотя интересовался за Кондратьева, но столько был благороден и честен, что, останови руку его, советовал ему потребовать прежде от Державина письменного заключения, и когда оно несправедливым покажется, тогда уже заготовленный им конфирмовать указ, на что император

согласился, и по поднесении Державиным подробных объяснений и доказательств правости девицы состоялся указ в ее пользу.

После того в том же году, в августе месяце, поднесен был чрез графа Воронцова от вышеупомянутого Калужского комитета о губернаторе Лопухине доклад и просил указов как о нем, губернаторе, так и о прочих чиновниках, с ним соучаствовавших, и о прикосновенных к тем делам. Сколько члены комитета по связи с прочим министерством, благоприятствующим Лопухину, найти его невинным и открыть притеснения ему Державиным, при следствии учиненные, ни старались, но не могли, а, напротив того, весьма удивлялись везде снисхождению, ему оказываемому. Итак, найдено было 34 дела, достойных уважения, как-то: в смертоубивстве, в отнятии собственности, в тиранстве и взятках; а 12 таких, которые, за первыми, уже не считались достойными уважения, потому что означали более шалость и непристойность в поступках, нежели зловредное намерение, как-то, например: ездил губернатор в губернском правлении при всех служителях на раздьяконе, присланном от архиерея для отсылки в военную службу за вины его, верхом, приговаривая разные прибаутки и похабные слова; вводил в государский праздник во время торжественного благородного собрания публичную распутную девку, француженку, давая ей место между почтенными дамами и приглашая с собою и прочими кавалерами танцовать; пьянствовал вместе с архиереем по ночам, ходя по улицам, выбивая в домах окны, как-то: у господина Демидова, отчего все и дело началось, и прочее, что описывать здесь было бы подробно; а оставлен при сем экстракт и копия с дела, которые любопытному не худо прочесть для узнания нравов, в сем деле замешанных, и производства правосудия. Словом, сказанные 34, уважения достойные дела, отосланы в Сенат при указе от 16 августа, в коем повелено гу-

бернатора и соучастников его судить, взяв с них, в чем нужно, дополнительные ответы, а 12 дел, признанных шалостию, отосланы к господину Трощинскому для хранения в кабинетском архиве. Хотя из них ложный губернатора репорт, оклеветательный Державина, от 30 генваря, о коем выше сказано, заслуживал по законам смерть; но Державин, как в личной его обиде, просил членов комитета оставить оный без уважения, что по просьбе его и исполнено. Сим дело сие не кончилось, но ниже по порядку продолжение его объяснится.

В сем же 1802 году, октября 8-го дня, состоялся высочайший манифест о министерствах, в котором в числе прочих 8, сделан Державин юстиц-министром с названием купно генерал-прокурора. В сей день ввечеру, когда случились у Державина гости, приехал к нему господин Новосильцев и привез тот манифест, который отозвал его в другую комнату, прочел ему по повелению, как он сказал, государя императора, с тем чтоб он ему дал свое мнение, примолвя, что он назначался было в финанс-министры, а г. Васильев — в генерал-прокуроры; но как сей последний не хотел принять на себя неведомо почему сего названия, а убедительно просил сделать его финанс-министром, то Державину и судила судьба быть юстиц-министром, а Васильеву — финансов. Поелику Державин уже видел указ о министерствах подписанным, к сочинению которого он приглашен не был, а сочиняли его, сколько опосле известным учинилось, граф Воронцов и г. Новосильцев или, лучше сказать, тогда составляющие партикулярный, или дружеский, совет государя императора с помянутыми двумя; князь Черторижский и г. Кочубей, люди, ни государства, ни дел гражданских основательно не знающие, то хотя бы можно было в нем важные недостатки заметить, о которых ниже, при удобности, помянется; но как уже было дело сделано, то Державин и отозвался, что он ничего против подписанной его величества воли сказать не может.

Министрами были сделаны: иностранных дел — граф Воронцов, помощником его — князь Черторижский; финанс-министром — граф Васильев, помощник — г. Гурьев; коммерц-коллегии — граф Румянцов; внутренних дел — г. Кочубей; военных сухопутных сил — г. Вязмитинов; морских сил — г. Мордвинов, помощник у него — г. Чичагов; просвещения — граф Завадовский, помощник его — г. Новосильцев, который отправлял должность и правителя канцелярии сего комитета; юстиц-министром — Державин. На другой день было собрание сего министерского комитета у графа Воронцова, яко старшего члена. Оно было, так сказать, для пробы, каким образом заниматься ему производством дел в личном присутствии государя императора. Державин тут же открыл свое мнение, что без основательных инструкций или наставлений для каждого министра по его должности не будет от сего комитета в государственных делах никакой пользы, ни успеха, а, напротив, будут впадать в обязанности один другого, перессорятся, и все пойдет в беспорядок, что, к несчастию, и случилось, о чем далее объяснится; но господа сочлены все восстали, а особливо граф Воронцов, против сего мнения, сказав, что в инструкциях на первый случай нет нужды и что со временем иные можно дать.

Итак, вскоре после того на сем основании открыт министерский комитет в личном присутствии государя императора, который собирался, как и ныне, по два раза в неделю, и именно по вторникам и пятницам, во дворце, во внутренних комнатах государя. В первое самое собрание Державин то же самое, как выше, объявил, что без инструкций неможно с пользою действовать сему комитету, что и записано по просьбе его в журнал; но прочие господа сочлены объявили тоже, чтоб по времени сочинить их. Державин в непродолжительном времени и еще напомнил о том. Как государь уже говорил, что в том почти нужды нет, говоря, что он тем своим

манифестом никакой отмены не сделал в производстве дел, Державин тотчас противное доказал, так что все, например, коллегии только именем одним существуют, а не делом, ибо без всякого рассуждения должны исполнять министерские предложения, или повеления, даже так, что ежели бы было что явно от министра предложено против законов и польз государственных, то коллегии и никто из членов никуда не могут протестовать против оного, но записать только у себя в журналах. Против сего никто не мог ничего возразить, то государь и приказал подать каждому министру свое мнение, на каком основании быть их инструкциям, или что они в себе содержать должны, дабы не впадать во власть другого. Державин ответствовал, что поелику в манифесте о министерствах именно сказано, чтоб юстиц-министру поступать по должности генерал-прокурора, то он в сей должности и имел свою инструкцию и ни в какой другой не имел надобности, пока других министров должности или инструкции изданы не будут; а когда оные издадут, тогда он и увидит пределы своей обязанности, а равно и других, до какой степени чья власть простирается. Поелику же по должности генерал-прокурора, о коей в манифесте сказано, власть и обязанность его простирается, яко око государево, на все дела гражданские и государственные, то он и будет действовать до издания новых по оной; а между тем чтоб в делах замешательства не было и господа прокуроры не входили бы до них в не принадлежащее, то нужным он находит дать ордеры прокурорам, каким образом им относительно министров поступать, которые, с апробации его величества в присутствии министерского комитета, учинены и даны были от 26 октября 1802 года и разосланы к исполнению по всей империи.

Таким образом, и пошло кое-как течение дел относительно правления государственных чрез министерский комитет; но как Сенат отменен не был и, по-видимому, оставался не

только в прежней форме, но и в силе, то и пошла путаница день ото дня более. Например, закон Петра Великого и Екатерины II говорит, что Сенат не имел власти сам собою распоряжать государственными суммами сверх 10000 рублей; но тут без всякого уважения какого-либо государственного места или совета и остережения прокуроров подавали сами от себя министры доклады государю о миллионах, который их и конфирмовал, и уже сего исправить неможно было, а потому и зачали министры тащить казну всякий по своему желанию. Державин первый таковой доклад усмотрел, поданный от господина Кочубея, и остановил было его в Сенате; но как на то благоволение императора не последовало, то и должен был замолчать с неприятностью. Равным образом зачали заключать министры контракты сверх власти, им данной, на превосходные суммы без уважения Сената, как-то: г Чичагов на поставку провианта в морской флот с купцом Косиковским сделал контракт без торгов и публикаций на несколько миллионов; против чего также спорил Державин, но и на то государь не соизволил, то и стали сами по себе приходить законы в неуважение день ото дня более и правительство не только ослабевать и различаться, как и оттого, что прежде важные места занимались и награждались знатными чинами по представлению герольдии и по докладу Сената государю, а тут все то пошло по прихотливой воле каждого министра, в коего распоряжения не только, но Генеральному регламенту никто не должен был вмешиваться, но и генерал-прокурор, то и спала с господ министров всякая обузданность, а потому и забота. Стали делать, что кому захотелось. Хотя в министерских комитетах и докладывано было дело, но без всяких справок и соображений; а потому в присутствии императора заводить споры без точного осведомления было неловко, да и непристойно о том говорить, о чем достоверно не знаешь, то также все дела потянули ко вреду государства, а не к пользе. Например:

I-е. Предложено было от финанс-министра по лесной части, чтоб казенные леса, измерив, привести просеками в геометрические фигуры, а годные деревья для корабельного строения перечислить, как во Франции и других иностранных землях. Державин, судя по пространству Российской империи, говорил, что этого сделать неможно; сверх того, при производстве произойдет оттого множество споров и разорения крестьянам, а более казенным от взяток, как то более, чем при генеральном межевании случалось, а со временем, когда умножится народонаселение, то это само по себе выйдет; споры будут оттого, что захотят под леса отводить, дабы сделать правильную геометрическую фигуру, пахотные земли, другие будут до того не допускать, и в сем случае непременно произойдут срывы и взятки; что пересчитывать деревья почти нет возможности, да и пользы оттого не будет; что измерение сие продолжиться может несколько лет и едва ли в жизнь нашу окончится, а удобоисполнительнее и полезнее будет держаться в сем случае постановлений Петра Великого и что казенные леса отвести к одним местам при судоходных реках и окопать их валом, назвав заповедными рощами, которые приумножить в удобных местах насадкою при казенных же селениях; заклеймя, отдать сберегать леса самим крестьянам, обязать их подпискою и штрафом за вырубку, а именно отдачею виновных в рекруты, а вахтмейстеров отменить, потому что известно, как злоупотреблением их более изводятся леса, нежели сберегаются; для партикулярных деревьев, годных для корабельного строения, назначить порядочные цены, то будут сами помещики для прибыли своей их беречь. Словом, по сему спору положено сделать пробу, сперва, только по одной Новогородской губернии, что измерить и привесть леса в правильные геометрические фигуры, то есть в циркули, квадраты, треугольники и прочее, что и предписано; однако же по сие время чрез 10 лет и одного уезда не сделано по неудобности, что в сей губернии леса

почти все на болотах, из чего выходит, что надобно прежде осушать болота, а потом уже приступить к измерению и описи.

II-е. Внутренний министр предложил, чтоб дозволить иезуитам вводить католическую веру и даже преклонять в оную чрез миссионеров магометанские и идолопоклоннические народы, обитающие в Астраханской, Оренбургской и сибирских губерниях. Державин говорил, что довольно терпимости вер, какова оная существует теперь в империи, а делать католическую владычествующею неприлично достоинству империи, что может потрясти дух народа и произвести со временем мятеж и возмущение, каковы были во Франции и в немецкой земле. Но лучше бы приложить старание о посылке миссионеров к иноверным идолопоклонническим и магометанским народам, дабы их привесть в религию греческого исповедания, как делал царь Иван Васильевич, и приучить их к хлебопашеству и прочим обычаям и нравам коренных русских подданных, что бы умножило силу и твердость империи, и как к мнению Державина пристал граф Румянцев, то Кочубеево по сей материи и не принято к производству.

III-е. От иностранного министра графа Воронцова предложено было объявить шведам войну за то, что чрез пограничную реку Кюмень выкрасили они весь мост не пестрыми красками, как у нас все казенные здания красятся, черною и белою шахматно, но одною своею; но Державин и граф Румянцев противуполагали, чтоб прежде переписаться с министром, чем открывать вдруг военные действия за такую безделицу, может быть с недоумения нижних чинов происшедшую, с чем и согласились, приказав, однако, до получения ответа приготовиться некоторым полкам к походу, а некоторым и сделать движение.

IV-е. Державин настоял, чтоб по государственному казначейству приложено было старание о скорейшем окон-

чании годовых отчетов, как то берг-коллегия в отпускаемых к ней на содержание горных машинах за несколько лет, более чем в 15 миллионов рублей, не считана была; и с откупщиками по винокуренным откупам более нежели 120000 дел расчетных не кончено было, то бы оные скорее кончить и взыскать казне принадлежащие великие суммы, которые год за год длятся и подходят под милостивые манифесты или по выбытию заложенных имений в другие руки к взысканию казенному становятся неудобными. Но финанс-министр на сие весьма не решался и даже препятствовал разными образами и увертками. Каковые злоупотребления по непопечению министров и поныне во всей своей силе существуют по сей причине, что казенные палаты и Сената первый департамент сам устанавливал кондиции, исполнял их и взыскание чинил недоборам, а ныне еще хуже, что все то делает один министр, то натурально, что откупщики задабривают казенные палаты, сенатских производителей и министра, которые потаенным образом, под чужими именами, с ними входят в доли откупа и потому мирволят им разными образами в полном взносе в срок в казну откупных сумм, так что к последнему, то есть к четвертому году откупа, всегда остается нарочитая недоимка (а по всему государству несколько миллионов), которая за неокончанием из году в год расчетов не взыскивается, а наконец остается, так сказать, в забвении; ибо те, на которых возложено попечение о том, будучи интересованы, не заботятся, а другие государственные чины и сенаторы до себя не принадлежащим почитают делом, если генерал-прокурор, как государства око, не вступит, и не будет отправлять своей должности по законам Петра Великого и Екатерины II. Поелику же, Державин говорил о сем как финанс-министру, так и прочим по их частям, как-то: морскому министру г. Чичагову, что он заключил контракты на несколько миллионов без порядку, в законах постановленного, и не хотел быть ни у кого под отчетом, то господа министры и

пошли впротиву Державина, стараясь его разными способами очернить в мыслях императора, в чем чрез несколько времени и успели, как то ниже усмотрится. Хотя же император и сам желал, чтоб министры каждогодно всякий по своей части подавали отчеты Сенату, о чем и в манифесте о министерствах сказано, но как не было инструкции, какою процедурою, чрез кого и кому те отчеты в Сенате рассматривать, то Державин и настоял у императора, чтоб непременно и в первый год министерства отчеты были поданы, хотя того и требовать от них неможно было, ибо они не вошли еще в достаточное познание всего того, чем управляют; что в Сенате не было еще ни сенаторов, ни производителей, знающих в подробности государственные части, например коммерческую, берг-коллежскую, финансовую, военную, сухопутную и морскую и прочие, то и некому было доказывать министров в случае их погрешностей и в напрасном ущербе казенных сумм; а потому он, Державин, и подал императору записку, чтоб на первый случай, покудова установится порядок, для рассмотрения отчетов выбрать трех или четырех человек сенаторов, придав им по каждой части по обер-секретарю, которые, предварительно пред докладом общему собранию, вникли подробно в каждую часть и, сделав свои примечания, докладывали прежде своему комитету, а потом уже и общему собранию по внесенным откуда следует справкам из подлинных документов. Но как сенаторы были выбраны слабые и части государственные почти или вовсе не сведущие, то и было рассмотрение сего первого отчета, так сказать, одна проформа, или епанча, под которою министры могли крыть свои небрежения и самые злоупотребления безнаказанно. Но как, в бытность Державина министром юстиции, первые отчеты были не окончены, а по окончании никак ни в чем не исправлены, то в таком положении и остались и поныне, то есть более игрушкою, нежели государственным делом; ибо, сколько, по слухам, было известно, министр морских сил

г. Чичагов и отвечать не хотел в общем собрании и вышел из него с грубостию и презрением, когда у него спросили, по какой причине он флот, бывший при Екатерине, истребил, а нового не сделал. Словом, по таковым, с одной стороны, министров беспорядкам, а с другой, то есть Державина беспрестанным возражениям и неприятным государю докладам, и стал он скоро приходить час от часу у императора в остуду, а у министров во вражду.

Наконец, нижеследующее приключение обнаружило первое их против него покушение. Министр военных сил г. Вязмитинов докладывал по воле государя императора, что унтер-офицеры из дворян, и особливо из поляков, никак не хотят служить, всячески отбывая от службы, так что едва успеют вступить в оную, то уже и просятся в отставку. Положено было, чтоб подтвердить указ императора Петра III и потом Екатерины II, чтоб дворян, не дослуживших обер-офицерского чина, прежде 12 лет службы их в отставку не увольнять. О сем состоялся указ, помнится, в декабре месяце, который в Сенате без всякого сумнения или замечания прочтен и записан.

Девять дней прошло, как о том никто не говорил; наконец в пятницу, как в день общего собрания, поднес Державину обер-секретарь мнение графа Потоцкого, по тому указу последовавшее, сказывая, что он его принять без его повеления не смеет: как по самому его содержанию, так и потому, что уже в общем собрании дело сие кончено, то есть указ принят и отослан в военную коллегию для исполнения. Державин, рассмотрев мнение и увидя, что оно написано не только дерзко против Сената, который непристойными выражениями разруган, но и против государя неприлично, который как бы в каком народном правлении сравнен со всеми гражданами, и тому подобные нелепицы, не соответствующие законам, то Державин, не приказав его записывать, оставил у себя. В следующее воскресенье, как в день докладной,

представя то мнение государю, доложил, что он таковой непристойной и законам нашим противной бумаги принять не может, то как он соизволит. Государь, как видно, знал о сем мнении, и едва ли не с позволения его оно написано, ибо тогда все окружающие его были набиты конституционным французским и польским духом, как-то: граф Черторижский, Новосильцев, Кочубей, Строганов и паче всех, как атаман их, граф Воронцов, который, как уже выше сказано, в Сенате при рассуждении о правах оного вводил мнения аристократические, или ослабляющие единодержавную власть государя; но не был же тому противным, сколько видно было, и граф Валериан Зубов, бывший тогда в совете и в уважении императора, то он и отвечал на доклад Державина весьма резко, сими точно словами: «Что же мне не запретить мыслить кто как хочет! Пусть его подает, и Сенат пусть рассуждает». Державин докладывал, что таковые мнения приводят особу его и правительство в неуважение, что можно подавать мнение, но в свое время и согласно законам. Государь ответствовал: «Сенат это и рассудит, а я не мешаюсь. Прикажите доложить в следующую пятницу». Докладывано, и как вся партия, хотевшая ослабить власть самодержавного императора и привесть ее к министерству и Сенату, то и восстал такой крик, что и слышать было неможно; словом, что все одобрили мнение графа Потоцкого, сказав, чтоб против именного указа, принятого уже Сенатом, в опровержение его, подать государю доклад, чтоб дворянство служило или не служило, отдать ему на волю. Один только сенатор Шепелев, будучи хороший приятель Державину, подошед к нему, спрашивал тихонько, что делать, которому он шепнул, чтоб он не соглашался с революционными мыслями, а держался бы старых законов, который так и сделал; да опосле, по совету Державина же, сенатор Ананьевский при подписке журнала объявил, что он отступает от прежнего своего мнения, а присоединяется к Шепелеву. Державин в наступивший его докладной день до-

нес о том государю, что Сенат весь против его. Он так сильно встревожился, что побледнел и не знал, что сказать; но Державин успокоил его, сказав, чтоб он не изволил смущаться, а позволил ему отправлять его должность, как законы повелевают. Государь согласился, и генерал-прокурор должен был дать предложение Сенату, в котором разные мнения сенаторов соглашались на точную силу законов; но, к несчастию, занемог простудою, так что не мог писать, а правитель его канцелярии и прочие письмоводцы или не хотели понимать его мыслей, боясь сильной противной партии, или не умели изобразить их по его желанию. Болезнь, сколько сама собою или от чрезвычайной чувствительности и потрясения всех нерв, что российский Сенат не только позволял унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идет против своего государя и тем самым кладет начальное основание несчастию государства, допуская засевать семя мятежей или революции, подобной французской, — так умножалась, что Державин не мог написать мнения, по неоднократным присылкам графа Валериана Александровича Зубова, князя Александра Николаевича Голицына и, наконец, Новосильцева, из которых первый был сперва на стороне Потоцкого, но когда Державин объяснил ему, что это поляки хотят разорить нашу военную силу, дабы, изнежив дворянство, сделать его неспособным к военной службе, следовательно, к защите отечества; ибо без офицеров и генералов-дворян военная наша сила исчезнет, а мы рано, или поздно таковым ухищрением будем добычею врагов наших. Что же касается до того, что отцы и матери ропщут, что дети их должны будут служить 12 лет в унтер-офицерах и что это для них унизительно и несносно, то он ему объяснил прямую силу указа, в котором сказано, что не дослужившихся до обер-офицерского чина унтер-офицеров прежде 12 лет не отставлять, но кто будет обер-офицером, тех позволено отпускать из службы чрез год, и как чрез все царствование Екатерины

сей закон не отменялся и дворянство себя утесненным не считало, и выходило из службы под видом болезней, когда хотело, и нужды в том не имело, ибо гораздо прежде 12 лет дослуживались до обер-офицерских чинов, а особливо в гвардии; да ежели и чрез 12 лет кто получил офицерское достоинство, то никакого в том притеснения нет, ибо в самые высшие чины государства довольно еще время остается дослужить, как то своим собственным опытом доказал Державин, что, служа 12 лет в унтер-офицерских чинах, дошел до генерал-прокурорского чина; то граф Зубов по таковом объяснении и отступил от прежнего своего мнения и был согласен с Державиным. Как он, по облегчении своем, написал кое-как свое предложение Сенату; но не мог еще сам выезжать, то приезжал к нему он, граф Зубов, от государя и требовал заготовленное его предложение прежде отсылки в Сенат на рассмотрение его величества. А как оное было хотя справедливо, но слишком горячо написано противу Потоцкого, то и получил обратно с почернением некоторых строк, с таким приказанием, чтобы предложение было поскорее дано Сенату, дабы унять молву народную, распевающуюся по сему случаю с разными толками; но как Державин не совершенно еще от болезни оправился, и доктора ему не позволяли выезжать, ибо к простуде от чрезвычайного огорчения на подлый поступок Сената разлилась желчь, то чуть было не умер. А потому и нашелся он в необходимости препоручить предложение свое представить Сенату как старшему обер-прокурору первого департамента князю Александру Николаевичу Голицыну.

Между тем в продолжение сего времени мнение графа Потоцкого дошло в Москву, которое там знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло с восхищением, так что в многолюдных собраниях клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкого, почитая его покровителем российского дворянства и защитником от угнетения; а глупейшие

или подлейшие души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова яко злодеев выставить на перекрестках, замарав их дерьмом для поругания, не проникая в то, что попущением молодого дворянства в праздность, негу и своевольство без службы подкапывались враги отечества под главную защиту государства. Голицын представил Сенату предложение генерал-прокурора, которым он соглашал давших разные мнения на единомыслие, но, будучи человек молодой и неопытный, не умел сберечь совершенно порядка законного, то есть, не приказав сбирать голосов с младших, тем допустил возвысить свой голос или наперед вызваться господина Трощинского как главного предводителя противной партии, своим мнением, прежде нежели было рассуждаемо, и прежде нежели было ему должно, чем безголовых или, лучше, бездушных сенаторов, то есть глупцов и трусов, привел в смятение и безгласность, которые потом пристали к тем, которые себя объявили с Трощинским согласными, кроме, однако, двух, Шепелева и Ананьевского — и третьего — Гурьева, который отозвался ни в ту, ни в другую сторону. Министры вес сколько можно было догадаться, ничем не отозвались из политических видов, потому что, с одной стороны, их согласие было уже на представление Вязмитинова в министерском комитете, а с другой — главнейшие из них, как выше объяснено, желали аристократического правления, то есть чтоб, усиля Сенат, в оном господствовать. Поелику же таковое разногласие сенаторов и после согласительное предложение генерал-прокурора по силе законов требовало особой процедуры, то есть чтоб вносились мнения сенаторов и предложение генерал-прокурора без всякого приговора на рассмотрение императорского величества, а потому по выздоровлении Державина выехал он в наступающую пятницу в Сенат, и как по обыкновению стали подписывать журнал прошедшего собрания, то и требовали сенаторы противной

партии — разумеется, горланы или крикуны, Алексеев и прочие, — чтоб был написан приговор по их мнению, и даже давали о том приказание обер-секретарю; но как по законам канцелярия Сената непосредственно состояла под управлением генерал-прокурора, без апробации которого не могли приговоры быть ни поднесены к подписанию сенаторов, ни после подписки отданы к исполнению, то обер-секретарь, не могши сам собою исполнить приказания сенаторов, докладывал генерал-прокурору пред всеми вслух, что он прикажет: писать ли приговор. Державин ответствовал: «Поступить по законам, внести дело без приговора для представления Его Величеству». Так ответствовал Державин. «Нет, — закричали несколько сенаторов, — мы приказываем, пиши приговор». — «Этого нельзя», — возразил Державин. Тут Алексеев и Строганов возопили без всякой пристойности: «Как, нас не слушать! Мы вам приказываем написать приговор». Державин, видя таковое неистовство и несведение законов, возвыся голос, сказал: «Его Величество изволил приказать взнести все дело без приговора на Его рассмотрение». — «Как Его Величество? — закричали Строганов и Алексеев. — Клевета! Клевета!» — «Нет, не клевета, — с твердым голосом сказал Державин протоколисту. — Запиши все происшествие в журнал». После сего все оробели и замолкли. Державин на сей непредвидимый случай хотя не имел точного именного повеления государя императора; но как закон именно повелевал вносить таковые спорные дела, без приговоров, к императорскому величеству, то, чтоб устрашить мятеж сенаторов, он, опершись на сказанный закон, объявил волю императора сам собою, поелику ей инаковой не признавал быть, как согласной с законом, что он все после и пересказал государю и получил от него благоволение. Подобное сему малодушие и несведение законов показал Се-

нат и при сем первоначальном предположении генерал-прокурором мнения графа Потоцкого.

Неизлишне почитаю как несколько смешное приключение распространить сие подробнее. Когда назначено было собрание для выслушания того мнения, то сказано было в повестках, что сзывается Сенат для выслушания некоторого государственного дела. Почему и велел Державин приготовиться канцелярии Сената с возможным уважением и припасти нужное, а между прочим и молоток деревянный Петра Великого, хранящийся в ящике на генерал-прокурорском столе, и песочные часы, которые он, Петр, употреблял во время слушания важных дел. Таковым образом, когда начали читать дело, то он ударял по столу молотком, давая чрез то знать, чтоб обращено было внимание к выслушанию читаемого и никаких бы посторонних разговоров во время чтения не происходило; а когда оканчивалось чтение, то он приказывал секретарю, который производил дело, сбирать голоса, начиная с младшего, которые давали сенаторы письменные или словесные; по собрании коих читались оные вслух, и, если открывалось несогласие, тогда он, по Генеральному регламенту, давал час на рассуждение, или на диспут, и для того-то поворачивал часы верхнею скляночкою на низ, и смотрел, покудова из верхней в нижнюю перекатится весь песок, что означало час — тогда ударял молотком по столу, давая тем знать, чтоб перестали спорить, садились бы на места свои и давали бы решительные голоса, которые протоколистом записывались, и буде были согласны, то таким образом и решалось дело; ежели ж были разные, то его голос или именный указ совершенно оканчивал дело. Так поступал и бывший при нем генерал-прокурором граф Ягужинский, когда не присутствовал государь в Сенате. Было ли после его такое употребление молотка и песочных часов — неизвестно; многие, однако, говорили, что не было. Державину рассудилось оные

употребить, дабы придать более уважения делу, коим, так сказать, боролось монархическое правление с аристократическим. Первое защищал генерал-прокурор, удерживая единодержавную власть при государе, а вторую — Сенат, присваивая некоторую часть власти себе, в том разуме, что ежели он вправе всегда будет на именные указы делать цензуру, или свои примечания, и входить о том с докладом к императорскому величеству, ибо хотя законами Петра Великого и Екатерины Второй и позволено Сенату входить с докладом к государю в сомнительных случаях, когда какой закон или указ неясен, или неудобоисполнителен, или вреден государству; но иначе сего не делывалось, как чрез генерал-прокурора, с докладу императорского величества, собрать коллегии и трактовать с возможною осмотрительностью и уважением предстоящих сумнений, а потом, что положено будет, входить с докладом и испрашивать повеления, которое уже безмолвно исполнено, а не так, чтоб одному Сенату самому собою, не чрез генерал-прокурора, дана была власть подавать таковые доклады. Сие было уже почти аристократия. Словом, когда было предложено помянутое мнение Потоцкого и дан был час на диспут, то сделался великий шум, сенаторы встали со своих мест и говорили между собою с горячностью, так что едва ли друг друга понимали, и прошел час на диспут данный. Державин несколько раз показывал часы, просил, чтоб садились на их месте и давали свои голоса; но его не внимали. Тогда, седши на свое место за генерал-прокурорский стол, ударил по оному молотком. Сие как громом поразило сенаторов, побледнели, бросились на свои места, и сделалась чрезвычайная тишина. Не знаю, что было этому причиною,— не показалось ли им, что Петр Великий встал из мертвых и ударил своим молотком, к которому по смерти его никто не смел прикоснуться. И по городу были о сем простом и ничего не значащем случае многие и различ-

ные толки; по обыкновению, недоброжелатели толковали в невыгодную Державина сторону, говоря, что будто он на сие не имел права и что тем присвоил себе право государя; но как Державин никаких против императорского величества намерений не имел, а, напротив того, защищал его самодержавную власть и молотком ударил только для того, чтоб разбредшихся сенаторов и шумящих усадить скорее на их места и побудить к даче их голосов, то сами по себе все пустые толки исчезли.

При докладе государю обо всем происходившем но сему делу в Сенате, Державин несколько раз внушал ему, что, защищая его права как генерал-прокурор, много он себе новых наделал злодеев, и что не преминут его всячески очернивать и приводить к нему в немилость; но государь всегда уверял его, что он его не выдаст и чтоб он отправлял свою должность, не боясь никого, по законам. Но противная сторона, как-то: окружавшие государя поляки и польки, сильным образом и непрестанно работали по сему делу, покудова оно производилось в Сенате, уменьшая его важность и оправдывая Потоцкого и сенаторов, против его власти восстававших, так что Державин приметил его гораздо умягченным против них и переменившим его мнения против того, когда ему он первоначально доложил, что все согласились с мнением Потоцкого; тогда он с негодованием сказал: «Я им дам себя знать». Таким образом, внесено было дело сие с разными мнениями без приговора к государю. Долго он его один или с кем-либо из ближайших ему советников, как-то: Черторижским, Новосильцевым, Кочубеем и Строгановым, рассматривал, не говоря с генерал-прокурором ни одного слова, из чего и познавал он, что противная сторона взяла перевес. Наконец на Фоминой уже неделе позволено было предстать депугации Сената для объяснения сего дела пред государем, как о том в праве сего правительства, при министерском манифесте

изданном, узаконено было, которое при преемнике Державина, князе Лопухине, отменено. Со стороны Сената избран был для объяснения сего дела г. Трощинский, который в то время отправлял должность статс-секретаря, и граф Строганов, а Державин один защищал сторону генерал-прокурора. При вступлении в кабинет к его величеству часу в 7-м вечера хотя еще светло было, но неизвестно для чего гардины у окон были завешаны и горели свечи. Великая везде была тишина, и государь один дожидался; принял весьма важно сам, при письменном столе, и депутации приказал садиться, не говоря никому ни одного слова. Потом приказал Трощинскому читать бумаги, то есть мнение Потоцкого, резолюцию Сената, предложение согласительное Державина и, наконец, последнее сенатское мнение. По выслушании встал, весьма сухо сказал, что он даст указ, и откланялся. Предполагаемо было, что при таковых депутациях государь будет входить во все подробности дел, то есть с тою и другою стороною объясняться; но как этого тогда, да и после, как слухи носились, никогда ничего не было, то и весьма хорошо, что они отменены, ибо никакой пользы не приносили и истины не могли в полном ее свете открывать государю, которая по большей части зависит от чистосердечия и беспристрастия докладчика.

Дела текли по-прежнему, и хотя с тех пор не примечал Державин в государе прежнего к себе уважения, однако же, не видал и недоверенности. Спустя некоторое время, к великому всех удивлению, состоялся по Потоцкому делу неожиданный указ, которым не только сделано уважение Сенату и законам, согласно предложению генерал-прокурора, но вовсе у него отнято право входить с докладом к императорскому величеству по его в состоящихся указах сумнениям. В мае месяце докладывал Державин государю правила третейского совестного суда, им сочиненные, над которыми трудился несколько лет по многим опытам третейского

судопроизводства, и посылал по многим своим приятелям, знающим законы, для примечания. Государь, выслушавши оные правила, вскочил с восторгом со стула и сказал: «Гавриил Романович! Я очень доволен, это весьма важное дело». Однако же те правила и по сие время не выданы к исполнению. Слышно было, что г. Новосильцев их не одобрил, по недоброхотному отзыву окружавших его подьячих, Дружинина и прочих, для того, что они пресекали взятки и всякое лихоимство, что было им не по мыслям; ибо тогда бы царство подьяческое прошло. Однако же при прощании с Державиным, как ниже о том увидим, государь побожился, что он те правила введет в употребление. В мае месяце в том году, то есть 1803-м, путешествовал государь в лифляндгкие губернии, а с ним г. Новосильцев и граф Черторижский, и как они были враги Державина, то, будучи с государем немалое время, так сказать, в уединении, и довершили они Державину свое недоброжелательство разными клеветами, какими именно — неизвестно; но только из того оное разуметь можно было, что Державин, будучи во время отсутствия императора отпущен в новогородскую свою деревню Званку на месяц, не мог за болезнию к приезду государя возвратиться, то писал к князю Голицыну, прося доложить, что замедление его происходит от болезни; но что он, однако, скоро будет. На что по приезде получил отзыв, что ему нет в нем нужды, хотя бы он и вовсе не приезжал. Державин хотя почувствовал сим отзывом неблаговоление себе государя, но терпеливо снес оное, стараясь, сколько сил его было, исполнять наилучшим образом свою должность.

С того времени приметным образом холоднее обращался государь с Державиным. Однако же дела шли своим порядком, им учрежденным в Сенате, весьма поспешно и беспристрастно, что может засвидетельствовать и поныне вся публика, так что он имел удовольствие видеть, что в общем

собрании иногда в одно заседание по четыре дела решено было. В июле месяце на Каменном острову в министерском комитете читано было по внутреннему министерству графом Кочубеем сочиненное господином Сперанским образование внутреннего министерства, и как оно писано было, кажется, более для того, чтоб показать большое сведение в старинных учреждениях разных наших присутственных мест, приказов и контор; а не с тем, чтоб принесть государственную пользу, как то и оказалось после, что все учреждаемое господином Кочубеем и господином Сперанским было несообразица с настоящим делом, то и было оно пространное сочинение, чтением которого занимались более 4 часов; но как никто никакого толку не понял, что и для чего предполагалось, то и просили государя, чтобы позволено было каждому министру на дом взять и рассмотреть сие сочинение. Император позволил; таким образом, пошло оно по рукам министров и наконец чрез несколько недель дошло до Державина, июля 22-го числа, то есть в день рождения государыни императрицы Марьи Федоровны, поутру, когда сбирался он к ней для поздравления в Павловском. Там, увидавшись с ним, г. Кочубей спросил, получил ли он учреждение его департамента. «Получил». — «Пожалуйте, пришлите мне его на час нечто поправить, я тотчас к вам возвращу». — «Хорошо». Вследствие чего, возвратясь из Павловска, при кратком письме, в котором сказал, что он еще его не рассмотрел в подробности как должно, по требованию его возвращает с таковым только по краткости времени замечанием, что если ни один архитектор без основания, или фундамента, не строит здания, то кажется ему, что без основания, или инструкции — и учреждения департамента писать неможно; но когда он ему пришлет, то не оставит он подробных сделать примечаний. Спустя недели две вдруг в министерском комитете неожиданным образом, в присутствии государя, читают то письмо с

таковым тоном, что будто я не хотел рассматривать сочинение г. Кочубея и негодую на то, что толь долгое время не даются инструкции министрам. Государь, по прочтении письма, с неудовольствием отозвался: «Что вы меня побуждаете так скоро дать вам инструкции, когда вы сами чрез полгода не могли подать мне своих мнений, что по каждой части надобно». Державин встал и доложил государю, что он отнюдь не с тем намерением писал к г. Кочубею, чтоб побуждать ваше величество писать инструкции, а думает, что без них никаких департаментов министерства учредить невозможно. Государь сухо ответствовал: «Я дам инструкции»; однако же, и по сию пору, можно сказать, их, основательных или подробных, нет.

Таким образом, гг. министры подыскивались во всяких безделках под Державина и его оклеветывали, а особливо граф Кочубей, потому что должность внутреннего министра по судебным местам, а особливо по губернскому правлению, непрестанно сталкивалась с генерал-прокурорскою обязанности, или шли, так сказать, смешанно, с прямого пути сбиваясь, перемогая друг друга пронырством и ухищрениями.

Выше видно, что мнение о евреях Державина, сочиненное им во время посылки его в Польшу, отданное при императоре Павле на рассмотрение Правительствующего Сената, приказано было рассмотреть с начала почти самого министерства Державина учрежденному особому комитету, составленному из графа Черторижского, графа Потоцкого, графа Валериана Зубова и Державина, которое и рассматривалось чрез продолжение всего его, Державина, министерства; но по разным интригам при нем окончания не получило. Оно заслуживает, чтоб о нем сказать подробнее. Первоначально положено было, чтоб призвать из некоторых губерний несколько старшин из кагалов и рабинов знаменитейших для объяснения с ними всех обстоятельств, в том

Державина мнении изображенных. Оно достойно, чтоб его с прилежанием прочесть и войти во все его подробности, дабы узнать прямое мнение сочинителя, к благоустройству государства и самых евреев служащее. Продолжались их съезд, явки и их представления во всю почти зиму; тут пошли с их стороны, чтоб оставить их по-прежнему, разные происки. Между прочим, г. Гурко, белорусский помещик, доставил Державину перехваченное им от кого-то в Белоруссии письмо, писанное от одного еврея к поверенному их в Петербург, в котором сказано, что они на Державина, яко на гонителя, по всем кагалам в свете наложили херим, или проклятие, что они собрали на подарки по сему делу 1000000 руб. и послали в Петербург и просят приложить всевозможное старание о смене генерал-прокурора Державина, а ежели того неможно, то хотя посягнуть на его жизнь, на что и полагает сроку до трех лет, а между тем убеждает его, чтобы, сколько можно, продолжить дело, ибо при Державине не чает, чтоб в пользу их решено было. Польза же их состояла в том, чтоб не было им воспрещено по корчмам в деревнях продавать вино, отчего все зло происходило, что они спаивают и приводят в совершенное разорение крестьян; а чтоб удобнее было продолжать дело, то он будет доставлять ему из чужих краев от разных мест и людей мнения, каким образом лучше учредить евреев, которые скоро после того самым делом начинали выступать, то на французском, то на немецком языке, и доставлялись в комитет, при повелении государя императора рассмотреть оные, то чрез графа Черторижского, то Кочубея, то Новосильцева.

Между тем еврей Нотко, бывший у Державина в доверенности якобы по ревности его к благоустроению евреев, соглашаясь с его, Державина, мнением, подававший разные проекты о учреждении фабрик и прочее, пришел в один день к нему и под видом доброжелательства, что ему одному,

Державину, не перемочь всех его товарищей, которые все на стороне еврейской, предложил принять сто, и ежели мало, то и двести тысяч рублей, чтобы только был с прочими его сочленами согласен. Державин, сочтя сие важным и рассуждая, что ежели на его убеждение согласиться и принять деньги, то изменить присяге и действовать вопреки воле государя, что, оставя в прежнем неустройстве евреев, оставить им прежние способы чрез винную по корчмам продажу грабить поселян и лишать их насущного хлеба; ежели ж, не согласиться на подкуп и остаться одному в противуборстве всех, без подкрепления государя, то успеху во всех его трудах и стараниях ожидать неможно. Итак, он решился о сем подкупе сказать государю и подкрепить сию истину Гуркиным письмом, в котором видно, что на подкуп собрана знатная сумма, что на него умысел и прочее, как выше видно; а при том что чрез князя Черторижского и Новосильцева вступили уже в комитет по воле государя два проекта об устройстве евреев, один на французском, а другой на немецком языке, то, все сие сообразя и представя императору, надеялся он, что государь удостоверится в его верной службе и примет его сторону. Правда, сначала он поколебался жестоко, и когда Державин его спросил, принять ли деньги, предлагаемые Ноткою 200 тыс. руб., то он в замешательстве отвечал: «Погоди, я тебе скажу, когда что надобно будет делать», а между тем взял к себе Гуркино письмо, чтоб удостовериться о всем в нем написанном чрез другие каналы. Державин думал, что возымеет действие такое сильное доказательство и государь остережется от людей, его окружающих и покровительствующих жидов. Между тем, по связи и дружбе с графом Валерианом Александровичем Зубовым, пересказал все чистосердечно ему случившееся, не знав, что он в крайней связи с господином Сперанским, бывшим тогда директором канцелярии внутреннего министерства г. Кочубея, которого он водил за нос и делал из него что хотел. Сперанский совсем

был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме. Итак, вместо того чтоб выйти от государя какому строгому против проныров евреев приказанию, при первом собрании Еврейского комитета открывалось мнение всех членов, чтоб оставить винную продажу в уездах по местечкам по-прежнему у евреев; но как Державин на сие не согласился, а граф Зубов в присутствии не был, то сие дело осталось в нерешении. Государь между тем сделался к Державину от часу холоднее и никакого по вышесказанному Гуркину письму не только распоряжения, ниже словесного отзыву не сделал... скоро после того, а именно в октябре, Державин был должен оставить службу, о чем ниже объяснится.

Теперь за нужное почитается сказать не менее жидовского о важном деле. Известно, что в Польше великое множество есть свободных людей, почти никакому состоянию не принадлежащих, то есть ни к дворянам, ни к поселянам, ни к купечеству, ни к духовенству, ни к мещанству, хотя они почитаются происходящими из дворян и принадлежащими к военным людям. Эти люди называются чиншевое и панцирное дворянство; их во всей Польше, наверное, может быть не один миллион; и в части российской считается до 500000. Они большею частию собственных земель не имеют, а живут у помещиков, платя им чинш, или оброк, с земель по условиям. Их магнаты польские употребляли всегда на их сеймах, при народных выборах в чиновники и даже в самые короли; ими-то бывали они сильны и для того ласкали их и почти с них ничего не брали, дабы на сеймах чрез них иметь свой могущественнее голос. Но когда Польша стала разделена между Россиею, Австриею и Пруссиею, то у панов, не хотевших быть под скипетром России, многие местечки и селения отобраны и розданы государынею императрицею Екатериною в вечное потомственное российское владение хотя без исключения тех панцирных дворян и чиншевой шляхты, од-

нако же, и без отъятия их прав и вольностей, как они под польским владением находились. Из каковых местечек и селений, между прочим, пожаловано несколько тысяч душ в Могилевской губернии Александру Петровичу Ермолову, а он продал некоему коллежскому или надворному советнику, что был винным в Херсоне откупщиком, Яншину. Сей, не имея нужды, как польские магнаты, при выборах такой сволочи в голосах, и, будучи хорошим хозяином, управляя сам своими деревнями, стал налагать на живущую у него чиншевую шляхту оброк за владеемые ими земли более того, как они прежде платили, или ссылал их с своих земель, если они требуемое им не соглашались платить. Они заупрямились; он домогался, и дошла от них жалоба государю, который приказал чрез губернское правление то исследовать и удовлетворить притесненных и обиженных. Трудно было решить сие дело и удовлетворить по справедливости обеим спорящим сторонам; ибо чиншевая шляхта, панцирные дворяне и все прочие состояния, при забрании Польского края, оставлены всемилостивейшим манифестом на всех польских правах и привилегиях, а с другой стороны, грамотами пожалованы российским подданным польские местечки и селения со всеми землями, угодьями и жителями, к ним принадлежащими. То Державин, собрав об всем нужные к делу справки и узнав, что покойная императрица имела намерение выселить тех дворян и шляхту по политическим видам па порожние земли в полуденные свои губернии, согласно чему Державин сочинил проект, или докладную записку, о выселении тех праздных людей в Херсонскую, Астраханскую, Саратовскую, Уфимскую и Сибирскую губернии, дабы тем самым: 1) очистить земли владельческие в Польше и прекратить тем самым споры их с тою шляхтою; 2) чтоб отнять способы у польских вельмож в беспокойное время усиливать их партии сим своевольным народом, который всегда готов на всякие неистовства и возмущения; 3) чтоб, населя их по

окружной черте империи, укрепить тем самым ее границы и оградить коренных жителей и, наконец, 4) чтоб дать способ доказывать им свое дворянство, которого они беспрестанно, с великими хлопотами и издержками, доискивались, службою, когда из них учредить такие ландмилицкие полки, каковые были в Польской Украине и по Оренбургской линии. Словом, такое полезное дело из сей шляхты сделать, которое бы в нынешнее время оказало уже свои плоды и польские вельможи-изменники не могли бы из сей шляхты формировать новых полков для Бонапарта. Государь, выслушав сию записку, был чрезвычайно доволен и приказал внесть ее на уважение Еврейского комитета с таковым повелением, чтоб подан был от него немедленно ему о том доклад; но дело сие и по сие время, то есть по 1812 год, осталось без всякого движения по причине той, что члены Еврейского комитета большею частию из польских вельмож, как-то: князя Черторижского и графа Потоцкого, а хотя после Державина заступил место его князь Лопухин, но он и граф Зубов, состоявший членом того комитета после Державина, имели все в Польше большие местности и местечки, населенные разного рода шляхтою и жидами, то и была бы знатная потеря их доходам, ежели б жидов и шляхту вывесть из Польши в другие губернии, как то в помянутом еврейском мнении Державина и сей записке о шляхте Державиным предполагалось.

Словом, надобно прочесть внимательно то мнение и записку, дабы увидеть всю пользу и выгоды для Российской империи; но частная польза помянутых вельмож перемогла государственную. Евреи, после выбытия Державина из министерства, остались в прежнем их беспорядке, а о шляхте и думать не хотели.

Хотя по течению всех дел видно было истинным сынам отечества недоброжелательство польских вельмож, окружавших государя; но явное их и наглое поведение к вреду

России свидетельствуется сим: Господин Баранов, что ныне обер-прокурор в Сенате, бывший в министерском комитете производителем дел, по увольнении из службы Державина рассказывал ему, что когда он принес в комитет объявленный генерал-прокурором словесный именной указ о шляхте и вышеозначенную докладную записку об оной, то г. Черторижский, прочтя оную и указ, бросил в камин с презрением, которую Баранов, подхватя, спас от огня. О жидах написанный им приговор, согласный с мнением Державина, велено было отдать г. Сперанскому, который переделал по-своему, не упомянув даже и о том, что он последовал по рассмотрению мнения Державина, как бы оного совсем не было, о котором ни одним словом и в указе не упомянуто. Державин, узнав от него, Баранова, о решении, таким образом, еврейского дела, шутя сказал: «Иуда продал Христа за 30 сребреников, а вы за сколько Россию?» Он с смехом также ответствовал: «По 30000 червонных на брата, кроме-де меня, ибо проект, мною написанный, переделал Сперанский»; но кто же, именно, взял червонцы, оного не объявил. Не думаю, чтоб русские вельможи сделали такую подлость, кроме Сперанского, которого гласно подозревали и в корыстолюбии, а особливо по сему делу, по связи его с Перетцом.

Выше уже видно, что государь около сего времени час от часу холоднее становился к Державину; но началось внутреннее его к нему неблагорасположение сперва обнаруживаться тем:

Первое. В одно время, при докладе по какому-то частному письму, увидев число на нем прошедшего месяца, сказал, что «у вас медленно дела идут». Державин ответствовал: он смеет удостоверить, что в Сенате ни при одном генерал-прокуроре так скоро и осмотрительно дела не шли, как ныне, что их в общем собрании в одно присутствие иногда решали по четыре, и жалоб на оные нет. «Но вот это письмо доказывает, что так замедлилось», — возразил государь с неудовольствием.

«Что касается до частных писем, — сказал Державин, — то это не его дело. — «Как не твое дело?» — с негодованием спросил император. «Так, Государь! Это дело статс-секретаря: они по частным письмам, собрав справки или сделав с кем надлежит сношения, должны докладывать Вашему Величеству и писать по них Ваши указы, а генерал-прокурорская обязанность состоит прилежно смотреть за Сенатом и за подчиненными ему местами, чтоб они решали дела и поступали по законам: так при покойной Вашей бабке было. Я был сам статс-секретарем и очень это знаю, что не затрудняли такими мелочами генерал-прокурора». — «Но при родителе моем так учреждено было». — «Я знаю, но родитель Ваш поступал самовластно — с одним генерал-прокурором без всяких справок и соображения с законами делал что ему было только угодно; но Вы, Государь, в манифесте Вашем при вступлении на престол объявили, что Вы царствовать будете по законам и по сердцу Екатерины, то мне неможно иначе ни о чем докладывать Вам, как по собрании справок и по соображении с законами, а потому и не могу я и сенатские и частные дела вдруг и поспешно, как бы желалось, обрабатывать и Вам докладывать; не угодно ли будет приказать частные письма раздать по статс-секретарям». — «Ты меня всегда хочешь учить, — государь с гневом сказал. — Я самодержавный Государь и так хочу».

Второе. В один день говорит: «Как это у вас дела исполняются, а канцелярия ваша об них не знает?» — «Не понимаю, и не знаю, Государь, — сказал Державин, — позвольте о том мне справиться, какие бы то были дела, которые исполнены, прежде нежели канцелярия о них знала». Державин справился и нашел, что на самом деле[25] несколько было таких дел, которые уже по исполнении их отданы были к записке в ре-

[25] В оригинале описка: в самой вещи.

гистратуру канцелярии, например доносы о похищении казначеями казны, о заговорах и умыслах на особу государя и о прочем, по которым с докладу его величества писано было секретно к кому надлежало собственною рукою Державина, чтоб взяты были подлежащие меры к захвачению похищения казны и заговорщиков, прежде нежели узнала о том канцелярия, для того что имели они и здесь, в городе, и по губерниям приятельские связи, чрез которые происходила преждевременно разгласка и виновные могли укрываться. Державин объяснил сии обстоятельства государю, и он оправдал его поступки.

Третье. Министерские канцелярии имели между собою приятельские связи, и как большая часть производителей дел были из семинаристов, выбранные и пристроенные к их местам чрез господина Сперанского, который всеми ими, как скрытою, так сказать, машиною, двигал и руководствовал, так что какое у которого министра (а особливо у Державина) было приготовлено к докладу дело или опробованное и положенное в портфель, он уже знал, а потому буде оно изложено не по его мыслям или, лучше сказать, того триумвирата приближенных тайных советников — Черторижского, Новосильцева, Кочубея и Строганова и прочих коварных и корыстных, — то и предваряем был государь заблаговременно тайными побочными внушениями против справедливости и истинного существа тех дел. Потому, когда Державин, а может быть, и другие, когда приходили то и дело к государю, то он, выслушав и не говоря никакой резолюции, приказывал оставлять те дела у себя на столе, которые один или с теми советниками рассматривал или пересматривал, то выходили несообразные с истиною, с законами и с пользою государственною законы и учреждения, а другие остались и по сие время без движения. Для того ж, чтоб все знать происходившее у министров в канцеляриях, подкуплены были из самых

их служителей люди, которые доводили до сведения Сперанского и прочих все, что узнали. Таким образом, внушено было государю и вышеписаное обстоятельство, что известны были некоторые бумаги в канцелярии министра юстиции прежде исполнения оных. Словом, помянутые недоброжелательствующие Державину министры сами или их угодники употребляли все низкие, подлые и коварные средства в чем-нибудь подловить Державина, так что выкрадывали бумаги из канцелярии, как-то: например, г. Трощинский сообщил ему подписной именной указ о произведении в чин одного служившего под начальством его в почтовом департаменте чиновника. Державин, получа оный, по заведенному порядку отдал для записки и отсылки в Сенат директору его канцелярии Колосову. Сей дурной человек, или, прямее сказать, бездельник, неумышленно его потерял, или по открывшимся после дурным его поступкам соглашусь лучше верить, что нарочно его уничтожил, дабы[26] предательски высказать лучше беспорядок канцелярии, хотя оный наиболее от него зависел, и неисправность канцелярии, в которой, как выше видно, государю хотелось Державина обличить. Несколько недель спустя Трощинский пишет Державину, что он не видит исполнения помянутому указу. Державин справляется, не находит оного. Спрашивает директора: он отрицается, говоря, что не получал. Дежурный канцелярский служитель уличает его, что он подносил пакет министру, а сей, раскрыв пакет, отдал его директору, у которого он в руках его видел; но сей с клятвами отрицается, что ни от кого не получал и не видал. Итак, мог бы он его предать суду; но как рекомендован он был не только от графа Валериана Зубова, которого Державин любил и считал себе другом, но и от самого государя, то он о сем происшествии и докладывал ему, объясняя и

[26] Опущена следующая далее описка в оригинале: несмотря на то, что.

прочее его дурное поведение; что он обращается беспрестанно в карточной игре и в пирах, а к должности нимало не прилежен, то немудрено и канцелярии быть неисправной, потому что директор вовсе должности своею не занимался, и просил, чтоб позволил переменить его; но государь промолчал на то и подписал другой указ о помянутом чиновнике; потом сказал, чтоб он ему сделал выговор. Из сего понял Державин, что он Колосова покровительствует, а может быть, и нарочно ему его рекомендовали такого, чтоб чрез него, таким образом, Сперанскому и прочим видеть, что происходит в канцелярии министра юстиции, как о том выше явствует. Таков же бездельник был Колосовым рекомендованный управлению по юстицкой части некто Лавров, который ныне действительный статский советник, кавалер и директор Тайной канцелярии. Он выкрал важные бумаги, которые при смене Державина с министров не могли найти по делу Лазаревича о драгоценном бриллианте, находившемся в скиптре императора, что он обманом присвоен был Лазаревичем от некоторых персиян, по наследию от своей матери получивших сей камень, от времени шаха Надира, ей доставшийся; у тех персиян нагло отнял тот камень, дав им другой — поддельный; из чего происходило дело по нижним правительствам, а наконец, и в самом Сенате, где все доказательства и улики бедных персиян по выбытии Державина из министерства и уничтожены. Лазаревич оправлен, а они едва ли куды в кибитках не отосланы. Сие вопиющее дело Бог рассудит; но когда бы был Державин министром, то не допустил бы он утеснить сильной стороне людей бессильных.

Как бы то ни было, подобные дела и обстоятельства делали много недоброжелателей Державину и, внушениями на него разными, государя к нему остужали, что он и сам со своей стороны добавлял, держась сильно справедливости, не отступая от нее ни на черту даже в угодность самого

императора. Скажем несколько тому примеров. Государь в угодность своей фаворитке Нарышкиной, которая покровительствовала графа Соллогуба, против законов приказал от жены его отобрать имение, отданное им ей записью, и наложить опеку на оное без всякого в судебных местах о том производства. Как это было против коренных законов и самого его о министерстве манифеста, которым точно запрещено в Сенате производить дел, не бывших в суждении нижних инстанций, а также имений, кроме малолетних и безумных, в опеку не брать, то Державин выписал те законы и представил государю, сказав, что он долгом своим поставил оберегать не только его законы, но и славу. Но государь, оставя дело у себя, дал спустя несколько дней о том указ; но Державин не контрасигновал его, так как не контрасигновал указов: по упомянутому Потоцкому делу, по отрешению Нижегородской уголовной палаты председателя от должности и без суда, по вольным хлебопашцам и прочим. Но о сих последних двух делах за нужное почитается упомянуть пространнее.

Г. Кочубей сообщил волю государя, чтоб отрешить от должности председателя Нижегородской уголовной палаты, не помню его фамилии, за то, что асессор той палаты с кем-то поссорился на улице, взят в полицию, и губернатор приказал его палками или не помню как наказать. Председатель отозвался, что это не его дело, что, когда дело дойдет по уголовному суду до него, тогда он определит виновному наказание по законам. Губернатор за это прогневался и представил внутреннему министру на председателя якобы в непослушании. Между тем председатель просил о своей защите министра юстиции. Сей не успел еще ничего по сей просьбе сделать, как господин Кочубей докладывает без всяких справок и сношения с министром юстиции государю и получил от него повеление отрешить председателя от должности, о чем и объявил внутренний министр сообщением своим волю

государя. Державин, сообразя жалобу председателя с представлением губернатора и нашед последнего поступок не сообразным ни с законами, ни с справедливостью, передоложил государю неосновательный доклад Кочубея. Государь сим был доволен; но чрез несколько дней опять получено государево повеление, чтоб он непременно заготовил указ об отрешении председателя и поднес бы к подписанию его величества. Тогда Державин, заготовив указ и поднося к подписанию, еще объяснил невинность председателя; но государь, не вняв его представлению и, не говоря ни слова, подписал. Державин, приняв сей указ, и, не контрастировавши оный, отослал его при письме г. Кочубею, в котором сказал: как по его докладу и ходатайству сей состоялся указ, то чтоб и изволил он его контрастировать, а он не может, видя невинность председателя. Кочубей представил письмо государю, которое он прочетши, указ изодрал. Но неизвестно почему и как сие мог сделать господин Кочубей, что он чрез несколько дней объявил словесное именное повеление в Сенате об отрешении того председателя. Хотя бы Сенату и не следовало его принять — первое, потому, что Кочубей его объявил не по своей части, а по части министра юстиции, а второе — что председатели палаты определяются на их места собственноручным подписом докладов сенатских императорским величеством; то объявленные словесные именные указы и не имели по законам против подписных никакой силы. Но, однако, из подлой трусости принял тот указ и председателя от должности отрешил, который один год спустя после уже министерства Державина, приехав сам в Петербург, подавал письмо императору, доказывая свою невинность и незаконное его отрешение; отдана ему справедливость, и по желанию его дано полное жалованье, и он от службы уволен. Вот большей частью как молодыми министрами производились дела.

Касательно вольных хлебопашцев, то сие таким образом случилось. Румянцев выдуман (смею сказать, из подлой трусости государю угодить) средства, каким образом сделать свободными господских крестьян. Как это любимая была мысль государя, внушенная при воспитании его некоторым его учителем — Лагарпом, то Румянцев, чтоб, подольститься к государю, стакнувшись наперед, смею сказать, с якобинскою шайкою — Черторижских, Новосильцевых и прочими, подал проект, чтоб дать свободу крестьянам от господ своих откупаться, хотя сего никогда запрещено не было, и на сем основании отпустил своих крестьян до 200 душ, которые, как после слышно стало, никогда не были его крепостными людьми, но вольные; отцом его, покойным фельдмаршалом, с условием какого-то платежа или из милости на его землях, вновь от Порты приобретенных, поселенные. Государь проект сей, одобренный его молодыми тайными советниками, принял весьма милостиво или, лучше сказать, с радостию (что нашлося средство привести его любимейшую мысль к исполнению), передал оный Государственному Совету на рассмотрение или, лучше сказать, на исполнение. Все господа члены Совета, хотя находили сей проект неполезным, перешептывали между собою о том, но согласно все одобрили, как и указ, заготовленный о том, апробовали. Державин только один дал свой голос, что всем владельцам по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьян своих позволено, а по указу царствующего государя 1801 году и снабжать отпущенных людей землями можно, следовательно, никакой нужды нет в новом законе. Румянцев может отпустить хотя всех своих людей и крестьян по тем указам (однако же он того ни тогда, ни после не сделал), а на всех особым указом растверживать о мнимой вольности и свободе простому, еще довольно непросвещенному народу опасно, и только такое учреждение наделает много шуму, а пользы никакой ни кре-

стьянам, ни дворянам. Это мнение его записано в журнале Совета; но, несмотря на то, государь дал указ известный о вольных хлебопашцах. Когда к генерал-прокурору он прислан был, то, не посылая оного в Сенат, поехал во дворец и представил государю со всею откровенностию и чистосердечием о неудобности указа. Он вопросил: «Почему же он бесполезен?» — «Не говоря о политических видах, что нашей непросвещенной черни опасно много твердить о вольности, которой она в прямом ее смысле не понимает и понять не может, — ответствовал Державин, — но и по самому своему содержанию он неудобоисполнителен». — «Почему?» — «Потому что условливаться рабу с господином в цене о свободе почти невозможно; это такая вещь, которая цены не имеет, требуя со стороны господина только всего великодушия, а со стороны раба благодарности, а иначе всякие условия будут тщетны. Натурально, раб за свою свободу будет обещать все, что от него ни потребуют, а помещик, лишаясь крестьян и с ними своего доходу или, лучше сказать, своего существования, захочет иметь такой капитал за сию свободу, чтоб не только не расстроить, но и улучшить свое благосостояние. Из сего выйдут неустойки в платеже условленных сумм, из неустойки — дела и тяжбы, которых такое великое множество по долгам. Сверх того, как правосудие в Российской империи большею частью в руках дворянства, то дворянин, судя дело своего собрата, будет осуждать сам себя; из того другого ничего не выйдет, как подготовленное беззаконие; будут обвиняемы крестьяне и обращены по этому указу в прежнее их крепостное состояние или тягчайшее рабство, потому что помещик за причиненные ему хлопоты и убытки будет мстить. Сверх того, и государственное хозяйство неминуемо от сего учреждения потерпит как в сборе рекрут, так и денежных повинностей, ибо крестьяне, продав взятую ими у помещиков землю, могут переселиться на другие в отдаленнейшие страны

империи, где их сыскать скоро неможно, или по своевольству своему и лености разбрестися, куцы глаза глядят, чтоб только не ставить рекрут и не платить никакой повинности, в чем они единственно свободу свою полагают. Нижние земские суды или сельская полиция по пространству в империи мест жилых и пустых удержать их от разброду не могут без помещиков, которые суть наилучшие блюстители или полицеймейстеры за благочинием и устройством поселян в их селениях». Ежели же по доходящим иногда к государю жалобам от крестьян на тиранские помещиков их поступки, на угнетения поборами и разные насилия как милосердому отцу невозможно не обратить внимания своего и не оказать правосудия, то к предупреждению таковых жалоб советовал Державин государю пригласить не вдруг из всей империи, а по частям из нескольких губерний губернских предводителей дворянства, которым дать милостивые рескрипты, похваляя, с одной стороны, древнюю и новую службу дворян, а с другой — изобразив дурные поступки со своими подданными некоторых помещиков, доходящие до престола, приложи оным экстракт из дел, имеющихся в Сенате, приказав им найти средство и положить их мнение, какие в которых губерниях и уездах могут собираемы быть денежные или продуктами подати или отправляемы работы, потому что они не могут быть по положению различных мест одинаковы; а также и наказания телесные, какие дома чинить и для каких отсылать в градские и сельские полиции. Предводители сие должны непременно будут сделать, следовательно, они на себя сами сделают постановление, а на государя ропоту не будет. Таким образом, и крестьяне облегчатся в их участи, и правительство не будет иметь опасности от которой-либо стороны ропоту или неудовольствия.

Государь, выслушав сие представление от Державина, казался довольным, приказал указ свой отдать в Совет, дабы

вновь был пересмотрен. Касательно же созыва дворянских предводителей, то сказал, что он о сем подумает, а из всех вдруг губерний сделать многолюдный вызов он находит неудобным и небезопасным.

Державин едва от государя возвратился домой, располагаясь на другой день представить указ в Государственный Совет, как является к нему г. Новосильцев с повелением от государя, чтоб указа не отдавать в Совет, а отослать в Сенат для непременного исполнения. Державин крайне сим огорчился и не знал, как тому помочь; то пришло ему в голову, что в правах Сената, напечатанных при министерском манифесте, и по коренным Петра Великого и Екатерины II законам позволено сему правительству входить с докладом к императорскому величеству, когда какой новоизданный закон покажется темен, неудобоисполнителен и вреден государству, то и желал приятельски о том сделать внушение кому-либо из господ сенаторов, чтоб он при записке того указа Сената в общем собрании подал мысли прочим сенаторам взойти в доклад к государю; представя ему неполезность указа. Обращаясь мыслями на того и на другого сенаторов, показался ему всех способнее по престарелым летам своим и по знанию законов и польз государственных Федор Михайлович Колокольцев, которого он тот же день пригласил к себе на вечер, сообщил наедине свои мысли. Он, поняв всю важность предложения, охотно согласился оное исполнить. Державин остался спокоен, уповая, что в понедельник при объявлении указа в общем собрании положат войти с докладом о неудобности сего нового закона. В сих мыслях во вторник, яко в докладной день, быв у государя, поехал в Сенат в полном удостоверении, что г. Колокольцев поступил, как обещал. Вместо того на вопрос ответствуют ему, что указ в общем собрании принят, записан и отослан в первый департамент для исполнения. Весьма он сему удивился.

Подходит к Колокольцеву, спрашивает его потихоньку: «Как, указ принят?» — «Так, — отвечает он пересеменивая, — к несчастию, я сделался болен вчерась и не мог в Сенате быть». Поговоря, положили, что будто по разноречию в исполнении внести паки в общее собрание. Как рассуждение было о том при обер-прокуроре князе Голицыне, посаженном в сие место, можно сказать, более не для соблюдения законов и настоящего дела, а для тайного уведомления государя, что в Сенате делается, и как он верно отправлял возложенную на него должность, обедая всякий день во дворце, то рассуждения Державина о сем указе — в которых он говорил о бесполезности и неудобности сего указа, сожалея о государе, что он приведен на такое дело, которое не принесет ему ни пользы, ни славы, натурально, что Голицыным слушанные, — поехав обедать во дворец, пересказал императору. А как но вторникам всякую неделю после обеда часу в 7-м был во дворце в присутствии императора министерский комитет, то государь, посидев в нем не более часа, не очень весело кончил присутствие, и лишь только начали министры разъезжаться, то один из камердинеров государя, подошед к Державину, сказал тихо, что император зовет его к себе в кабинет. Вошед в оный, нашел его одного. Он тотчас начал говорить: «Как вы, Гаврила Романыч, против моих указов идете в Сенате и критикуете их? Вместо того ваша должность подкреплять их и настоять о непременном исполнении». Державин отвечал, что не критиковал указов, а признается, что при рассуждении об исполнении, как и его величеству докладывал, сумневался о удобности и пользе, что и теперь по присяге своей подтверждает, удостоверяя, что его величество сим способом не достигнет своего намерения, чтоб сделать свободными владельческих крестьян, да ежели б и достиг, то в нынешнем состоянии народного просвещения не выйдет из того никакого блага государственного, а, напротив того, вред, что чернь об-

ратит свободу в своевольство и наделает много бед. Но как государь учителем своим французом Лагарпом упоен был и прочими его окружавшими ласкателями сею мыслию, по их мнению великодушною и благородною, чтоб освободить от рабства народ, то остался непоколебим в своем предрассудке и приказал объявить именное свое повеление, чтоб по разногласию в первом департаменте не обращать того указа в общее собрание, а исполнить бы его непременно, что он беспрекословно уже и исполнил, негодуя в размышлении на трусость г-на Колокольцева, каковы почти и все были господа сенаторы его времени, что доказывает и нижеописанное еще приключение.

В первых еще месяцах его министерства, помнится в ноябре, когда финанс-министр приготовлял обыкновенные росписания свои разным губерниям, в один день на вечере во время собрания у Державина обер-прокуроров для консультации приезжает к нему государственный казначей господин Голубцов, родной племянник финанс-министра графа Васильева, и просит его в кабинет для переговора наедине. Державин исполняет его просьбу. Голубцов начинает ему жаловаться на его дядю, говоря, что в крайнем беспорядке казенное управление, что он не знает, как посылать росписания о доходах, которых никакого счету нет, и прочее тому подобное. Державин удивляется тому и говорит, что не его дело. «Нет!» — Голубцов с жаром и настоятельностию возражал — он приехал к генерал-прокурору и доводит ему до сведения о крайнем расстройстве казны и что он, принимая теперь на себя сию должность (ибо он тогда только пожалован в государственные казначеи), не может ответствовать за могущий быть ущерб казны, а паче за ассигнации сумм, на которые финанс-министр объявляет, или выносит, именные императора указы. Державин поусумнился было доводить до государя таковые доносы, не имея в руках у себя ничего

письменного; но как Голубцов ему подал в то же время письмо, в котором он просит генерал-прокурора о исходатайствовании одному казначею чина, говоря, что он по известным ему причинам не может о том просить финанс-министра по своей команде, то прибегает к нему. Державин еще сумневался; но Голубцов уверял, ежели б он не имел важнейшей причины для своей безопасности прибегать к генерал-прокурору в толь государственном интересном деле, то он на родного своего дядю и благодетеля не стал клеветать понапрасну. Державин, рассуди, что он имеет у себя в руках письмо государственного казначея, из которого видно неудовольствие его на финанс-министра, решился доложить государю, что на другой день и исполнил. Император тоже усумнился было, не видя ничего от Голубцова письменного, но когда показано ему письмо от казначея, то взял веру и обещал о том переговорить с финанс-министром. Это был вторник, докладной день Державина, то он и поехал прямо из дворца в Сенат; там нашел в первом департаменте финанс-министра графа Васильева, помощника его Гурьева и государственного казначея Голубцова, которого он, подозвав нарочно вслух, при всех, сказал ему — дав почувствовать, что он, не духом тайной клеветы какой водим и пронырством, докладывал государю то, о чем его Голубцов просил, — и объявил государев указ о пожаловании казначея в следующий чин. Голубцов побледнел и ни слова на это ему не ответствовал. Васильев пристально на это всмотрелся, также ничего не говорил. Но на другой день, то есть в середу, в его докладное время, как видно, объяснился с Голубцовым, а сей, чтоб вывернуться из своего скверного против дяди поступка, дал совсем другой оборот делу, сказав, что будто Державин призывал его к себе, упрашивал и даже уграживал, домогаясь, чтоб он доносил на неисправность дяди, из той будто злобы, что Державин, тотчас по восшествии на престол императора Александра, сменен

из государственных казначеев Васильевым, то Васильев и жаловался якобы на нападки Державина государю и просил от него защиты, а тем самым и ослабил вероятие доносов Голубцова, внушенных государю чрез Державина.

Сие все в следующий докладной день, то есть в воскресенье, сам пересказал император за тайну Державину, спрося наперед его, как он призывал к себе Голубцова и принуждал ли его доносить на Васильева? Державин ответствовал: да как же мог он его принудить написать письмо к нему о казначее? Тогда государь сказал: «А! Вижу теперь плутни; хорошо ж, я посажу теперь Голубцова в министерский комитет, пусть он, там сидя, уличает финанс-министра в несправедливых его докладах и препятствует распоряжать ему государственными суммами ко вреду казны». Но ничего не бывало. Голубцов, таким образом втершись в министерский комитет, был всегда против финанс-министра безгласным, иногда и в таких делах, которые, со стороны видно было, не только хозяйственны, но даже и вредны. После по их поступкам можно было подумать, что не с намерением ли они, согласясь, сыграли сию хитрую штуку для того: 1-е, чтоб жалобою в притеснении вселить в государе некоторое подозрение на Державина, что он, докладывая о беспорядках казенного управления, подкапывается на Васильева; 2-е, что Голубцов, не быв в министерском комитете, считал себе за обиду, когда Гурьев, будучи помощником министра, в оном присутствовал, то чтоб ему в оный сею хитростию втереться, куда ни Васильев, ни он сам не могли и не смели, не имев причины, о том просить императора; 3-е, чтоб, сидя вместе в комитете, могли друг друга лучше подкреплять, ибо Гурьев всегда был несогласен с Васильевым и всегда искал его места, которого он со временем, разными интригами и происками, наконец, чрез Сперанского домогся. Вот таковыми-то людьми и средствами в сие несчастное время большею частью управлялось государство. Но оставим описывать в подробности подобные

сплетни и каверзы, против Державина употребляемые; а скажем, каким образом он от службы уволен.

В начале октября месяца 1803 году, в одно воскресенье, против обыкновения, государь его не принял с докладами, приказав сказать, что ему недосуг, хотя и был у развода. В понедельник прислал к нему письмо, или рескрипт, в котором хотя оказывает удовольствие свое ему за отправление его должности, но тут же говорит: чтоб отнять неудовольствие, доходящее к нему на неисправность его канцелярии, просит очистить пост министра юстиции, а остаться только в Сенате и Совете присутствующим. Державин не знал, что подумать и чем по должности мог он прослужиться, отправляя ее со всем своим усердием, честностию, всевозможным прилежанием и бескорыстностием; но, рассуди, что у монархов таковыми качествами или добродетелями найти совершенное благоволение неможно, написал ему письмо, в котором напомянул с лишком 40-летнюю ревностную службу и то, что он при бабке его и при родителе всегда был недоброхотами за правду и истинную к ним приверженность притесняем и даже подвергаем под суд, но по непорочности оправдывай и получал большее возвышение и доверенность, так что удостоен был и приближением к их престолу; и что и ему служа шел по той же стезе правды и законов, несмотря ни на какие сильные лица и противные против его партии; напомянув свои ему при деле Потоцкого предварения, что его будут пред ним оклеветывать и прочая, заключил, что ежели такой юстиц-министр, который следует законам и справедливости, неугоден, то чтоб отпустил его с честию, как предместника его г. Беклешова; ибо он не признает себя виновным или прослужившимся. Поколе не получил на сие письмо резолюции, получил от некоторой женщины, довольно порядочной или по крайней мере не сумасшедшей, донос, изъявляющий умысл на жизнь его, в который вмешивала она весьма важные лица, так что он не смел приступить

даже к письменным допросам, а поговоря с нею наедине, приметил, что она сбивчиво и сумасбродно пересказывала обстоятельства, которые давали подозрение, что она или не совсем в здравом рассудке, или как-нибудь коварно научена затеять такие сплетни, которые распутывать было бы и трудно и неприятно, по касательству таких особ, коих оскорбление было бы уже с его стороны преступлением, то он и решился послать к нему краткую записку, что он имеет нужду видеться с ним по секретному делу, то и просит назначить час, когда он может к нему приехать. Он отвечал ему также запиской, что он может к нему приехать на другой день, то есть в четверток, в обыкновенное докладное время, то есть в 10-м часу поутру, что и было исполнено. Тут было пространное и довольно горячее объяснение со стороны Державина, в котором он спрашивал его, в чем он пред ним прослужился. Он ничего не мог сказать к обвинению его, как только: «Ты очень ревностно служишь». — «А как так, Государь, — отвечал Державин, — то я иначе служить не могу. Простите». — «Оставайся в Совете и Сенате». — «Мне нечего там делать». — «Но подавайте же просьбу, — подтвердил государь, — об увольнении вас от должности юстиц-министра». — «Исполню повеление». Тут выпросил он многим подкомандующим своим чины и другие милости, расстался; а между тем поколь он не подавал просьбы, то доводили до него чрез его ближних внушения, что ежели он пришлет уничижительное прошение об увольнении его от должности юстиц-министра по ее трудности и останется в Сенате и Совете, то оставлено будет ему все министерское жалованье — 16000 рублей и в вознаграждение за труды дастся Андреевская лента. Но как он ценил истинные достоинства не по деньгам, не по лентам, а по доверенности государской и совестному разбирательству своих поступков, то когда лишился он первой, но самонравию счастья или, лучше сказать, государя, которому служил он всею душою и сердцем,

не щадя ни здоровья своего, ни трудов, и не может также упрекать себя в нарушении второй, то и не хотел принять предлагаемых выгод и награждений, а написал просто по форме просьбу, в которой весьма кратко сказал, чтоб государь его от службы своей уволил.

Вследствие чего на другой или третий день состоялся 8 октября 1803 году в Сенате указ, коим он от службы вовсе уволен, с пожалованием ему 10000 рублей каждогодного пансиона, который он и теперь получает. Здесь прилично сказать, какие он в продолжение своей службы, разумеется уже в знаменитых чинах, оказал ревностные услуги в статской службе, за которые имел бы право быть вознагражденным, но, напротив того, претерпел разные неприятности и гонения, о коих выше сказано:

1-е. За то, что, будучи в экспедиции о государственных доходах советником, желал точно исполнить узаконения и поверять по месячным ведомостям суммы ассигнованные, точно ли они теми местами получены были, куда назначены, получил неудовольствие от князя Вяземского и едва удержался в службе.

2-е. За то, что не хотел обмануть императрицу и оклеветать начальников губернии, будто от них никаких в получении нет ведомостей, по которым бы можно изъяснение сделать в приумножившихся доходах от новой ревизии и прибавки оброку на государственных крестьян по рублю на душу, от него же, Вяземского, вознагражден гонением.

3-е. За то, что не решился принять от Тутолмина к исполнению вздорных его учреждений в предосуждение императорской власти, великие имел неприятности, и хотя тогда ничего не сделали, кроме что перевели из Олонецкой в Тамбовскую губернию; но никакого ободрения не получил к ревностной службе, но, напротив того, всякое притеснение и неудовольствие по службе от генерал-прокурора и Сената в

продолжение трех лет; сколько помнится, имел за такие дела, за которые бы похвалить должно было, выговоры.

4-е. За выдачу в Тамбове ассигнованных провиантских и комиссариатских сумм комиссионеру князя Потемкина на продовольствие Очаковской армии, которая терпела голод, получил от Сената выговор, вместо того что за расторопность и усердие имел право быть вознагражденным.

5-е. За удержание сложности по винному откупу 240 тысяч в 4 года в той же губернии и за открытие казенных похищений до 500 душ — под предлогом, будто делал помешательство в выборах дворянских, отрешен от должности губернаторской и отдан под суд, по которому оправдался и не получил за невинное претерпение никакого по законам удовлетворения, кроме личного уважения от императрицы, что приглашаем был в Эрмитаж и к комнатным забавам, и то, если правду сказать, не за отличную службу, а за стихотворческий талант; ибо желалось похвал.

6-е. Будучи статс-секретарем, и за окончание весьма труднейших важных дел, которые по небольшою частью выше описаны, не только не получил никаких наград, но политически отдален от императрицы и пожалован в сенаторы, где также, хотя имел уважение, но с великими неприятностями и противуборством за истину.

7-е. За то, что попросил у императора Павла инструкции, будучи определен в правители Верховного Совета, прогнан от него чрез три дни обратно в Сенат с выговором.

8-е. За комиссию в Польше, хотя получил от него чин действительного тайного советника и орден Мальтийский; но в подкрепление недостаточного состояния своего — как многим тогда Бог знает, за что роздаваны крестьяне — ничем не награжден.

9-е. При императоре Александре за калужскую трудную экспедицию не только ничем не пожалован, но претерпел великие неприятности, и, будучи генерал-прокурором, хотя

оказал отлично усердные подвиги к благоденствию империи, но ничто прямого уважения не имело, а именно:

10-е. Прежде генерал-прокуроры не только не дозволяли свободы сенаторам узнавать прямо существо решимых ими дел; но Вяземский скрывал оные, дабы никто не ведал истины. Но Державин исходатайствовал узаконение и ввел в обычай, что теперь лежат дела на столе открыто, с заметками важных в них обстоятельств, и сочиняются для облегчения их краткие записки и рассылаются к ним за две недели до доклада, так что они свободное имеют время вникать во все обстоятельства, дабы видеть беспристрастно.

11-е. Введены консультации, чтоб по возможности соображать все обстоятельства и законы, генерал-прокурор мог предложения свои давать о соглашении разных мнений сенаторских как можно наилучшим, беспристрастным образом; но сии полезные и спасительные заведения леностию или, лучше сказать, небрежением или нелюблением истины преемников его, юстиции министров князя Лопухина и г. Дмитриева, обращены в сущий вред, потому что когда они престали прилежно надзирать за сочинением докладных кратких записок, то подьячие или, лучше сказать, секретари не стали пещися о кратком и ясном сочинении их, но подлинником почти дела или огромные из них экстракты вписывали в те докладные записки, то по огромности и невнятному их слогу отняли всю возможность у гг. сенаторов внятно прочитывать их и проразуметь существо дел, а на ветер давали свои резолюции как ни попало, и оттого нередко выходит несогласие двух сторон, но даже, к удивлению, бывает по одному делу до 7 разных мнений. На консультацию же присланные по лености генерал-прокуроров, а особливо г. Дмитриева, так умножились, что сделался из множества их особый, так сказать, департамент, к тяжкой проволочке тяжущихся и к обиде сенаторов, потому что г. Дмитриев редко сам при оных присутствовал, то и писаны были от него такие

предложения но внушениям его канцелярии, кои несправедливо не уважали обер-прокурорских и консультантов мнений, иногда и законных голосов сенаторов, а потому и отняли у них всякое уважение и охоту к беспристрастному суду.

12-е. Державин исходатайствовал указ в 1803 году об избрании чиновников для службы в империи нижнего до самого вышнего места; прежде но губернии при выборе на губернские места, а после оных на все государственные должности таким образом, чтоб списки тех чиновников, которые в губернии для службы государственной, отсылали в герольдию, а герольдия б, избрав из них кандидатов, по соображению с послужными списками, представляла бы Сенату, который бы зависящих от него чинов и утверждал по тем представлениям, а которые зависят от императорского величества, о тех бы к нему входил, выбрав трех человек, своих кандидатов, дабы определение на места чиновников сперва по общему в государстве выбору, а потом по герольдии и Сената удостоению было, сколько возможно беспристрастно и осмотрительно; а не так, как прежде и ныне делается, что по проискам, взяткам и рекомендациям камердинеров и метресс недостойных людей определяют. Но по выходе Державина из министерства сей указ никакого исполнения не имел.

13-е. Державин исходатайствовал также указ о судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновниках, чтобы по решении об них дел в палатах, когда прочтутся при открытых дверях им определения, их обвиняющие, то чтоб давали им сроку две недели на те решения делать их примечания, которые в случае их неудовольствия, отсылать бы вместе с делом на ревизию Сената; ибо прежде сим бедным подсудимым, иногда свыше меры их вин утесненным от губернских начальников, не давалось почти никакого способа к их оправданию; но по взятии от них ответов нередко случалось притеснителям и вельможам делать о них несправедливые определения, и, не объявляя оных им, лишали их мест,

жалованья, а иногда и самых чинов, так что они после не могли добиться нигде защиты и лишались пропитания. Сей указ, хотя исполняется, но не совсем иногда, а по домогательству генерал-губернаторов и губернаторов отсылаются в Сенат о них несправедливые решения и без объявления им.

14-е. Им же исходатайствован указ о взятчиках, чтоб не подвергать единой строгой участи как тех, которые берут взятки, так и тех, которые по необходимости иногда, чтоб избавиться несносной волокиты и притеснения в производстве и напрасно, ходя за делами, не проживаться, дают подарки, и чтоб не иметь необходимости канцелярским служителям для содержания своего впадать в лихоимство, прибавить им жалованья, изобретя оное от самого производства дел, что Державин и сделал, написав доклад, дабы, приумпожа сенатскую типографию и продавая из оной все законы и выходящие указы, продавать и обращать вырученные деньги в прибавок по трудам к жалованью канцелярским сенатским служителям, что после него хотя и сделано, но вырученные за продажу указов и сенатских ведомостей деньги, которых в год поступает более ста тысяч рублей, употребляются не в жалование сенатской канцелярии, а отсылаются в государственное казначейство. Касательно же, о взятках указа, чтоб различить зловредного лихоимца от принимателя из крайней нужды какой-либо безделки, о том после Державина никакого суждения не делано, и сей указ лежит теперь 10 лет без малейшего движения.

15- е. Выше сказано, что Державин сочинил правила третейского суда, которые могли бы прекратить и взятки и доставить государству скорое и беспристрастное правосудие; но никакого к ним внимания не сделано. И как заботливая его попечительность как верного сына отечества и служба потоптана, так сказать, в грязи, а потому он, как выше явствует, и оставил оную в 1803 году октября 8-го числа, быв генерал-прокурором один только год и один месяц.

Упражнения его после отставки от службы

Привыкши к беспрестанным трудам, не мог он быть без упражнения и для того занимался литературою, писал несколько лирических сочинений, которых вышло 4 части и еще наберется, может быть, одна; сочинял трагедии, как-то: 1), «Ирод и Мариямна», 2), «Евпраксия», 3), «Темного»; да перевел «Федру», «Зельмиру». Комических написал опер бездельных две: «Дурочка умнее умных» и «Женская дружба»», несколько прозаических сочинений, надписей, эпиграмм и рассуждение о лирической поэзии. Но в 1806 и в начале 1807 году, в то время как вошли французы в Пруссию, не утерпел, писал государю две записки о мерах, каким образом укротить наглость французов и оборонить Россию от нападения Бонапарта, которое явно предвидел, о чем с ним и словесно объяснялся, прося позволения сочинить проект, к которому у него собраны мысли и начертан план, только требовалось некоторых справок от военной коллегии и прочих мест относительно наряда, военных крепостей, оружия и тому подобное. Государь принял сие предложение с благосклонностью, хотел призвать его к себе, но, поехав в марте месяце к армии под Фридланд и возвратясь оттуда, переменил с ним прежнее милостивое обхождение, не кланялся уже и не говорил с ним; а, напротив того, чрез князя А. Н. Голицына за псалом 101-й, переложенный им в стихи, в котором изображалось Давыда сетование о бедствии отечества, сделал выговор, отнеся смысл оного на Россию и говоря: «Россия не бедствует»; о чем яснее можно видеть из анекдота, написанного о сем» случае. Нужно припомнить, что когда Державин вышел в отставку и увидел, что указ о вольных хлебопашцах не исполняется и исполниться не может, и, будучи тогда очень нездоровым, написал завещание о своем имении, в котором сделал распоряжение относительно свободы его крестьян, в котором

ограничил, с одной стороны, самовластие владельцев, его наследников, над людьми и крестьянами, а с другой — не дал им никакого поводу к своеволию и перехождению на места; в 1808 или 1809 году просил чрез господина Молчанова о подтверждении государем того его завещательного распоряжения; но не удостоился его благоволения, а сказано было, чтоб просил о том в судебных местах по законам, чего без воли императорской никому неможно было сделать. С тех пор оставил Державин всячески двор и не беспокоил его никакими на пользу отечества усердными представлениями, кроме что в 1812 году, во время вторжения французов внутрь империи, при случае воззвания манифестом всеобщего ополчения, писал из Новагорода июля 14-го дня о некоторых к обороне служащих мерах, но что по ним сделано, ни от императора и ни от кого не имел никакого известия, и дошла ли та бумага до рук его величества, не получил ни от кого никакого сведения, ибо отдана она была лично в Новегороде его высочеству принцу Георгию Ольденбургскому для доставления его величеству. Также по приезде тогда в Петербург, когда все были в крайней тревоге, собирались и укладывались уехать неизвестно куды и капиталы партикулярных людей из ломбарда не хотели выдавать, то он чрез госпожу...[27] довел ропот народный до вдовствующей императрицы, под управлением которой состоял тот ломбард, что было весьма неприятно императрице; но однако, дано было повеление, чтоб выдать капиталы их требующим обратно, то и прекратилось тем народное неудовольствие. Сие оканчивается 1812 годом.

[27] В оригинале: пропуск.

Оглавление

Державин Гаврила Романович

Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

DirectMEDIA